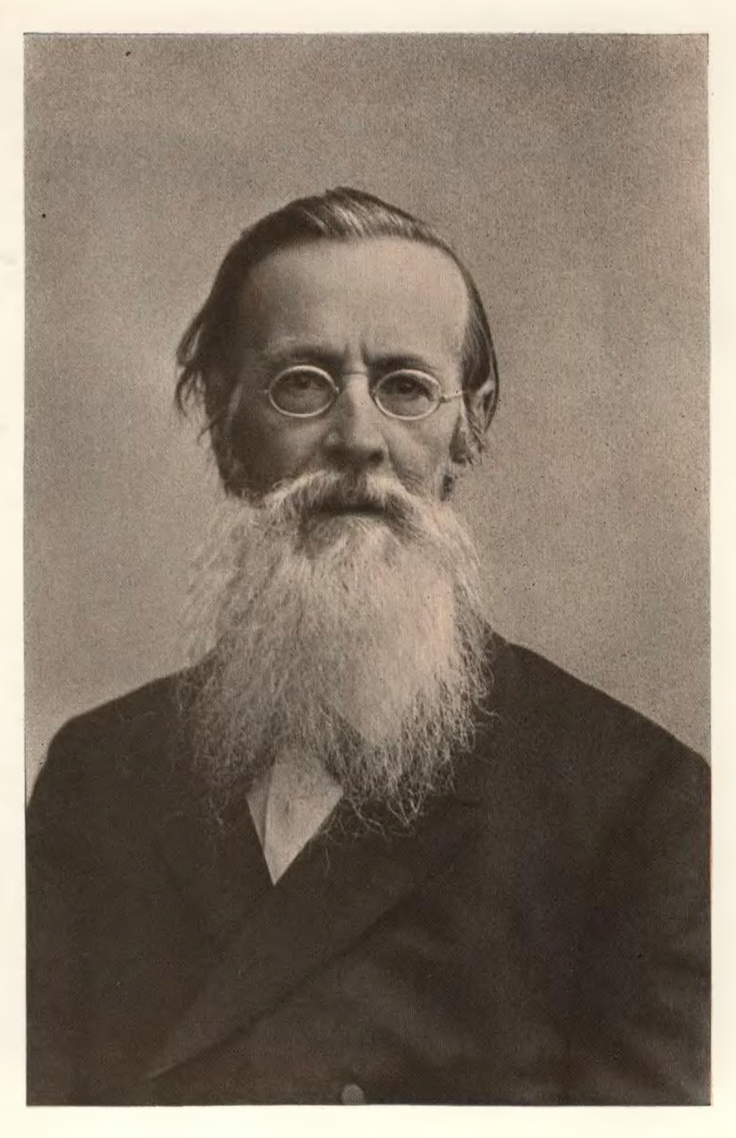

А.Н.МАЙКОВ

А. Майковъ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

А. Н. МАЙКОВ

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

Издание выходит под общей редакцией
Ф. Я. Приймы

Составление и подготовка текста
Л. С. Гейро

ПОЭЗИЯ А. Н. МАЙКОВА

А. Н. Майков (1821—1897) вышел на литературное поприще в начале 40-х годов прошлого века, когда мыслящая Россия с нетерпением ждала появления нового певца, способного хотя бы частично возместить ущерб, нанесенный отечественной поэзии безвременной гибелью Пушкина и Лермонтова. И в унисон этим надеждам в статье о первой книжке стихотворений А. Н. Майкова (1842) В. Г. Белинский писал: «Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния,— как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду... Заменит ли оно то, утрата чего была для вас утратою как будто части вашего бытия, вашего сердца, вашего счастия: это другой вопрос,— и только будущее может решить его... Явление подобного таланта особенно отрадно теперь... когда в опустевшем храме искусства, вместо важных и торжественных жертвоприношений жрецов, видны одни гримасы штукмейстеров, потешающих тупую чернь; вместо гимнов и молитв слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличные клятвы торгашей и спекулянтов...» [1]

Признав Майкова «сильным дарованием» (VI, 7), Белинский подошел к его стихам строго критически: разделив их на «два разряда», он заявлял, что «повод к надежде на будущее его развитие» (VI, 9) дает лишь «первый разряд» — антологические стихи молодого поэта, созданные в духе древнегреческой поэзии. Об одном из них, стихотворении «Сон», критик успел дать восторженный отзыв еще в 1840 году, когда оно впервые появилось в «Одесском альманахе» за подписью *М.*,

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, с. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (том, страница).

ничего не говорившей тогдашнему литературному миру. Теперь, в статье 1842 года, Белинский выписывал это стихотворение полностью вторично:

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, с улыбкой на устах своих приветных,
В венце из ярких звезд и маков темноцветных
И с грудью белою под черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

«Одного такого стихотворения,— писал Белинский,— вполне достаточно, чтоб признать в авторе замечательное, выходящее за черту обыкновенности, дарование. У самого Пушкина это стихотворение было бы из лучших его антологических пьес» (VI, 10—11).

На первый взгляд может показаться странной для радикального демократа столь высокая аттестация написанных в античной манере стихотворений, плотно населенных фавнами, нимфами, наядами и прочими мифологическими существами. Хорошо известно, с какой неотразимой иронией отзывался позднее, в конце 1850-х годов, Н. Г. Чернышевский об антологических стикотворениях поэта Н. Ф. Щербины. У революционеров-шестидесятников этот вид лирики, несозвучный духу новой эпохи, вызывал неизменный и вполне объяснимый протест. Но Белинский начала 1840-х годов имел все основания видеть в антологической лирике не до конца еще исчерпанные ресурсы для художественного развития русского общества. Кроме того, если вернуться к Н. Ф. Щербине, следует отметить, что он вдохновлялся образцами эллинистической литературы периода ее упадка; в стихотворении «Волосы Береники» поэт, по остроумному выражению Чернышевского, «вместо плача женщины о волосах... придумал плач волос о женщине»[1],

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М.. 1948, с. 533.

в то время как превосходная эстетическая интуиция Майкова предохраняла его от подобного рода начетнических кунштюков и вовлекала в русло бессмертных традиций античной классики. Именно поэтому *вторичность* антологических стихотворений Майкова не смущала Белинского, и он находил в них и «целомудренную красоту», и «грациозность образов», и «виртуозность резца» (VI, 10). Полагая, что не головоломная эллинистическая книжность, а «природа с ее живыми впечатлениями» является «исходным пунктом», «наставницей и вдохновительницей поэта» (VI, 12—13), критик приводил для подтверждения своей мысли стихотворение «Октава»:

Гармонии стихи божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У брега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

К пьесам «второго разряда» Белинский отнес стихи Майкова, посвященные современной русской действительности. Примечательно, что именно они заслужили упрек в «несовременности». «В этих стихотворениях мы желали б найти поэта, современного и по идеям, и по формам, и по чувствам, по симпатии и антипатии, по скорбям и радостям, надеждам и желаниям, но — увы! — мы не нашли в них, за исключением слишком немногих, даже и просто поэта...» (VI, 25).

К трактовке современной темы в книжке Майкова приближалось стихотворение «Кто он?» («Лесом частым и дремучим...»), изображавшее Петра I и ставшее впоследствии хрестоматийным, и стихотворение «Два гроба», посвященное победе России над Карлом XII и Наполеоном Бонапартом. Однако если первое из них критик удостоил все же назвать «недурной пьеской» (VI, 28), то «изысканную и натянутую мысль» (VI, 27) второго он осудил безоговорочно.

Щадя самолюбие Майкова, Белинский воздержался не только от конкретного разбора, но даже и от упоминания наиболее пространного из «современных» стихотворений рецензируемого сборника — дружеского литературного послания «В. Г. Бенедиктову», но он нашел способ охарактеризовать его косвенным образом: на протяжении своей статьи он не преминул трижды напомнить молодому автору об опасности злоупотребления версификаторской риторикой в духе Бенедиктова.

Вошедшие в сборник четыре стихотворения «неантологического рода», в которых Белинский увидел свидетельство «ду-

ховной движимости поэта» (VI, 29), заслуживают нашего внимания.

На первое место среди них критик поставил стихотворение «Ангел и демон», навеянное неопубликованной лермонтовской поэмой «Демон», многочисленные списки которой ходили в то время по рукам. Заметим между прочим, что, ознакомившись с поэмой Лермонтова в рукописи, Белинский уже в 1841 году писал, что она «превосходит все, что можно сказать в ее похвалу» (IV, 544). Поставленное рядом с «Ангелом и демоном» стихотворение «Раздумье», по-видимому, вызвало положительную реакцию критика тем, что оно изображало героя, мечтавшего вырваться из-под «крыла своих домашних лар», жаждавшего «и бури, и тревог, и вольности святой» (VI, 30). В третьем из этих стихотворений («Зачем средь общего волнения и шума...») мучимый сомнениями молодой поэт, в духе героя лермонтовской «Родины», отделял себя от тех, кто «сохранил еще знаменованье обычаев отцов, их темного преданья», «Зародыш новой для него (Майкова.— *Ф. П.)* эпохи творчества» (VI, 29) увидел Белинский, наконец, и в небольшой пьеске «Жизнь без тревог—прекрасный, светлый день...», звавшей читателя туда, где есть «и гром, и молния, и слезы» (VI, 29).

Датированное сентябрем 1841 года майковское стихотворение «На смерть Лермонтова» не вошло в сборник, рецензируемый Белинским, и, следовательно, оставалось ему неизвестным; тем не менее чутким слухом своим он уловил едва ощутимое присутствие в поэтических эскизах Майкова протестующего лермонтовского начала. В неудовлетворенности «сей жизнью без волненья», в жажде «вольности святой», по-видимому, и увидел критик залог грядущих творческих взлетов начинающего поэта.

Забегая вперед, скажем, что поэтом современности, в том смысле, как понимал эту миссию Белинский, Майков не стал. Но значит ли это, что критик дал прогноз, слишком обнадеживающий автора? Нам известно около десяти отзывов на первую книжку стихов поэта, и среди них лишь отзыв Белинского поражал своей парадоксальностью. Никто из рецензентов не воздавал таких непомерно высоких похвал дарованию Майкова и в то же время никто из них не испытывал такой «отеческой» тревоги за его литературную будущность, как Белинский, деликатно напоминавший молодому поэту, что присущую его дарованию созерцательность можно преодолеть лишь собственными героическими усилиями, решительной волевой акцией.

Уже в 1842 году Белинскому несомненно было известно, что незадолго перед этим закончивший Петербургский университет двадцатилетний поэт был сыном известного академика живописи Н. А. Майкова и что это обстоятельство отразилось

на круге интересов и симпатий сына. Он, в частности, тоже занимался живописью, и античная тема потому и заняла столь значительное место в его поэтической деятельности. Общаясь с М. А. Языковым, Белинский тогда уже обладал кое-какими сведениями и о салоне Майковых, творческую атмосферу которого создавали не только художники, но и литераторы. Можно предположить, что не одной только книжкой стихотворений, но и всей суммой названных выше обстоятельств было продиктовано смелое заявление Белинского о том, что Майкова-поэта ожидает славное будущее.

Критические замечания Белинского в статье 1842 года были с удовлетворением приняты А. Н. Майковым, что подтверждается документально,— поэт при переиздании своих стихотворений вносил в них исправления в духе замечаний критика [1]. Возможно, что уважительное отношение к его эстетическим декларациям подсказывалось своеобразным «культом» Белинского в семье Майковых, к возникновению которого непосредственное отношение имел И. А. Гончаров. Горячий поклонник великого критика, Гончаров, будучи в конце 1830-х годов преподавателем литературы в семье Майковых, не мог не внушать своим ученикам Аполлону и Валерьяну восторженного отношения к автору «Литературных мечтаний» и нашумевшей статьи о знаменитой комедии А. С. Грибоедова.

Отзвуки идей великого предшественника «революционеров 61-го года» обнаруживаются в майковской поэме «Две судьбы» (1844), посвященной проблеме «лишнего человека» 40-х годов:

Он дома, видя всё одно, скучал
И увлечен всеобщим был потоком:
Наполнить жизнь и душу он хотел,
Оставивши отеческий предел,
Среди иных людей, в краю далеком.

Мотивировка странствий Владимира чрезвычайно близка той, которая была задана «Кавказским пленником» Пушкина («Отступник света, друг природы, Покинул он родной предел» и т. д.). Несмотря, однако, на ученическую зависимость Майкова от поэтов романтического толка, поэма «Две судьбы» во многих отношениях оригинальное произведение, характеризующееся если не художественной зрелостью, то, во всяком случае, смелостью положенной в его основу общественно-политической мысли:

Владимир часто думал: «Боже мой!
Ужели плод наук и просвещенья

---

[1] См.: Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Литературное наследство», т. 55, М., 1948, с. 474—476.

Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратом униженья?
О русские, ведь был же вам разгул
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Где воля дух ваш в брани укрепляла;
Ведь доблестью горел ваш гордый взор,
Когда вы шли на Ярославов двор
И вдохновленные отчизной речи
Решали спор на Новгородском вече...»

Как видно из приведенного отрывка, герою Майкова свойственна «декабристская» интерпретация русской истории. Не останавливаясь на рубеже 1825 года, автор делает Владимира свидетелем и участником наиновейших событий, в том числе и своеобразного состязания западника («Всё русское ругает наповал; Всё чуждое превыше всех похвал») со славянофилами («Те чужды всем идеям басурманским, Им храм Петра ничто перед Казанским И лучше винограда огурцы»).

Типичный «лишний человек», Владимир в конце концов сгибается под ударами судьбы, опускается нравственно и становится байбаком и «коптителем неба», помещиком-крепостником. Важно отметить, что автор дискредитирует своего героя оружием сатиры, идейный пафос и изобразительные средства которой формировались под прямым воздействием статей Белинского.

Если поэма «Две судьбы» в стилистическом отношении не отличалась целостностью, то вторая поэма Майкова, «Машенька», которую было бы правильнее назвать стихотворной повестью, по всем признакам отвечала требованиям «натуральной школы», и поэтому появление этого произведения в некрасовском «Петербургском сборнике» (1846) — факт вполне закономерный. Симптоматично и то, что окруженная авторским сочувствием героиня этой поэмы-повести взята из мелкочиновнической среды, в то время как ее похититель и обольститель Клавдий — это облаченный в мундир представитель паразитирующего и морально деградирующего дворянства. И хотя столкновение сословных интересов в повести не декларируется прямо, оно подсказывается и подтверждается всей системой ее образов. Сравнительно со стихами первой книжки поэма характеризуется углублением психологизма, попыткой дополнить новыми средствами обычные способы изображения сложных душевных переживаний, прибегая, в частности, к «языку жестов»:

Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было с ней... Хваталася руками
За голову, как будто удержать

Стараясь разум; мутными глазами
Искала всё кого-то... Давит грудь
Стесненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... Но — увы! — в страданьи
И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила снова,
И вырвались из уст и стон и слово:
«Он обманул!.. Я всем теперь чужда...»

Поэме «Машенька» свойственны раскованность повествования, соединение элементов возвышенного и низменного, трагического и комического, эпоса и лирики, типичные для реалистического метода. Об этом же свидетельствует и стремление автора расширить круг наблюдаемой действительности, изобразить многоголосую уличную толпу. Наиболее показательна в этом отношении седьмая глава, где еще не оправившегося от сердечного приступа Василия Тихоновича (отца героини) увозит в праздничный день на острова его старинный приятель по службе:

«Как пыльно! Уф! Дышать почти нет сил!
Да слезем тут, пройдемте до гулянья,
Смотрите-ка, народу что́ идет,
Чай, всякие — держитесь за карманы,
Кто их теперь в толпе-то разберет...
Глядите-ка, пристал какой-то пьяный
К купчихе, знать: повязана платком.
Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь жирная какая!
Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!
...Послушаем шарманки. Ишь какой
Тальянец — мальчик, а уж черномазый.
Чай, сколько он проходит день-деньской!
Как вертится! Ах, дьявол пучеглазый!
...Подвинемтесь туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинник!
Не видишь, что чиновники... Скорей,
Василий Тихоныч, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, глядите —
Не знаете? Ведь стыдно и сказать...
Вся в кружевах теперь и блондах... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка вниз торчит... Тож лезет в знать!
Чуфарится! Туда ж с осанкой барской!..»

Это изображение празднично настроенной толпы, способное вызвать улыбку читателя, необходимо автору не только для полноты картины городской жизни, но и для контраста, поскольку оно непосредственно переходит в зарисовку иной тональности — драматической встречи обезумевшего отца с падшей дочерью.

Отправившись осенью 1842 года в Италию, Майков прожил за границей около двух лет. Итогом итальянских впечатлений явился новый сборник стихов «Очерки Рима» (1847), замысел которого возник у поэта не без воздействия повести Н. В. Гоголя «Рим», опубликованной в журнале «Москвитянин» в 1842 году. В гоголевской повести Белинский увидел встревожившие его своим «славянофильством» «косые взгляды на Париж и близорукие взгляды на Рим» (VI, 427, ср. 661). Как и в повести Гоголя, в новом сборнике Майкова еще не вовлеченный в круговорот капиталистической цивилизации Рим противопоставлялся кипящему социально-политической борьбой и конфликтами Парижу («Северу»):

Сидя в тени виноградника, жадно порою читаю
Вести с далекого Севера — поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся в страшной борьбе
поколенья...
...Здесь же всё тихо: до сени спокойно-великого Рима
Громы борьбы их лишь эхом глухим из-за Альп
долетают...

(«Газета»)

Правда, в отличие от героя повести «Рим», разочаровавшегося в культуре, созданной французами — этой «заживо умирающей нацией»,— лирический герой Майкова, прислушиваясь к политическим бурям во Франции, полон желания стать их участником:

Так бы хотелось туда! Тоже смело бы, кажется, бросил
Огненный стих с сокрушительным словом!..

Но благородный порыв этот был поразительно кратковременным. Корысть «жалких Ахиллов» и «мелких Улиссов» французской оппозиции отвращает героя Майкова от участия в «торжественной драме» общественной борьбы и толкает его на путь увлечений и наслаждений, чуждых какой бы то ни было духовности.

Мир умонастроений поэта и его героя не сводится, однако, к узко понятой философии эпикуреизма. Так, в стихотворении «Palazzo» автор вводит нас в чертоги старинного итальянского феодального рода, покинутые молодыми владельцами,

променявшими спокойную привилегированную жизнь на скитальческую судьбу поборников итальянской свободы:

Благословенье вам! Не злато, не гербы
Вам стали божеством, а разум и природа,
И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»
И гордо шелестит, за честь страны родной,
Болонская хоругвь над вашей головой!

В этих стихах Майков выступал не только сторонником права Италии на государственную независимость перед лицом несправедливых притязаний австро-венгерской монархии, но и противником угнетения итальянских народных масс отечественными поработителями — аристократией. И не случайно поэтому строка «От прав, украденных отцами у народа» в издании «Очерков Рима» 1846 года была вычеркнута царской цензурой.

Каким бы искренним ни было, однако, сочувствие поэта поборникам итальянской свободы, он был далек от того, чтобы сделать это сочувствие сюжетной осью сборника.

Герою стихотворения «Анахорет» (1846), так же, как, по-видимому, и самому автору, рисовалась утопическая картина «золотого века», в котором

Бедный сверг оковы;
Сильны и прекрасны
Разумом и волей
Племена земные...
Лжи не воздвигают
Пышные кумирни,
Ловкого злодея
Не честят, как бога...

Однако активно сражаться за осуществление этой мечты у анахорета не хватало решимости. Он пробыл двадцать лет в пустыне и убедился, что мир за время его отшельничества ни на йоту не изменился к лучшему. У анахорета нет никаких планов переустройства жизни, может быть, еще и потому, что его социальный идеал обращен в прошлое, реставрировать которое он бессилен. Так же, как и молодой князь из гоголевской повести «Рим», лирический герой Майкова симпатизирует в конечном счете «классическому Риму», природа и люди которого напоминают ему «картины Из ярких стихов антологии древней Эллады». Добрую половину стихотворений второй книжки Майкова можно назвать скорбными размышлениями

над руинами Древнего Рима («Игры», «Древний Рим», «После посещения Ватиканского музея», «Campagna di Roma», «Нимфа Эгерия», «Тиволи» и др.). В тех случаях, где Майков пытается запечатлеть черты современности, образам его не хватает подвижности и выразительности. Девушки из Альбано (предместье Рима), наполняющие водой кувшины у фонтана («Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..»),— это набросок поэта-живописца, воспринимающего современную итальянскую жизнь сквозь призму произведений искусства. При этом автор не только не скрывает, но и подчеркивает эту *вторичность* восприятия, вводя в эскиз, кроме девушек-альбанок, художника-германца, изображающего их на картине, и, наконец, самого себя, замыслившего написать стихотворение с такого рода трехчастной композицией: девушки-альбанки, германец-художник и русский поэт, их изображающий.

Занятия живописью оставили заметный след в творчестве Майкова-поэта: это проявилось в повышенном внимании к точности изображения предметного мира и в колористической выразительности рисунка. Вместе с тем увлеченность эта повлекла за собой и некоторые издержки: «линеарная» красота нередко заслоняла у него интерес к красоте внутренней, пути к которой проходят через познание сущности явлений.

Поэтическое творчество Майкова 1843—1846 годов характеризовалось заметным преодолением антологической заданности. В духе «натуральной школы» поэт создает в «Очерках Рима» небольшую галерею портретов различных обитателей древнего города, в каждом из которых просвечивает та или иная черта итальянского национального характера («Нищий», «Капуцин», «Lorenzo» и др.). Тематика этих набросков не оригинальна. Мы не увидим здесь образов итальянских крестьян или тружеников города, хотя к ним и весьма близок портрет обладающего чувством личного достоинства и бесстрашного чичероне Пеппо («В остерии»). Вместе с тем даже в традиционно экзотических типах римских лаццарони, в портретах «эмансипированных», игривых и лукавых итальянок мы замечаем известное тяготение поэта к изображению народной жизни.

«Очерки Рима» не стали выдающимся событием в истории русской поэзии. В развитии же самого поэта они явились значительной вехой, обогатив его изобразительные средства и подсказав ему новые возможности для раскрытия собственного дарования.

«Жизнь Майкова,— писал в конце прошлого века Д. Мережковский,— светлая и тихая жизнь артиста, как будто не наших времен. ...Судьба сделала жизненный путь Майкова ровным и светлым. Ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гоне-

ний»[1]. Эта ультрасуммарная характеристика весьма далека от истины. В действительности жизненный путь поэта не походил на укатанную дорогу, и отнюдь не благосклонной была к нему судьба. В одном из стихотворений, созданном в 1843 году и не вошедшем в «Очерки Рима» (хотя оно и было присоединено к этому циклу много лет спустя), поэт писал:

Во мне сражаются, меня гнетут жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекут мечты, во мне бунтует кровь,
И знаю я, что всё — и пылкая любовь,
И пышные мечты пройдут и охладятся
Иль к бездне приведут... Но с ними жаль расстаться!

Мечты Аполлона Майкова в период, к которому относится цитируемое стихотворение, имели непосредственное отношение к социал-утопическим проектам передовой молодежи. Именно в это время и приобщается А. Майков к движению петрашевцев, в которое еще в большей мере, чем он, был вовлечен его младший брат Валериан. Впоследствии, летом 1854 года, в письме к М. А. Языкову Майков напишет следующее: «При этой сбивчивости общих идей, все-таки вращался я в кружке, где были систематическое преследование всех действий правительства и безусловное толкование их в дурную сторону, и многие радовались — пусть путают, тем скорей лопнет»[2].

В письме же к П. А. Висковатову, написанному в 1880-х годах, А. Майков рассказал не только о своем участии в собраниях петрашевцев, но и о том, что Ф. М. Достоевский в 1848 году доверительно поделился с ним сведениями об организации петрашевцами тайной типографии и т. д.[3].

В связи с раскрытием в мае 1847 года тайного Кирилло-Мефодиевского общества царское правительство повело усиленную атаку как на действительные, так и на мнимые очаги вольномыслия. Задавшись целью парализовать политическую активность молодежи, оно реорганизует систему жандармского надзора в университетах, призывает к повышенной бдительности цензуру и т. п. В начале 1849 года царской агентурой были обнаружены признаки деятельности кружка петрашевцев. Арестами членов кружка и устроенной над его «зачин-

---

[1] Д. Мережковский. Вечные спутники. Достоевский. Гончаров. Майков, изд. 3, СПб., 1908, с. 66.

[2] И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова.— «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год», Л., 1976, с. 37.

[3] «Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев», М.-Л., 1926, с. 20—26.

щиками» инсценировкой смертной казни *22 декабря* 1849 года царизм продемонстрировал свою беспощадную решимость бороться с «инакомыслящими». Общественную атмосферу после «дела Петрашевского» охарактеризовал впоследствии Н. А. Некрасов в стихотворении «Недавнее время»:

Молодежь оно сильно пугнуло;
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.

Одним из «поседевших» с той поры был и А. Н. Майков. Он долго находился под страхом надвигающегося ареста, его вызывали на допрос в Петропавловскую крепость, и избежать заключения под стражу ему удалось лишь потому, что степень его близости к «центру» петрашевцев осталась для следствия не до конца раскрытой.

Впрочем, преувеличивать стойкость «социалистических» убеждений Майкова нет оснований. Со временем в увлечениях своей молодости он увидит даже слепое следование идеям французской революции 1848 года — «много вздору, много эгоизма и мало любви», утопизм, не соответствующий «идеалу человеческого нравственного совершенства».

Став на позиции примирения с существующей действительностью и с «прочим образованным обществом», Майков постепенно отмежевывается идейно от западнически настроенных сотрудников журнала «Современник». Западнический «блок», на плечах которого лежала основная тяжесть издания этого журнала, был, как известно, образованием весьма непрочным. Во второй половине 1850-х годов либеральная часть этого «блока» (А. В. Дружинин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др.) вступит в конфликт с радикальной его частью (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов), что и приведет его в 1860 году к распаду. Расходясь во взглядах и с либералами и тем более с радикалами «Современника», Майков в начале 1850-х годов отдает свои симпатии «молодой редакции» славянофильского журнала «Москвитянин». Не останавливаясь на полпути в эволюции своих общественно-политических взглядов, Майков достигает крайних пределов — откровенно монархических убеждений, до которых, кстати сказать, не доходил друживший с поэтом духовный глава «молодой редакции» Аполлон Александрович Григорьев.

Годы 1848—1852 были периодом крушения и ломки социал-утопических воззрений автора, чем и следует, по-видимому, объяснить относительно слабую в это время его творческую активность. Только начавшаяся в 1853 году Крымская война пробудила Майкова к интенсивной поэтической деятель-

ности, итоги которой были объединены в сборничке «1854-й год. Стихотворения». В нем автор прямо осуждал свое недавнее недоверие к утилитарному искусству.

В стихотворении «Клермонтский собор» (1853) Майков выступает в роли публициста, развивающего мысль об исторической заслуге России, преградившей полчищам Батыя путь на Запад и предотвратившей тем самым возможную гибель европейской цивилизации:

Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся волкан,
К нам слали чад своих мильоны:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан,—
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...

Об исторической миссии России примерно в таких же словах говорил в письме своем к П. Я. Чаадаеву (19 октября 1836) Пушкин («Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары... отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена»). Однако письмо Пушкина к моменту написания «Клермонтского собора» еще не было напечатано, и, следовательно, автор последнего в данном случае от Пушкина не зависел.

Стихи Майкова, посвященные Севастопольской обороне, приветствовала не только официозная, но и демократическая печать. С положительными откликами на них неоднократно выступали Некрасов и Чернышевский, хотя они и не смешивали стихийный патриотизм народных масс с лжепатриотизмом официальных кругов. Исходя из правильной предпосылки, что отпор нападению союзнических войск может дать только *сильная* Россия, Майков ошибочно полагал, что отразить удар врагов в состоянии лишь Россия самодержавная. Нотки казенного патриотизма особенно настойчиво звучали в стихотворении «Памяти Державина» и «Послание в лагерь».

Размышления демократов о войне чем дальше, тем настойчивее связывались с сознанием необходимости радикальных социальных реформ. Подобного рода тенденций не найдем мы у Майкова,— даже в стихах, адресованных читателю из народной среды и написанных в форме народного сказа («О том, как отставной солдат Перфильев пошел во вторичную службу» и «Пастух»). Автор преисполнен в них надежд на благоденствие народа под скипетром монарха:

И постой, годок ли, два ли,
Как в порядок всё войдет,

Жизнь без горя и печали
То есть вот как потечет!

(«О том, как отставной солдат Перфильев...»)

Из стихотворений «севастопольского» цикла искренностью интонаций и попыткой взглянуть на войну глазами тех, на чьи плечи пала ее основная тяжесть, отличается лишь стихотворение «Генерал-лейтенанту Хрулеву», написанное несколько позднее, в 1856 году:

Их много разбрелось — безруких и безногих,
И люди русские, в палате и в избе,
Рассказы слушают воителей убогих.
Во всех рассказах их есть повесть о тебе.
...Хрулев! Ты победил любовию солдатской —
Наградой верною достоинствам вождя.
Она нам говорит, что сам любовью братской
Ты меньших возлюбил, их к чести приведя.
В том тайна русских сил, доступная немногим,—
На подвиг доблести, и в мире, и в войне,
Не нужно русских звать команды словом строгим,
Но встанут все на клик: «Голубчики, ко мне!»

Стихотворение «Арлекин», замыкавшее сборник 1854 года, наилучшим образом раскрывало глубину идейного кризиса Майкова. Фигурка висящего на стене бумажного арлекина, шута и балагура, вдруг оживает и приобретает зловещие черты. Это он, как оказывается, стал в Европе XVIII века носителем разрушительных по отношению к старому порядку идей. На первых порах, когда порода «арлекинов» была еще малочисленной, их смех был небесполезен. Однако не знающий разумных пределов критицизм «арлекинов» с течением времени стал пробуждать темные инстинкты черни и опрокинул складывавшиеся веками представления о чести, совести и справедливости:

Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...

Господство денежного мешка и система государственных коррупций, лицемерно прикрываемые парламентским красноречием, разъедают тело Европы. Поставить преграду разрушительной деятельности «арлекинов» могла, по мысли Майкова, лишь Россия, избавленная от язв буржуазного правопорядка. Только в мире «пахарей печальных», в среде «отцов

семейств патриархальных» можно обрести источники нравственного обновления общества.

Отрицая принципы западноевропейской цивилизации огульно, не отделяя ее «добро» от ее «зла», Майков становился на реакционную позицию, на что и не преминула указать современная ему прогрессивная критика. Обороняясь от ее нападок, поэт заявлял, что он осуждал в «Арлекине» не сами «начала» западноевропейской общественной жизни, а лишь «спекуляторов на эти начала».

В идейно родственной «Арлекину» «Коляске», написанной 5 марта 1854 года, адресатом верноподданнических признаний Майкова становится особа здравствующего императора. При жизни автора стихотворение не появилось в печати, тем не менее вскоре после написания оно в рукописном виде получило довольно широкое распространение. Вид проезжающего в откинутой коляске царя приводил поэта в восторженное состояние духа. Называя Николая I «державным повелителем», «первым тружеником народа своего» и вместе с тем жертвой «клеветы и злоязычья» иностранцев, Майков выражал надежду на то, что незаурядную личность царя сумеет разгадать лишь потомство и что это произойдет лишь тогда,

Когда история пред миром изумленным
Плод слезных дум твоих о Руси обнажит
И, сдернув с истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей твой образ колоссальный
На поклонение народам водрузит.

О реакции на поведение Майкова литераторов, тесно связанных с редакцией «Современника», можно судить по написанному Некрасовым, Тургеневым и Дружининым «Посланию к Лонгинову», в котором имеются следующие строки:

И Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
Вконец оподлился, конечно, не ошибкой...

«Коляска» вызвала бурную отрицательную реакцию даже среди сторонников монархического строя: многими она воспринималась как сочинение, продиктованное корыстными расчетами, как выражение ничем не оправданной лести и низкопоклонства. Подозрения последнего рода особенно сильно уязвляли самолюбие автора. Именно поэтому в цитированном выше письме к М. А. Языкову, называя «Коляску» «смелым и резким стихом», поэт настойчиво отводил от себя обвинения в беспринципности и пресмыкательстве перед особой самодержца.

Как ни старался, однако, Майков убедить своих друзей в том, что «Коляска» написана «языком сердца», она на дол-

гое время стала предметом его мучительных раздумий и переживаний. И приблизительно через год после ее написания, вскоре после смерти Николая I, в беседе с Я. П. Полонским он сделал следующее самокритическое признание: «Я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае. Это была моя глупость, но не подлость» [1].

В атмосфере наступившей после николаевского царствования «оттепели» Майков частично освобождается от своей политической слепоты и пытается критически взглянуть на окружающую действительность. Симптоматично в этом отношении его стихотворение «Окончена война. Подписан подлый мир...» (1856), не предназначавшееся для печати и обращенное к вдохновителям внешней политики царизма:

Чего еще вам ждать — написано красно!
Не в первый раз бумажным крючкотворством
Пришлося вам прикрыть отечества пятно,
Подьячие в звездах, с умом и сердцем черствым.

Критическими элементами пронизано и стихотворение «Вихрь» (1856), написанное в духе Дантова «Ада». По воле автора преисподняя оказалась заполненной «блудным и ветреным племенем», паразитирующим на теле государства. Там и привыкшие к роскоши франты, и погрязшие в разврате львицы высшего света, и бездушные канцеляристы, и высокопоставленные бюрократы. Объединяющая их всех черта — безразличие к народным нуждам.

Педантов вмиг узнал я в сей ватаге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,
Дорогу к ней народу преграждал...

В эпиграмме «Бездарных несколько семей...» (1855 или 1856), направленной против правительственной бюрократии, гражданский критицизм поэта приобретает еще большую выразительность:

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»

---

[1] И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова, с. 42.

У нас нет никаких данных о том, чтобы эта также не предназначавшаяся для печати смелая стихотворная инвектива получила известность хотя бы в кругу близких автору лиц. Вместе с тем ненависть к «двигателям» бездушно-бюрократической государственной машины самодержавия нередко врывалась и в подцензурные стихи Майкова, становилась заметным общественно-нравственным мотивом его творчества. Сошлемся для примера на стихотворение «Он и она» (1857), в котором мастерски воспроизведен портрет чиновника-бюрократа.

И вот — идет он в блеске власти,
Весь в холод правды облечен;
В груди молчат людские страсти,
В груди живет один закон.

Его ничто не возмущает:
Как жрец, без внутренних тревог,
Во имя буквы он карает
Там, где помиловал бы бог...

Среди рассчитанных на публикацию произведений поэта были такие, идейный смысл которых встречал сопротивление царской цензуры. Такова поэма «Сны» (1856—1858), таково стихотворение «Поля» (1861) и написанное в жанре послания стихотворение «Другу Илье Ильичу» (1861, 1863). К ним же следует отнести и опубликованное в 1863 году стихотворение «На белой отмели Каспийского поморья...»; оно посвящено пребыванию в мангышлакской ссылке Т. Г. Шевченко. Вид Каспия вдохновляет изнеможенного солдатской муштрой народного поэта на песнопенье, но творческий его порыв заглушается ружейным лязгом и окриками часовых, готовых

...выстрелить по первому стиху
И в крепости поднять военную тревогу.

Изображение государства, превращенного в казарму, где свободе творческой мысли угрожают штык и пуля, спрессовано в этом майковском эскизе до степени символа.

Новые общественные веяния, вызванные революционной ситуацией в России, проникают в содержание майковского «Неаполитанского альбома» (1858—1860). Лишь в отдаленной степени новый цикл напоминал «Очерки Рима». Там преобладали закованные в традиционные размеры размышления о величии античного мира и бессмертии созданного им искусства. В «Неаполитанском альбоме» поэт делает крутой поворот к современности, более того — к народной теме. Изображать народную жизнь на итальянском материале было для Майкова гораздо легче, чем на русском, где он встретил бы немало

достойных соперников. К тому же иностранная тема предоставляла поэту возможность преподносить ее русскому читателю без особых оглядок на цензуру, в своеобразной экзотической оправе, широко используя при этом право на художественный эксперимент. В одном из писем 1856—1858 годов к И. С. Никитину Майков писал: «Больше нам надо писать *бликами,* чем контурами» [1]. Опытом подобного рода раскованного, *бесконтурного* письма и был «Неаполитанский альбом». Автор отказался в нем от жестких жанровых конструкций и тематической строгости, задавшись целью передать подвижность итальянской национальной жизни, противоречивость проявляющихся в ней тенденций.

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

(«Тарантелла»)

Наряду с народным танцем, *тарантеллой,* в «Неаполитанский альбом» проникает народная итальянская песня. Беззаботное веселье и смех образуют ведущую стихию неаполитанской народной жизни:

Смех нам хартия! Захочет
Деспот сжать нас — смех уж тут:
Знак, два слова — и хохочет
Весь Неаполь, всякий люд!

(«Два карлина»)

Но народ не может довольствоваться одним смехом. Простодушная народная толпа доверчиво внимает ханжеским призывам монаха проповедника и тут же, по выходе из храма, охотно отдает себя во власть сугубо плотских увлечений. В этой смене настроений толпы есть что-то родственное смене природных стихий, увековеченной поэтом в картине, изображающей Неаполитанский залив после грозы:

И — след утихнувшего гнева —
Бурун вскипает здесь и там,

---

[1] «Русский библиофил», 1916, № 7, с. 80

И слышен гул глухого рева
Вдоль по отвесным берегам...

(«Какое утро! Стихли громы...»)

Картина природных стихий неожиданно оттесняется образом эмансипированной и экзальтированной мисс Мери, он, в свою очередь, сменяется видом группы праздных иностранцев, бросающих червонцы в морскую пучину.

За червонцем в ту ж минуту
Мальчик — прыг! исчез в водах —
И уж вынырнет наверно
С золотым кружком в зубах...

(«Князь NN и граф фон Дум-ен...»)

Вслед за этой проходит ряд картин в чисто национальном стиле:

Пульчинелль вскочил на бочку,
И толпа уж собралась;
Жест лишь сделал — и вся площадь
Ярким смехом залилась...

Наряду с зарисовками разнообразных примет неаполитанской жизни, не претендующих на значительность, в альбоме изображены также и события подлинно исторические, например, гарибальдийское движение.

Гражданскую инертность народной массы («Всё равно, кто правит нами!», «Были б праздники народу!» и т. д.) побеждает в конце концов сознание общности национальных интересов. В страстном томлении ждут неаполитанцы общественного «грома»:

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вкруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!

(«Душно! Иль опять сирокко?..»)

К образу Гарибальди автор возвращается трижды, причем последний раз в стихотворении, которым завершается цикл:

Народный вождь вступает в город...
Всё ближе он... Всё громче крик...
И вот он сам, средь этих криков
От счастья тих... О, чудный миг!

...И загорелый лик героя,
И пестрых волн народных плеск,
И вкруг на всем, с высот лазурных,
Луча полуденного блеск!

Счастливо найденный пейзажный штрих (блеск солнечного луча), венчающий стихотворение, становится своеобразным символом единства природных стихий и народной толпы, нашедшей себя в своем герое.

Современная Майкову критика чрезвычайно сдержанно, а порою и отрицательно отзывалась о «Неаполитанском альбоме». Автора упрекали в неуместно шутливом тоне зарисовок итальянской национальной жизни, в немотивированном появлении отдельных персонажей (князь NN, артист Бурдин и др.), в незавершенности сюжетных линий и т. д.

Далеко не безупречный в художественном отношении, «Неаполитанский альбом» обладал тем не менее существенными достоинствами. Сохраняя тематическую целостность цикла, подчиненного изображению народной неаполитанской жизни, автор отказался в нем не только от шаблонов антологической поэзии, но и от жанрово-стилевой монотонии вообще. Вошедшие в цикл 32 стихотворения в жанровом отношении делятся не менее чем на десять разновидностей. Народная песня соседствует с диалогом, романс с преданием. Баллада о замке любвеобильной королевы Иоанны (стихотворение «Вот смотрите, о мисс Мери...») выступает в обрамлении ироничных стихов. Преобладающий жанр цикла — миниатюра, в которой скорбные интонации переплетаются с шуткой.

Всем ты жалуешься вечно,
Что судьбой гоним с пелен,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чином обойден!

Друг! не ты один страдаешь!
Вон, взгляни: осел стоит
И с горы на весь Неаполь
О бедах своих кричит.

Подобного рода «философических» миниатюр не знала прежняя поэзия Майкова. Не прибегал ранее поэт и к смелым, едва ли не рискованным сравнениям вроде: шутка — *исчезающая в камнях ящерица*, сердце — *морская бездна* и т. д.

Не употреблял ранее поэт и четверостиший, где рифмуются лишь два стиха (второй и четвертый).

Свойственное «Неаполитанскому альбому» тяготение к техническому экспериментаторству как будто не захватило дальнейшего творчества Майкова, он, как и ранее, продолжал сохранять верность эстетическим нормам, выработанным русской поэзией в эпоху Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Кольцова. Вместе с тем приобретенный в период создания «Неаполитанского альбома» опыт не прошел для поэта даром, он служил отправной точкой и источником последующего совершенствования майковского реализма и психологизма.

Нарастание обличительно-гражданских мотивов в поэзии Майкова второй половины 1850-х годов было обусловлено общим подъемом общественного движения в эту пору в стране. У поэта не было персональной заинтересованности в защите феодально-крепостнических отношений. Дворянин по паспорту, он был по общественному положению своему и образу жизни разночинцем, прошедшим все низовые ступени чиновнической службы, прежде чем дослужиться в 1888 году по комитету иностранной цензуры до ранга тайного советника.

С детских лет Майков выработал в себе привычку к регулярному и упорному труду, постоянно предохранявшему его от любых форм высокомерно-аристократического отношения к «низшим» сословиям, к их складу мышления и мировосприятия. Однако демократизм образа жизни, привычек и нравственно-эстетических симпатий сочетался у Майкова с консерватизмом его общественных взглядов. Вместе с друзьями из кружка петрашевцев он мечтал в молодости о переустройстве существующего строя на республиканских, справедливых началах. Пережив после 1849 года разочарование в идеях утопического социализма, Майков приходит к выводу, что самодержавно-крепостническая форма «еще далеко не кончила своей программы, начертанной Петром»; отдавая предпочтение этой форме, поэт, впрочем, не был вполне уверен в ее универсальной пригодности.

Демократические элементы мировоззрения Майкова в трактовке иностранной темы, например, в «Неаполитанском альбоме», проявились весьма рельефно. Там есть народная толпа, есть даже образ народного героя. О создании образа народного героя на русском материале поэт не мог и мечтать, даже если бы этому не препятствовала цензура. Вряд ли нашел бы Майков в себе силы изобразить в годы революционной ситуации 1859—1861 годов крестьянскую толпу. В творчестве поэта 1850—1860-х годов даже отдельные типы, представляющие народную массу, сравнительно редки и выступают порой в виде дополнения к его пейзажным зарисовкам. Пейзаж у поэтов

«чистого искусства», как правило, оторван от народной жизни и больших гражданских дум. У Майкова 40-х годов «природоописания» подчинены основному пафосу произведения, в чем убеждает нас поэма «Две судьбы» (1843, 1844):

Да, посреди полуденной природы
Он вспоминал про шум своих дубров,
И русских рек раскатистые воды,
И мрак и тайну вековых лесов.
Он слышал гул их с самой колыбели
И помнил, как, свои качая ели,
Вся стоном стонет русская земля;
Тот вопль был свеж в душе его, как стоны
Богатыря в цепях. Средь благовонной
Страны олив он вспоминал поля
Широкие и пруд позеленелый,
Ряд дымных изб, дом барский опустелый,
Где рос он,— дом, исполненный затей
Тогда, псарей, актеров, трубачей,
Всех прихотей российского боярства,
Умевшего так славно век конать,
Успевшего так дивно сочетать
Европы лоск и варварство татарства.

Приведем (да не посетует на нас за это читатель!) и второй отрывок из той же поэмы — место, повторяющее мысли Белинского о воздействии на характер русской народной песни «степного положения России» и «кровавого самовластительства Грозного» (V, 440—441):

Прислушайтесь... звучат иные звуки...
Унынье и отчаянный разгул.
Разбойник ли там песню затянул
Иль дева плачет в грустный час разлуки?
Нет, то идут с работы косари...
Кто ж песнь сложил им? Как кто? Посмотри
Кругом: леса, саратовские степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да цепи.

Подобного рода многозначительных и, если угодно, «некрасовских» пейзажных зарисовок у Майкова после 1849 года мы не найдем, точнее, почти не найдем. Но связующие нити между пейзажем и народной темой у поэта все же останутся надолго. В качестве примера можно указать на стихотворение 1853 года под названием «Пейзаж». На фоне осеннего леса, осинника, «бьющего тревогу», возникает фигура старика, помогающего кляче вывезти тяжелый воз из болотистого места. В стихотворении «И город вот опять!..» (1856) лирический ге-

рой уносится мечтою из сияющего бального зала в лоно сельской тишины, к осыпавшемуся речному скату, и несказанно изумлен неожиданной встречей с «лесной нимфочкой», крестьянской девочкой, раздвигающей стебли тростника и протягивающей ручонки к ягодам земляники. Аналогична структура стихотворений «Весна! Выставляется первая рама...», «Сенокос», «Ночь на жнитве» и др. Но и в тех пьесах, где видимой связи пейзажа с человеком нельзя обнаружить («Звуки ночи», «Гроза», «Голос в лесу» и др.), он всякий раз воспринимается как часть национального ландшафта, а не как автономно существующий фрагмент природы.

Особо выделяется в этом ряду «Нива», где пейзажная зарисовка («По ниве прохожу я узкою межой...» и т. д.) — всего лишь увертюра к изображению крестьянской жатвы «на всем полей просторе». Жнецы и жницы, весело вяжущие тяжелые снопы, стук проворных цепов на токах, возы, скрипящие под тяжестью собранного хлеба,— картина этого мнимого материального изобилия сопровождалась обращением автора к богу с единственной мольбой: в избытке родине «духовного дать хлеба». Воодушевленное ложной идеей — изобразить материальное благоденствие деревенских тружеников — стихотворение не могло, разумеется, претендовать на широкое обобщение народной жизни. Появившуюся в печати «Ниву» Н. А. Добролюбов назвал «дидактическим» и «плохо сделанным» [1] стихотворением. Если собственно пейзажная и антологическая лирика Майкова и в годы революционной ситуации получала на страницах «Современника», как правило, положительные оценки, то освещение поэтом крестьянского вопроса в духе правительственных предначертаний подвергалось справедливой критике общественности. Негодованием встретили революционные демократы майковскую «Картинку» (1861), прославлявшую «куцую» крестьянскую реформу 1861 года. «Здесь что ни слово, то фальшь»,— писал о «Картинке» М. Е. Сатыков-Щедрин [2].

Более снисходительно было оценено демократической критикой стихотворение Майкова «Поля» (1861), представлявшее собой своеобразное переосмысление гоголевского образа степных просторов России и русской тройки. Погоняемая свистом молодого ямщика тройка летит «в пространство без конца»:

Но мы неслись, как от волков,
Как из-под тучи грозовой,

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, М.-Л., 1962, с. 355.

[2] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 5, М., 1966, с. 434.

Как бы мучителей-бесов
Погоню слыша за собой...

«Мучители-бесы» — это тревоживший сознание поэта призрак новых, буржуазно-крепостнических форм жизнеустройства, проникавших во все поры русской жизни после реформы 1861 года. Своеобразно воплощает эту тревогу старик — бывший дворовый человек, представитель того многочисленного слоя «крещеной собственности», который после реформы 1861 года остался не у дел, лишился прочного места в системе новых производственных отношений.

«Да, вспомянешь про старину! —
Он заключил.— Был склад да лад!
Э, ну их с волей! Право, ну!
Да что она — один разврат!

Один разврат!» — он повторял...
Отживший мир в его лице,
Казалось, силы напрягал,
Как пламя, вспыхнуть при конце...

В свое время приветствовавший назревавшую отмену крепостного права, автор и теперь вспоминает о нем с отвращением; явно противоцензурный характер имели черновые строки к стихотворению, в которых на фоне бескрайних полей выступала фигура того,

...кто, дни свои губя
В натуге сил, в поту лица,
Трудился здесь не для себя.

И вместе с тем и вид этой бесшабашно летящей вперед русской тройки, и образ этого неустроенного старика дворового внушали поэту чувство растерянности, вселяли сомнение в жизнетворной силе правительственных «великих реформ», а заодно — и в правомерности его собственных либерально-реформистских надежд и иллюзий.

Не будучи человеком в строгом смысле этого слова религиозным, Майков восхищался проявлением религиозного чувства в народной массе, считая его исконно присущим ей свойством и видя в нем опору и залог ее нравственного здоровья и сил. Подобного рода рационально сконструированная религиозность нашла свое вершинное выражение в следующем стихотворении 1857 года:

Когда, гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,

Как часть одной страдающей души,—
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

Чувством «соборной» религиозности подсказан ряд майковских стихотворений 1850—1860-х годов («Здесь весна, как художник...», 1859; «Дорог мне перед иконой...», 1868; «Чужой для всех...», 1872, и др.). Нельзя, разумеется, утверждать, что элемент религиозности и даже мистицизма Майков вносил в свое творчество механически, отдавая дань литературной моде. В 1892 году поэт скажет:

Катись, катися надо мной,
Всё просвещающее Время!
Завесу тьмы влеки с собой,
Что́ нам скрывает Свет святой
И на душе лежит как бремя,—
Чтобы мой дух, в земных путях
Свершив свое предназначенье,
Мог восприять в иных мирах
И высшей Тайны откровенье.

Однако как это, так и другие абсолютно чуждые духу «эллинского язычества» стихотворения («Оставь, оставь!..», «Заката тихое сиянье...», «Близится Вечная ночь...» и др.) начинают появляться у Майкова лишь с конца 1880-х годов.

Вера в то, что религиозное смирение составляет главную особенность духовного склада простого русского человека, отразилась на понимании Майковым проблемы народности русской литературы. В отличие даже от близко стоявшего к нему А. А. Фета, избегавшего изображения народной жизни, автор «Машеньки» и «Неаполитанского альбома», как об этом уже отчасти говорилось выше, испытывал потребность в художническом общении с народной толпой, предпринимал попытки заглянуть в душу народа,— и не только в начальный период своей литературной деятельности. В разработке народной темы Майков в меру своего разумения и сил пробовал идти путями, проложенными Пушкиным и Лермонтовым, Крыловым и Кольцовым. Осваивая формы народности, выработанные литературой первой половины XIX века, Майков в то же время с недоверием отнесся к той интерпретации проблемы народности, с которой в конце 50-х годов выступили лидеры революционной демократии во главе с Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским. В статьях Добролюбова 1858—1860 годов («О степени участия народности в развитии русской литературы», «Чер-

ты для характеристики русского простонародья» и др.) новая концепция, несмотря на суровые цензурные условия, была обоснована с исчерпывающей глубиной. Литература не может ограничиться выражением сочувствия народным бедствиям, она должна активно выступить на защиту интересов народа и готовить его к самым действенным формам борьбы с помещиками-крепостниками и самодержавием. Добролюбов с уверенностью заявлял, что «народ способен ко всевозможным возвышенным чувствам и поступкам наравне с людьми всякого другого сословия, если еще не больше, и что следует строго различать в нем последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений, которые совсем не заглохли, как многие думают. <...> С таким доверием к силам народа и с надеждою на его добрые расположения можно действовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы и предохранить их от того искажения, какому они так часто подвергаются при настоящем порядке вещей» [1].

Как в предреформенный, так и в пореформенный период революционно-демократическая критика звала литературу к пробуждению вольнолюбивых инстинктов мужика. Не отличавшийся твердостью общественно-политических убеждений и заметно уставший к тому же от житейских невзгод, Майков не мог, разумеется, возвыситься до уровня тех требований, которые выдвигала перед ним новая эпоха. В его произведениях, написанных после 1849 года, мы не найдем ни мужика, восстающего против помещичьего или правительственного произвола, ни политически мыслящего интеллигента, ставшего на защиту народных прав и интересов. Ознакомившись в 1853 году с некрасовской «Музой», Майков написал стихотворение «Н. А. Некрасову», в котором призывал последнего растворить гражданскую злобу в гармонии природы и отказаться от клятвы «начать упорный бой... с неправдою людской»:

Склони усталый взор к природе.
Смотри, как чудно здесь в глуши:
Идет обрывом лес зеленый,
Уже румянит осень клены...

Важно отметить при этом, что воинствующую некрасовскую музу Майков отрицал не без сомнений и колебаний; недаром же 20 октября 1854 года он сообщал И. С. Никитину: «Одна только душа здесь есть поэтическая — это Некрасов» [2].

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти т., т. 6, М.-Л., 1963, с. 278.
[2] «Русский библиофил», 1916, № 7, с. 74.

Не менее любопытна также запись в дневнике Майкова от 26 декабря 1855 года: «Был у Некрасова. Он читал *Сашу. Лучшая часть ее первая.* Жизнь молодой девушки в деревне и лес. Просто и верно природа, совсем хорошо. <...> вся вторая половина кажется слабее. Вообще же это лучшая его вещь и всей современной поэзии»[1].

Различие в общественных взглядах, симпатиях и антипатиях двух поэтов не могло не приводить к различного рода осложнениям в их взаимоотношениях. Так, в 1856 году Майковым была написана эпиграмма «На выздоровление Некрасова», повторявшая обывательскую сплетню об «эксплуататорских замашках» редактора «Современника»:

Но радуйтесь, друзья! Опасный час минул.
Смирите скорбную души своей тревогу.
Сегодня уж меня обидел и надул...
Стал выздоравливать, должно быть, слава богу![2].

Как упомянутая эпиграмма, так и другие антинекрасовские вспышки Майкова последовательностью все же не отличались, и автор никогда не делал их достоянием гласности, подобно А. А. Фету, опубликовавшему в 1867 году стихотворение «Псевдопоэту», дышащее откровенно сословной злобой к поэту-гражданину («Влача по прихоти народа В грязи низкопоклонный стих, Ты слова гордого *свобода* Ни разу сердцем не постиг»).

Общение Майкова с Некрасовым продолжалось и после упомянутой эпиграммы. Майков был исключительно высокого мнения о таланте Некрасова, хотя и не принимал политическую направленность его творчества.

В 1861 году Майковым было опубликовано стихотворение «Бабушка и внучек». Случайно увиденный внуком в святцах у бабушки засохший цветок послужил поводом для ее взволнованного рассказа. Ради спасения этого цветка, ставшего бесценной реликвией, ее покойный супруг, рискуя жизнью, бросился когда-то в клокочущие речные волны. Он был богатым барином, человеком крутого нрава и не без причуд, но отчаянной смелости и высоких понятий о дворянской чести. В ином свете, в виде помещика-тирана, рисуется образ деда «передовому» внуку. Свои симпатии автор отдает героине, а вместе с нею и поколению «отцов», осуждая при этом заносчивых «детей», подверженных воздействию идей «нигилизма».

---

[1] Б. В. Мельгунов. К творческой истории поэмы Некрасова «Саша».— «Русская литература», 1977, № 3, с. 101.

[2] Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. Н. Майкова.

Не исключена возможность, что майковские «Бабушка и внучек» послужили для Некрасова своеобразным трамплином при создании поэмы «Дедушка» (1870). Оглядываясь в поисках положительного героя на поколение 1820-х годов, великий поэт-демократ остановил свой взгляд не на блюстителе кодекса дворянской чести, а на аристократе-декабристе, нашедшем полное взаимопонимание с поколением мыслящей молодежи 1870-х годов. Если для Некрасова высший тип положительного героя, выдвинутого «культурным слоем», рисовался в образе «нигилиста» Гриши Добросклонова, то Майков видел в «нигилистах» лишь сонмище сбившейся с правильного пути молодежи. «Незаконная» дочь княжны Женя в его поэме «Княжна» (1876) является одной из таких примкнувших к кружку радикалов-заговорщиков барышень, поступки которых являются сплошным вызовом каким бы то ни было нормам религиозной, общественной и семейной морали.

«Наш век,— слова чеканила она,—
Век личности. И разум и свобода—
Его девиз. Былая жизнь должна
Окончиться для всякого народа;
И будет жизнь людей везде одна,
Без государств и без различья рода
И племени».

Путь к лучшему будущему члены кружка видят в насильственном низвержении существующего правопорядка — в «топорах», в кровавой борьбе, и автор осуждает эти «фанатические» планы. Правда, Майков был далек от мысли видеть в «нигилистах» физических и нравственных уродов, как это было свойственно, например, авторам антинигилистических романов В. В. Крестовскому и В. П. Клюшникову. «Нигилисты» для него — невольные жертвы того общественного вихря, который по окончании Крымской войны был поначалу очистительным, но в дальнейшем движении рушил на своем пути все, в том числе и превозносимые писателем устои патриархальной нравственности:

В то время все, севастопо́льским громом
От гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломом
Всё старое за все его вины;
Вдруг очутились в мире незнакомом,
Где снились всем блистательные сны:
Свобода, правда, честность, просвещенье
И даже — злых сердец перерожденье...

Дочь княжны Женя — невольная виновница смерти матери. Но в глубине ее натуры есть все необходимое для искупле-

ния непреднамеренно совершенного проступка. Как бы ни была велика пропасть во взглядах между дочерью и матерью, они разительно схожи в одном: каждая из них плоть от плоти той русской дворянской элиты, тяжкий грех которой состоял в отрыве от народных начал, в низкопоклонстве перед Западом, в утрате собственной нравственной физиономии. Образ старушки няни, этой, по замыслу автора, носительницы глубинных народных и религиозных инстинктов, призывающей непокорную дочь преклониться перед прахом гордой матери, воплощает в себе идею поэмы.

Счастлив, тысячекрат счастлив народ,
В чьем духе есть те ж глубины святые,
Невозмутимые и в дни невзгод,
Где всякие страдания земные
Врачуются, где разум обретет
И нищий духом на дела благие,
Затем что там от искони веков
Царит всецело чистый дух Христов.

Там, где Майков прикасался, как в «Княжне», к злободневным темам общественно-политической жизни, его народолюбие приобретало не только усеченные, но и явно искаженные формы. Родственная позднему славянофильству и почвенничеству концепция «единения сословий», которую разделял поэт, мешала ему обратиться к непосредственному освещению «крестьянского вопроса», нисколько не утратившего своей остроты для литературы пореформенного периода. Однако в тех случаях, когда поэт уходил в сферу истории или жизни, не связанной с современными политическими проблемами России, его народолюбие находило менее скованные формы выражения. В духе лучших традиций русской демократической литературы написал он около 1870 года стихотворение «Петрусь», представляющее собою вольный перевод белорусской народной песни. Вельможная пани полюбила Петруся, мужицкого сына. Противозаконная тайная любовь открывается, и вся тяжесть расплаты за нее падает не на привилегированную пани, а на бесправного юношу. Выполняя приказание пана, холопы избивают Петруся до полусмерти и бросают его в Дунай.

Вельможная пани
В сени выходила,
Пани рыболовам
По рублю дарила...
. . . .
Вельможная пани
Бродит как шальная,

О своем Петрусе
Плачет мать родная.

Редкий для Майкова протест против социальной несправедливости выступает в этом стихотворении в его предельной напряженности. Мотивы национально-освободительной, а вместе с тем и социальной борьбы явственно проступают в выполненных поэтом в 1858—1860 годах переводах из новогреческой народной поэзии. Гораздо смелее, чем это сделал за сорок лет перед ним Н. И. Гнедич, Майков акцентировал в своих переводах свободолюбие и непреклонную решимость *клефтов* в их борьбе с чужеземными поработителями. В стихотворении «Завещание» умирающего от ран паликара страшит не сама смерть, а сознание своей замогильной отрешенности от участия в общем деле священной борьбы:

Нет, меня не зарывайте,
Братцы, в землю! На горе
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицом к заре.
В гробе окна прорубите,
Чтоб мне веяло весной,
Чтобы ласточки, кружася,
Щебетали надо мной!
Чтоб из гроба я далеко
Мог бы турок различать,
Чтоб направо и налево
Мог им пулю посылать.

Сочувственным отношением Майкова к национально-освободительной борьбе, независимой от того, каким народом она велась, был продиктован также и ряд его переводов (количественно небольшой) из сербских юнацких песен («Сабля царя Вукашина», «Сербская церковь», «Радойца», «Конь» и др.). Отсюда становится понятным и повышенное внимание поэта к периоду татарского нашествия в истории древней Руси («В Городце в 1263 году», «Клермонтский собор» и др.). О том, насколько проникновенно в художественном отношении осмысливалась поэтом тема монгольского нашествия, можно судить по небольшому отрывку из майковского стихотворения «Полдень», навеянного видом южнорусской степи перед грозой:

Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?.
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет

И, татарчонка качая,
Голос милым подает?..

В силу отмеченных выше причин глубоко интересовал Майкова и период борьбы Киевской Руси с кочевой степью. Вышедший в свет в 1870 году перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык явился результатом напряженной четырехлетней работы поэта над летописными и другими источниками, помогавшими ему погрузиться в историческую, культурно-бытовую и художественную атмосферу эпохи.

В «Нескольких замечаниях», предваряющих публикацию этой работы, Майков объяснил, что важнейшим стимулом, побуждавшим его к переводу, было стремление доказать подлинность памятника. Поэта нимало не смущало то обстоятельство, что И. А. Гончаров (дававший в свое время Майкову уроки по истории родной словесности), сомневаясь в подлинности «Слова о полку Игореве», отрицал целесообразность предпринятого поэтом перевода. Упорство, проявленное Майковым для осуществления намеченной цели, обеспечило успех предприятия. Поэт вооружил русского читателя первым поэтическим и одновременно научным переводом полного текста древнего памятника. В переводе «Слова» и в комментариях к нему Майков отдал незначительную дань некоторым положениям мифологической школы, теперь уже устаревшим; это, однако, не снижает сколько-нибудь заметно весомость вклада, внесенного им не только в изучение древней поэмы, но и в развитие русской филологической науки в целом. Заслуживают внимания предложенные Майковым истолкования ряда недостаточно проясненных мест памятника («Владимир по вся утра уши закладаше», «Трубы трубят городенскии», фрагмент о реке Стугне, и др.). Не потеряли своего научного значения также и отдельные суждения переводчика о времени создания «Слова» и среде, в которой оно возникло, о его жанровом своеобразии.

Находя в древней поэме черты, сближающие ее с новой русской литературой, Майков отдавал себе вместе с тем отчет в том, что семь веков развития отечественной культуры создали перед русским читателем XIX века труднопреодолимый барьер для постижения как коренного смысла, так и художественной самобытности древнего памятника. С другой стороны, поэт-переводчик правильно осознал также и опасность модернизации языка и художественных образов гениального творения древнерусской письменности. Несмотря на советы Ф. М. Достоевского и других своих собратьев по перу, Майков отказался от соблазна применить в переводе рифмованный стих и осовременить другие компоненты эстетической системы поэмы. Майковский перевод «Слова о полку Игореве» по своей худо-

жественной ценности и по сию пору занимает одно из первых мест.

В 1875 году Майков публикует стихотворение «Емшан», поэтическую обработку одного из преданий, вошедших в Ипатьевскую летопись. Вынужденно проведшего многие годы среди кавказских горских племен половецкого хана Отрока родной его брат замыслил вернуть домой, в родные степи. Через посланного певца он вручает изгнаннику засохший пучок емшана (полыни) как лучшее напоминание о родине.

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат,
Пучок травы целуя, плачет!

Поэт проявил в данном случае чутье большого художника как в самом выборе летописного предания, так и в его поэтической интерпретации. Стихотворение «Емшан» сразу же после своего появления в свет вошло в разряд вещей хрестоматийных, стало жемчужиной русской поэтической культуры.

Испытывая на себе известное воздействие славянофильской идеологии в оценке «злобы дня», Майков проявлял вместе с тем большую самостоятельность и независимость от групповых позиций в истолковании различных исторических проблем. У него не было, например, никакого славянофильского скептицизма в подходе к Петру Первому (см. «Кто он?», «Сказание о Петре Великом»). Изобразив в 1860 году Иоанна IV в виде царя-тирана (в стихотворении «Упраздненный монастырь»), в 1887 году, вразрез с известной концепцией А. К. Толстого, Майков сочувственно изобразил Грозного как устроителя русской земли и предшественника Петра I («У гроба Грозного»). О той же свободе и непредвзятости взглядов писателя на события русской истории свидетельствует его незаконченная поэма «Странник» (1866) и тяготеющие к ней рукописные наброски из жизни русского старообрядчества. В неопубликованном наброске «Из Аввакума» Майков дает свое поэтическое истолкование «пятой челобитной» опального протопопа к царю. Поэт изображает Аввакума в сочувственных тонах, однако видит в нем не страстного обличителя царской и патриаршей власти, а скорее носителя царистских иллюзий:

Не со скиптром Мономаха,
Не в челе своих полков,

Но исполнен слез и страха
Ты придешь на суд Христов.

Не один — мы все предстанем
В белых саванах,— в ряду
Всех, от века живших, встанем
По делам приять и мзду.

Ты нас жжешь огнем палящим;
Мы ж, не мысля о себе,
Распаляемся лишь вящим
Сокрушеньем по тебе;

И средь пламени не стоны
Издаем, а токмо глас —
Да господь тебя в дни оны
Не осудит ради нас...[1]

Длительная работа мысли и глубокое погружение в материал предшествовали появлению каждого из стихотворений Майкова на самые разнообразные сюжеты мировой истории («Жанна д'Арк», «Приговор (легенда о Констанцском соборе)», «Савонарола», «Исповедь королевы», «Юбилей Шекспира» и др.).

Предметом непреходящего творческого интереса для поэта на протяжении всей его литературной деятельности была эпоха крушения античного рабовладельческого общества и становления мира новых общественно-культурных отношений в крупнейших европейских странах, духовная жизнь которых формировалась под эгидой христианской церкви.

Первая попытка Майкова изобразить столкновение язычества с христианством была дана в его юношеской поэме «Олинф и Эсфирь» (1841), сурово раскритикованной Белинским. Внимая советам критика, новую картину крушения античного общества поэт попытался дать в лирической драме «Три смерти» (1851), работа над которой продолжалась десять лет. Не удовлетворенный завершенной работой, Майков продолжал настойчиво трудиться над новым вариантом второй ее части («Смерть Люция»), законченным лишь в 1863 году. С большой художественной убедительностью автор изобразил в этом произведении цезарский деспотизм, подавление прав личности, растление нравов. Строго следуя историческим фактам, поэт с присущим ему творческим тактом вводил в поэму элемент собственного художественного вымысла. Любопытным

[1] Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. Н. Майкова.

примером в этом отношении может служить беседа Ювенала с Люцием, в которой последний немощным звукам римской лиры противопоставляет ночные пиршественные костры скифов (автор видел в скифах предков славянских племен):

Среди глухих лесных притонов
Зажгут они свои костры,
В кругу усядутся в долине
И пьют меды, а посредине
Поет певец. Напев их дик,
Для нас, пожалуй, неприятен,
Но как могуч простой язык!
Как жест торжествен и понятен!
И кто там больше был поэт:
Певец иль слушатели сами?
. . . .
А мы? Куда нас повлекут?
И что нам слушатели скажут?
Какие цели нам укажут?
И в наши песни что вольют?

С созданием драмы «Три смерти» не прекратились авторские раздумья над волновавшей его темой. Трансформируясь и разрастаясь, она оформляется в трагедию «Два мира», первый этап работы над которой завершается в 1872 году, а окончательная редакция ее относится к 1881 году. Картина языческого и христианского миров обогащается новыми персонажами и деталями. Мастерской кистью изображает поэт жизнь в катакомбах приверженцев новой религии. Следуя давнему совету Белинского, роль немощного эпикурейца Люция автор препоручает новому герою, патрицию Децию, который сосредоточил в себе все «возвышенное», что только было создано Древним Римом. Приговоренный Нероном к смерти, Деций выгодно отличается от всех гостей, приглашенных на его предсмертный пир. Он принадлежит к мыслящей прослойке своего сословия и сочувственно оценивает республиканские доблести Рима. Но даже в ненависти своей к деспотизму Нерона он остается идеологом своей касты, ее предрассудков, ее тупой и слепой бесчеловечности:

Рабы и в пурпуре мне гадки!
Как? Из того, что той порой,
Когда стихии меж собой
Боролись в бурном беспорядке,
Земля, меж чудищ и зверей,
Меж грифов и химер крылатых,
Из недр извергла и людей,

Свирепых, диких и косматых,—
Мне из того в них братьев чтить?..
Да первый тот, кто возложить
На них ярмо возмог, тот разом
Стал выше всех, как власть, как разум!

Деций не может не видеть, как рушатся один за другим устои, создававшие могущество Древнего Рима. Но он не теряет веры в то, что «временные тучи» пройдут и его отечество снова обретет былую силу. Он призывает Ювенала оружием сатиры способствовать возрождению древних традиций. Однако нравственные принципы самого Деция — гордость и эгоизм — ведут лишь к усилению общественного зла и ускорению гибели «вечного» Рима.

Автор не прельстился мыслью слепо следовать идее, подсказанной учением христианской церкви. Недаром же стоявшие на позициях православно-христианской ортодоксии критики упрекали поэта в том, что он в «Двух мирах» «в значительной мере оставался язычником» и не смог проникнуть в сущность христианских идей[1]. Работая над любимым замыслом с фанатическим упорством, Майков добивался возможно большей глубины и объективности в изображении «двух миров». Ему удалось уловить и воссоздать как антагонистические элементы, так и черты преемственности, с одной стороны, между культурами древнегреческой и римской, а с другой — между традициями римской цивилизации и культурой рождающегося на ее развалинах мира. Образы «Двух миров» — не бесплотные манекены отошедших веков. «Античность» у Майкова «живет и дышит; она у него все, что угодно, но только не скучна»[2].

Дискредитация патрициански-аристократических предубеждений Деция, равно как и мастерски нарисованная в «Двух мирах» картина разложения рабовладельческого строя в целом, проецировалась в сознании русского читателя на аналогичные явления отечественной истории. В подобного рода проецировании, по-видимому, был заинтересован и сам автор. В обширной записке, составленной по поводу «Двух миров» и адресованной Я. К. Гроту, он писал: «События минувших веков я старался вообразить себе по их аналогии с тем, что прожил и наблюдал сам на своем веку, а переживаемая нами историческая полоса так богата подъемами и падениями человеческого духа, что внимательному взору представляет богатый матери-

---

[1] См.: А. Уманьский. Аполлон Николаевич Майков.— «Русское богатство», 1897, № 4, с. 41.

[2] Ф. Зелинский. Древний мир в поэзии А. Н. Майкова.— Из жизни идей, СПб., 1908, с. 235.

ал для сравнения даже с далекими минувшими эпохами. <...> В этих наших героях demi-monde'а, добрых и веселых по природе, остроумных, даже и знакомых с последними словами «науки», при всем том скучающих и обремененных долгами, истощенных оргиями и наслаждениями и часто готовых на все (как Катилина) для стяжания чести и денег,— разве не узнаете вы в этой бледной толпе юных патрициев, из которых у меня на Дециев пир выхвачены Лелий, Клавдий, мечтающие об отцеубийстве, аплодирующие скептикам-адвокатам в их глумлении над великим жрецом, а втайне, в минуты страха и отчаяния, тихонько, впрочем, друг от друга, приносящие козлят в жертву богам...» [1].

В «Трех смертях» и «Двух мирах» Майкова особенно зримо проявились гуманистические тенденции его поэтического таланта.

Последняя четверть века в жизни Майкова (он умер 8(20) марта 1897 года) отнюдь не сопровождалась спадом его творческой активности. Утрата поэтом связей с передовой журналистикой, уход от злобы дня в сферу «вечных вопросов» и участившиеся обращения его к религиозной теме — все это не однажды давало критике конца века повод зачислять Майкова по ведомству «чистого искусства». Подобного рода взгляд нельзя назвать состоятельным. Изредка встречающиеся у Майкова противопоставления поэта толпе («Ты на горе — они в долине»), а поэтического горения — «базарной суете» были скорее данью поэтической традиции периода романтизма, чем выражением сущности его природного дарования. В действительности таланту Майкова было не свойственно чувство снобизма и ощущение собственного превосходства над толпой. Трудно вообразить у поэта «чистого искусства» такую потребность в общении с народной массой, какую ощущаем мы в майковских «Летнем дожде», «Сенокосе», «Ночи на жнитве», в его «Неаполитанском альбоме». Трудно себе представить поэта-небожителя, который бы записанное из народных уст «Сказание о Петре Великом» охарактеризовал так, как Майков: «описание бури и потопления свейских лодок — такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если б эти красоты народного творчества прошли незаметно в истории нашей поэзии».

Заложенным в даровании Майкова возможностям его как выразителя народной жизни не суждено было, однако, проявиться в полной мере. Духовно возмужавший в окружении Белинского и М. В. Петрашевского, Майков был непоправимо надломлен террором «мрачного семилетия». И тем не менее в

---

[1] М. И. Сухомлинов. Особенности поэтического творчества А. Н. Майкова.— «Русская старина», 1899, № 3, с. 486—487.

никогда не исчезавшей устремленности поэта «туда! туда!» — к снежным вершинам человеческого духа (см. «Ласточки», «Альпийские ледники», «Excelsior», «Из темных долов этих...», «Гроза» и др.) сказывались настроения его юных лет, родственные пафосу лермонтовской поэзии. И как бы ни смущала тень Лермонтова дряхлеющего Майкова своей «байронической» мятежностью, в майковском поэтическом творчестве никогда не исчезали полностью целенаправляющие и стилеобразующие лермонтовские ферменты. Порывы *ввысь* и боязнь *высоты* — такова амплитуда идейно-поэтических колебаний зрелого Майкова, составлявших драму его жизни.

Достижения русской поэзии XIX века определяются прежде всего теми ценностями, которые созданы ее корифеями: Пушкиным, Лермонтовым, Кольцовым, Некрасовым. Каждый из них дал художественное выражение коренных потребностей своей эпохи, создал свои традиции, оставил своих последователей.

Майков не возвышается до уровня великих поэтических имен. Он поэт второго ряда, но в этом ряду ему принадлежит одно из наиболее почетных и незаменимых мест. Без художественных «приращений», им созданных, поэтическая культура России была бы значительно беднее.

К моменту выхода Майкова на литературную арену русская поэзия на отдельных направлениях еще не завершила ученического этапа своего развития, еще не успела освоить те ценности мировой культуры, которые были ей необходимы для соревнования «на равных» с европейскими «партнерами». Отсюда ясно, что одна только «культуртрегерская» роль энциклопедической по своему диапазону поэзии Майкова была поистине неоценимой. Блистательные поэтические опыты Майкова в антологическом роде, равно как и его переводы античных классиков, по определению Ф. Ф. Зелинского, образовали своеобразный античный «Гольфстрим», благотворно сказавшийся на дальнейшем развитии всей русской литературы. Зрелый Майков заметно обогатил русскую поэтическую культуру превосходными переводами из Гёте, Шиллера, Гейне, Шенье, Лонгфелло и других иностранных авторов.

Огромная доля участия принадлежала Майкову также и в процессе возвращения русской поэзии к «собственным началам», которым в свое время придавал большое значение Пушкин [1]. Борьба за них, растянувшаяся на целые десятилетия, отнюдь не ограничивалась сближением литературного языка с просторечием. «Галлицизмы или русизмы,—утверждал В. Г.

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11, изд. АН СССР, М.-Л., 1949, с. 495.

Белинский,— бывают не в одном языке, но и в понятиях...» (VIII, 574). Блуждая творческой мыслью по разным странам и векам, А. Н. Майков и в языке и «в понятиях» своих всегда оставался поэтом русским, вполне осознававшим историческую обусловленность выработанных предшествующим развитием национальных художественных форм. Отвергая установку западников на эстетический *европоцентризм*, Майков осуждал также и эстетический *изоляционизм* славянофилов. Именно поэтому поэт не принимал, например, ни *ухарского* тона, ни *щегольства* созвучий в «русских былинах» А. К. Толстого (см. наст. изд., т. 2, с. 352).

Несмотря на свое почти безбрежное жанровое и тематическое разнообразие, майковское поэтическое наследие монолитно в стилевом отношении; в нем весьма ощутима инерция строго реалистического письма. Переболев еще в юные годы легкой формой «бенедиктовщины», Майков возвращается к Пушкину и ученическую верность его заветам сохраняет до конца жизни. Он проявлял последовательную непримиримость к напускному глубокомыслию, цветистой фразеологии и стихотворному гримасничанью. В конце своей жизни Майков резко отрицательно отнесся к первым поэтическим экспериментам русских декадентов (см. наст. изд., т. 2, с. 353—354). Это не значит, однако, что он был сторонником узко понятого эстетического традиционализма. Новаторские приемы автора «Неаполитанского дневника» были направлены всецело на усиление реалистической выразительности стиха и не имели ничего общего с претенциозным формотворчеством.

Поэзия Майкова при всей ее непритязательности захватывает нас гармоническим слиянием мысли и чувства, чистотой художественного вкуса, напевностью и музыкальностью. Совсем не случайно по количеству положенных на музыку стихотворений Майкову среди русских поэтов XIX века принадлежит одно из первых мест.

Сформировавшись как поэт на лучших общественно-политических и эстетических традициях 1840-х годов, Майков, несмотря на небезупречность своей дальнейшей общественно-политической биографии, постоянно испытывал на себе их притягательную силу. Это обстоятельство и обусловило значительность его вклада в сокровищницу русской литературы. Стихи Майкова не теряют своей свежести и красоты и сегодня. Лучшая часть его поэтического наследия продолжает обогащать художественную культуру советского общества.

Ф. Я. Прийма

ЛИРИКА

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У брега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

РАЗДУМЬЕ

Блажен, кто под крылом своих домашних лар
Ведет спокойно век! Ему обильный дар
Прольют все боги: луг его заблещет; нивы
Церера озлатит; акации, оливы
Ветвями дом его обнимут; над прудом
Пирамидальные, стоящие венцом,
Густые тополи взойдут и засребрятся,
И лозы каждый год под осень отягчатся
Кистями сочными: их Вакх благословит...
Не грозен для него светильник эвменид:
Без страха будет ждать он ужасов эреба;
А здесь рука его на жертвенники неба
Повергнет не дрожа плоды, янтарный мед,
Их роз гирляндами и миртом обовьет...

Но я бы не желал сей жизни без волненья:
Мне тягостно ее размерное теченье.

Я втайне бы страдал и жаждал бы порой
И бури, и тревог, и воли дорогой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в борении мятежном
И, крылья распустив, орлом широкобежным,
При общем ужасе, над льдами гор витать,
На бездну упадать и в небе утопать.

1841

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

* * *

Вхожу с смущением в забытые палаты,
Блестящий некогда, но ныне сном объятый
Приют державных дум и царственных забав.
Всё пусто. Времени губительный устав
Во всем величии здесь блещет: всё мертвеет!
В аркадах мраморных молчанье цепенеет;
Вкруг гордых колоннад с старинною резьбой
Ель пышно разрослась, и в зелени густой,

Под сенью древних лип и золотых акаций,
Белеют кое-где статуи нимф и граций.
Гремевший водомет из пасти медных львов
Замолк; широкий лист висит с нагих столбов,
Качаясь по ветру... О, где в аллеях спящих
Красавиц легкий рой, звон колесниц блестящих?
Не слышно уж литавр бряцанья; пирный звук
Умолк, и стих давно оружья бранный стук;
Но мир, волшебный сон в забытые чертоги
Вселились,— новые, неведомые боги!

10 апреля 1840
Ораниенбаум

КАРТИНА ВЕЧЕРА

Люблю я берег сей пустынный,
Когда с зарею лоно вод
Его, ласкаясь, обоймет
Дугой излучистой и длинной.
Там в мелководье, по песку,
Стада спустилися лениво;
Там темные сады в реку
Глядятся зеленью стыдливой;
Там ива на воды легла,
На вервях мачта там уснула,
И в глади водного стекла
Их отраженье потонуло.

1838
Санкт-Петербург

ВОСПОМИНАНИЕ

В забытой тетради забытое слово!
Я всё прожитое в нем вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать...
Так путник приходит чрез многие годы
Под кровли отеческой мирные своды.
Забор его дома травою оброс,
И привязи псов у крыльца позабыты;

Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнезда над окнами свиты;
Но всё в тишине ему кажется вкруг —
Что жив еще встарь обитавший здесь дух.

7 июня 1838
Ораниенбаум

ГЕЗИОД

Во дни минувшие, дни радости блаженной,
Лились млеко и мед с божественных холмов
К долинам бархатным Аонии священной
И силой дивною, как нектаром богов,
Питали гения младенческие силы;
И нимфы юные, толпою легкокрылой,
Покинув Геликон, при блеске звезд златых,
Руками сплетясь у мирной колыбели,
Венчанной розами, плясали вкруг и пели,
Амброзией дитя поили и в густых
Дубравах, где шумят из урн каскада воды,
Лелеяли его младенческие годы...
И рано лирою певец овладевал:
И лес и водопад пред нею умолкал,
Наяды, всплыв из волн, внимали ей стыдливо,
И львы к стопам певца златой склонялись гривой.

1839

ЭХО И МОЛЧАНИЕ

Осень срывала поблекшие листья
С бледных деревьев, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящего льда...
Грустный, блуждая в лесу обнаженном,
В чаще глубокой под дубом и елью
Мирно уснувших двух нимф я увидел.
Ветер играл их густыми власами,
Веял, клубил их зеленые ризы,
Нежно их жаркие лица лобзая.
Вдруг за горами послышался топот,
Лаянье псов и охотничьи роги.

Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумом испугана, в чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
С хохотом резким, с пригорка к пригорку,
С хо́лма на холм, из лощины в лощину
Быстро кидалась, и вот, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лесу голос ее повторялся.

1840

* * *

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы:
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса,—
Ты не являлась...

1840—1841

ПУСТЫННИКУ

Дай нам, пустынник, дубовые чаши и кружки,
Утварь, которую режешь ты сам на досуге;
Ставь перед нами из глины кувшины простые
С влагой студеной, почерпнутой в полдень палящий
В этом ручье, что так звонко меж камнями льется,
В мраке прохладном, под сенью дуплистыя липы!
Вкусим, усталые, сочных плодов и кореньев;
Вспомним, как в первые веки отшельники жили,
Тело свое изнуряя постом и молитвой;
И, в размышлениях строгих и важных,
Шутку порой перекинем мирскую.

<1840>

ПРИЗЫВ

Уж утра свежее дыханье
В окно прохладой веет мне.
На озаренное созданье
Смотрю в волшебной тишине:
На главах смоляного бора,
Вдали лежащего венцом,
Восток пурпуровым ковром
Зажгла стыдливая Аврора;
И, с блеском алым на водах,
Между рядами черных елей,
Залив почиет в берегах,
Как спит младенец в колыбели;
А там, вкруг хо́лма, где шумит
По ветру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкруг яркой озими бежит...
Как темен свод дерев ветвистых!
Как зелен бархат луговой!
Как сладок дух от сосн смолистых
И от черемухи младой!
О други! в поле! Силой дивной
Мне утро грудь животворит...
Чу! в роще голос заунывный
Весенней иволги гремит!

1838
Ораниенбаум

ПРИАПУ

Сад я разбил; там, под сенью развесистых буков,
В мраке прохладном, стату́ю воздвиг я Приапу.
Он, возделатель мирный садов, охранитель
Гротов и рощ, и цветов, и орудий садовых,
Юным деревьям даст силу расти, увенчает
Листьем душистым, плодом сладкосочным обвесит.
Подле статуи, из грота, шумя упадает
Ключ светловодный; его осеняют ветвями
Дубы; на них свои гнезда дрозды укрепляют...
Будь благосклонен, хранитель пустынного сада!

Ты, увенча́нный венком из лозы виноградной,
Плю́ща и желтых колосьев! пролей свою благость
Щедрой рукою на эти орудья простые,
Заступ садовый, и серп полукруглый, и соху,
И нагруженные туго плодами корзины.

1840
Каболовка

* * *

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил
Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и прияло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

* * *

Всё думу тайную в душе моей питает:
Леса пустынные, где сумрак обитает,
И грот таинственный, откуда струйка вод
Меж ка́мней падает, звенит и брызги бьет,
То прыгает змеей, то нитью из алмаза
Журчит между корней раскидистого вяза,
Потом, преграду пней и камней раздробив,
Бежит средь длинных трав, под сенью темных ив,
Разрозненных в корнях, но сплетшихся ветвями...
Я вижу, кажется, в чаще́, поросшей мхом,
Дриад, увенчанных дубовыми листами,
Над урной старика с осоковым венком,
Сильвана с фавнами, плетущего корзины,
И Пана кроткого, который у ключа
Гирлянды вешает из роз и из плюща
У входа тайного в свой грот темнопустынный.

Январь 1840

* * *

(Из Андрея Шенье)

Я был еще дитя — она уже прекрасна...
Как часто, помню я, с своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя с ней, резвясь,
Младенческой рукой запутывал не раз
Я локоны ее. Персты мои скользили
По груди, по челу, меж пышных роз и лилий...
Но чаще посреди поклонников своих
Надменная меня ласкала, а на них
Лукаво-нежный взор подняв как бы случайно,
Дарила поцелуй, с насмешливостью тайной,
Устами алыми младенческим устам.
Завидуя в тиши божественным дарам,
Шептали юноши, сгорая в неге страстной:
«О, сколько милых ласк потеряно напрасно!»

1840
Каболовка

ОВИДИЙ

Один, я погребен пустыней снеговою.
Здесь всем моих стихов гармония чужда,
И некому над ней задуматься порою,
Ей нет ни в чьей душе отзы́ва и следа.
Зачем же я пою? Зачем же я слагаю
Слова в размерный стих на языке родном?
Кто будет их читать и чувствовать?.. О, знаю,
Их ветер разнесет на береге пустом!
Лишь эхо повторит мои мечты и муки!..
Но всё мне сладостно обманывать себя:
Я жажду услыхать страны родимой звуки,
Свои элегии читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голос друга,
Что я в кругу друзей... зову их имена,—
И вот — мне кажется, что дымная лачуга
Присутствием гостей невидимых полна.

Январь 1841

ИСКУССТВО

Срезал себе я тростник у прибережья шумного моря.
Нем, он забытый лежал в моей хижине бедной.
Раз увидал его старец прохожий, к ночлегу
В хижину к нам завернувший. (Он был непонятен,
Чуден на нашей глухой стороне.) Он обрезал
Ствол и отверстий наделал, к устам приложил их,
И оживленный тростник вдруг исполнился звуком
Чудным, каким оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефир, зарябив его воды,
Трости коснется и звуком наполнит поморье.

1841

* * *

Муза, богиня Олимпа, вручила две звучные флейты
Рощ покровителю Пану и светлому Фебу.
Феб прикоснулся к божественной флейте, и чудный
Звук полился из безжизненной трости. Внимали
Вкруг присмиревшие воды, не смея журчаньем
Песни тревожить, и ветер заснул между листьев
Древних дубов, и заплакали, тронуты звуком,
Травы, цветы и деревья; стыдливые нимфы
Слушали, робко толпясь меж сильванов и фавнов.
Кончил певец и помчался на огненных конях,
В пурпуре алой зари, на златой колеснице.
Бедный лесов покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и их воскресить своей флейтой:
Грустный, он трели выводит, но трели земные!..
Горький безумец! ты думаешь, небо не трудно
Здесь воскресить на земле? Посмотри: улыбаясь,
С взглядом насмешливым слушают нимфы и фавны.

Февраль 1841

ВАКХАНКА

Тимпан и звуки флейт и плески вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей потрясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в мрак дерёв;
А там, раскинувшись на мягкий бархат мхов,
У грота темного, вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Луч солнца, тень листов скользили, трепетали;
С аканфом и плющом власы ее спадали
На кожу тигрову, как резвые струи;
Там тирс изломанный, там чаша золотая...
Как дышит виноград на персях у нея,
Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и огня!
Как тихо всё вокруг! лишь слышны из-за дали
Тимпан и звуки флейт и плески вакханалий...

Март 1841

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Откуда ты, о ключ подгорный,
Катишь звенящие струи?
Кто вызвал вас из бездны черной,
Вы, слезы чистые земли?
На горных главах луч палящий
Кору ль льдяную растопил?
Земли ль из сердца ключ шипящий
Истоки тайные пробил?
Откуда б ни был ты, но сладко
В твоих сверкающих зыбях
Дремать наяде иль украдкой
Свой лик купать в твоих водах;
Отрадно пастырям долины
У вод твоих в свой рог играть
И девам звонкие кувшины
В студеной влаге погружать.
Таков и ты, о стих поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвал в бездну света?
Кого ты ищешь средь него?

То тайно всем; но всем отрадно
Твоей гармонии внимать,
Любить твой строй, твой лепет складный,
В тебе усладу почерпать.

Февраль 1841

ЭПИТАФИЯ

Здесь, в долине скорби, в мирную обитель
Нас земля приемлет:
Мира бедный житель отдохнуть приляжет
На груди родимой.
Скоро мох покроет надпись на гробнице
И сотрется имя;
Но для тех бессильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузит в раздумье и из сердца слезы
Сладкие исторгнет.

1841

МЫСЛЬ ПОЭТА

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами,
На солнце гордо не смотри
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блеске розовой зари?

1839
Санкт-Петербург

ВАКХ

В том гроте сумрачном, покрытом виноградом,
Сын Зевса был вручен элидским ореадам.
Сокрытый от людей, сокрытый от богов,
Он рос под говор вод и шелест тростников.
Лишь мирный бог лесов над тихой колыбелью
Младенца услаждал волшебною свирелью...
Какой отрадою, средь сладостных забот,
Он нимфам был! Глухой внезапно ожил грот.
Там, кожей барсовой одетый, как в порфиру,
С тимпаном, с тирсом он являлся божеством.

То в играх хмелем и плющом
Опутывал рога, при смехе нимф, сатиру,
То гроздия срывал с изгибистой лозы,
Их связывал в венок, венчал свои власы,
Иль нектар выжимал, смеясь, своей ручонкой
Из золотых кистей над чашей среброзвонкой,
И тешился, когда струей ему в глаза
Из ягод брызнет сок, прозрачный, как слеза.

1840

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
Из хижин ранний дым разносится клубами
В янтарном зареве пылающих небес.
В раздумии глядит на обнаженный лес,
На домы, крытые ковром младого снега,
На зеркало реки, застынувшей у брега,
Светила днѐвного кровавое ядро.
Отливом пурпурным блестит снегов сребро;
Иглистым инеем, как будто пухом белым,
Унизана кора по ветвям помертвелым.
Люблю я сквозь стекла блистательный узор
Картиной новою увеселять свой взор;
Люблю в тиши смотреть, как раннею порою
Деревня весело встречается с зимою:
Там по льду гладкому и скользкому реки
Свистят и искрятся визгливые коньки;

На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чинит,
И сладостно ему воспомнить прежний быт,
Взирая на стекло окованной пучины,—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
И свой хранительный под ивами залив,
И про счастливый лов в часы безмолвной ночи,
Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь
И светят рыбаку свой невод подымать.

1839
Санкт-Петербург

ДУМА

Жизнь без тревог — прекрасный, светлый день;
Тревожная — весны младыя грозы.
Там — солнца луч, и в зной оливы сень,
А здесь — и гром, и молния, и слезы...
О! дайте мне весь блеск весенних гроз
И горечь слез и сладость слез!

Март 1841

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят: поэзия — мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальных
Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кристальных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;

Пусть так! Но в полдень листьев шепот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовию приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты!

1839

ПЛЮЩ

Зачем, о плющ, лозой своей
Гробницы мрамор повиваешь
И прахом тлеющих костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше ль там, у звонких струй,
У грота, подле водопада,
Где тайно юноше наяда
Дарит свой влажный поцелуй,
Тебе гранитовый осколок
Кудрявой зеленью убрать,
Или над ними брачный полог
Прозрачных листьев разостлать?
«Прекрасны звук речей нескромных,
Свиданья тайные в тени;
Но мне милей на листьях темных
Слеза прощальная любви:
Прияв на зелень молодую,
Ее как жемчуг я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всем забытое люблю!»

1839.

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

О други! прежде чем покинем мирный кров,
Где тихо протекли дни нашего безделья
Вдали от шумного движенья городов,
Их скуки злой, их ложного веселья,
Последний кинем взгляд с прощальною слезой
На бывший наш эдем!.. Вот домик наш укромной:
Пусть век благой пенат хранит его покой
И грустная сосна объемлет ветвью темной!
Вот лес, где часто мы внимали шум листов,
Когда сквозит меж них луч солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной с любовью вожделенной,
О ветви мирные таинственных дубров!
Шуми, мой светлый ключ, из урны подземельной
Шуми, напомни мне игривою струей
Мечты, настроены под сладкий говор твой,
Унывно-сладкие, как песни колыбельны!..
А там,— там, на конце аллеи лип и ив,
Колодезь меж дерев, где часто, ночью звездной,
Звенящий свой кувшин глубоко опустив,
Дочь поля и лесов, склонясь над темной бездной,
С улыбкой образ свой встречала на водах
И любовалась им, и тайно помышляла
О стройном юноше,— а небо обвивало
Звездами лик ее на зыблемых струях.

1841

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,

Чтоб мне в зной полдня́ златого
Рощи, горы усыпить
И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.

21 апреля 1840

* * *

Я знаю, отчего у этих берегов
Раздумье тайное объемлет дух пловцов:
Там нимфа грустная с распущенной косою,
Полузакрытая певучей осокою,
Порою песнь поет про шелк своих власов,
Лазурь заплаканных очей, жемчуг зубов
И сердце, полное любви неразделенной.
Проедет ли челнок — пловец обвороженный,
Ее заслушавшись, перестает грести;
Замолкнет ли она — но долго на пути
Ему всё чудятся напевы над водою
И нимфа в камышах, с распущенной косою.

1841

ГОРЫ

Люблю я горные вершины.
Среди небесной пустоты
Горят их странные руины,
Как недоконченны мечты
И думы Зодчего природы.
Там недосозданные своды,
Там великана голова
И неизваянное тело,
Там пасть разинутая льва,
Там профиль девы онемелый...

1841

ДИОНЕЯ

Право, завидно смотреть нам, как любит тебя Дионея.
Если ты в цирке на бой гладиаторов смотришь, иль внемлешь
Мудрым урокам в лицее, иль учишься мчаться на конях,—
Плачет, ни слова не скажет! Когда же в пыли ты вернешься,—
Вдруг оживет, и соскочит, и кинется с воплем,
Крепче, чем плющ вкруг колонны, тебя обвивает руками;
Слезы на длинных ресницах, в устах поцелуй и улыбка.

1840

НА ПАМЯТНИКЕ

Он рано уж умел перебирать искусно
Свирели скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; он пел про плеск ручья,
Помоной щедрою убра́нные поля,
Про ласки юных дев, и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожные заботы.

<1841>

* * *

Дитя мое, уж нет благословенных дней,
Поры душистых лип, сирени и лилей;
Не свищут соловьи, и иволги не слышно...
Уж полно! не плести тебе гирлянды пышной
И незабудками головки не венчать;
По утренней росе уж зорек не встречать,
И поздно вечером уже не любоваться,
Как легкие пары над озером клубятся
И звезды смотрятся сквозь них в его стекле.
Не вереск, не цветы пестреют по скале,
А мох в расселинах пушится ранним снегом.

А ты, мой друг, всё та ж: резва, мила... Люблю,
Как, разгоревшися и утомившись бегом,
Ты, вея холодом, врываешься в мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снежны,
Хохочешь и меня целуешь звонко, нежно!

1841

* * *

Пусть полудикие скифы, с глазами, налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьяного пира,—
Други! оставимте им, дикарям кровожадным, обычай
Сладкие Вакховы вина румянить пирующих кровью...
Бранные копья средь кубков и факелов пира!..
Где мы, скажите?.. Какое безумство: веселье — и битва!
Полноте спорить! умолкните, други! вражду утопите
В чашах, у коих, чем более пьете, всё глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрые головы важно и тяжко уставив.

1841

ЧЕРЕП

Глухо мой заступ, о череп ударясь, звенит. Замогильный
Гость, выходи-ко! Вокруг тебя панцирь, перчатки и бердыш —
Пусть истлевают! Тебя ж отлучу я, о череп, от тлена!
Ты не услышишь ни кликов воинских, ни бранных ударов.
Мирно лежи у подножия лиры эллинской и миртом
Вечнозеленой Эллады венчайся, порой наполняясь
Гулким ответом на струны ее, потрясенные ветром.
Так же не в вечных ли миртах, не в звуках ли горних гармоний
Прежний хозяин твой, дух, утопает теперь?..

1840

ПОЭЗИЯ

Люби, люби камен, кури им фимиам!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы нам
Панорма небеса, Фетиды блеск неверный,
И виноградники богатого Фалерна,
И розы Пестума, и в раскаленный день
Бландузия кристалл, и мир его прохлады,
И Рима древнего священные громады,
И утром ранний дым сабинских деревень.

13 апреля 1840

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

Октябрь 1842

Е. П. М.

Люблю я целый день провесть меж гор и скал...
Не думай, чтобы я в то время размышлял
О благости небес, величии природы
И, под гармонию ее, я строил стих.

Рассеянно гляжу на дремлющие воды
Лесного озера и ве́рхи сосн густых,
Обрывы желтые в молчаньи их угрюмом;
Без мысли и ленив, смотрю я, как с полей
Станицы тянутся гусей и журавлей
И утки дикие ныряют в воду с шумом;
Бессмысленно гляжу я в зыблемых струях
На удочку, забыв о прозе и стихах...

Но после, далеко от милых сих явлений,
В ночи, я чувствую, передо мной встают
Виденья милые, пестреют и живут,
И движутся, и я приветствую их тени,
И узнаю леса и дальних гор ступени,
И озеро... Тогда я слышу, как кипит
Во мне святой восторг, как кровь во мне горит,
Как стих слагается и прозябают мысли...

1841

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

Сафо

* * *

Зачем венком из листьев лавра
Себе чело я обвила
И лиру миртом убрала?..
Так! мне оракул Эпидавра
Предрек недаром чашу мук:
Ты мне неверен, милый друг!
Ты очарован новой страстью
У ног красавицы другой.
Но овладеть она тобой,
Скажи, какой умела властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, в ней
Границ холодных не преступит:
Она бессмысленных очей
Не озарит огнем страстей
И вдруг стыдливо не потупит;
Не может локонов убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечам как бы случайно
Широко ризы разметать.

1841

* * *

Звезда божественной Киприды!
Люблю я ранний твой восход
В часы, как ночь своей хламидой
Восток туманный обовьет.

Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотит,
Где Вакх, в венце из винограда
И тигра кожею покрыт,
С кипящей чашей председает.
Ты мир вселяешь средь дубров,
Где нимфа робко пробегает,
За ней влюбленный бог лесов.
Твой луч дрожащий вызывает
Гимн Филомелы над ручьем.
Милей в сиянии твоем
Любви мечтательность и нежность,
И взором отраженный взор,
Одежды легкая небрежность
И полускромный разговор.

1841

Анакреон

* * *

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею,
Витязь — пленников толпою
И трофеями побед;
Красота морей зыбучих —
Паруса судов летучих;
Честь народов — мудрый круг
Патриархов в блеске власти;
Для меня ж милей, мой друг,
В пору бури и ненастий
В теплой хижине очаг,
Пня дубового отрубок
Да в руках тяжелый кубок,
В кубке хмель и хмель в речах.

1843

Проперций

ТУЛЛУ

Ты счастлив, Тулл, сидя безмолвно
Под сельским портиком своим
За чашей греческою, полной
Лесбийским соком золотым.
Ты взором следуешь спокойно
За бегом лодок по реке,
Пловцов внимая песни стройной,
Ловя их парус вдалеке
Или любуясь важным ходом
Влекомых вервями судов,
И на приветствия пловцов
Главой киваешь мимоходом.
Но, друг мой, Пафоса жрецу,
Мне не вкусить тех наслаждений!
Зато, когда на ложе лени,
Склонясь ко мне, лицом к лицу,
Задремлет Цинтия; когда я
В ее запутаю власах
Свои персты, в тиши внимая
Сквозь сонный лепет на устах
И ей любуясь,— что́ Пактолы
Златая россыпь для меня,
Всемирный скиптр, венец тяжелый
И бармы пышные царя!

1841

ЦИНТИИ

О Цинтия! вдали от друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубые,
Обнявшие брега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мне ль летят твои игривые мечтанья?
Меня ли ищет взор на этих челноках,
Мелькающих вдали на белых парусах?
Всё та же ль ты, как в час последнего свиданья?

Быть может... страшная мечта!.. перед тобой
Иной на гимн любви кифары строй наладил...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Он имя Цинтии в стихах моих изгладил...
Быть может, на брегу зелено-теплых вод,
Под тенью ма́слины, густым плющом увитой,
Доверчиво ему внимаешь ты — и вот
Моя любовь и я — тобою всё забыто!..
Прочь! прочь, коварный сон! рассейся ты как дым!
Иль лучше ты яви мне Цинтию младую,
Как бродит, грустная, над озером лесным
И, в легком челноке, равнину водяную
Браздя веслом, собой любуется в водах,
Теряя розаны в взволнованных струях;
Иль в полдень у ручья, за рощею зеленой,
Одежды сбросивши на бархат луговой,
Спускается в ручей робеющей ногой,
Невольным визгом вдруг долину оглашает
И, воды расплеснув, как лебедь выплывает.

1841

Гораций

* * *

Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?
Кто этот юноша, в венке из алых роз,
Укрыв свой челн в кустах, взбегает на утес
И в гроте на скале тебя он обнимает?..
Как счастлив он!.. Любовь в очах его горит!..
Но он, неопытный, не знает, как неверно
То море! как оно обманчиво блестит,
Подобно женщине, темно и лицемерно!
Твоя златая речь — крыло его ладьи.
Он думает найти любовь и наслажденье,
Но, боже мой! он бурь не слышит приближенья,
Свирепых моря бурь и страшных бурь любви!
Но мне уж этих гроз не страшно дуновенье:
Я вышел на́ берег, во храм, богам своим
Гирлянды возложил на жертвенник спасенья
И ризы влажные развесил перед ним.

1841

* * *

Легче лани юной ты
Убегаешь предо мною.
Залепечут ли листы,
Ветерок ли над водою
Пробежит, или в кустах
Слышен ящерицы шорох —
Уж ее объемлет страх,
Гнутся ноги, огнь во взорах.
Но я жду, что на бегу
Ты оглянешься к врагу,
И замедлишь шаг, и рядом
Вдруг очутишься со мной,
Страх забыв, потупясь взглядом,
Мне внимая всей душой!

1841

Марциал

* * *

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней,—
Друга себе не ищи и ничьим не зови себя другом:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842

Овидий

ПОСЛАНИЕ С ПОНТА

Здорово, добрый друг! здорово, консул новый!
Я знаю,— в пурпуре, и с консульским жезлом,
И в сонме ликторов, покинул ты свой дом
И в храм Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить пред алтарем дымящуюся кровь...

Уверен, что купил народную любовь,
Взираешь ты, как чернь бросается толпами
На жареных быков с злачеными рогами...
Но если вдруг тебе твой раб письмо вручит,
Начертанное здесь изгнанника рукою,—
Как встретишь ты его? Чем взор твой заблестит?
Кивнешь ли вестнику приветно головою
Иль кинешь гневный взор дрожащему рабу?
Что б ни было! ты всё стоишь передо мною
Как прежний добрый друг... и я кляну судьбу,
Стократ ее кляну, что разлучен с тобою,
Что нет на торжестве твоем моих даров;
Что мне не суждено с сверкающим фалерном
Подняться со скамьи и голосом неверным —
От чувства полноты — прочесть тебе стихов!
Увы! мне самый стих латинский изменяет!
Уж мысль моя двойной одеждой щеголяет...
Уже Авзонии блестящие цветы
Бледнеют предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящего Эвксина
Да быта скифского суровые черты
Мне кажутся венцом высокой красоты!..
А песни дикарей!.. Меж скифов, в их пустыне,
Я сам стал полускиф. Поверишь ли, я ныне
Их диким языком владею как своим!
Я приучил его к себе, как зверя. Им
Я властвую: в ярмо он выю преклоняет,
Я правлю, и на Пинд как вихорь он взлетает...
Пойми меня, мой друг! пойми: мой грубый стих
Не втуне уж звучит среди пустынь нагих,
А принят, повторен и понят человеком!
И скифы дикие, подобно древним грекам,
С улыбкою зовут меня своим певцом!
Поэму я сложил их варварским стихом;
Для них впервые я воспел величье Рима
И всё, с чем мысль моя вовек неразлучима...
О дивном Августе звучала песнь моя...
Я пел Германика, им Друза славил я;
Я пел, как, победив батавов и тевтонов,
Они вступали в Рим, и пленные цари,
Окованные, шли средь римских легионов,

И сыпались цветы, дымились алтари,
И Август их встречал, подобный полубогу,
И слезы лил тайком на праздничную тогу...
Еще не кончил я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, в восторге повторяли:
«Ты славишь Августа — зачем же ты не с ним?»
То скифы говорят,— а вот семь лет уж ныне,
Как, всеми позабыт, томлюся я в пустыне...

1842, 1857

ЭПИКУРЕЙСКИЕ ПЕСНИ[1]

1

Мирта Киприды мне дай!
Что мне гирлянды цветные?
Миртом любви увенчай,
Юноша, кудри златые!

Мирта зеленой лозой
Старцу венчавшись, отрадно
Пить под беседкой густой,
Крытой лозой виноградной.

<1840>

2

Блестит чертог; горит елей;
Ясмин и мирт благоухает;
Фонтан, шумя, между огней
Златыми брызгами играет.
Греми, волшебный гимн пиров!
Несите, юноши, плодов,
И роз, и листьев винограда:
Венчайте нас! Что в жизни нам?
Мы в жертву суждены богам ужасным ада,
А жертва пышная в богатствах вертограда —
Угоднее богам!

[1] Эти три стихотворения, которые я назвал «Эпикурейскими песнями», назначались в поэму «Три смерти», как бы сочинение Лукана; но одно за другим забраковывались.

Настанет час — воззрим сурово
Мы на гремящий жизни пир,
Как сей скелет белоголовый,
Беглец могил! На звуки флейт и лир
Он безответен, гость гробовый!
Но он ведь пел, и он любил,
И богу гроздий он служил...
О други! сыпьте роз Горациева сада
По сим белеющим костям
И свежей кистью винограда
Венчайте череп — этот храм,
Чертог покинутый и сирый,
Где обитал животворящий дух
Во дни, когда кифара с звонкой лирой
Его пленяли чуткий слух,
И пил он роз благоуханье,
Любил кристалл амфоры золотой,
И дев горячие лобзанья,
И трепет груди молодой!

Июль 1840
Каболовка

3

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
Жизнь, душа моих пиров,
Ты, мой маленький философ,
Пристыжаешь мудрецов
Разрешеньем их вопросов,
Пытки мудрых их голов!

И твержу я за тобою:
Смертный! с жизнию земною
Ты не много рассуждай!
Раньше чар ее приманку
И смелее разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И из рук не выпускай!

Пусть, капризная, вертится,
И царапает, и злится,

Ты покров с нее сорви,
Мни гирлянды, плющ и розы,
В миг всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Всё безумие любви!

Те, которые узнали
В жизни бури вакханалий,—
Нет уж новости им в ней!
О, людская бестолковость!
Смертный! знай, что в жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный мир теней.

1850

ИЗ ВОСТОЧНОГО МИРА

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ

1

Торжествен, светел и румян
Рождался день под небесами;
Белел в долине вражий стан
Остроконечными шатрами.
В уныньи горьком и слезах,
Я, пленник в стане сем великом,
Лежал один на камне диком,
Во власянице и в цепях.
Напрасно под покровом ночи
Я звал к себе приветный сон;
Напрасно сумрачные очи
Искали древний наш Сион...
Увы! над брегом Иордана
Померкло солнце прежних дней;
Как лес таинственный Ливана,
Храм без молитв и без огней.
Не слышно лютен вдохновенных,
Замолк тимпанов яркий звук,
Порвались струны лир священных —
Настало время слез и мук!
Но ты, господь, в завет с отцами
Ты рек: «Не кину свой народ!
Кто сеет горькими слезами,
Тот жатву радости сберет».
Когда ж, на вопль сынов унылых,
Сзовешь ко бранным знаменам
Оружеборцев молньекрылых
На месть неистовым врагам?

Когда с главы своей усталой
Израиль пепел отряхнет,
И зазвенят его кимвалы,
И с звоном арф он воспоет?

1838
Санкт-Петербург

2

(К картине «Введение во храм»)

Колыбель моя качалась
У Сиона, и над ней
Пальма божия склонялась
Темной купою ветвей;

Белых лилий Идумеи
Снежный венчик цвел кругом,
Белый голубь Иудеи
Реял ласковым крылом.

Отчего ж порой грущу я?
Что готовит мне судьба?
Всё смиренно, всё приму я,
Как господняя раба!

<1840>

МОЛИТВА БЕДУИНА

О солнце! твой щит вечным золотом блещет —
А море племен здесь клокочет и плещет...
Вдали от серебряных рек и ручьев,
Там бродит и гибнет в степи караван позабытый;
Напрасно ждут люди от вихрей песчаных защиты
Под грудью верблюдов и сенью шатров.

О солнце! накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагие; росой благовонной
Кокос наш, и финик, и пальму питай;
Смягчи серебро ты овнов белорунных Кедара;
Верблюдам дай силу идти средь безводья и жара;

Коням легкость ветра пустынного дай!
Самума от нас отврати ты заразы;
А к вечеру звезд сыпь на небе алмазы:
Пусть кроткий их блеск в сень радушных шатров
К нам путников степи ведет на ночлег издалёка!
И ярче лей пурпур и розы с златого востока
На люльки детей и гробницы отцов!

1839

ВЕРТОГРАД

Посмотри в свой вертоград:
В нем нарцисс уж распустился;
Зелен кедр; вокруг обвился
Ранний, цепкий виноград;
Яблонь в цвете благовонном,
Будто в снежном серебре;
Резвой змейкой по горе
Ключ бежит к долинам сонным...
Вертоград свой отопри:
Чтоб зацвесть, твой розан снежной
Ждет твоей улыбки нежной,
Как луча младой зари.

Сентябрь 1841

ЕДИНОЕ БЛАГО

Печальный кипарис, холодный мох забвенья,
В земле сокрытый гроб, и в гробе этом тленье:
Вот каждого удел за жизненной тропой!
Прах внидет снова в прах; пловец к стране родной
Причалит, и душа в отчизну возвратится,
И в двери райские к ночлегу постучится...
Блажен, кого тогда небесный серафим
Приосенит крылом приветливо своим,
И двери отопрет, и тот пришлец усталый
Блеснет в ряду лучей зари, от века алой!

1837
Санкт-Петербург

АНГЕЛ И ДЕМОН

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —
Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой — во всем величьи зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господень ангел тих и ясен:
Его живит смиренья луч;
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

1841

ЭЛЕГИИ

ИСПОВЕДЬ

Так, ветрен я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: всё тщетно! Тяжких уз
Мой дух чуждается... Когда на взор мой томный
Улыбку вижу я в устах у девы скромной —
Я сам не свой! Прости Сенека, Локк и Кант,
И пыльных кодексов старинный фолиант,
Лицей блистательный и портик величавый,
И знаменитый ряд имен, венчанных славой!
Опять ко мне придут игривая мечта,
И лики бледные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепет сладкой неги,
И стих таинственный задумчивых элегий.

1841

* * *

О чем в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чем при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

Март 1841

* * *

Зачем средь общего волнения и шума
Меня гнетет одна мучительная дума?
Зачем не радуюсь при общих кликах я?
Иль мира торжество не праздник для меня?..
Блажен, кто сохранил еще знаменованье
Обычаев отцов, их темного преданья,
Ответствовал слезой на пение псалма;
Кто, волей оторвав сомнения ума,
Святую Библию читает с умиленьем,
И, вняв церковный звон, в ночи, с благоговеньем,
С молитвою зажег пред образом святым
Свечу заветную, и плакал перед ним.

28 марта 1841

ЖИЗНЬ

Грядущих наших дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебного их сна
Не будит ранний ветр, играя с камышами.
Пытливый юноша, годов пронзая мглу,
Подходит к берегам, разводит осторожно
Густые ветви ив и мыслию тревожной
За взором следует... По водному стеклу
Аврора пурпур свой рассыпала струисто...
Как темны гряды скал! как небо золотисто!
Как стаду мелких рыб, блистая в серебре,
На солнце радостно играть и полоскаться!
Но... юноша, беги! на утренней заре
Опять не приходи смотреть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шепоту дерев и плеску волн шумливых;
А там, под образом блестящей красоты,
С приманкою любви, с приманкой ласк стыдливых,
Красавиц легкий рой мелькнет перед тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
С родного берега... Паденья шум мгновенный,
Урчание и стон пучины пробужденной

Окрестность огласит, и скоро смолкнет он,
И стихнет всё. И что ж, под зеркалом кристалла,
Увидишь ты?.. Увы! исчезнет всё, как сон!
Ни рощ коралловых, ни храмов из опала,
Ни скал, увенчанных в златые тростники,
Ни нимф, свивающих в гирлянды и венки
Подводные причудливые травы...
Нет! ты падешь к одним скалам немым,
К растеньям, дышащим губительной отравой,—
И, вызвана падением твоим,
Толпа алкающих чудовищ
На жертву кинется, низвергнутую к ним
Приманкой красоты, и счастья, и сокровищ.

1839

БЕЗВЕТРИЕ

Как часто, возмущен сна грустным обаяньем,
Мой дух кипит в избытке сил!
Он рвется в облака мучительным желаньем,
Он жаждет воли, жаждет крыл.
О! молодая мысль с презреньем и тоскою
Глядит на жизни темной даль,
На труд, лелеемый пурпурною зарею,
На скорбь, на радость, на печаль...
Питая свой восторг, безумный и строптивый,
Мятежно рвется ввысь она...
В чертоги вымысла влекут ее порывы,—
Уж вот пред ней блестит волна,
Корабль готов отплыть, натянуты канаты,
Вот якорь поднят... с берегов
Народ подъемлет крик... вот паруса подъяты:
Лишь ветра ждут, чтоб грудь валов
Кормою рассекать... на палубе дрожащий
Пловец желанием горит:
«Простите, берега!..» Но — моря в влаге спящей
Ни зыби вкруг не пробежит,
Не будит ветерок игривыми крылами
Отяжелевших моря вод,
И туча сизая с сребристыми кудрями
Грозы дыханьем не пахнет...

На мачте паруса висят и упадают
Без силы долу... и пловец
В отчаяньи глядит, как воды засыпают,
Везде недвижны, как свинец;
Глядит на даль... но там лишь чаек слышит крики
И видит резкий их полет.
Вдали теряется в извивах берег дикий:
Там беспредельность настает...
Он смотрит с грустию — ни о́блака, ни тучи
Не всходит в синих небесах,
Не плещет, не шумит на мачте флаг летучий...
Уж ночь ложится на водах:
Он всё еще глядит на руль, где клубы пены
Облиты месячным лучом,
На мачты тонкий верх, туманом покровенный,
На флаг, обвившийся кругом...

1839
Санкт-Петербург

МРАМОРНЫЙ ФАВН

Бродил я в глубине запущенного сада.
Гас красный блеск зари. Деревья без листов
Стояли черные. Осенняя прохлада
Дышала в воздухе. Случайно меж кустов
Открыл я статую: то фавн был, прежде белый,
Теперь в сору, в пыли, во мху, позеленелый.
Умильно из ветвей глядел он, а оне,
Качаясь по ветру, в лицо его хлестали
И мраморного пня подножие скрывали.
Вкруг липы древние теснились, в глубине
Иные статуи из-за дерев мелькали;
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся лицом.

Я долго идолом забытым любовался,
И он мне из кустов лукаво улыбался.
Мне стало жаль его. «Ты некогда был бог,
Цинический кумир! Тебе, при флейте звонкой,
Бывало, человек костер священный жег,
На камне закалал с молитвою ягненка

И кровью орошал тебя... О, расскажи:
Что, жаль тебе тех дней? Как ты расстался с властью,
Развенчанный? Тогда — бывали ближе ль к счастью
Младые племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымысел — их мир и наслажденья?
Иль век одни и те ж земные поколенья?
Ты улыбаешься?.. Потом была пора,
Ты был свидетелем роскошного двора;
Тебя в развалинах как чудо отыскали,
Тебе разбили сад; вокруг тебя собрали
Тритонов и наяд, афинских мудрецов,
И римских цезарей, и греческих богов;
А всё смеялся ты, умильно осклабляясь...
Ты видел бальный блеск. По саду разливаясь,
Гремела музыка. В аллее темной сей
Чета любовников скрывалась от гостей:
Ты был свидетелем их тайного свиданья,
Ты видел ласки их, ты слышал их лобзанья...
Скажи мне: долго ли хранились клятвы их
Ненарушимыми? любовь в сердцах у них
Горела вечно ли, и долее ль, чем имя
И уверенья их, на мраморе твоем
Напечатленные и... смытые дождем?
Иль, может быть, опять под липами твоими
Являлися они, условившись с другими?
И твой лукавый смех из-за густых ветвей
С любви их не сорвал предательскую маску,
Не бросил им в лицо стыда живую краску?
. . . .

Так, молча, взором я статую вопрошал,
А циник мраморный язвительно смеялся.

1841

ПРИЗВАНИЕ

Шумя, на полных парусах,
Как на распущенных крылах,
Летел корабль, бесстрашно споря
С волнами девственного моря.

Казалось, чуждо было им
Досель неведомое бремя;
Спокойно венчанное темя
Они склоняли перед ним.
Был вечер. Палуба безмолвна:
Один пловец в плаще стоял
И взор на запад устремлял,
Где вечер гас, краснели волны.
Он видит — слева, между вод,
Громады скал. Их очерк странный
Ему знаком. В выси туманной
Из-за утесов восстает
Немая конная статуя,
Одета броней, со щитом,
И гордо каменным перстом
Ему на запад указуя.
Корабль летел, за водный склон
Зеленый остров погружался,
Тонули скалы,— только он,
Недвижный всадник, оставался,
На дальний запад обращен.

И понял странствователь света
Сокрытый смысл скалы немой:
То божий перст! не столп запрета!..
Вперед! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни яд, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни в гневе небеса
Его полет не устрашали.
Он плыл... И скоро, будто дым,
Под небом вечера златым
Открылись очерки утесов,
Под сенью пальм, в венце кокосов.
И пали ниц пловцы пред ним,
Познав в нем божьего пророка...
Что ж думал он, пловец высокий,
Когда на землю он взирал,
Молился и рукою смелой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесов знамя водружал?

Блажен, кто понял с колыбели
Свое призванье в жизни сей
И смело шел между зыбей
К пределу избранныя цели;
Кто к ней всегда руководим
Единой мыслью неизменной,
Как Генуэзец, вдохновенный
Гранитным всадником своим!

4 апреля 1841

ОЧЕРКИ РИМА

НА ПУТИ

Долин альпийских сын, хозяин мирный мой,
С какою завистью гляжу на домик твой!
Не здесь ли счастие? Лишь с юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
С холмов меж зеленью младою утекут,
Твой стол обеденный искусно уберут
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоих игривые затеи;
И стадо дар несет, с полей его собрав,
Дышащий запахом новорожденных трав;
И голос соловья в саду звучит и блещет,
И ласточек семья под кровлею щебещет,
И пчелы шумною гирляндою летят
К цветущим яблоням, в твой благовонный сад...
Ты любишь ближнего и горд своей свободой,
Ты всё нашел, чего веками ждут народы...

1843

CAMPAGNA DI ROMA [1]

Пора, пора! Уж утро славит птичка,
И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привычка.
Возьмем коней, оставим душный Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тесных,
И воздухом подышим полевым.
О! как легко! как грудь свободно дышит!
Широкий горизонт расширил душу мне...

[1] Римская Кампанья (итал.).— *Ред.*

Мой конь устал... Мысль бродит в тишине,
Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные поля,
И, будто нищий с ризою раздранной,
Обломок башни, обвитой плющом,
Разбитый храм с остатком смелых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов
Открылися в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...
Угрюмого источник вдохновенья...
Всё тяжко спит, всё умерло почти...
Лишь простучит на консульском пути
По гладким плитам конь поселянина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется, в плаще и с палкой длинной,
И в шапке острой... Вот в тени руины
Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшоном,
Заснул, склонясь на камень головой,
А вдалеке, под синим небосклоном,
На холме мазанка из глины и ветвей,
И кипарис чернеется над ней...

Измученный полудня жаром знойным,
Вошел я внутрь руин, безвестных мне.
Я был объят величьем их спокойным.
Глядеть и слушать в мертвой тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир видений!..
То цирк был некогда; теперь он опустел,
Полынь и терн уселись на ступени,
Там, где народ ликующий шумел;
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и амфор:
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж травой
И тростником, и розой полевой,
И рыщет ветр, один, что конь пустынный.

Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниею взгляда,
С чернокудрявой, смуглой головой,
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул,
«Я голоден,— со злобою взывая.—
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

1844

* * *

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим
Римом!
Под этаким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии древней Эллады.
Ну, вот, поглядите: по каменной белой ограде
разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль
завеса;
В средине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом
корсете!)
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть,
германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай
нежданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе
не мысля,

Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его кистью!

1844

AMOROSO[1]

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит
И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.

Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя,
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!

О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?.. заснул уж он?

Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...

1843 или 1844

---

[1] Любовник (итал.).— *Ред.*

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ВАТИКАНСКОГО МУЗЕЯ

Еще я слышу вопль и рев Лаокоона,
В ушах звенит стрела из лука Аполлона,
И лучезарный сам, с дрожащей тетивой,
Восторгом дышащий, сияет предо мной...
Я видел их: в земле отрытые антики,
В чертогах дорогих воздвигнутые лики
Мифических богов и доблестных людей:
Олимпа грозного властителей священных,
Весталок девственных, вакханок исступленных,
Брадатых риторов и консульских мужей,
Толпе вещающих с простертыми руками...

Еще в младенчестве любил блуждать мой взгляд
По пыльным мраморам потемкинских палат.
Там, в зале царственном, меж пышными столбами,
Увитыми кругом сребристыми листами,
Как часто я стоял и с думой, и без дум
И с строгой красотой дружил свой юный ум.
Антики пыльные живыми мне казались,
Как будто бы и мысль, и чувство в них скрывались...

Забытые в глуши блистательным двором,
Казалось, радостно с высоких пьедесталов
Они внимали шум шагов моих вдоль залов,
И, властвуя моим младенческим умом,
Они роднились с ним, как сказки умной няни,
В пластической красе мифических преданий...

Теперь, теперь я здесь, в отчизне светлой их,
Где боги меж людей, прияв их образ, жили
И взору их свой лик бессмертный обнажили.
Как дальний пилигрим среди святынь своих,
Средь статуй я стоял... Мне было дико, странно:
Как будто музыке безвестной я внимал,
Как будто чудный свет вокруг меня сиял,
Курился мирры дым и нард благоуханный,
И некто дивный был и говорил со мной...

С душой, подавленной восторженной тоской,
Глядел в смущеньи я на лики вековые,
Как скифы дикие, пришедшие с Днепра,
Средь блеска пурпура царьградского двора,
Пред благолепием маститой Византии,
Внимали музыке им чуждой литургии...

1845

* * *

На дальнем Севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами
Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки, и руины...
При этом солнце огневом,
При шуме водного паденья,
Ты мне сказала в упоенье:
«Здесь можно умереть вдвоем...»

1844

НИЩИЙ

Джузеппе стар и дряхл; на площадях лежит
С утра до вечера, читает вслух каноны
И молит помощи он именем Мадонны;
И в тридцать лет себе, как то молва гласит,
Два дома выстроил, и третий кончит скоро,
Женил двух сыновей, и внучек любит страх.

На пышной лестнице старинного собора,
Красиво развалясь на мраморных плитах,
Картинно голову прикрыв лохмотьем старым,
Казалось, он заснул... А тут, в его ногах,
Сидела девочка. Под этим жгучим жаром —
С открытой шеею, с открытой головой,
С обрывком на плечах какой-то ткани грубой,—
Но — волосы, глаза — и точно перлы зубы —
И взгляд, поднявшийся на нас как бы с мольбой:
«*Его* не разбудить». Худые ноги, руки —
Мурильо!.. Но старик Джузеппе не дремал:
Во всем величии отчаянья и муки
Он вдруг приподнялся и глухо простонал:
«Я три дня голодал»... Ресницы опустила
Невольно девочка — и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула и что-то нам хотела,
Казалося, сказать — но говорить не смела
И — быстро спряталась в лохмотья старика...

1844

КАПУЦИН

Разутый капуцин, веревкой опоясан,
В истертом рубище, с обритой головой,
Пред раболепною народною толпой,
Восторженный, держал евангельское слово.
Он слезы проливал, полн рвения святого,
Рвал клочья бороды, одежду раздирал,
В нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народ, поверженный во прах пред ним, рыдал,
Проклятьям и слезам молитвенно внимая.
Колено преклонил и я между толпой,
Но строгой истины оракул громовой
Не потрясал души моей. Иные думы
Тревожили мой дух суровый и угрюмый.
Провиденно мой взор в сердца людей проник.
Там плакал и стонал, как мальчик, ростовщик,
Там, бледен, слезы лил разбойник закоснелый;
Блудница дряхлая, узрев могилы сень,
Молилась о грехах душою оробелой.

Но ты, дитя мое, ты, чистая как день,
Как первые цветы весны благоуханной,
Что плачешь ты? о чем? Беды ль тебя нежданной
Томит предчувствие? Иль, с страстию в борьбе,
Ты хочешь выплакать мятежных чувств избыток?
Иль дух твой напугал теперь раскрытый свиток
Пороков и злодейств, и мысль страшна тебе,
Что, может, и в твоей начертано судьбе
Пройти чрез тот же путь и у могильной сени
Слезами смыть клеймо таких же заблуждений?

1844

В ОСТЕРИИ

Пеппо, выпьем!.. Видишь, буря
Разыгралася в горах!
В блеске молний, очи жмуря,
Кони бесятся впотьмах.

Что колпак остроконечный
Ты надвинул на глаза?
Или есть недуг сердечный,
Иль на совести гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду острый нож,
Не боясь суда людского,
Прямо в сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую речь
Смело в бой полезешь жаркой
И готов в могилу слечь...

Ведь таков и лев свирепой;
Был Андрокл... слыхал ли ты?..
Нет? Так выпьем лучше, Пеппо,
Без ученой пустоты!

1844

FORTUNATA[1]

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Всё забудь, всё брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце,— не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю,
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..

Верь в любви, что счастью не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам ввек с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя ввек...

1845

НИМФА ЭГЕРИЯ

Fecémmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.

Dante, Jnf. Cant. III[2].

Жила я здесь, во мраке дубов мшистых;
Молчание пещеры, плеск ручья,
Густая синь небес, лесов тенистых

Далекий гул, и жар златого дня,
И ночи тишь — всё было полно мною.
Учила здесь и царствовала я.

---

[1] Счастливая (итал.).— *Ред.*

[2] Я сотворен божественной силой, высшим знанием и первой любовью. *Данте,* Ад, *песнь III* (итал.).— *Ред.*

Во время оно муж, с седой главою,
С челом, на коем дума с юных лет
Изваялась, со свитком и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свет
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный был оживлен скелет.

Он, грозный, думал; после, на колено
Склонивши доску, думал и чертил
Закон или кровавый, иль смиренный.

Он иногда довольством светел был;
Порой, смотря на роковые строки,
Взор отвращал, бледнел и слезы лил.

Являлась я ему в тот миг жестокий.
Он голову склонял к моей груди,
Как человек, прошедший путь далекий

И утомленный ношею в пути,
Иль как отец, свершая суд суровый,
На казнь велевший сына отвести.

«Ужель векам пишу закон громовый?
Чтоб меж людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?..»

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старик опять читал свои скрижали,
И снова думал, и писал опять.

1844

ТИВОЛИ

Боже! как смотришь на эти лиловые горы,
Ярко-оранжевый запад и бледную синь на востоке,
Мраком покрытые виллы и рощи глубокой долины;
На этот город, прилепленный к горному склону,
Белые стены, покрытые плющем густым, кипарисы,

Лавры, шумящие воды, и там на скале, озаренный
Слабым сияньем зари, на колоннах изящных,
Маленький храмик Цибелы, алтарь и статуи,—
Грустно подумать, что там за горами, на полночь,
Люди живут и не знают ни гор в багряницах
Огненных зорь, ни широких кругом горизонтов!..
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнее
Думать, что бродишь там в поле, богатом покосом,
В темных лесах, и ничто в этой бедной природе
Мысли твоей утомленной не скажет, как этой
Виллы обломки: «Здесь некогда, с чашей фалерна,
В мудрой беседе, за долгой трапезой с друзьями,
Туллий отыскивал тайны законов созданья»;
Розы лепечут: «Венчали мы дев смуглолицых,
Сладко поющих Милета и Делоса дщерей,
Лирой и пляской своей потешавших Лукулла»;
Воды: «Под наше паденье, под музыку нашу
Ямб и гекзаметр настроивал умный Гораций»;
Гроты, во мраке которых шумят водопады:
«Здесь говорила устами природы Сивилла;
Жрец многодумный таинственно в лунные ночи
Слушал глаголы богини и после вещал их
Робкой толпе со ступеней Цибелина храма...
В недрах горы между тем собирались, как тени,
Ратники новыя веры, и раб и патриций;
Слышались странные звуки и чуждое пенье,
Будто Везувий, во мраке клокочущий лавой,—
И выходили потом, просветленные свыше,
В мир на мученье, с глаголом любви и смиренья...»

1844

* * *

«Скажи мне, ты любил на родине своей?
Признайся, что она была меня милей,
Прекраснее?»
— «Она была прекрасна...»
«Любила ли она, как я тебя, так страстно?
Скажи мне, у нее был муж, отец иль брат,

Над чьим дозором вы смеялися заочно?
Всё расскажи... и как порою полуночной
Она спускалася к тебе в тенистый сад?
Могла ль она, как я, так пламенно руками,
Как змеи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимые в лобзаньи никогда,
С твоими горячо ль сливалися устами?
В те ночи тайные, когда б застали вас,
Достало ли б в ней сил, открыто, не страшась,
В глаза им объявить, что ты ее владенье,
Жизнь, кровь, душа ее? На строгий суд людей
Глядела ли б она спокойным, смелым взором?
Гордилась ли б она любви своей позором?..
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образ ненавистный
Я вырвать не могу из памяти твоей!..»

«Ах, не брани ее! Глубоко, бескорыстно
Любили мы. Но верь, ни разу ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смели.
Она была со мной как будто холодна;
Любя, друг друга мы стыдились и робели:
Лишь худо скрытый вздох, случайный, беглый взор
Ей изменял. У нас всегда был разговор
Незначащ, о вещах пустых, обыкновенных,
Но как-то в тех словах, в той болтовне пустой,
Угадывали мы душою смысл иной
И голос слышали страданий сокровенных.
И только раз уста мои ее руки
Коснулись; но потом мне стыдно, больно было,
Когда она ко мне безмолвно обратила
Взор, полный слез, мольбы, укора и тоски...
Тот взор мне всё сказал; он требовал пощады...
Он говорил мне: нам пора, расстаться надо...»
«И вы расстались?»
— «Расстались. Я сказать
Хотел ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тут вошли — должны мы были замолчать...»

«Любить! Молчать!!. И вы любили?!. Боже,
Боже!..»

1844

ХУДОЖНИК

Кисти ты бросил, забыл о палитре и красках,
Проклял ты Рим и лилово-сребристые горы;
Ходишь как чумный; на дев смуглолицых не
смотришь;
Ночью до утра сидишь в остерии за кружкой,
Хмурый, как родина наша... И Лора горюет,
Тщетно гадая, о чем ты тоскуешь, и смотрит
В очи тебе, и порой ловит бред твой сквозьсонный.
Что, не выходит твой Рим на картине? Что, воздух
Тонкой струей не бежит между листьев? Солнце
Легким, игривым лучом не скользит по аллее?
Горы не рядятся в легкую дымку туманов полудня?
Руку, художник! ты тайну природы постигнешь!
Думать будет картина — ты сам, негодуя,
Выносил в сердце тяжелую думу.

1845

FIORINA

«Смуглянка милая, я из страны далекой,
И здесь в развалинах блуждаю одинокой,
И всё-то чудно мне... Скажи, ты рождена
В долине здесь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангел мой, как говорит преданье,
Кем строено, зачем, в какие времена?»
— «Не знаю, мы сюда за земляникой ходим,
А на зиму стада пастись сюда приводим.
Бывают многие и смотрят. Кардинал
Сюда с двором своим намедни приезжал.
Я ягод подала ему; он взял немного,
Благословил меня, велел молиться богу,
Красавицей меня и умницей назвал...
На мне в тот день венок был из листков дубовых,
А в косы я вплела нить бисеров перловых».

1845

ДВОЙНИК

Назвавши гостей, приготовил я яств благовонных,
В сосуды хрустальные налил вина золотого,
Убрал молодыми цветами свой стол, и, заране
Веселый, что скоро здесь клики и смех раздадутся,
Вокруг я ходил, поправляя приборы, плоды и
гирлянды.
Но гости не и́дут никто... Изменила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучший венок приготовил из лилий душистых,
Которой бы голос и яркие очи, уста и ланиты
Служили бы солнцем веселости общей, законом
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что ж делать?
Печально гляжу я на ясные свечи, ряд длинный
приборов...
А где же друзья? Где она?.. Отчего не явилась?..
Быть может...
Ведь женское сердце и женская клятва что ветер...
Эх, сяду за кубок один я... Один ли?.. А он,
неотступный,
Зачем он, непрошеный гость, предо мною уселся,
С насмешкой глядит мне в глаза? И напрасно
движенья
Досады и ревности скрыть перед ним я стараюсь...
Ох, трудно привыкнуть к нему, хоть давно мы
знакомы!
Всё страшно в нем видеть свой образ, но только без
сердца,
Без страсти и с вечно холодной логической речью...
Софист неотступный, оставь меня! Что тебе пользы,
Хирург беспощадный, терзать мою душу?..

1843, 1844

LORENZO

Слава богу, деньги есть
Шляпу на́ брови надвину,
Плащ широкий перекину
Чрез плечо... войду я в честь.

Встретит князь меня с почтеньем,
И поклонится аббат,
И маркизы с приглашеньем
Мне навстречу полетят.

Я высок, красив и ловок...
Речь — серебряная нить;
Знаю тайну всех уловок
Сердце женщины дразнить.

В будуар благоуханный
В ночь прокра́дусь я тайком...
Потоскует сердце Нанны,
Знаю я... да что ж мне в том?

Деньги выйдут... что ж за дело?
Молоток возьму я свой,
Буду сечь я мрамор белый
У скульпто́ра в мастерской.

А наскучит — повалюся
Я на паперти церквей
И калекой притворюся,
Мол, уродец с детских дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняют,
Что казны не клал под спуд!..
А маркизы?.. Не узнают!
А узнают — прочь пойдут.

Что мне в них? Всегда от Нанны,
Будь в чести ль, в лохмотье ль я,
Я услышу: «Друг желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

1845

* * *

Всё утро в поисках, в пещерах, под землей,
В гробницах, в цирках!.. Ну, пусть труд
свершают свой

Сопутники мои — этрурский антикварий
И немец, кропотун в разборе всякой стари!
Довольствуюся я, как славянин прямой,
Идеей общею в науке Винкельмана.
Какое дело мне до точности годов,
До верности имен! Голодный, я готов
Хоть к черту отослать Метелла и Траяна...
И жар невыносим! Вся выжжена земля!
Зеленых ящериц пугливая семья
Под листья прячется, шумя плющом руины;
Далекий горизонт в серебряной пыли...
А! вот под аркою старинною в тени
Домишко, слепленный из тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вот берег! берег! в путь!
Ведь в этой хижине живет какой-нибудь
Потомок Ромула, Помпея иль Нерона!
Стучусь: «Э-ге! кто там! Signor padron! padrona!..» [1]
О Рим, о чудный край! Всё кажется здесь сном!
Передо мной стоит, с широкими косами,
Хозяйка стройная, с блестящими очами,
Со смугло-палевым классическим лицом
И южной грацией движений и улыбок...
А как роскошный стан изваян! как он гибок!..
Я с жадностью следил, как ставила она
Передо мною сыр с фиаскою вина...
«Вы замужем?» — «Мой муж уехал в город».
— «Долго
Пробудет?» — «Дня два, три...» Тут говорил я ей
О мнимой святости супружеского долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выбор дать. Она сперва молчала
Иль с миной набожной серьезно отвечала:
«Так бог велит». Потом, вдруг пальчик свой прижав
К устам и глазками на угол указав,
Шепнула: «Завтра». Я взглянул на угол темный
И вижу: капюшон спустивши, тихо, скромно,
Храня смирения и умиленья вид,
Молитву набожно свершает иезуит.

1845

---

[1] Хозяин! хозяйка! (итал.).— *Ред.*

ГАЗЕТА

Сидя в тени виноградника, жадно порою читаю
Вести с далекого Севера — поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся в страшной борьбе
поколенья:
Ломятся с треском подмостки старинной громады,
и смело
Мысль обрывает кулисы с плачевного зрелища правды.
Здесь же всё тихо: до сени спокойно-великого Рима
Громы борьбы их лишь эхом глухим из-за Альп
долетают;
Точно из верной обители смотришь, как молнии стрелы
Тучи чертят, вековые леса зажигают,
Крест золотой с колокольни ударом сорвут и разгонят
В страхе людей, как пугливое стадо овец изумленных...
Так бы хотелось туда! Тоже смело бы, кажется, бросил
Огненный стих с сокрушительным словом!.. Поникнешь
в раздумье
Вдруг головой: выпадает из рук роковая газета...
Но как припомнишь подробности в целом торжественной
драмы,
Жалких Ахиллов журнального мира и мелких Улиссов;
Вспомнишь корысть их, как двигатель — впрочем,
великого дела,—
Точно как сон отряхнув, поглядишь на тебя, моя Нина,
Как ты, ревнуя меня не к газете, а к Нанне-соседке,
Сядешь напротив меня, сохраняя серьезную мину,
Губки надув, и нарочно не смотришь мне в очи...
Мгновенно
Всё позабудешь: и грязь, и величье общественной драмы,
Бросишься мигом тебя целовать. Ты противишься,
с сердцем,
Чуть не сквозь слез, уклоняя уста от моих поцелуев,
и после
Легкой борьбы добровольно уступишь, и долгим
лобзаньем
Я заглушаю в устах у тебя и укоры, и брань.

1845

АНТИКИ

О мрамор, хранилище мысли былых поколений!
В могилах тебя отыскали средь пепла и камней;
Художник сложил воедино разбитые члены,
Трудяся с любовью, как будто бы складывал вместе
Куски драгоценные писем от милой, безумно
Разорванных в гневе... Израненный, ныне пред нами
Стоишь ты в чертогах, и люди к тебе издалёка
Стремятся, как к чудной святыне толпы
пилигримов...
Творцы твои были, быть может, честимы и славны,
На площади града венчанны шумящим народом,
В палаты царей приходили, как лучшие гости!..
Иль, может быть, в жизни узнали лишь горе да голод,
Труда вдохновенные ночи да творчества гордость,
И ныне их имя погибло, и, может быть, поздно
Узнали их гений... и им неизвестно осталось,
Какой фимиам воскурен им далеким потомством,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
В Афинах жрецы алтарям Неизвестного бога...

<1843>

ИГРЫ

«Хлеба и зрелищ!»

Кипел народом цирк. Дрожащие рабы
В арене с ужасом плачевной ждут борьбы.
А тигр меж тем ревел, и прыгал барс игривой,
Голодный лев рычал, железо клетки грыз,
И кровью, как огнем, глаза его зажглись.
Отворено: взревел, взмахнув хвостом и гривой,
На жертву кинулся... Народ рукоплескал...
В толпе, окутанный льняною, грубой тогой,
С нахмуренным челом седой старик стоял,
И лик его сиял, торжественный и строгой.
С угрюмой радостью, казалось, он взирал,
Спокоен, холоден, на страшные забавы,
Как кровожадный тигр добычу раздирал
И злился в клетке барс, почуя дух кровавый.

Близ старца юноша, смущенный шумом игр,
Воскликнул: «Проклят будь, о Рим, о лютый тигр!
О, проклят будь народ без чувства, без любови,
Ты, рукоплещущий, как зверь, при виде крови!»
— «Кто ты?» — спросил старик. «Афинянин! Привык
Рукоплескать одним я стройным лиры звукам,
Одним жрецам искусств, не воплям и не мукам...»
— «Ребенок, ты не прав»,— ответствовал старик.
— «Злодейство хладное душе невыносимо!»
— «А я благодарю богов-пенатов Рима».
— «Чему же ты так рад?» — «Я рад тому, что есть
Еще в сердцах толпы свободы голос — честь:
Бросаются рабы у нас на растерзанье —
Рабам смерть рабская! Собачья смерть рабам!
Что толку в жизни их — привыкнувших к цепям?
Достойны их они, достойны поруганья!»

1846

* * *

Сижу задумчиво с тобой наедине;
Как прежде, предо мной синеют даль и горы...
Но с тайной робостью покоишь ты на мне
Внимательной тоски исполненные взоры...
Ты чувствуешь, что есть соперница тебе —
Не дева юная... ты слышишь, призывает
Меня немая даль, влечет к иной судьбе...
Ты чувствуешь, мой дух в тоске изнемогает,
Как пленный вождь, восстал от сладких снов любви
И силы новые он чувствует в крови,
И, зодчий ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущего сооружает зданье...

1843

ДРЕВНИЙ РИМ

Я видел древний Рим: в развалине печальной
И храмы, и дворцы, поросшие травой,
И плиты гладкие старинной мостовой,
И колесниц следы под аркой триумфальной,

И в лунном сумраке, с гирляндою аркад,
Полуразбитые громады Колизея...
Здесь, посреди сих стен, где плющ растет, чернея,
На прахе Форума, где у телег стоят
Привязанные вкруг коринфской капители
Рогатые волы,— в смущеньи я читал
Всю летопись твою, о Рим, от колыбели,
И дух мой в сладостном восторге трепетал.
Как пастырь посреди пустыни одинокой
Находит на скале гиганта след глубокой,
В благоговении глядит, и, полн тревог,
Он мыслит: здесь прошел не человек, а бог,—
Сыны печальные бесцветных поколений,
Мы, сердцем мертвые, мы, нищие душой,
Считаем баснею мы век громадный твой
И школьных риторов созданием твой гений!..
Иные люди здесь, нам кажется, прошли
И врезали свой след нетленный на земли —
Великие в бедах, и в битве, и в сенате,
Великие в добре, великие в разврате!
Ты пал, но пал, как жил... В падении своем
Ты тот же, как тогда, когда, храня свободу,
Под знаменем ее ты бросил кров и дом,
И кланялся сенат строптивому народу...

. . . .

Таким же кончил ты... Пускай со всей вселенной
Пороков и злодейств неслыханных семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла в твой вечный град, как хитрая змея;
Пусть голос доблести уже толпы не движет;
Пускай Лициния она целует прах,
Пускай Лициний сам следы смиренно лижет
Сандалий Клавдия, бьет в грудь себя, в слезах
Пред статуей его пусть падает в молитве —
Да полный урожай полям он ниспошлет
И к пристани суда безвредно приведет:
Ты духу мощному, испытанному в битве,
Искал забвения... достойного тебя.
Нет, древней гордости в душе не истребя,
Старик своих сынов учил за чашей яду:

«Покуда молоды — плюща и винограду!
Дооблачных палат, танцовщиц и певиц!
И бешеных коней, и быстрых колесниц,
Позорищ ужаса, и крови, и мучений!
Взирая на скелет, поставленный на пир,
Вконец исчерпай всё, что может дать нам мир!
И, выпив весь фиал блаженств и наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь достойно увенчать,
В борьбе со смертию испробуй духа силы,
И, вкруг созвав друзей, себе открывши жилы,
Учи вселенную, как должно умирать».

<1843>.

PALAZZO[1]

Войдемте: вот чертог с богатыми столбами,
Земным полубогам сооруженный храм.
Прохлада царствует меж этими стенами,
Лениво бьет фонтан по мраморным плитам;
Террасы убраны роскошными цветами,
И древние гербы блистают по стенам —
Эмблемы доблести фамилий, гордых властью:
Кабаньи головы да львы с открытой пастью.

Здесь всё еще хранит следы времен былых;
Везде минувшего остатки вековые,
Вот груды пышные доспехов боевых,
И исполинский меч, и латы пудовые,
И Палестины ветвь, и кость мощей святых;
Там пыток варварских орудья роковые,
Колеса и зубцы; вкруг дивный дар руин —
Антики желтые и длинный ряд картин:

То предки гордые фамилии высокой.
Там старцы: латы их изрублены в боях,
И страшен яркий взгляд с улыбкою жестокой...

---

[1] Дворец (итал.).— *Ред.*

Там красный кардинал, в маститых сединах,
Коленопреклонен, с молитвою глубокой,
Перед мадонною с младенцем на руках;
Там юноша, средь муз, любимый Аполлоном,
Венчанный миртами лукавым Купидоном.

Там жены: та бела, как мрамор гробовой,
В потускшем взгляде скорбь и ужас затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирепого рабой
И сластолюбия забавою презренной;
Как будто говорит она: «Здесь дни губя,
Жила и умерла я в муках, не любя...»

Та — жизни полная и в блеске самовластья —
Сомкнутые уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенных жен ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась из оков;
Служили ей кинжал, и яд, и сладострастье
На шумных оргиях, и мщенье, и любовь,—
И взор ее горит насмешкой исступленной,
Всей гордостью души, глубоко оскорбленной...
. . . .

И ныне пусто всё в блестящей галерее...
На этих мраморах густая пыль лежит;
Оборванный лакей, в истасканной ливрее,
На креслах бархатных раскинувшись, храпит;
И в залах, как среди развалин Колизея,
Семейство англичан кочует и шумит...
А вы — вы кинули отцов чертог печальный,
Наследники их прав и чести феодальной?

Благословенье вам! Не злато, не гербы
Вам стали божеством, а разум и природа,
И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»

И гордо шелестит, за честь страны родной,
Болонская хоругвь над вашей головой!

Благословенье вам! Италии спасенной
В вас избавителей увидеть суждено!..
Но тише... Здесь живут: раскинут стол зеленый,
Вчера здесь пир был: всё исписано сукно;
Там дребезги стекла... бокал неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женские и бюст Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847

ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ

ПОСЛЕ БАЛА

Мне душно здесь! Ваш мир мне тесен!
Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов,
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило всё на бред,
Где б каждый был хоть миг — поэт!
А то — сберетеся вы чинно;
Гирлянды дам сидят в гостиной;
Забава их — хула и ложь;
Танцует в зале молодежь —
Девицы с уст улыбку гонят,
По лицам их не разберешь,
Тут веселятся иль хоронят...
Вы сами бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздник званый ваш!
Недаром, с бала исчезая
И в санки быстрые садясь,
Как будто силы оправляя,
Корнет кричит: «Пошел в танцкласс!»
А ваши дамы и девицы
Из-за кулис бросают взор
На пир разгульный модной львицы,
На золотой ее позор!

1850

УТОПИСТ

Свои поместья умным немцам
На попечение отдав,
Ты сам меж ними чужеземцем
Проводишь век — и что ж? ты прав...
Твои мечты витают выше...
Что перед ними — нищих полк,
Да избы с сломанною крышей,
Да о житейских дрязгах толк?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты в олимпийской тишине,
На мир накинув туч завесу,
Сидишь с собой наедине.
Сидишь, для мира вымышляя
И лучший строй, и новый чин,—
И весь Олимп молчит, гадая,
Чем озабочен властелин...
И лишь для резвого Эрота
У жизнедавца и отца
Миродержавная забота
Спадает с грозного лица.

1857

* * *

Перед твоей душой пугливой
Титаном гордым он предстал,
В котором мир непрозорливый
Родства с богами не признал.
И ты, воспитанная в горе,
Внезапным светом залита,
В замаскированном актере
Не разгадала ты — шута!
И, как обманутая Геба,
Ты от Зевесова стола,
Скорбя, ему, как сыну неба,
Зевесов нектар подала...
Чтоб заглушить его угрозы
Всему, что дорого тебе,

Ты падаешь, глотая слезы,
К его стопам в немой мольбе.
Но тщетно трепетные руки
Зажать уста его хотят!
Твои младенческие муки
Его смешат и веселят...
Ему так новы дум свобода
И свежесть чувств в твоих речах,
Как горожанину природа
В весенних красках и лучах.

1853

* * *

Уйди от нас! Язык твой нас пугает!
У нас сердец восторженный порыв
Перед твоим бездушьем замирает —
Ты желчен, зол, самолюбив...
Меж тем как мы из жизненного мрака,
Стряхнувши прах вседневной суеты,
Вступаем в царство света — сзади ты
За икры нас кусаешь, как собака.

1852

* * *

(Отрывок)

Над прахом гения свершать святую тризну
Народ притек. Кто холм цветами осыпал,
Кто звучные стихи усопшего читал,
Где радовался он и плакал за отчизну;
И каждый повторял с слезами на глазах:
«Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах!»
Но вдруг среди толпы ужасный крик я внемлю...
То наземь кинулся как жердь сухой старик.
Он корчился, кусал и рыл ногтями землю,
И пену ярости точил его язык.
Его никто не знал. Но старшие в народе
Припомнили, что то был старый клеветник,
Из тех, чья ненависть и немощная злоба
Шли следом за певцом, не смолкли и у гроба,

Дерзая самый суд потомства презирать.
И вот, поднявшися и бормоча без связи,
На холм могильный стал кидать он комья грязи;
Народ, схватив его, готов был растерзать,
Но Вождь мой удержал. «Ваш гнев певца обидит,—
Сказал.— Стекайтеся, как прежде, совершать
Поминки над певцом и гроб его венчать,
А сей несчастный — пусть живет и видит!»

1855

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ

Еще печаль! Опять утрата!
Опять вопрос в душе заныл
Над прахом бедного собрата:
Куда ж он шел? Зачем он жил?

Ужель затем, чтоб сердца муки
На песни нам перевести,
Нам дать в забаву эти звуки
И неразгаданным уйти?..

Я эти звуки повторяю —
Но песням, милым с давних дней,
Уже иначе я внимаю...
Они звучат уже полней...

Как будто в них теперь всецело
Вошла, для жизни без конца,
Душа, оставившая тело
Их бездыханного творца.

1857

ЭОЛОВЫ АРФЫ

Засуха!.. Воздух спит... И небеса молчат...
И арф эоловых безмолвен грустный ряд...
Те арфы — это вы, певцы моей отчизны!

То образ ваших душ, исполненных тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчат они, молчат, как арфы в этот зной!..
Но если б мимо их промчался вихрем гений
И жизни дух пахнул в родимой стороне —
Навстречу новых сил и новых откровений
Какими б звуками откликнулись оне!..

1856

* * *

Как чудных странников сказанья
Про дальние края,
О прошлых днях воспоминанья
В душе читаю я...

Как сон блестящий, вижу горы,
Статуи, ряд дворцов,
Резные, темные соборы
Старинных городов...

Гремят веселые напевы
За дружеским столом;
В златом тумане идут девы
Под розовым венком...

Но клики пира, дев улыбки
Меня не веселят,
И прежде милые ошибки
Соблазном не манят...

Иного счастья сердце просит...
Уж из знакомых вод
В иные воды ветер вносит
Мой челн; волна ревет;

Кругом угрюмей вид природы,
И звезд иных огнем
Небес таинственные своды
Осыпаны кругом...

К ним так и тянет взор мой жадный,
Но их спокойный вид,
Их блеск холодный, безотрадный
Мне душу леденит!

За всё, чем прежде сердце жило,
Чем билось, я дрожу,
И в даль туманную уныло,
Оставив руль, гляжу,—

И не садится ангел белый
К рулю в мой утлый челн,
Как в оны дни, когда так смело
Он вел его средь волн...

1857

* * *

Когда, гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души,—
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

ФИЛАНТРОПЫ

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелася любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай господь им долги дни! —
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

Октябрь 1853

МАТЬ И ДОЧЬ

Опрятный домик... Сад с плодами...
Беседки, грядки, цветнички...
И всё возделывают сами
Мои соседи старички.

Они умеют достохвально
Соединить в своем быту
И романтизм сентиментальный,
И старых нравов простоту.

Полна высоких чувств святыней
И не растратив их в глуши,
Старушка верует и ныне
В любовь за гробом, в жизнь души.

Чужда событий чрезвычайных,
Вся жизнь ее полна была
Самопожертвований тайных
И угождений без числа.

Пучки цветов, венки сухие
Хранятся в комнате у ней,
Она святит в них дорогие
Воспоминанья прошлых дней.

Порою в спальню к дочке входит,
Рукою свечку заслоня,
Глядит и плачет... и приводит
Себе на память, день от дня,

Всё прожитое... Там всё ясно!
О чем же сетует она?
Иль в сердце дочери прекрасной
Она читает и сквозь сна?

Старушка мучится сомненьем,
Что чужд для дочки отчий кров;
Что дочь с упрямым озлобленьем
Глядит на ласки стариков;

Что в ней есть странная забота...
Отсталый лебедь — точно ждет
Свободной стаи перелета,
И клик заслышит — и вспорхнет!..

Но не вспорхнет она на небо!
Уж демон века ей шептал,
Что жизнь — не мука ради хлеба,
Что красота есть капитал!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи очей,
За ней следящих в шуме бала,
Как за царицей бальных фей...

Полночный пир... шальные речи...
Бокалы вдребезги летят...
Покровы прочь! открыты плечи,
Язвит и жжет прекрасной взгляд,—

И перед нею на коленях
Толпа вельмож и богачей
В мольбах неистовых и пенях —
И сыплют золото пред ней!

Уйди, старушка!.. Бог во гневе
Шлет бич нам в детище твоем
За попеченье лишь о чреве,
И зло карает тем же злом!

Великолепные чертоги
Твою возлюбленную ждут;
К ней века денежные боги
На поклонение придут

И, осмеявшие стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнают жгучие мученья
В крови родившихся страстей!

И будут, млея в жажде страстной,
Искать божественной любви

Под этой маской вечно ясной,
Под этой грацией змеи!

Напрасно! нет!.. Один уж лопнет,
Другой пойдет открыто красть,
Острог за третьим дверь захлопнет,
Кто пулю в лоб... благая часть!

Одна владычица их мира —
Она лишь блеском залита...
Спокойный профиль... взгляд вампира...
И неподвижные уста...

1857

СТАРЫЙ ХЛАМ

В мебельной лавчонке, в старомодном хламе,
Старые портреты в полинялой раме.

Всё-то косы, пудра, мушки и румяны,
Через плечи ленты, с золотом кафтаны:

Дней давно минувших знатные вельможи —
Полны и дородны, жир сквозит под кожей.

Между ними жены с лебединой шеей:
Грудь вперед, как панцирь, мрамора белее,

Волосы горою над челом их взбиты,
Перьями, цветами пышно перевиты...

И во всех-то лицах выразил искусно
Гордость ловкий мастер... И смешно, и грустно!

Кто они такие? Этих лиц не видно
В пышных галереях, где почет завидный

Век наш предкам добрым воздает исправно,
Где живут в портретах старины недавной

Главные актеры, главные актрисы...
Эти ж, видно, были веку лишь кулисы!

Высших потешали пошлым обезьянством,
Низших угнетали мелочным тиранством;

А сошли со сцены — всем вдруг стали чужды,
И до их портретов никому нет нужды,

И стоят у лавки, точно как привратник,
Старая кокетка, ветреный развратник!..

Но — вот лик знакомый, и свежее краски...
Скоро ж до печальной дожил он развязки!

Грубо намалеван — а ведь образ чудный!
И его никто-то, в час развязки трудной,

Не сберег от срама, — и свезен жидами
Он с аукциона вместе с зеркалами!..

Крышку ль над прекрасной гроб уже захлопнул?
Биржа ль изменила? откуп, что ли, лопнул?..

В Риме и Афинах Фрины были, Лиды,
Ветреные жрицы пламенной Киприды;

Но с Киприлой музы в двери к ним влетали,
И у них Сократа розами венчали...

Злая Мессалина, в диком сладострастье,
В Вандале косматом обнимала счастье...

Ныне чужды музам корифейки оргий;
Чужды Мессалинам страстные восторги;

Через них карьеру созидают франты,
И связей и денег ищут спекулянты...

Узнаю в портрете этом я торговку!
Вряд ли разрешала страсть у ней снуровку;

Но она немало жертв с сумой пустила,
И еще робевших воровать учила!

Помню я, бывало, как сидит в театре —
Ей партер дивится, точно Клеопатре.

Плечи восковые, голова Медеи,
Смоляные косы сплетены, как змеи;

Руку на коленях на руку сложивши,
Смотрит исподлобья, губу закусивши,

И из полумрака, в углубленьи ложи,
Точно выбирает жертву в молодежи,—

Так вот и казалось — кинется тигрица!..
Не любви, а денег жаждала блудница!

1856

ОН И ОНА

(Четыре картины)

1

Давно ль была она малютка,
Давно ль вся жизнь ее была
Лишь смех, да беганье, да шутка,
Как сон легка, как май светла?
И вот — ласкаясь и безгласно,
Она глядит ему в глаза
С такой доверчивостью ясной,
Как смотрят дети в небеса.
А он, ребенок милый века,
Лепечет вдохновенно ей
Про назначенье человека,
Про блеск и славу наших дней,
Про пальмы светлого Востока,
Про Рафаэлевых мадонн;
Но о любви своей намека
Не смеет выговорить он.

Их милый лепет, их мечтанья
Порой подслушиваю я —
И точно роз благоуханье
Пахнет внезапно на меня.

2

Гремит оркестр, вино сверкает
Пред новобрачною четой.
Счастливец муж в толпе сияет
И сединами, и звездой.

На молодой — горят алмазы;
Блестящий свет у ног ее;
Картины, мраморы и вазы —
Всё ей твердит: здесь всё твое!

И зажигается румянец
В ее лице, и вдруг она
Летит безумно в шумный танец,
Как бы очнувшись ото сна,—

Все рукоплещут!.. Им не слышно,
Из них никто не угадал,
Что в этот миг от девы пышной
На небо ангел отлетал!

И, улетая, безотрадно
Взирал на домик, где дрожит
Сожженных писем пепел хладный,
Где о слезах всё говорит!

3

Он снес удар судьбы суровой,
Тоску любви он пережил;
В сухом труде для жизни новой
Он зачерпнул отважно сил...

И вот — идет он в блеске власти,
Весь в холод правды облечен;
В груди молчат людские страсти,
В груди живет один закон.

Его ничто не возмущает:
Как жрец, без внутренних тревог,
Во имя буквы он карает
Там, где помиловал бы бог...

И если вдруг, как стон в пустыне,
Как клик неведомой борьбы,
Ответит что-то в нем и ныне
На вопль проклятья и мольбы —

Он вспомнит всё, что прежде было,
Любви и веры благодать,
И ту, что сердце в нем убила,—
И проклянет ее опять!

4

Как перелетных птичек стая
Встречать весну у теплых вод,
Готова в путь толпа густая.
Ворча, дымится пароход.

Средь беготни, под смех и горе,
Смягчают миг разлуки злой
И солнца блеск, и воздух с моря,
И близость воли дорогой.

Но вот среди блестящей свиты
Жена прекрасная идет;
Лакей, весь золотом залитый,
Пред ней расталкивал народ...

И все сторонятся с молчаньем,
С благоговейною душой,
Пред осиянною страданьем
И миру чуждой красотой.

Как будто смерти тихий гений
Над нею крылья распростер,
И нам неведомых видений
Ее духовный полон взор...

Свистя, на палубу змеею
Канат откинутый взвился,
И над качнувшейся волною
Взлетела пыль от колеса:

Она на берег уходящий
Едва глядит; в тумане слез
Уже ей виден Юг блестящий,
Отчизна миртов, царство роз,—

Но этот темный мирт уныло,
Под гнетом каменного сна,
Стоит над свежею могилой,
И в той могиле спит она —

Одна, чужда всему живому,
Как бы на казнь обречена —
За то, что раз тельцу златому
На миг поверила она.

1857

ПРИДАНОЕ

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну,—
Княжон повидали мы вдоволь,—
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла,

Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красотка была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859

ФАНТАЗИИ

РОЗЫ

Вся в розах — на груди, на легком платье белом,
На черных волосах, обвитых жемчугами,—
Она покоилась, назад движеньем смелым
Откинув голову с открытыми устами.
Сияло чудное лицо живым румянцем...
Остановился бал, и музыка молчала,
И — соблазнительным ошеломленный танцем,
Я, на другом конце блистательного зала,
С красавицею вдруг очами повстречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне в мгновенье
Сорренто голубой залив нарисовался,
Пестумский красный храм в туманном отдаленье,
И вилла, сад и пир времен горацианских...
И по заливу вдруг, на золотой галере,
Плывет среди толпы невольниц африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Венере...
И что ж? Обманутый блистательной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему виною,
О розы Пестума, классические розы!..

1857

РАЗМЕН

«Нет! прежней Нины нет! Когда я застаю,
Опомнясь вдруг, себя пред образом лежащей,
Молиться жаждущей, но слов не находящей,
И чувствую, как жжет слеза щеку мою,

И наболела грудь, тоскуя в жажде знойной,—
Я прежней девочки, беспечной и спокойной,
В себе не узнаю!

Я всё ему — всё отдала ему!
Он, бедный, чах душою безнадежной!
Не верил он, покорный лишь уму,
В возможность счастия, в возможность страсти нежной...

Он всё — мои мечты, мой чистый идеал
И сердце, склонное к блаженству и надежде,—
Как бы свое, потерянное прежде,
Сокровище нашел во мне — и взял!..

Взамен он дал мне, что его томило:
Сомнение, и слезы, и печаль...
Но я не плачу, нет! Мне ничего не жаль,
Лишь только б то, что было мне так мило,
Что взял он у меня,— ему б во благо было...»

1852

ПЕРИ

Грехи омывшая слезами,
Еще тех слез не осуша,
В селенья горние взлетает
Творцом прощенная душа.

Ее обняв, в пространстве звездном
С ней пери чистые летят:
Толпы малюток херувимов
При встрече песнями гремят...

О, ей восторженным бы кликом
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И всё земное позабыть,—

Но пери смотрят с любопытством,
И, с лаской вкруг нее виясь,
Умильно просят им поведать
Ее падения рассказ...

Отрадно ль им утешить душу,
В земных возросшую скорбях,
Иль ходят чудные преданья
Про грешный мир на небесах?

1857

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ

Я с содроганием смотрел
На эту кость иного века...
И нас такой же ждет удел:
Пройдет и племя человека...

Умолкнет славы нашей шум;
Умрут о людях и преданья;
Всё, чем могуч и горд наш ум,
В иные не войдет созданья.

Оледенелою звездой
Или потухнувшим вулканом
Помчится, как корабль пустой,
Земля небесным океаном.

И, странствуя между миров,
Воссядет дух мимолетящий
На остов наших городов,
Как на гранит неговорящий...

Так разум в тайнах бытия
Читает нам... Но сердце бьется,
Надежду робкую тая —
Авось он, гордый, ошибется!

1857

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Мерцает по стене заката отблеск рдяный,
Как уголь искряся на раме золотой...
Мне дорог этот час. Соседка за стеной
Садится в сумерки порой за фортепьяно,
И я слежу за ней внимательной мечтой.
В фантазии ее любимая есть дума:
Долина, сельского исполненная шума,
Пастушеский рожок... домой стада идут...
Утихли... разошлись... земные звуки мрут
То в беглом говоре, то в песне одинокой,—
И в плавном шествии гармонии широкой
Я ночи, сыплющей звездами, слышу ход...
Всё днем незримое таинственно встает
В сияньи месяца, при запахе фиалок,
В волшебных образах каких-то чудных грез —
То фей порхающих, то плещущих русалок
Вкруг остановленных на мельнице колес...

Но вот торжественной гармонии разливы
Сливаются в одну мелодию, и в ней
Мне сердца слышатся горячие порывы,
И звуки говорят страстям души моей.
Crescendo... [1] Вот мольбы, борьба и шепот страстный,
Вот крик пронзительный и — ряд аккордов ясный,
И всё сливается, как сладкий говор струй,
В один томительный и долгий поцелуй.

Но замиравшие опять яснеют звуки...
И в песни страстные вторгается струей
Один тоскливый звук, молящий, полный муки...
Растет он, всё растет и льется уж рекой...
Уж сладкий гимн любви в одном воспоминанье
Далёко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идет, идет страданье,
И каждый шаг его грохочет надо мной...
Один какой-то вопль в пустыне беспредельной
Звучит, зовет к себе... Увы! надежды нет!..

[1] Нарастание звука (итал.).— *Ред.*

Он ноет... И среди громов ему в ответ
Лишь жалобный напев пробился колыбельной...

Пустая комната... убогая постель...
Рыдающая мать лежит, полуживая,
И бледною рукой качает колыбель,
И «баюшки-баю» поет, изнемогая...
А вкруг гроза и ночь... Вдали под этот вой
То колокол во тьме гудит и призывает,
То, бурей вырванный, из мрака залетает
Вакхический напев и танец удалой...
Несется оргия, кружася в вальсе диком,
И вот страдалица ему отозвалась
Внезапно бешеным и судорожным криком
И в пляску кинулась, безумно веселясь...
Порой сквозь буйный вальс звучит чуть слышным эхом,
Как вопль утопшего, потерянный в волнах,
И «баюшки-баю», и песнь о лучших днях,
Но тонет эта песнь под кликами и смехом
В раскате ярких гамм, где каждая струна
Как веселящийся хохочет сатана,—
И только колокол в пустыне бесконечной
Гудит над падшею глаголом кары вечной...

1856

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Апол. Алекс. Григорьеву

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь немая меня и томила, и жгла,
Ароматом цветов опьяняла.

Только вдруг шелестнули кусты под окном,
Распахнулась, шумя, занавеска —
И влетел ко мне юноша, светел лицом,
Точно весь был из лунного блеска.

Разодвинулись стены светлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
В пирамидах из роз вереницы огней
В алебастровых вазах светились...

Чудный гость подходил всё к постели моей;
Говорил он мне с кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною в подушки скорей
Ты нырнула испуганной рыбкой!

Оглянися — я бог, бог видений и грез,
Тайный друг я застенчивой девы...
И блаженство небес я впервые принес
Для тебя, для моей королевы...»

Говорил — и лицо он мое отрывал
От подушки тихонько руками,
И щеки моей край горячо целовал,
И искал моих уст он устами...

Под дыханьем его обессилела я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало в ушах: «Ты моя! Ты моя!» —
Точно арфы далекие звуки...

Протекали часы... Я открыла глаза...
Мой покой уж был облит зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

1857

КАМЕИ

У ХРАМА

Что это? прямо на нас и летят вперегонки,
Прямо с горы и несутся, шалуньи!
Знаю их: эта, что с тирсом,— Аглая,
Сзади — Коринна и Хлоя;
Это идут они с жертвами Вакху!
Роз, молока и вина молодого,
Меду несут и козленка молочного тащат!
Так ли приходит молиться степенная дева!
Спрячемся здесь, за колонной у храма...
Знаю их: резвы они уже слишком и бойки —
Скромному юноше с ними опасно встречаться.

Ну, так и есть! быстроглазые! нас увидали!
Смотрят сюда исподлобья,
Шепчут, друг друга толкая;
Щеки их сдержанным смехом так и трепещут!
Если бы только не храм здесь, не жрец величавый,—
Это вино, молоко, и цветы, и козленок —
Всё б полетело на нас и пошли б мы, как жертвы
Вечным богам на закланье,
Медом обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдем-ка, уж так они нас не отпустят!
Видишь — с жрецом в разговоры вступили,
Старый смеется и щурит глаза на открытые плечи.
Правду сказать, у них плечи как будто из воску,
Чудные, полные руки, и — что всего лучше —
Блеск и движенье, здоровье и нега,
Грация с силой во всех сочетались формах.

1851

АНАКРЕОН

(И. А. Гончарову)

В день сбиранья винограда
В дверь отворенного сада
Мы на праздник Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На руках с собой несли.

Много юношей нас было,
Бодрых, смелых, каждый с милой,
Каждый бойкий на язык;
Но — вино сверкнуло в чашах —
Мы глядим — красавиц наших
Всех привлек к себе старик!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Череп розами покрытый,—
Чем им головы вскружил?
А они нам хором пели,
Что любить мы не умели,
Как когда-то он любил!

1852

ЮНОШАМ

Будьте, юноши, скромнее!
Что за пыл! Чуть стал живее
Разговор — душа пиров —
Вы и вспыхнули, как порох!
Что за крайность в приговорах,
Что за резкость голосов!

И напиться не сумели!
Чуть за стол — и охмелели,
Чем и как — вам всё равно!
Мудрый пьет с самосознаньем,
И на свет, и обоняньем
Оценяет он вино.

А. Н. МАЙКОВ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ. *Худ. И. Н. Крамской. 1883.*

КАРИКАТУРА НА А. Н. МАЙКОВА.
Худ. Н. А. Степанов. Середина 1850-х годов.

Он, теряя тихо трезвость,
Мысли блеск дает и резвость,
    Умиляется душой.
И, владея страстью, гневом,
Старцам мил, приятен девам
    И — доволен сам собой.

1852

АНАКРЕОН СКУЛЬПТОРУ

(Графу Ф. П. Толстому)

Что чиниться нам, ваятель!
Оба мы с тобой, приятель,
    Удостоены венца;
Свежий лавр — твоя награда,
Я в венке из винограда
    Век слыву за мудреца.

Так под старость, хоть для смеху,
Хоть для юношей в потеху,
    Мне один вопрос реши!
Видел я твои творенья;
Формы, мысли выраженье —
    Всё обдумал я в тиши.

Но одним смущен я крепко...
В них совсем не видно слепка
    С наших модных героинь,
Жриц афинского разврата,—
А с любимых мной когда-то
    Юных дней моих богинь!

Горлиц, манною вскормленных!
Купидоном припасенных
    Мне, как баловню его!
А с красот их покрывало,
Милый друг, не упадало,
    Знаю я, ни для кого!

Вот хоть Геба молодая,
Что, кувшин с главы спуская,

Из-за рук, смеясь, глядит —
Это Дафна! та ж незрелость
Юных форм, девчонки смелость
И уж взрослой девы стыд!

Дафну я таил от света!
Этой розы ждал расцвета —
Но напрасно! Раз она,
Искупавшися, нагая,
В воду камешки кидая,
Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась
И с уступа на уступ —
В самый омут... К ней лечу я,
Всплыл — и что же? Выношу я
Из воды холодный труп!

Знал еще я дочь сатрапа!
Подкупив ее арапа,
Проникал в гарем я к ней...
Что же? лик ее надменный,
Нетерпеньем оживленный,
Вижу в Гере я твоей!

Та ж игра в ланитах смуглых,
Та же линия округлых,
Чудно выточенных ног,
То ж изнеженное тело,
И спины волнистость белой...
Нет! ты видеть их не мог!

Иль художники, как боги,
Входят в Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видят в вечных идеалах
То, что смертным, в долях малых,
Открывает божество?

1853

АЛКИВИАД

Внучек, верь науке деда:
Верь — над женщиной победа
Нам трудней, чем над врагом.
Здесь всё случай, всё удача!
Сердце женское — задача,
Не решенная умом!

Ты слыхал ли имя Фрины?
Покорялися Афины
Взгляду гордой красоты,—
Но на нас она взирала,
Как богиня с пьедестала
Недоступной высоты.

На пирах ее быть званным —
Это честь была избранным,—
Принимала, как сатрап!
Всем серебряные блюды
И хрустальные сосуды,
И за каждым — черный раб!

Раз был пир... то пир был граций!
Острых слов, импровизаций
И речей лился каскад...
Мне везло: приветным взглядом
Позвала уж сесть с ней рядом —
Вдруг вошел Алкивиад.

Прямо с оргии он, что ли!
Но, крича, как варвар в поле,
Сшиб в дверях двух скифов с ног,
Оттолкнул меня обидно
И к красавице бесстыдно
На плечо лицом прилег!

Были тут послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Он беседой овладел,
Хохотал над мудрецами
И безумными глазами
На прекрасную глядел.

Что тут делать?.. Полны злости,
Расходиться стали гости...
    Смотрим — спит он! Та — молчит
И не будит... Что ж? Добился!
Ей повеса полюбился,
    Да и нас потом стыдит!

1853

АСПАЗИЯ

Что скажут обо мне теперь мои друзья?
Владычица Афин, Периклова подруга,
Которую Сократ почтил названьем друга,
Как девочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Всё позабыто — блеск, правленье, государство,
Дела, политики полезное коварство,
И даже самые лета... но, впрочем, нет!
У женщин для любви не существует лет;
Хоть, говорят, глупа последней страсти вспышка,
Пускай я женщина, а он еще мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы самой любить
И чувством пламенным сгорать и наслаждаться;
Нет, счастием его дышать и любоваться
И в нем неопытность к блаженству приучить...
А он — он чистое подобье полубога!..
Он робок, он стыдлив и даже дик немного,
Но сколько гордости в приподнятых губах,
И как краснеет он при ласковых словах!
Еще он очень юн: щека блестит атласом,
Но рано слышится в нем страсть повелевать,
И позы любит он героев принимать,
И детский голос свой всё хочет сделать басом.
На играх победив, он станет как Ахилл!
Но, побежденный, он еще мне больше мил:
Надвинет на чело колпак он свой фригийский
И, точно маленький Юпитер Олимпийский,
Глядит с презрением, хотя в душе гроза
И горькою слезой туманятся глаза...
О, как бы тут его прижать к горячей груди
И говорить: «Не плачь, не плачь, то злые люди...»

В ланиты, яркие румянцем вешних роз,
И в очи целовать, блестящие от слез.
Сквозь этих слез уста заставить улыбаться,
И вместе плакать с ним, и вместе с ним смеяться!

1853

ПРЕТОР

Как ты мил в венке лавровом,
Толстопузый претор мой,
С этой лысой головой
И с лицом своим багровым!
Мил, когда ты щуришь глаз
Перед пленницей лесбийской,
Что выводит напоказ
Для тебя евнух сирийской;
Мил, когда тебя несут
Десять ликторов на форум,
Чтоб творить народу суд
И внушать покорность взором!
И люблю я твой порыв,
В миг, когда, в носилках лежа,
С своего ты смотришь ложа,
Как под гусли пляшет скиф,
Выбивая дробь ногами,
Вниз потупя мутный взгляд
И подергивая в лад
И руками, и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Сам готов бы дробь под стать —
Так и рвется дух твой пылкий!
Покрывало теребя,
Ходят ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечах рабов твоих,
Как корабль средь волн морских.

1857

АРКАДСКИЙ СЕЛЯНИН ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Здесь сатиры прежде жили;
Одного мы раз нашли
И живого изловили,
И в деревню привели.

Все смотреть пришли толпами;
Он на корточках сидел
И бесцветными глазами
На людей, дичась, глядел.

Страх однако же унялся;
С нами ел он, пил вино,
Объедался, опивался,
Впрочем, вел себя умно.

Но весна пришла — так мочи
Нам не стало от него.
Не пройдет ни дня, ни ночи
Без лихих проказ его...

Женщин стал ловить и мучить!..
Чуть увидит — задрожит,
Ржет, и лает, и мяучит,
Целоваться норовит.

Стали бить его мы больно;
Он исправился совсем,
Стал послушный, богомольный,
Так что любо было всем.

Бабы с ним смелее стали
Обходиться и играть,
На работы в поле брали,
Стали пряников давать.

Не прошло, однако, года,
Как у всех у нас — дивись —
В козлоногого урода
Ребятишки родились!

Да! У всех на лбу-то рожки
С небольшой лесной орех,
Козьи маленькие ножки,
Даже хвостики у всех.

К нам в деревню прошлым летом
Русский барин заезжал.
Обо всем услыша этом,
Усмехнувшись, он сказал:

«Хорошо, что мы с папашей
Без хвоста и с гладким лбом,
Быть иначе б дворне нашей
И с рогами, и с хвостом».

1853

ПОСЛАНИЯ

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

Вот он по Гатчинскому саду
Идет с толпой учеников;
Вот он садится к водопаду
На мшистый камень, в тень дерёв;
Вкруг дети жмутся молчаливо
К нему всё ближе. Очи их
Или потуплены стыдливо,
Иль слез полны, и сам он тих,
Но ликом светел. Он читает
В младых сердцах. Он их проник;
Один душой он понимает
Неуловимый их язык.
В сердцах, забитых от гоненья,
Ожесточенных в цвете лет,
Он вызвал слезы умиленья,
Он пролил в них надежды свет;
И, указуя в жизнь дорогу,
Он человека идеал
Пред ними долго, понемногу
И терпеливо раскрывал...
И вот открыл! — и ослепило
Его сиянье юный взгляд,
И дети с робостию милой
И изумлением глядят.
И каждый сам в себя невольно
Ушел и плачет о себе,
И за прошедшее им больно —
И все готовятся к борьбе.

Ах, Цейдлер! в этом идеале
Ведь ты себя нарисовал;
Но только дети не узнали,
Да ты и сам того не знал!

1856

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

1

Твой стих, красой и ароматом
Родной и небу и земле,
Блуждает странником крылатым
Между миров, светя во мгле.
Люблю в его кудрях я длинных
И пыль от Млечного Пути,
И желтый лист дубрав пустынных,
Где отдыхал он в забытьи;
Стремится речь его свободно;
Как в звоне стали чистой, в ней
Закал я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

1855

2

Полонский! суждено опять судьбою злою
Нам розно дни влачить;
Меж тем моя душа сроднилась уж с тобою —
Ей нужно так любить!
Да! в мире для нее нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знак подать, что мы, друг друга понимая,
Свершаем путь земной!
И часто я, когда иду лесной опушкой
И, прячася за ель,

Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумит ручей студеноводный,
А ров, где льется он,
Уж тени полн, и пар над ним бежит холодный,
Меж тем как озарен
Вверху растущий лес последним солнца светом,—
От сердца полноты
Я б перемолвиться желал тогда с поэтом,
И думаю — где ты?
Где ты?.. О, боже мой! ты там, где в оны годы
Беспечно я бродил...
Прости невольный вздох!.. полуденной природы
И Рим я не забыл!
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Под небом голубым,—
Величием своим и грязью живописной
Он по душе мне, Рим!
Как часто на конях мы римскою долиной
Неслись во весь опор;
Коней остановив, снимали вид руины
И очерк дальних гор,
И града вечного в тумане купол гордый,
А там водопровод
И черных буйволов к нам поднятые морды
В осоке, из болот...
И эти городки, куда в веселье диком,
Как будто ошалев,
Врывались мы потом, преследуемы криком
Старух, детей и дев...
Там с громом подскакав к радушной австерии,
Суровых поселян
Напаивали мы, крича «ура!» России,
Ругая Ватикан
И вековой союз монахов и германцев...
А пламенный народ
На ветреную речь безвестных чужестранцев,
Бывало, слезы льет...
Средь этих шалостей высокий труд и дума,
Вазари и Тацит,
И сладостный певец Тибура и Пестума,
И Дант, и Феокрит...

А ночи лунные в руинах Колизея!..
Мне кажется теперь,
Что игры зверские я видел и, немея,
Внимал, как злится зверь,
Как шумно валит чернь, толкаясь, на ступени,
При кликах торжества,
А на арене две белеющие тени
Ждут, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
О, как светла тогда
Казалась наших дней над милою Россией
Всходившая звезда!
Где ж сверстники мои? Где Штернберг? Где Иванов?
Ставассер милый мой?
Где наши замыслы? Где ряд блестящих планов?
Где гений их живой?
Где пышные мечты о русском пантеоне,
Где б *наших* имена
Сиять должны в веках, как звезды в небосклоне,
Как вечная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Как чуждых всем сирот,
Их Рим похоронил, кого, увы! не зная,
Земле он предает!..
А брат мой, милый брат... Ах, многие почили!
И имя их звучит
Воспоминанием какой-то чудной были,
И сердце мне щемит...
Все сгибли, полные надеждами святыми
И в блеске сил своих,
И я, осиротев, я плачу и над ними,
И над мечтами их!..
Ах, жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной в пути
Есть несколько могил, есть горе и утрата...
Прости мне, друг, прости...
Я больше наводить тоски тебе не буду
Непрошеной слезой,
И в воды быстрые закидываю уду,
На всё махнув рукой.

1857

П. А. ПЛЕТНЕВУ

За стаею орлов двенадцатого года
С небес спустилася к нам стая лебедей,
И песни чудные невиданных гостей
Доселе памятны у русского народа.
Из стаи их теперь один остался ты,
И грустный между нас, задумчивый ты бродишь,
И, прежних звуков полн, всё взора с высоты,
Куда те лебеди умчалися, не сводишь.

1855

М. Л. МИХАЙЛОВУ

Урала мутного степные берега,
Леса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры гор из сизого порфира,
Простые племена, между которых ты
Сбирал предания исчезнувшего мира,
Далекая любовь, пустынные мечты
Возвысили твой дух: прощающим, любящим
Пришел ты снова к нам — и, чутко слышу я,
В стихах твоих, ручьем по камешкам журчащим,
Уж льется между строк поэзии струя.

1857

И. А. ГОНЧАРОВУ

Море и земли чужие,
Облик народов земных —
Все предо мной, как живые,
В чудных рассказах твоих.

Север наш бледный, но милый,
Милый затем, что родной,
Ныне опять мне унылой
Вдруг показался тюрьмой.

В сердце судьбы оскорбленья
    Злее, что раны, горят,
И золотые виденья
    В даль голубую манят...

Так, над рекою ширяя,
    В город, где пыль и гранит,
Белая чайка морская
    В солнечный день залетит;

Жадно следим мы очами
    Гостьи нежданной полет —
Точно в тот миг перед нами
    Воздухом с моря пахнет.

1855

* * *

(В альбом гр. Е. П. Ростопчиной)

В наш город слух пришел, что Сафо будет к нам.
Столпился к пристани народ нетерпеливо —
И вот — ее корабль уже среди залива...
Причалили. Ее на берег по коврам
Свели и встретили с архонтами, с жрецами,
Вели по улице, усыпанной цветами...
Я, пылкий юноша, ее воображал
С осанкой царственной, с поднятой головою,
И в лавровом венке, и с лирой золотою,
И взор властительный я встретить ожидал —
И что ж? она прошла, потупив очи, просто,
Такая слабая и маленького роста.
И пышной встречею и кликами она,
Как робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторам болезненно внимала
И взором тихого убежища искала,
Куда бы кинулась и, кажется, тотчас
Неудержимыми б слезами залилась.

1859

Е. А. ШЕНШИНОЙ

Как резвым нимфам, спутницам Дианы,
Тебе бы смех, да беганье, да шутка.
Хоть не один уже сатир румяный,
Осклабясь, на тебя глядит, малютка!
Он — старый плут! На, помани цветами,
Пусть за тобой бежит он и, сослéпа
Завязнув в топь козлиными ногами,
Смешит богов гримасою нелепой.

1859

НА ВОЛЕ

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе былом
И первые грезы
О счастьи ином...

1857

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

* * *

Боже мой! Вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! Блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду нарву сирени
Да холодною росой

Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!

1855

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь, как всё тише смех наш становился?..
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! Золотая буря!

1856

ЗВУКИ НОЧИ

О ночь безлунная!.. Стою я, как влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом — стеклянный звон лиющихся ключей;
Там — листик задрожал под каплею алмазной;
Там — пташки полевой свисток однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По речке, в камышах, от топких островов,
С разливов хоры жаб несутся, как глухие
Органа дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией ночной,
По ветру то звончей, то в тихом замиранье,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звезды... Нет, и там, по тверди голубой,
В их металлическом сиянье и движенье
Мне чувствуется гул их вечного теченья.

1856

УТРО

(Предание о виллисах)

Близко, близко солнце!
Понеслись навстречу
Грядки золотые
Облачков летучих,
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Из ущелий черных
Вылетели тени —
Белые невесты:
Широко в полете
Веют их одежды,
Головы и тело
Дымкою покрыты,
Только обозначен
В них лучом румяным
Очерк лиц и груди.

1856

В ЛЕСУ

Шумит, звенит ручей лесной,
Лиясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр;
Иду я, страх едва тая...
Нет! Здесь свой мир, живущий мир,
И жизнь его нарушил я...
Вдруг всё свершавшееся тут
Остановилося при мне,
И все следят за мной и ждут,
И злое мыслят в тишине;
И точно любопытный взор
Ко мне отвсюду устремлен,
И слышу я немой укор,
И дух мой сдавлен и смущен.

1857

* * *

Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Всё не поймать мне тайны их бесед...
Ах, жаль, что подле них тут резвой речки нет:
Она б давно сказала мне их думу...

<1869>

ГОЛОС В ЛЕСУ

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.

И, возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

1856

* * *

Всё вокруг меня, как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах...

Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,

Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?

Не начать ведь жизнь сначала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах!..

1857

* * *

Вот бедная чья-то могила
Цветами, травой зарастает;
Под розами даже не видно,
Чье имя плита возглашает...

О, бедный! И в сердце у милой
О жизни мечты золотые
Не так же ль, как розы, закрыли
Когда-то черты дорогие?

1857

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я подымаю от земли:
В лазури темной к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет,—
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

ОБЛАЧКА

В легких нитях, белой дымкой,
    На лазурь сквозясь,
Облачка бегут по небу,
    С ветерком резвясь.

Любо их следить очами...
    Выше — вечность, бог!
Взор без них остановиться б
    Ни на чем не мог...

Страсти сердца! Сны надежды!
    Вдохновенья бред!
Был бы чужд без вас и страшен
    Сердцу божий свет!

Вас развеять с неба жизни,—
    И вся жизнь тогда —
Сил слепых, законов вечных
    Вечная вражда.

1857

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;

Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падущих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такою же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

1856

ПАН

Пан — олицетворение природы;
по-гречески πᾶν значит: *всё.*

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жар
И сладкий дух

Поспелых трав
Умаял бога —
Он спит и грезит,
И видит сны...

По темным норам
Ушло зверье;
В траве недвижно
Лежит змея;
Молчат стада,
И даже лес,
Певучий лес,
Утих, умолк...
Он спит, он спит,
Великий Пан!..

Над ним кружит,
Жужжит, звенит,
Блестит, сверкает
И вверх и вниз
Блестящий рой
Жуков и пчел;
Сереброкрылых
Голубок стая
Кругами реет
Над спящим богом;
А выше — строем
Иль острым клином,
Подобно войску,
Через всё небо
Перелетает
Полк журавлей;
Еще же выше,
На горнем небе,
В густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышен голос...
Все словно бога
Оберегают
Глубокий сон,
Чудесный сон,—

Когда пред ним
Разверзлось небо,
Он зрит богов,
Своих собратий,
И, как цветы,
Рои видений
С улыбкой сыплют
К нему с Олимпа
Богини-сестры...

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядем
В траве густой
И будем слушать,—
Как спит он, слушать,
Как дышит, слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны,
Какими грезит
Великий Пан,
Великий Пан...

<1869>

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;

Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам,—
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя.
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

1856

* * *

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1863

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
    Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
    Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
    Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
    Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
    Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
    Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
    Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
    Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
    Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
    Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
    Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
    И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
    Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
    Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
    Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
    В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
    Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
    И, как безумный, пою!

1856

* * *

И город вот опять! Опять сияет бал,
И полн жужжания, как улей, светлый зал!
Вот люди, вот та жизнь, в которой обновленья
Я почерпнуть рвался из сельской тишины...
Но, боже! как они ничтожны и смешны!
Какой в них жалкий вид тоски и принужденья!
И слушаю я их... Душа моя скорбит!
Под общий уровень ей подогнуться трудно;
А резвая мечта опять меня манит
В пустыни божии из сей пустыни людной...
И неба синего раздолье вижу я,
И жаворонок в нем звенит на полной воле,
А колокольчиков бесчисленных семья
По ветру зыблется в необозримом поле...
То речка чудится, осыпавшийся скат,
С которого торчит корней мохнатых ряд
От леса, наверху разросшегося дико.
Чу! шорох — я смотрю: вокруг гнилого пня,
Над муравейником, алеет земляника,
И ветки спелые манят к себе меня...
Но вижу — разобрав тростник сухой и тонкий,
К пурпурным ягодам две бледные ручонки
Тихонько тянутся... как легкий, резвый сон,
Головка детская является, роняя
Густые локоны, сребристые как лен...
Одно движение — и нимфочка лесная,
Мгновенно оробев, малиновки быстрей,
Скрывается среди качнувшихся ветвей.

1856

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдает угрюмый день, больной и бесприветный,

Природу грустную ночной холодной мгле,—
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

ИЗ ДНЕВНИКА

* * *

Зачем, шутя неосторожно,
В мою ты вкрадывалась душу?
Я знал, что, мир карая ложный,
Я сон души твоей нарушу...

И что ж! Мы смотрим друг на друга:
Ты — в изумленье и бессилье,
Как ангел чистый, от испуга
Расправить не могущий крылья...

А я... я чувствую — над бездной
Теперь поставлена ты мною...
Ах, мчись скорей в свой мир надзвездный
И — не зови меня с собою!

Нет, не одна у нас дорога!
То, чем я горд, тебя пугает,
И не уверуешь ты в бога,
Который грудь мне наполняет...

1857

* * *

Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной,—

И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его...

1852

* * *

Люблю, если, тихо к плечу моему головой прислонившись,
С любовью ты смотришь как, очи потупив, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнут тобою,
Я очи к тебе обращу и с твоими встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы в сладком молчаньи
Мы мыслью сошлися и много сказали улыбкой и взором.

Август 1842

* * *

Истомленная горем, все выплакав слезы,
На руках у меня, как младенец, ты спишь:
На лице твоем кротком последняя дума
С неотертой последней слезинкой дрожит.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что бесчувствен к слезам я казался твоим...
Не затем ли сквозь сон ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря на тебя,
Тихо нянча тебя на руках, как младенца,
Я страдаю, как ты, и заплакать готов?

1851

* * *

Порывы нежности обуздывать умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии, в тиши,
В святилище больной, тоскующей души...

Я знаю, страсть в тебе питается слезами.
Когда ж, измучена ревнивыми мечтами,
Сомненья, и тоску, и гордость победя,
Отдашься сердцу ты, как слабое дитя,
И жмешь меня в своих объятиях, рыдая,—
Я знаю, милый друг, не может так другая
Любить, как ты! Нет слов милее слов твоих,
Нет искреннее слез и клятв твоих немых,
Красноречивее — признанья и укора,
Признательнее нет и глубже нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя желала,
Как много любишь ты, как много ты страдала.

1852

* * *

Точно голубь светлою весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И меж тем как, музыкою счастья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди ненастья,
Охватить душой своей вполне,

И молчу, чтоб не терять ни звука,
Что дрожат в сердцах у нас с тобой,—
Вижу вдруг — ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла
И страшит тебя — к добру ль оно?..

Ну, так что ж? Пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

1855

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА МАЙКОВА, МАТЬ ПОЭТА.

Работа отца поэта Н. А. Майкова.

НОВЫЙ РИМ. *Худ. С. Ф. Щедрин. 1823—1825.*

В АЛЬБОМ

Жизнь еще передо мною
Вся в видениях и звуках,
Точно город дальний утром,
Полный звона, полный блеска!..

Все минувшие страданья
Вспоминаю я с восторгом,
Как ступени, по которым
Восходил я к светлой цели...

1857

ДОЧЕРИ

* * *

Новая, светлая звездочка
В сумрак души моей глянула!
Это она, моя девочка!
В глазках ее уже светится
Нечто бессмертное, вечное,
Нечто, сквозь мир сей вещественный
Дальше и глубже глядящее...

1856

* * *

Она еще едва умеет лепетать,
Чуть бегать начала, но в маленькой плутовке
Кокетства женского уж видимы уловки:
Зову ль ее к себе, хочу ль поцеловать
И трачу весь запас ласкающих названий —
Она откинется, смеясь, на шею няни,
Старушку обовьет руками горячо
И обе щеки ей целует без пощады,
Лукаво на меня глядит через плечо
И тешится моей ревнивою досадой.

1857

* * *

Эти детские глазки
Полны счастья и ласки,
Так же смело глядят

В очи людям прохожим,
Как и ангелам божьим,
Что над ними кружат.

1858

* * *

Не может быть! не может быть!
Она жива!.. сейчас проснется...
Смотрите: хочет говорить,
Откроет глазки, улыбнется,
Меня увидит, обоймет
И, вдруг поняв, что плач мой значит,
Ласкаясь, нежно мне шепнет:
«Какой смешной! о чем он плачет!..»

Но нет!.. лежит... тиха, нема,
Недвижна...

23 апреля 1866

* * *

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов...
Что же за призраки вкруг
В белых одеждах стоят?
Светлых ли грез ее рой,
Светлых мечтаний, надежд,—
Спутницы жизни ее?
Те, с кем она по часам
Тихие речи вела,
Что провожали ее
Всюду — в полях и лесах?..
Смолкли и плачут они,
Тихо обнявшись вокруг
Бедной подруги своей...
Плачут — она ж и теперь
Им улыбается... Да!
Да, улыбается им...
О, беспощадная смерть!

1867

ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ

НА БЕРЕГАХ НОРМАНДИИ

Больное, тихое дитя
Сидит на береге, следя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накиданный волною,
В поморье тянется каймою...
И так покой кругом глубок,

Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя, птичка; на песке
По мели рыбка серебрится...

К ним взор порою обратя,
Так улыбается дитя,
Глядит на них с таким участьем
И так сияет кротким счастьем,

Что если, бедный, промелькнет
Он на земле, как гость залетный,
И скоро в небе в сонм бесплотный
Господних ангелов войдет,

То там, меж них воспоминая
Свой берег, дикий и пустой,
«Прекрасна,— скажет,— жизнь земная!
Богат и весел край земной!»

1858

* * *

О вечно ропщущий, угрюмый Океан!
С богами вечными когда-то в гордом споре
Цепями вечными окованный титан
И древнее свое один несущий горе!
Ты успокоился... надолго ли?.. О, миг —
И, грозный, вдруг опять подымется старик,
И, злобствуя на всё — на солнце золотое,
На песни нереид, на звездный тихий свет,
На счастие, каким исполнился поэт,
Обретший свой покой в его святом покое,—
Ударит по волнам, кляня суровый рок
И грозно требуя в неистовой гордыне,
Чтобы не смел глядеть ни человек, ни бог,
Как горе он свое несет в своей пустыне...

1859
Биарица

АЛЬПИЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа,—
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!»

1858

АЛЬПИЙСКАЯ ДОРОГА

На горе сияньем утра
Деревянный крест облит,
И малютка на коленях
Перед ним в мольбе стоит...

Помолись, душа святая,
И о странных и чужих,
О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых...

Помолись, душа святая,
И о том, чей путь далек,
Кто с душой, любовью полной,
В мире всюду одинок...

1858

* * *

Всё — серебряное небо!
Всё — серебряное море!
Теплой влагой воздух полон!
Тишина такая в мире,
Как в душе твоей бывает
После слез, когда, о Нина,
Сердце кроткое осилит
Страстью поднятую бурю,
И на бледные ланиты
Уж готов взойти румянец,
И в очах мерцает тихий
Свет надежды и прощенья...

1858
Ницца

* * *

Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо,
От цветов до других по неделе проходит и боле.
Словно кончит картину и публике даст наглядеться,
Да и публика знает маэстро — и уж много о нем
не толкует:
Репутация сделана — бюст уж его в Пантеоне.
То ли дело наш Север! Весна, как волшебник
нежданный,
Пронесется в лучах, и растопит снега и угонит,
Словно взмахом одним с яркой озими сдернет покровы,
Вздует почки в лесу, и — цветами уж зыблется поле!
Не успеет крестьянин промолвить: «Никак нынче
вёдро»,
Как — и соху справляй, и сырую разрыхливай землю!
А на небе-то, господи, праздник, и звон, и веселье!
И летят надо всею-то ширью от моря и до́ моря
птицы —
К зеленям беспредельным, к широким зеркальным
разливам!
Выбирай лишь, где больше приволья, в воде им
и в лесе!
И кричат как, завидя знакомые реки и дебри,
И с соломенных крыш беловатый дымок над поляной!..
Унеси ты, волшебник, скорее меня в это царство,
Где по утренним светлым зарям бодро дышится груди,
Где пред ликом господних чудес умиляется всякое
сердце...

1859
Неаполь

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ
(МИСС МЕРИ)
1858—1859

ДОН-ПЕППИНО

Жар упал. На берег моря
Шумно в сад толпа валит,
И кругом, по звонкой лаве,
Экипажей рой летит...

Звон колес, и блеск, и хохот...
Крик и щелканье бичей!..
Всё-то к саду мчится, к морю,
В сень каштановых аллей.

«Что за женщины!» — бормочет
Северянин от души;
Северянки ж прибавляют:
«И мужчины хороши!»

Хороши! но вот, смотрите —
Из красавцев Аполлон!
Как он божески спокоен,
Точно нектаром вспоен!

Даже эта эспаньолка,
С шиком лондонским наряд,
Даже розочка в петлице
Сходству с богом не вредят!

Вот он бросил свой миланский
Щегольской кабриолет,
Входит в сад — в толпе движенье,
Все глядят ему вослед...

Аполлон!.. Но вот к мисс Мери
Олимпиец подошел...
Вкруг нее как будто вспыхнул
Тотчас светлый ореол...

Ах, я чувствую, неловко
Ей от этих черных глаз,
Хоть глядит он так покорно,
Говорит полусмеясь...

И, должно быть, в этом взгляде
Власть и сила без границ!
Ледяных я знал красавиц,
Величавых, гордых львиц...

Но взглянул он — прочь величье!
Эта львица перед ним
Тише, тише — и уж смотрит
Вдруг зверком совсем ручным!

Так и ластится, и ходит,
И с него не сводит глаз...
О, мисс Мери, о, мисс Мери!
Признаюсь — дрожу за вас!

* * *

Боже мой, какая нега
В этих палевых ночах!
Всё как будто замирает
В сладострастных, жарких снах!

На цветы посмотришь — право,—
Покраснеешь со стыда!
Как ласкаются, что шепчут
И что делают — беда!

Нет, домой скорей, мисс Мери!
На замок скорей балкон!
Прогоните дон-Пеппино...
Он отважен и влюблен...

В эту ночь как раз забудешь,
Что дозволено, что грех,
И в одну минуту сердце
Скажет вам: всё вздор и смех!

* * *

Вот смотрите, о мисс Мери,
Весь на арках, весь сквозной,
Королевы Иоанны
Замок темный и немой.

Днем в тот замок ездят даже
Кушать устрицы — там вид
Чудный к морю, и беседка
Виноградная стоит.

По ночам — другое дело!
Не пройдет вблизи руин
Без воззвания к мадонне
Босоногий капуцин;

В страхе ослика колотит
Здесь погонщик в поздний час,
И бежит проворной рысью
Сам, за хвост его держась;

И с компанией веселой
Из Пуццоло каретьер
Только с хлопаньем и гиком
Пролетит во весь карьер.

Слух идет о королеве,
Будто черт, поспоря с ней,
По ночам ей обязался
Приводить богатырей;

Что в своих объятьях много
Их замучила она,
Но доселе не сказала:
«Мне довольно, сатана!..»

И в урочный час, сияя
Красотой могучей жен
Тех железных, тех кровавых,
Полуварварских времен,

В замок свой она приходит...
Стражи тут тревогу бьют,
Видно, как пажи в аркадах
С канделябрами бегут,

И в короне многоцветной
В свой чертог она идет,
И с своей порфирой алой
То мелькнет, то пропадет...

И безумцев так и тянет
С ней, женой богатырей,
Испытать и пыл, и негу
Нам неведомых страстей.

Раз и я был, о мисс Мери,
Этой чарою объят...
Долго ждал я, скоро ль в окнах
Канделябры заблестят...

И когда б тут не промчался
Мистер Джона экипаж,
И при белом лунном свете
Не мелькнул мне образ ваш —

Образ, полный тем прозреньем,
Торжеством и тишиной,
Что в страдальцах пред кончиной
Поражает нас порой,—

Я клянусь вам, о мисс Мери,
В эту ночь с ее луной,
С этой негой — я не знаю,
Что бы сделалось со мной!

К МИСС МЕРИ

(Романс дон-Пеппино)

Se io fossi un angelo[1]...

Andante[2]

Когда б я ангел был небесный,
Тебя б на небо я умчал,
И, полон радости чудесной,
С тобой к всевышнему предстал,
Чтобы — о чистое созданье! —
Средь ликованья горних сил
Он красоты твоей сиянье
Лучом бессмертья озарил!

Allegro[3]

«Океан кидает волны!
Всё глядит к звезде своей!
И в волнах, на каждом взломе,
Блещет свет ее лучей.
Упади, звезда златая,
Упади ко мне на грудь,
А не то ведь я сумею
И до неба досягнуть!»

* * *

Весь Неаполь залит газом,
Шумом улицы полны,
Но в Hôtel di Gran-Bretagna[4]
Окна все затворены.

Лишь в одном окошке лампа:
За газетой мистер Джон...

---

[1] Если бы я был ангелом... (итал.).— *Ред.*
[2] В медленном темпе (итал.).— *Ред.*
[3] В быстром темпе (итал.).— *Ред.*
[4] Гостиница «Великобритания» (итал.).— *Ред.*

Точно саван примеряя,
Times[1] развертывает он...

За работой вы, мисс Мери!
Как идет румянец к вам
И рассыпанные просто
Ваши кудри по плечам!

Блеск в глазах... и грудь как дышит...
Так, я видывал не раз,
Дышит птичка, из-под лапы
У кота освободясь...

* * *

Я люблю в Café d'Europa[2]
Смех и шум во всех углах,
Серебро, хрусталь на звонких
Беломраморных столах.

Всем тут весело: французам
С вечной сахарной водой,
Савве Саввичу с шампанским
И с котлетой отбивной.

Итальянцы ж, как на бале,
Все во фраках щегольских...
Лишь блестящий дон-Пеппино
Нынче что-то приутих.

«Вот уж каменное сердце! —
Он шипит.— Невмоготу!..
И дает же им Создатель
Неземную красоту!..

Чай, сидит теперь и пишет
Про Неаполь чепуху
Своему такому ж точно
Ледяному жениху!

[1] «Таймс» (англ.).— *Ред.*
[2] Кафе «Европа» (итал.).— *Ред.*

Вздохи шлет свои в Калькутту,
Где Альфред ее лет пять
Сеет мак, во имя Мери,—
Чтоб китайцев отравлять!»

* * *

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца луч,
Горят серебряные комы
За горы уходящих туч...

Какое утро!.. Море снова
Приемлет свой зеркальный вид,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздох еще бежит;

И — след утихнувшего гнева —
Бурун вскипает здесь и там,
И слышен гул глухого рева
Вдоль по отвесным берегам...

Плыву я, счастьем тихим полный,
И мой гребец им дорожит:
Чуть-чуть по влаге, сам безмолвный,
Веслом сверкающим скользит...

Молчит — и лишь с улыбкой взглянет,
Когда на нас от берегов
Чуть слышным ветерком потянет
Благоухание цветов:

Как будто сильфов резвых стая,
Спрыгнув со скал, дыша теплом,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться в воздухе морском...

7 мая 1859
Неаполь

К МИСС МЕРИ

Перед тобой синеет море,
Заря играет по горам,
Но как тоскующая лебедь
Блуждаешь ты по берегам;

За убегающей волною,
Сжимая руки, ты следишь,
И «где он? где? скажи, о море!»
В пустыню с воплем говоришь!

* * *

Князь NN и граф фон Дум — ен,
Мичман С., артист Б — ин,
Мечут с хохотом червонцы
В глубину морских пучин.

За червонцем в ту ж минуту
Мальчик — прыг! исчез в водах,—
И уж вынырнет наверно
С золотым кружком в зубах...

Молодец!.. Но, милый мальчик,
Знаю бездну я одну...
Сам господь червонцев всыпал
Много в эту глубину,—

Только дна ты в ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной мисс Мери,
Англичанки ледяной!

* * *

В темный храм один прокрался
Луч полдневный, озаря
Два-три белых покрывала
Из толпы у алтаря.

Тихо! точно как на отдых
Собрались в прохладный храм —
Эти ангелы под своды,
Эти люди к алтарям.

Вы войдете: что малюток
Улыбается! что глаз —
Черных глаз — в толпе безмолвной
Подымается на вас!

* * *

Вот с резной кафе́дры грозно
Держит речь к толпе монах
И к огромному распятью
Припадает весь в слезах.

«Се страдалец! — восклицает —
Острый терн чело язвит!
Се божественные ребра!
Кровь ручьем из них бежит!

Он за вас приемлет муки!
Вам же трудно для него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..»

И толпа вокруг рыдает,
Всё готова обуздать,—
Лишь бы, выйдя вон из храма,
Черных глаз не повстречать.

* * *

Ах, меж тем как вы стояли,
На решетку опершись,
В темном храме, и душою
В светлый купол унеслись,—

Я глядел на вас, мисс Мери.
Понял я ваш грустный взор! —
Этих ангельчиков с вами
Я подслушал разговор.

«Жаль, что ты для нас чужая!» —
Вам сказали. «Но, увы!
Воротиться невозможно!» —
Отвечали кротко вы.

«У тебя так много горя!
С кем ты выплачешь его?»
— «С кем? Одна! сама с собою!
Вкруг — пустыня! никого!»

«Кто в пути тебя наставит?»
— «Ум!» — «Всё ум!.. а сердце что ж?»
— «Ум для сердца лучший кормчий!»
— «Лжешь, мисс Мери, право, лжешь!

Мы ведь знаем — как ребенок,
Сердце скажет вдруг: «хочу» —
И прощаем!..» — Вы ж с улыбкой:
«Но сама я не прощу!»

Тут поднялись вы — и легким
Наклоненьем головы
С светлым сонмом сил небесных,
Как с детьми, простились вы...

* * *

Золотой архиепископ,
Signoria[1] и народ,
Иностранцы в черных фраках,
Весь Неаполь — чуда ждет.

Взоры всех на склянке с кровью...
Только кровь всё не кипит...

[1] Городские власти (итал.).— *Ред.*

Сан-Дженнаро, Сан-Дженнаро!
Или ты на нас сердит?

Или есть меж нами грешник?
Бейте ж в грудь себя сильней!
Бейтесь об пол головами!
Плачьте громче, горячей!

Донна Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счет грехам?
И на исповеди всё ли
Перечли духовникам?..

Да не я ли уж помеха?
Я ведь здесь совсем чужой!
Не мисс Мери ль? Но мисс Мери
Уж уехала домой.

Мимоездом в Сан-Дженнаро,
В амазонке и с хлыстом,
Появлялася мисс Мери...
Взгляд лишь бросила кругом —

Боже! точно льдом пахнуло
От нее на всех на нас —
Льдом полярным, правда, чистым
И прозрачным, как алмаз!..

Мистер Джон один остался
И во все глаза следит
За движеньями прелата,
Что пред склянкою стоит.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Далеко, на самом море,
    Я построю дом
Из цветных павлиньих перьев,
    С звездами кругом.

Вставлю в них кругом сапфиры,
    Жемчуг, бирюзу,

Жить туда со мной навеки
Нину увезу.

И едва кругом с балкона
Нина поглядит —
«Солнце всходит! Солнце всходит!» —
Всё заговорит!

ЕЩЕ ИЗ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой,
Умирать — так умирать
От ножа, в глазах у милой!
Станет вдруг она тогда
Говорить — о чем молчала,
Целовать — как никогда
До того не целовала!

* * *

Что за шум и крик? О боже!
Нина! Ты ль, моя краса,
Так безжалостно вцепилась
Лоренцино в волоса!

Точно молния блеснула,
Видел я, в глазах твоих —
И из ангела в тигрицу
Превратилася ты вмиг!

А всё вы виной, мисс Мери,
Что смотрели на него
И этюд нашли в нем чудный
Для альбома своего!

* * *

Вы повсюду — о мисс Мери! —
В этот зной!.. Лучи палят,
Сотни каторжников красных
Гору белую сверлят...

Что вы взорами впилися
В этот пестрый сброд людей,
В эти бронзовые лица?
Иль вам чуден стук цепей?

Или вам в толпе несчастных
Дико видеть смех и спор,
И трагические позы,
И комический задор?

Знаю — «мучеников мысли»
Всё вы ищете меж них,
Чтобы несколько им бросить
Утешенья слов святых!

О, под этим ясным небом,
Посреди счастливых лиц —
Эти люди ведь опасней
И бандитов, и убийц!

Их катоновская мрачность
И улыбка злая их
Навели б и страх, и скуку
На людей и на святых!

И, спасибо, их далёко
Убирают здесь — туда,
Где и солнце ненароком
Не бывает никогда!

ДВА КАРЛИНА

Эй, синьор! хоть два карлина
Дайте мне за что-нибудь!

Спеть вам «Bella Sorrentina»? [1]
Или пыль с сапог стряхнуть?

Боже мой! С какою злобой
Вы кричите: «Негодяй!»
Здесь Неаполь! Здесь особый
И народ, и самый край!

Много есть народов умных,
Но философ — наш один,
Хоть живет средь улиц шумных,
Как поэт и арлекин!

Богачи и ладзароны —
Всё одна душа! У всех
Счастье — те же макароны,
Те же песни, тот же смех!

Наши песни — что их краше?
Как цветы из недр земных,
Из груди певучей нашей
Так и тянет солнце их!

Смех нам хартия! Захочет
Деспот сжать нас — смех уж тут:
Знак, два слова — и хохочет
Весь Неаполь, всякий люд!

Мирно с церковью он ладит,
Да и церковь ко двору!
Для него мадонну рядит,
Как невесту на пиру!

Галлы, немцы, арагонцы
Спор вели из-за него —
Он, от всех ловя червонцы,
Не стоял ни за кого!

---

[1] «Прекрасная соррентинка»? (итал.).— *Ред.*

Возвестил ему свободу
Гарибальди — perchè no? [1]
Были б праздники народу,
Были б песни и вино!

Всё равно, кто правит нами —
Тот иль этот!.. Здесь один
Над рабами и царями
Есть повыше господин...

Вон — чудовище! — открыло
К ночи огненную пасть...
Точно ждет, сбираясь с силой,
Только знака, чтоб напасть!

Не минуем верной кары!
Нынче ль, завтра ль — всё одно!..
Уж подземные удары
Ночью будят нас давно,

И колеблющейся лентой
По прозрачным небесам
От Пуццоло до Сорренто
Дым стоит и здесь, и там...

Всё, что дышит, — гибель чует
И, боясь опоздать,
Веселится и ликует...
Человеку ль отставать?

Лучше петь, забывши горе,
Перед часом роковым,
Как поглотит огнь иль море
Почву шаткую под ним...

Ах, ужасная картина!
Вдруг порвется жизни нить...
Так что... ваши два карлина...
Перед смертью, может быть!

---

[1] Почему нет? (итал.). — *Ред.*

ТАРАНТЕЛЛА

(На голос: «*Già la luna è mezz'al mare...*»)[1]

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчалась в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Всё идет живей, живей,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...
Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...

---

[1] «Уже луна посреди моря» (итал.).— *Ред.*

Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин?
В сердце памятью былова,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! Вкруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! Смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

LACRYMAE CHRISTI[1]

На Везувии пустынник
    Жил уж много лет;
Был здоров, румян и весел,
    Хоть давно уж сед;
Но, живя в уединенье,
    Говорить отвык
И что год, то становился
    Туже на язык.

Жил он, жил, молился богу,
    Виноград садил —
Виноград же этот в мире
    Всем известен был:
Только он давал густое,
    Темное вино...
Под названьем Слез Христовых
    Славилось оно.
И хотя к нему названье
    Не Христовых слез,
А скорее Слез Титана
    Лучше бы пришлось —
Жгло оно и страсть будило —
    Но, увы! старик
В мифологии не смыслил,
    В жизнь не видел книг...
А могучих лоз обилье,
    В простоте своей,
Всё приписывал мадонне,
    И молился ей,
И за каменной оградой
    У своих ворот
Ей часовенку поставил —
    От всех бед оплот!

Так шли годы. На Везувий
    Вечно шел народ;

---

[1] Слезы Христовы (лат.).— *Ред.*

К старику уж верно каждый
За вином зайдет;
Только вот — уже с неделю
Стал вулкан бурлить;
Старика предупреждали,
Что уж худу быть!
Что геологи пугают
Близкою бедой,—
Но старик лишь улыбался
И махал рукой.
Только вот с своей постели
Он был сброшен вдруг
От подземного удара...
Смотрит — ад вокруг!
Из жерла вулкана — пламя
Огненным снопом!
Гром — как будто сотни пушек
Грянули кругом.
Всюду лопают вулкана
Черные бока —
И течет из недр их лавы
Светлая река...

Ослеплен и задыхаясь,
Еле жив старик;
Чуть дополз он до часовни,
К ней лицом приник,
Лоз пригнул к себе — но листья
Свертывает жар,
Кисти лопают и каплют,
И идет с них пар...

Этих лоз, что возращал он,
Что в его дому
Разливали столько счастья —
Стало жаль ему,
И, себя забыв, к мадонне
Вдруг он простонал:
«Сохрани мой виноградник» —
И без чувств упал.

Вопль услышала мадонна:
    Лава обошла
Вкруг стены и знаменитых
    Лоз не обожгла.
И старик потом был найден,
    В чувство приведен,
И доселль живет, остывшей
    Лавой окружен.
Только вот что вышло худо:
    К кратеру горы
Уж совсем другой дорогой
    Ходят с той поры;
Пьют вино уж у другого!
    Старец перестал
Виноградник свой лелеять —
    Виноград пропал...
С ним он сам почти что высох:
    Вечерком сидит
У ворот и на часовню
    Грустно он глядит:
«Помолился я мадонне,—
    Думает,— тогда,
Да не выразился ясно!
    Вот моя беда!»

* * *

Всё ты бредишь англичанкой,
Что сегодня на заре
Оссиановскою тенью
Пронеслася по горе...

Я уверен, Савва Саввич,
Что и ослик серый твой
Всё арабской кобылицей
Нынче бредит день-деньской.

Странно б было, если б даже
Вы в сужденьях разошлись —
Он — о кровной кобылице,
Ты — о кровной этой мисс!

* * *

Всем ты жалуешься вечно,
Что судьбой гоним с пелен,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чином обойден!

Друг! не ты один страдаешь!
Вон, взгляни: осел стоит
И с горы на весь Неаполь
О бедах своих кричит.

* * *

Фердинанд-король был рыцарь,
Деликатности пример!
Он за собственной печатью
Запер всех нагих Венер,

А раздетых Геркулесов
Всех оставил по местам...
Не боясь мужчин обидеть,
Обижать не смел он дам.

* * *

Вне ограды Campo Santo,[1]
Не в ряду святых могил,
Нынче с почестью Неаполь
Примадонну хоронил.

Без военного конвоя,
Без монахов и попов,
Сам народ «комедиантку»
Провожал дождем цветов.

Каждый чувствовал, что город
Точно вдруг осиротел,

---

[1] Кладбище (итал.).— *Ред.*

Ото всех сердец как будто
Добрый гений отлетел...

Не без зависти, мисс Мери,
Вы смотрели из окна,
Как за гробом примадонны
Шла народная волна.

Как, в своих лохмотьях, важно
Ладзароны гроб несли,
Как по их угрюмым лицам
Слезы тихие текли...

Хоть вы знали, пуританка,
Что ценою жгучих слез,
Бурной жизнью, трудной школой
Всё божественной далось...

Мистер Джон об этом знает,
Но молчит ваш мистер Джон...
Вспоминая, сколько фунтов
На нее потратил он...

Но зато мой Савва Саввич,
С простодушием детей,
Бескорыстно рад поплакать
Чуждой скорби, как своей.

* * *

Мисс! не бойтесь легкой шутки!
Мы ведь шутим надо всем,
Шутим даже над героем
Наших собственных поэм...

Да и что моя вам шутка!
Вдруг у ваших ног блеснет
И, как ящерица в камнях,
Шаловливо пропадет.

* * *

Дон-Пеппино русской бредит,
Щеголяет в бирюзе
И в Café d'Europa[1] всюду
Чертит пальцем букву З.

Повторяет беспрестанно
При других и про себя:
«Зина, Зина — chè bel' nome!»[2]
И потом: «Люблю тебя».

Так, по-русски... Вот нескромник!
Здесь ведь редкость бирюза,
И, любуясь ею, денди
Шепчет всем: «Ее глаза».

* * *

Пульчинелль вскочил на бочку,
И толпа уж собралась;
Жест лишь сделал — и вся площадь
Ярким смехом залилась.

Берегись, смотри, проказник!
Этот смех ведь обежит
Целый город — там, как эхо,
В Апеннинах прогремит,

Здесь раскатится по морю
И ударит по скалам
Капри, Исхии, Прочиды,
В домы к смелым рыбакам!

Берегись! хоть Сан-Дженнаро
И с тобою заодно —
Но уж с фортов этих пушки
На тебя глядят давно!

---

[1] Кафе «Европа» (итал.).— *Ред.*
[2] Какое прекрасное имя! (итал.).— *Ред.*

* * *

Мне Неаполь опротивел,
Опротивел, как тюрьма!
Это скал на груде груда,
На домах еще дома!

Продавцов, мальчишек крики!
Крики взбалмошных ослов...
Точно город этот вечно
Занят пробой голосов!

Нынче ж, кажется, и в море,
Заглушая всё, идут
Репетиции трескучей
Оперетты «Страшный суд».

* * *

Душно! Иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурых тучах вихорь мчит?

В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страстном,
Грянул гром бы поскорей...

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вкруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!

* * *

Говорят, со всех соборов
Нынче статуи святых

Собирались в Сан-Дженнаро
О делах судить своих.

Несогласье вышло в мненьях,
Кто храбрился, кто робел;
Порешили напоследок —
Ожидать исхода дел.

* * *

Блестит салон княгини Зины,
Но в шумном говоре гостей —
Над мягкой красною фланелью
Сверкают иглы русских фей.

Но как пугливы эти феи!
От бурь войны они бегут:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашнего ждут!

* * *

Народный вождь вступает в город...
Всё ближе он... Всё громче крик...
И вот он сам, средь этих криков
От счастья тих... О, чудный миг!

К нему все рвутся, как на приступ;
Но вот дорвалася одна —
И уж с цветком из рук героя
Уходит, гордая, она!

О, сколько там, в стране туманов,
Средь вечных будничных тревог,
Напомнит Мери этот скромный,
С трудом доставшийся цветок —

И загорелый лик героя,
И пестрых волн народных плеск,
И вкруг на всем, с высот лазурных,
Луча полуденного блеск!

ДОМА

МАТЬ

«Бедный мальчик! Весь в огне,
    Всё ему неловко!
Ляг на плечико ко мне,
    Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
    Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
    Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. Сказки — вздор!
    Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
    Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
    Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
    Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
    Тише! Засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
    Губки открывает...»

«*Во сыром бору*» поет
    Мать и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идет...
    Ночь уж день выводит —
Мать поет... Рука у ней
    Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
    Бедная роняла...

И едва дитя, в жару,
    Вздрогнув, встрепенется —
«Во темном-сыром бору»
    Снова раздается...

Отклони удар, уйди,
    Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
    Не отдаст без бою!
Заслонит средь всех тревог
    Всей душой своею
Жизни чудный огонек,
    Что затеплен ею!
И едва он засветил —
    Вдруг ей ясно стало,
Что́ любви, что́ чудных сил
    Сердце в ней скрывало!..

1861

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рои шумят
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

<1880>

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

НОЧЬ НА ЖНИТВЕ

Густеет сумрак, и с полей
Уходят жницы... Уж умолк
Вдали и плач и смех детей,
Собачий лай и женский толк.

Ушел рабочий караван...
И тишина легла в полях!..
Как бесконечный ратный стан,
Кругом снопы стоят в копнах;

И задымилася роса
На всем пространстве желтых нив,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звезды засветив.

Вот вышел месяц молодой...
Одно, прозрачное, как дым,
В пустыне неба голубой
Несется облачко пред ним:

Как будто кто-то неземной,
Под белой ризой и с венцом,
Над этой нивой трудовой
Стоит с серебряным серпом

И шлет в сверкании зарниц
Благословенье на поля:
Вознаградила б страду жниц
Их пóтом влажная земля.

1862

В СТЕПЯХ

1

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ну уж ночка! Воздух жгучий
Не шелохнется! Кругом
Жарко вспыхивают тучи
Синей молнии огнем.

Словно смотр в воздушном стане
Духам тьмы назначен! Миг —
И помчится в урагане
По рядам владыка их!

То-то грянет канонада —
Огнь и гром, и дождь и град,
И по степи силы ада
С диким свистом полетят!..

Нет, при этаком невзгодье,
В этом мраке, предоставь
Всё коню! Отдай поводья
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, верным шагом,
Не мечася как шальной,
По равнинам, по оврагам
Он примчит тебя домой...

2

РАССВЕТ

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

3

Мой взгляд теряется в торжественном просторе...
Сияет ковыля серебряное море
В дрожащих радугах, — незримый хор певцов
И степь и небеса весельем наполняет,
И только тень порой от белых облаков
На этом празднике, как дума, пролетает.

1862

4

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
Подымается с земли...
Что ж за звуки в серебристой
Всё мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
По степи от облаков,
Ряд проносится видений,
Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?..
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, тата́рченка качая,
Голос милым подает?..

5

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ

Се ветри, Стрибожьи внуци, веют
с моря...
на силы Дажьбожья внука, храбрых
русичей...

«Слово о полку Игореве»

Стрибожьи чада! это вы
Несетесь с шумом над степями,
Почти касаяся крылами
Под ними гнущейся травы?
Чего вам надо? Эти степи
Уже не те, что в дни, когда
Здесь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожар и цепи!

Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им, чадам света, уступив
Свое господство над степями!
И Солнца русые сыны
Пришли — и степь глядит уж садом...
Там зреют жатвы; убраны
Там холмы синим виноградом;
За весью весь стоит; косцов
Несется песня удалая,
И льется звон колоколов
В степи от края и до края...
И слух пропал о временах,
Когда, столь грозное бывало,
Здесь царство темное стояло;
И путник мчится в сих местах,
Стада овец порой пугая,
Нигде засад не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падших ратей ищут тщетно
В степи, на клёкт их безответной,
С высот лазуревых орлы...

1863

НИВА

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду, с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной
И колют мне лицо... Иду я наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.

Им внемля, вижу я: на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон на заре стучат проворные цепы;
В амбарах воздух полн и розана, и меда;
Везде скрипят возы; средь шумного народа
На пристанях кули валятся; вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влаге ударяя...

О боже! ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами не сгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно,—
О, дай нам солнышка! Пошли ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

1856

* * *

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет —
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...

Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

1868

СТРАНЫ И НАРОДЫ

* * *

Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!
Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши домы! ты нам плена
Готовишь цепи!!!...»
                                        В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благость
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы встали
И расступились перед ней.

1869

ПЛАТОНА

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДВА СТИХА ДО НАС ДОШЕДШИЕ

Небом желал бы я быть, звездным, всевидящим небом
Чтобы тебя созерцать всеми очами его!

1883

ИЗ САФО

Он — юный полубог, и он — у ног твоих!..
Ты — с лирой у колен — поешь ему свой стих,
Он замер, слушая,— лишь жадными очами
Следит за легкими перстами
На струнах золотых...
А я?.. Я тут же! тут! Смотрю, слежу за вами —
Кровь к сердцу прилила — нет сил,
Дыханья нет! Я чувствую, теряю
Сознанье, голос... Мрак глаза мои затмил —
Темно!.. Я падаю... Я умираю...

1875

РЫЦАРЬ

(Из Bertrand de Born)

Смело, не потупя взора,
Но как праведник, на суд
К вам являюсь я, синьора,
И скажу одно: вам лгут.
Пусть при первом же сраженьи
Я бегу, как подлый трус;
Пусть от вас я предпочтенья
Пред соперником лишусь;
Пусть в азарте, в чет и нечет,
Всё спущу я — меч, коня,
Латы, замки и поля;

Пусть мной выхоженный кречет
На глазах моих с высот
Наземь камнем упадет,
В бой вступив в воздушном поле
С целой стаей соколов;
Наконец, я сам готов
Сгнить у мавров в злой неволе
От истомы и оков,—
Коль не ложь — моя измена,
Не гнуснейшая из лжей,
Что я рвусь уйти из плена
У владычицы моей.

<1892>

ИЗ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла в небесные селенья,
Ее со всех сторон собор небесных сил,
В благоговении и тихом изумленьи,
Из глубины небес слетевшись, окружил.
«Кто это? — шепотом друг друга вопрошали.—
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам, в сияньи чистоты,
Столь строго девственной и светлой красоты».

И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает
И ждет, иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!
Я господа молю! Молю и жду — когда же?

1860

МАДОННА

Стою пред образом Мадонны:
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит
Величье девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на помосте церковном
Был поднят иноками он,—

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиленье
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял,—

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая,
Монахи вкруг него молились
И плакали — как плачу я...

1859
Флоренция

МИНЬОНА

(Из Гёте)

Ах, есть земля, где померанец зреет,
Лимон в садах желтеет круглый год;
Таким теплом с лазури темной веет,
Так скромно мирт, так гордо лавр растет!..
Где этот край? Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, навсегда!

Я помню зал: колонна за колонной,
И мраморы стоят передо мной,
И, на меня взирая благосклонно,
Мне говорят: «Малютка, что с тобой?»
Ах, милый мой! Туда, туда
Уйти бы нам с тобою навсегда!

А там — гора: вдоль сыплющихся склонов
Средь облаков карабкается мул...
Внизу — обрыв, где слышен рев драконов,
Паденье скал, потоков пенных гул...
Где этот край?.. Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, навсегда!

<1866>

ИЗ ГЕТЕ

Кого полюбишь ты — всецело
И весь, о Лидия, он твой,
Твой всей душой и без раздела!
Теперь мне жизнь, что предо мной
Шумит, и мчится, и сверкает,
Завесой кажется прозрачно-золотой,
Через которую лишь образ твой сияет
Один — во всех своих лучах,
Во всем своем очарованье,
Как сквозь дрожащее полярное сиянье
Звезда недвижная в глубоких небесах...

<1874>

ИЗ ГЕТЕ

ЛИЛЛИ

1

Эта маленькая Лилли —
Целый мир противоречий,
То трагедий, то идиллий!
Что за ласковые встречи!

Льнет к тебе нежней голубки,
А обнять хочу — отскочит!
Засмеюсь — надует губки,
Рассержусь — она хохочет.

Вон в сердцах хочу бежать я —
Дверь собою застановит,
Открывает мне объятья,
Умоляет, руку ловит.

Сдался — уж глядит лукаво,—
Так и знай, что будет худо...
Это бес какой-то, право,—
Только бес такой, что чудо!

2

«Надо кончить»,— порешили
Мы вчера. Финал любви!
Съехать надо: с этой Лилли
Вот уж где мне vis-à-vis![1]

Занавесилась... Уф! злится!
Но ведь в щелочку глядит...
Уголок-то шевелится
Занавески... Пусть сидит!

Я уж выдержу. Уткнуся
Носом в книгу. Позовет —
И тогда не оглянуся!..
Только долго что-то ждет...

Как так?.. Ветер кисеею
Размахнул до потолка —
И всё пусто! Я-то строю
Перед кем же дурака!

Бросил книгу я с досадой.
«Ха-ха-ха!» — вдруг слышу. «Ты?»
— «Ну и что ж?» — И всё как надо —
Смех опять, любовь, цветы...

1864, 1889

---

[1] Напротив, лицом к лицу (франц.).— *Ред.*

ИЗ ГАФИЗА

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,
А не в сети к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам;
И хоть слез, с твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь
И из ран горячей кровью
Всё по капле изойдешь,
Но зато умрешь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.

<1874>

ИЗ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Эти черные два глаза
С их глубоким, метким взглядом —
Два бандита с наведенным
Из засады карабином.

2

Против глаз твоих ничуть,
Верь, я злобы не питаю.
На меня ведь им взглянуть
Страх как хочется, я знаю.
Это *ты* в душе своей
Строишь ковы! *ты* хлопочешь
О погибели моей —
И позволить им не хочешь.

3

Я — король. Ты — королева.
Мы в войне. Я главных сил
И фельдмаршала их Гнева
Не боюсь. Я б их разбил.
Но как двинешь ты резервы,
В бой войти велишь слезам —
Тут беда! Пожалуй, первый
Брошусь я к твоим ногам!..

4

Эти очи — свет со тьмою,
Очи, полные зарниц!
Окаймленные густою
Ночью черною ресниц!
Но был миг — и ночь вдруг стала
Раздвигаться, мрак исчез —
И мне в сердце засияла
Глубина святых небес.

5

Холодный, смертный приговор
Твои глаза мне произносят;
Мои ж, снедая свой позор,
Лишь о помилованьи просят.

6

В тихой думе, на кладбище,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, к холмам печальным
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящим тут во мраке,
В забытье глубоком их,
Снится в райской ореоле
Светлый ангел в этот миг.

<1878>

ИЗ ТУРЕЦКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Длинные кудри твои вдоль высокого стана
Прячутся в кольцах, но глаз не спускают с меня,
Скажешь: виясь, с кипариса спускаются змеи,
Чтобы поющего в розах схватить соловья.

2

На миг упал с лица прекрасной
Ее скрывающий покров...
Я думал: месяц глянул ясный
В разрыве быстрых облаков.

3

Я сказал ей: «Дай твои мне губки,
Поцелуем их не опорочишь!»

А она мне: «Дам тебе я губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!»

«Эти руки знает враг Корана,—
Я сказал,— ты в них как за стеною!»

«Но мои,— она в ответ,— сильнее,
Если их я подыму с мольбою!»

<1872>

ДВЕ БЕЛОРУССКИЕ ПЕСНИ

1

ПЕТРУСЬ

Ой, худые вести
Люди приносили:
Бедного Петруся
До смерти забили.
А за что ж забили,
За вину какую?
От своей-то женки
Полюбил чужую!

Как же мог подумать
О такой он пани?
Пани — вся в атласах,
Ты ж — в худом кафтане!
Пани трех служанок
За Петрусем слала;
Не дождалась пани,
В поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусик,
Соху середь поля!
Пана нету дома —
Полная нам воля!»
Верные холопы
Пана повестили;
Панские хоромы
Крепко оцепили.
Выглянула пани,
Видит — хлопов кучи;
Панский конь весь в мыле,
Пан — чернее тучи...
«Серденько Петрусик,
Утекай скорее!
Пан приехал, тучи
Громовой чернее!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети.
Бьют и бьют Петруся
Час, другой и третий,
Парень уж не дышит;
Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли к Дунаю...
Быстр Дунай раскрылся...
«Вот тебе, голубчик,
Что пригож родился!»

Вельможная пани
В сени выходила,
Пани рыболовам
По рублю дарила:
«Будет вам и больше!

Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тело изловите!»

Рыбаки искали
В омуте и тине —
И нашли Петруся
В Жалинской долине.
Некого им к пани
Вестником отправить,
Чтобы приезжала
Похороны справить.

Вельможная пани
Бродит как шальная;
О своем Петрусе
Плачет мать родная;
Плачет мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплет
Белыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство с сыном
Я твоим утрачу!»

И ходила пани
Борами, лесами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Все об остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росе смочила.

Ходит пан по рынку,
Тяжело вздыхает,
На себя сам горько
Плачется, пеняет:
«Ведай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мешал Петрусю б
Тешиться я вволю!»

2

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Как придет мой час, помирать начну,
Соберитесь вкруг меня!»

Ходят в горенке, сынки шепчутся,
Как им мать хоронить;
Ходят в горенке, зятья шепчутся,
Как добро разделить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкруг матушки вьются!
А невестушки ходят в горенке,
Над ними смеются.

<1870>

СОН НЕГРА

(Из Лонгфелло)

Измучен зноем и трудом,
Он наземь бросился ничком...
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.

Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом:
Он в том народе был царем.

Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней, ласкаясь, льнут,
И в лес, отца искать, зовут...
И вот сквозь сон, горячий сон,
В бреду заплакал тихо он...

И снова чудится во сне:
На борзом мчится он коне.
Как вольный вихорь, конь летит,
Взбивая прах из-под копыт,
Златою сбруею звеня,
И сабля бьет в бока коня...

Что миг — свободней дышит грудь!
Что шаг — торжественнее путь,
Всё ближе горы. Лев рычит,
Кричит гиена, змей свистит,
И тяжело по тростникам
Идет в реке гиппопотам.

Под небом темно-голубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь вдали, крылами бьет,
Как знамя красное,— и вот
Ему открылся кафров стан
И в очи глянул океан!

И встал он там, и слышит: вдруг
Подобный трубам, мощный звук
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес...
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.

И вздрогнул он, услыша клич...
И уж не чувствовал, как бич
По нем скользнул, и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «Издох!..»

1859

КУПАЛЬЩИЦЫ

(Мелодия с берегов Ганга)

Люблю тебя, месяц, когда озаряешь
Толпу шаловливых красавиц, идущих
С ночного купанья домой!

Прекрасен ты, воздух, неся издалека
С венков их роскошных волну аромата,
Их нам возвещая приход.

Прекрасно ты, море, когда твою свежесть
Я слышу у них на груди и ланитах,
И в черных, тяжелых косах...

1862

ИЗ «КРЫМСКИХ СОНЕТОВ» МИЦКЕВИЧА

1

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В простор зеленого вплываю океана;
Телега, как ладья в разливе светлых вод,
В волнах шумящих трав среди цветов плывет,
Минуя острова колючего бурьяна.

Темнеет: впереди — ни знака, ни кургана.
Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...
Но что там? облако ль? денницы ли восход?
Там Днестр; блеснул маяк, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небе слышен лет,
А их—и сокола б не уловило око!
Былинку мотылек колеблет; вот ползет

Украдкой скользкий уж, шурша в траве высокой,—
Такая тишина, что зов с Литвы б далекой
Был слышен... Только нет, никто не позовет!

2

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

Скачу, как бешеный, на бешеном коне;
Долины, скалы, лес мелькают предо мною,
Сменяясь, как волна в потоке за волною...
Тем вихрем образов упиться — любо мне!

Но обессилел конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла с темнеющих небес,
А пред усталыми очами всё несется
Тот вихорь образов — долины, скалы, лес...

Всё спит, не спится мне — и к морю я сбегаю;
Вот с шумом черный вал подходит, жадно я
К нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснул, закрылся он; хаос повлек меня —
И я, как в бездне челн крутимый, ожидаю,
Что вкусит хоть на миг забвенья мысль моя.

3
АЛУШТА ДНЕМ

Пред солнцем гребень гор снимает свой покров,
Спешит свершить намаз свой нива золотая,
И шелохнулся лес, с кудрей своих роняя,
Как с ханских четок, дождь камней и жемчугов;

Долина вся в цветах. Над этими цветами
Рой пестрых бабочек — цветов летучих рой —
Что полог зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымает завес свой.

Над бездною морской стоит скала нагая.
Бурун к ногам ее летит и, раздробясь
И пеною, как тигр глазами, весь сверкая,

Уходит с мыслию нагрянуть в тот же час.
Но море синее спокойно — чайки реют,
Гуляют лебеди и корабли белеют.

1869

РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Ущельем на гору мы шли в ту ночь, в оковах.
Уже багровый блеск на мутных облаках,

Крик пролетавших птиц и смех вождей суровых
Давно питали в нас зловещий, тайный страх.

Идем... И — ужас! — вдруг сверкнул огонь струею
На шлемах всадников, предшествовавших нам...
Пылал Ерусалим! Пылал священный храм,
И ветер пламя гнал по городу рекою...

И вопли наши вдруг в единый вопль слились...
«Ах, мщенья, мщения!..» Но дико загремели
Ручные кандалы... «О бог отцов! ужели
Ты медлишь! Ты молчишь!.. Восстань! Вооружись

В грома и молнии!..» Но всё кругом молчало...
С мечами наголо, на чуждом языке
Кричала римская когорта и скакала
Вкруг нас, упавших ниц в отчаянной тоске...

И повлекли нас прочь... И всё кругом молчало...
И бог безмолвствовал... И снова мы с холма
Спускаться стали в дол, где улегалась тьма,
А небо на нее багряный блеск роняло.

<1862>

ВАЛКИРИИ

Высоко, безмолвно
Над полем кровавым
Сияет луна;

Весь берег — далёко
Оружьем и храбрых
Телами покрыт!

Герои! Им слава
И в людях, и в небе
Почет у богов!

Вон — тень пролетает
По долам, по скалам,
На блеске морском:

То, светлые, мчатся
Валкирии-девы
    С эфирных высот!

Одежд их уж слышен
И крыл лебединых
    По воздуху свист,

Доспехов бряцанье,
Мечей ударенье
    По звонким щитам,

И радостный оклик,
И бурные песни
    Неистовых дев:

«В Валгаллу! В Валгаллу!
Один-Вседержитель
    Уж пир зачинал!

От струнного звона,
От трубного звука
    Чертоги дрожат!

И светочи жарко
Горят смоляные,
    И пенится мед,—

В Валгаллу, герои!
Там вечная юность —
    Ваш светлый удел,

Воздушные кони,
Одежды цветные,
    Мечи и щиты,

Рабыни и жены,
И в пире с богами
    Места на скамьях!»

1873

ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ ГЕЙНЕ

ГЕЙНЕ

(Пролог)

Давно его мелькает тень
В садах поэзии родимой,
Как в роще трепетный олень,
Врагом невидимым гонимый.
И скачем мы за ним толпой,
Коней ретивых утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И криком воздух оглашая.
Олень бежит по ребрам гор
И с гор кидается стрелою
В туманы дремлющих озер,
Осеребренные луною...
И мы стоим у берегов...
В туманах — замки, песен звуки,
И благовония цветов,
И хохот, полный адской муки...

1857

* * *

Пора, пора за ум мне взяться!
Пора отбросить этот вздор,
С которым в мир привык являться
Я, как напыщенный актер!

Смешно всё в мантии иль тоге,
С партера не сводя очей,

Читать в надутом монологе
Анализ сердца и страстей!..

Так... но без ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смешон был пафос ложный;
Противен смех теперь ему!

Ведь всё ж, на память роль читая,
В ней вопли сердца я твердил
И, в глупой сцене умирая,
Взаправду смерть в груди носил!

1857

* * *

Сердце, сердце! что ты плачешь?
Иль судьба тебе страшна?
Полно! что зима отымет —
Всё отдаст тебе весна!

А ведь что еще осталось!
Божий мир не обойдешь!
Выбирай себе любое,
Что полюбишь — всё возьмешь!

1857

* * *

Осеннего месяца облик
Сквозит в облаках серебром.
Стоит одинок на кладбище
Пасто́ра умершего дом.

Уткнулася в книгу старуха;
Сын тупо на свечку глядит;
Две дочки сидят сложа руки;
Зевнувши, одна говорит:

«Вот скука-то, господи боже!
В тюрьме веселее живут!
Здесь только и есть развлеченья,
Как гроб с мертвецом принесут!»

Старуха в ответ проронила:
«Всего четверых принесли
С тех пор, как отца схоронили...
Ох, дни-то как скоро прошли!»

Тут старшая дочка очнулась:
«Нет, полно! Невмочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я к графу!..
С терпеньем-то нечего взять!..»

И вторит ей брат, оживившись:
«И дело! А я так в шинок,
У добрых людей научиться
Казной набивать кошелек!»

В лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:
«Издохни ты лучше, проклятый!
Отец бы услышал тебя!»

Вдруг все на окно оглянулись,
Оттуда рука им грозит:
Умерший пастор перед ними
Во всем облаченьи стоит...

1857

* * *

Не теряй, мой друг, терпенья,
Что в стихах моих порой
Слышно старое мученье,
Веет прежнею тоской!..

Дай, умолкнет в сердце эхо
Прежних бед и мук моих —
Полон счастья, полон смеха,
Из души польется стих.

1857

* * *

Много слышал добрых я советов,
Наставлений, ласки и обетов;
Говорили: «Только не ропщите,
Мы уж вас поддержим, погодите!»

Я поверил, ждал, заботы кинул,
И едва от голоду не сгинул...
Да нашелся добрый человек,
Поддержал, спасибо, он мой век.

Каждый день он хлеба мне приносит,
И в награду ничего не просит...
Обнял бы его я — да нельзя!
Человек-то добрый этот — я.

1852

НА МОРЕ

Тишь и солнце! спят пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудные морщины
Вкруг бегут от корабля.

В штиль о море не тревожась,
Спит, как мертвый, рулевой.
Весь в дегтю, у мачты съежась,
Мальчик чинит холст худой.

С грязных щек румянец пышет,
Рот, готовый всхлипнуть, сжат;
Грудь всё чаще, чаще дышит,
Лоб наморщен, поднят взгляд,

Перед ним, багров от водки,
Капитан стоит, вопя:
«Негодяй! ты — красть селедки!
Вот я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!.. В влаге чистой
Рыбка прыгает; кольцом

Вьет свой хвостик серебристый,
Шутит с солнечным лучом.

Вдруг по небесам пустынным
Свищет чайка как стрела,
И, нырнувши клювом длинным,
С рыбкой в небо поплыла.

1857

* * *

Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобным рвеньем объяты,
Песнь запели свою.

Голоса их звенели,
Как чистейший кристалл;
В их руладе и трели
Колокольчик звучал;

Чувства в дивных их звуках
Было столько, что вкруг
В истерических муках
Выносили старух.

1857

* * *

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождик-то льет!
К окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьмет.

А вон — с фонарем через лужи
Ведь вышел же кто-то бродить...
Старушка-соседка! дрожит, чай, от стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочет, бедняжка, для дочки, для крошки
Пирог она завтра испечь...

А дочка, поджавши ленивые ножки,
    Изволили в кресла залечь...

И щурят на свечку глазенки...
    И рады, что пусто вокруг.
Лепечут, шаля, их губенки
    Заветное имечко вслух.

1857

* * *

Плачу я, в лесу блуждая.
Дрозд за мной по веткам скачет,
На меня он всё косится
И щебечет: «Что он плачет?»

«Ты спроси своих сестричек,
Умных ласточек спроси ты,
У которых гнезда прямо
Над окошком милой свиты!»

1857

* * *

Сиял один мне в жизни,
    Один чудесный лик!
Но он угас — и мраком
    Я был затоплен вмиг...

Когда детей внезапно
    В лесу застигнет ночь,
Они заводят песню,
    Чтоб ужас превозмочь;

И я, чтобы не думать,
    Пою среди людей...
Скучна им эта песня —
    Да мне не страшно с ней!

1857

* * *

Я вглядываюсь жадно
 В портрет ее немой —
И, мнится, оживает
 Она передо мной;

Глядит мне прямо в очи,
 С улыбкой и слезой,
И, точно сожалея,
 Качает головой...

Невольно слезы льются
 Из глаз моих в ответ...
Не верится! ужели
 Ее уж больше нет!..

1856

* * *

Одинокая слезка
 По ланитам прокралась...
Лишь одна от былого
 Мне она оставалась...

Ее светлые сестры —
 Их развеяли годы!
С ними радость и горе
 Унесли непогоды...

Расплылися в туманы
 Прежних звезд мириады,
Проливавших так много
 Мне на сердце отрады...

В самом сердце уж нету
 На любовь отголоска...
Уж и ты проливайся,
 Одинокая слезка!

1857

* * *

В толпе опять я слышу песню,
Что пела милая когда-то...
Ах, в это праздничное солнце
Еще страшней ее утрата!

И, уронить боясь слезы,
При всех я очи потупляю,
И в лес спешу, но за слезами
Едва дорогу различаю...

1857

* * *

Что за милый это мальчик!
Как он рад всегда поэту
Предложить отведать устриц,
Сделать честь его Моэту!

Вечно — фрак и белый галстук;
Тон хорошего сословья;
По утрам ко мне он ходит
О моем узнать здоровье;

О моей хлопочет славе,
Остроты мои сбирает;
Мне в делах или в безделье
Услужить не пропускает;

Декламирует в салонах,
Дам пленяя слух и взгляды,
Из моих творений дивных
Вдохновенные тирады...

О, такие люди — редкость,
Хоть смешны порой, как дети,
В век, когда уж лучших нету,
Да выводятся и эти!

1856

* * *

Мне снилось: на рынке, в народе,
Я встретился с милой моей;
Но — как она шла боязливо,
Как бедно всё было на ней!

В лице исхудалом и бледном,
С своею ресницей густой,
Глаза только прежние были
И чудной сияли душой.

У ней на руке был ребенок;
За палец держась, поспевать
За нею другой торопился —
Румяный... как некогда мать...

И с ними пошел я, тоскливо
Потупивши в землю глаза.
В груди моей точно проснулись
Подавленных чувств голоса.

«Пойдем,— я сказал ей,— жить вместе;
Я нянчиться буду с тобой,
Ходить за детьми и работать,
И вновь расцветешь ты душой!»

Она подняла ко мне очи,
И очи сказали без слов,
Одной только грустью: «Уж поздно!»
И я зарыдать был готов...

И в очи смотрели ей дети,
Вдруг обняли мать горячо...
Их крик уязвил мою душу...
Вдруг слышу, меня за плечо

Хватает еврей, мой издатель:
«Победа! — кричит.— Торжество!
В три дня разошлось всё изданье...»
О, как же я проклял его!..

1857

* * *

Меня ты не смутила,
    Мой друг, своим письмом.
Грозишь со мной всё кончить —
    И пишешь — целый том!

Так мелко и так много...
    Читаю битый час...
Не пишут так пространно
    Решительный отказ!

1857

* * *

Ее в грязи он подобрал;
Чтоб всё достать ей — красть он стал;
Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.

И шли пиры... Но дни текли —
Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.

Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» — Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен,—
А уж к восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857

НЕВОЛЬНИК

Каждый день в саду гарема,
У шумящего фонтана,

Гордым лебедем проходит
Дочь великого султана.

У шумящего фонтана,
Бледный. с впалыми щеками,
Каждый раз стоит невольник
И следит за ней очами.

Раз она остановилась,
Подняла глаза большие
И отрывисто спросила:
«Имя? родина? родные?»

— «Магомет,— сказал невольник: —
Емен — родина, а кровью
Я из афров, род, в котором
Рядом смерть идет с любовью».

1856

* * *

На мольбы мои упорно
Нет и *нет* ты говоришь,
А скажу ль: «Ну, так простимся!» —
Ты рыдаешь и коришь...

Редко я молюсь, о боже!
Успокой ее ты разом!
Осуши ее ты слезы,
Просвети ее ты разум!

1857

ЛИЛИЯ

От солнца лилия пугливо
Головкой прячется своей,
Всё ночи ждет, всё ждет тоскливо —
Взошел бы месяц поскорей.

Ах, этот месяц тихим светом
Ее пробудит ото сна,
И — всем дыханьем, полным цветом
К нему запросится она...

Глядит, горит, томится, блещет,
И — все раскрывши лепестки,
Благоухает и трепещет
От упоенья и тоски.

1857

ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

Челн плывет, одетый в траур,
И, подобные теням,
Похоронные фигуры
В этом челне по бортам.

Перед ними — труп поэта;
С непокрытой головой
Всё он в небо голубое
Смотрит мертвый, как живой...

Даль звенит... Кого-то кличет
Точно нимфа из-за волн...
Точно всхлипывают волны,
Лобызать кидаясь челн.

1857

* * *

Ночи теплый мрак гвоздики
Благовонием поят;
Точно рой златистых пчелок,
Звезды на небе блестят.

В белом домике, сквозь зелень
Вижу, гаснет огонек;
Слышу стук стеклянной двери,
Слышу милый голосок...

Сладкий трепет; робкий шепот,
Нега счастья и любви...
И — внимательнее розы,
Вдохновенней соловьи.

1857

* * *

Он уж снился мне когда-то,
Этот самый сон любви!..
Воздух, полный аромата...
Поцелуи... соловьи...

Так же месяц всплыл двурогий,
И белеет водопад...
Так же мраморные боги
Сторожат у входа в сад...

Ах! я знаю, как жестоко
Изменяют эти сны!
Как заносит снег глубоко
Поле, полное весны...

Как мы сами сон свой губим,
Забываем и клянем,—
Мы, которые так любим
И блаженством жизнь зовем!..

1857

* * *

Чудным звуком даже ночи
Наполняет мне весна,
И в мечтах моих, как эхо,
Отзывается она.

Точно в сказочном я мире...
Всё мне чудно — шум листов,
Пенье птичек-невидимок,
Аромат ночных цветов.

Розы кажутся краснее,
И вокруг головок их
Точно розлито сиянье,
Как вкруг ангелов святых.

Сам я — кажется в ту пору —
Сам я точно соловей,
И пою я этим розам
Всю тоску любви моей.

И пою я им до солнца,
Иль пока не грянет сам
Соловей весенней рощи
Вызов к братьям-соловьям.

1857

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД

Король Гаральд на дне морском
Сидит уж век, сидит другой,
С своей возлюбленной вдвоем,
С своей царевною морской.

Сидит он, чарой обойден,
Не умирая, не живя;
В блаженстве тихо замер он;
Лишь сердце жжет любви змея.

Склонясь к коварной головой,
Он в очи демонские ей
Глядит всё с вящею тоской,
Глядит всё глубже, всё страстней.

Он, как пергамент, пожелтел,
В сухой щеке скула торчит;
Златистый локон поседел,
И только взгляд горит, горит...

И лишь когда гроза гремит,
И вкруг хрустального дворца

Хлябь, зеленея, закипит,—
Очнется бранный дух бойца;

В шуму и плеске слышит он
Норманнов оклик удалой —
И схватит меч, как бы сквозь сон,
И кинет прочь, махнув рукой.

Или когда над ним заря
Румянит свод прозрачных вод,
Он слышит песнь, как встарь моря
Гаральд браздил средь непогод,—

Его встревожит песня та;
Но злая дева сторожит,
И быстро алые уста
К его устам прижать спешит.

1857

АЛИ-БЕЙ

Али-бей, герой ислама,
Упоенный сладкой негой,
На ковре сидит в гареме,
Между жен своих прекрасных.

Что игривые газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играет,
Та разглаживает кудри,

Третья, в лютню ударяя,
Перед ним поет и пляшет,
А четвертая, как кошка,
У него прижалась к сердцу...

Только вдруг гремят литавры,
Барабаны бьют тревогу:
«Али-бей! вставай на битву!
Франки выступили в поле!»

На коня герой садится,
В бой летит, но мыслью томной
Всё еще в стенах гарема
Между жен своих витает,—

И меж тем как рубит франков,
Улыбается он сладко
Милым призракам, и в битве
От него не отходящим...

1858

* * *

Ты вся в жемчугах и алмазах!
Богатство — венец красоты!
При этом — чудесные глазки...
Ужель недовольна всё ты?

На эти чудесные глазки
Я рифмы сплетал как цветы,
И вышли — бессмертные песни...
Ужель недовольна всё ты?

Ах! эти чудесные глазки
Огнем роковым налиты...
От них я совсем погибаю...
Ужель недовольна всё ты?

1865

* * *

Из моей великой скорби
Песни малые родятся,
И, звеня, на легких крыльях,
Светлым роем к милой мчатся.

Покружася над прекрасной,
Возвращаются и плачут...

Не хотят сказать, малютки,
Мне, что слезы эти значат...

1857

* * *

Посмотри: во всем доспехе
Муж, готовый выйти в бой;
Он уж бредит об успехе,
Меч свой пробуя стальной.

Вдруг амуров рой крылатый
С толку сбил его совсем:
Кто расстегивает латы,
Кто с главы срывает шлем;

Кто с улыбкою лукавой,
Пальчик к губкам приложив,
Шепчет на ухо — и славы
Позабыт святой призыв.

Узнаешь ли в этой сцене,
Милый ангел мой, меня?
Век зовет, бойцы в арене,
А в твоих объятьях я!

1857

* * *

Ты быстро шла, но предо мною
Вдруг оглянулася назад...
Как будто спрашивали гордо
Уста открытые и взгляд...

К чему ловить мне было белый,
По ветру бившийся покров?..
А эти маленькие ножки...
К чему искал я их следов!

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна.
Так возмутительно покорна
И так убийственно скучна!

1857

ВЕСНОЮ

Сверкая, проносятся волны реки...
Так любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетает венки
Румяная дева одна над рекою.

И солнце, и зелень! и жжет, и томит!..
Так любится сердцу весною!..
«Кому же венки?» — кто-то вслух ей твердит,
И мчится мечта за мечтою...

Вот слышится топот... вот всадник летит,
И перьями веет, и блещет он сталью...
Робеет малютка, и ждет, и молчит —
Но миг — и он скрылся за синею далью!..

И плачет, и мечет в златые струи
Бедняжка венки, с уязвленной душою...
А где-то запел соловей о любви...
Так любится сердцу весною!..

1857

НА ГОРАХ ГАРЦА

Раскрывайся, мир преданий!
Приготовься, сердце, к ним,
К сладким песням, тихим грезам,
К вдохновеньям золотым!

Я иду в леса густые,
Доберусь до замка я,

На который устремляет
Первый нежный луч заря.

Там среди седых развалин,
Как живые, предо мной
Встанут дней минувших люди
С прежней свежею красой...

Вот он, вот! над ним, как прежде,
Полны блеску небеса,
А внизу — в волнах тумана
Словно плавают леса...

Но травой покрыта площадь,
Где счастливец побеждал,
И победы приз у лучших,
Может быть, перебивал...

Плющ висит кругом балкона,
Где склонялась на скамью
Победившая очами
Победителя в бою...

Ах! и рыцаря, и даму
Смерть давно уж унесла...
Всех нас этот черный рыцарь
Вышибает из седла!

1868

РОМАН В ПЯТИ СТИХОТВОРЕНИЯХ

1

Инеем снежным, как ризой, покрыт,
Кедр одинокий в пустыне стоит.
Дремлет, могучий, под песнями вьюги,
Дремлет и видит — на пламенном юге
Стройная пальма растет и, с тоской,
Смотрит на север его ледяной.

2

Давно задумчивый твой образ,
Как сон, носился предо мной,
Всё с той же кроткою улыбкой,
Но — бледный, бледный и больной...

Одни уста еще алеют,
Но прикоснется смерть и к ним
И всё небесное угасит
В очах лобзаньем ледяным.

3

В легком челне мы с тобою
Плыли по быстрым волнам...
Тихая ночь навевала
Грезы блаженные нам...

Остров стоял, как виденье,
Лунным лучом осиян;
Песни оттуда звучали
Сквозь серебристый туман.

Песни туда нас манили...
Но, и сильна, и темна,
В море, в широкое море
Грозно влекла нас волна.

4

Любовь моя — страшная сказка,
Со всем, что есть дикого в ней,
С таинственным блеском и бредом,
Создание жарких ночей.

Вот — «рыцарь и дева гуляли
В волшебном саду меж цветов...
Кругом соловьи грохотали,
И месяц светил сквозь дерёв...

Нема была дева, как мрамор...
К ногам ее рыцарь приник...

И вдруг великан к ним подходит,
Исчезла красавица вмиг...

Упал окровавленный рыцарь...
Исчез великан»... а потом...
Потом... Вот когда похоронят
Меня — то и сказка с концом!..

5

Здесь место есть... Самоубийц
Тела там зарываются...
На месте том плакун-трава
Одна, как тень, качается...

Я там стоял... Душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакун-трава в лучах луны
Таинственно качалася.

<1866>

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

На тему одной немецкой песни

С шумом и топотом пляшет в лугу молодежь,
В лад под визгливые скрипки.
Вдруг понеслась одна пара вперед, из толпы
Вынырнув, точно две рыбки.

Точно плывут они, тихо колышась и в такт,
Мерно, как волны морские —
Но — усмехаются, глядя друг другу в глаза...
Ведает бог, кто такие!

«Вы,— говорит кавалеру она,— здесь чужой?..
Белый на шляпе цветочек —
Только ведь в самой морской глубине он растет...
Как ни рядитесь, дружочек,

Вас я узнала — по остреньким щучьим зубкам
Тотчас же, с первого взгляда!

Вы — Водяной, и красотку сманить за собой
В терем хрустальный вам надо».

Он отвечает: «Сударыня — ух! как блестят
Ваши зеленые глазки!
Ручки — как холодны!.. Если ж обнимут — то смерть,
Верная смерть ваши ласки!

Вас я по первому книксену тотчас признал...
Так что... секрет неуместен...
Вы ведь — Русалка, сударыня... Промысел наш,
Значит, друг другу известен»...

Ловко, изящно, от смеха же еле держась,
Легкие оба такие,
Плавают, в медленном вальсе колышась, они
Мерно, как волны морские.

Кончился танец — они расстаются, как все —
Он — с грациозным поклоном,
Книксен глубокий — она,— всё как люди, давно
С лучшим знакомые тоном.

1889

* * *

Они о любви говорили
За чайным блестящим столом.
Изяществом дамы сияли,
Мужчины — тончайшим умом.

«Любовь в платоническом чувстве»,—
Заметил советник в звездах.
Советница зло улыбнулась,
Однако промолвила: «Ах!»

В ответ ему толстый каноник:
«Любить надо в меру, затем
Что иначе — вред для здоровья».
Княжна проронила: «А чем?»

С улыбкой давая барону
Душистого чаю стакан,
Графиня сказала протяжно:
«Амур — беспощадный тиран!»

За чаем еще было место:
Тебе б там, малютка, засесть
И, слушая только сердечка,
Урок о любви им прочесть.

<1866>

* * *

«Сколько яду в этих песнях!
Сколько яду, желчи, зла!..»
Что ж мне делать! столько яду
В жизнь мою ты пролила!

«Сколько яду в этих песнях!»
Что ж мне делать, жизнь моя!
Столько змей ношу я в сердце,
Да и сверх того — тебя!

<1866>

* * *

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнок,
Садись, рука с рукою,
Со мной на бережок.

Прижмись ко мне головкой,
Не бойся ничего!
Вверяешься ж ты морю —
Страшнее ль я его?

Ах, сердце — тоже море!
И бьется, и бурлит,
И так же дорогие
Жемчужины таит!

<1866>

ЛОРЕЛЕЯ

Беда ли, пророчество ль это...
Душа так уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преследует всюду меня...

Всё чудится Рейн быстроводный,
Над ним уж туманы летят,
И только лучами заката
Вершины утесов горят.

И чудо-красавица дева
Сидит там в сияньи зари,
И чешет златым она гребнем
Златистые кудри свои.

И вся-то блестит и сияет,
И чудную песню поет:
Могучая, страстная песня
Несется по зеркалу вод...

Вот едет челнок... И внезапно,
Охваченный песнью ее,
Пловец о руле забывает
И только глядит на нее...

А быстрые воды несутся...
Погибнет пловец средь зыбей!
Погубит его Лорелея
Чудесною песнью своей!..

<1867>

AUF FLÜGELN DES GESANGES[1]

Поэзии гений крылатый,
Незримой воздушной стезей,
В край солнца, к источникам Ганга,
Умчит нас, мой ангел, с тобой!

[1] На крыльях песни (нем.).— *Ред.*

В глубокой, цветущей долине,
В виду неприступных снегов,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнейших в мире цветов!

Там пенные с гор водопады,
И шелест волны в тростнике,
Толпы богомольцев, идущих
Омыться в священной реке.

Всё чудные сказки нам скажет
Про войны людей и духов,
Про жен, исторгавших супругов
Из челюстей адских богов...

Услышим мы вопль их страданий,
И вдруг — в их далекой любви,
Сквозь бездну веков, мы узнаем
Любовь и страданья свои...

1867

* * *

Нежданной молнией, вполне
Открывшей мне тот мрак глубокий,
Где чуть дышу я, были мне
Тобой начертанные строки...

Среди обломков, ты одна
В моем минувшем — образ ясный,
Как мрамор божески прекрасный,
Но и как мрамор холодна!..

О, каковы ж мои мученья!..
Вдруг этот мрамор тронут! он
Заговорил! и сожаленья
Слезою теплой окроплен!..

А ты, мой бог! Тебя напрасно
Молю я: узел развяжи,
Дай мне покой, и положи
Конец трагедии ужасной!

<1866>

* * *

Конец! Опущена завеса!
К разъезду публика спешит...
Ну что ж? успех имела пьеса?
О да! В ушах моих звучит
Еще доселе страстный шепот,
И крик, и вызовы, и топот...
Ушли... И зала уж темна,
Огни потухли... Тишина...

Чу! что-то глухо прозвенело
Во тьме близ сцены опустелой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипке?.. Там что? Крысы
Грызут ненужные кулисы...

И лампы гаснут, и чадит
От них дымящееся масло...
Одна осталась... вот — шипит,
Шипит... чуть тлеет... и угасла...
Ах, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857

EXCELSIOR[1]

* * *

О царство вечной юности
И вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
Нам чувствуешься ты!

Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!..
С бессмертными мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стих,
Моцартовы мелодии,
Всё радостное в них —

Всё то — не откровенья ли
С надзвездной высоты,
Из царства вечной юности
И вечной красоты?..

1883

* * *

Чужой для всех,
Со всеми в мире —
Таков, поэт,
Твой жребий в мире!

---

[1] Возвышенное (лат.).— *Ред.*

Ты — на горе,
Они — в долине;
Но — бог и свет
В твоей пустыне.

Их дух привык
Ко тьме и ночи,
И голый свет
Им режет очи,—

Но ведь и им,
На самом пире,
Им *нужно* знать,
Что *есть* он в мире,

Что где-нибудь
Еще он светит,
Что воззовешь —
И он ответит!

1872

ПУСТЫННИК

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.

<1883>

EXCELSIOR

(Из Лонгфелло)

На высях Альп горит закат;
Внизу, в селеньи, стены хат
Отливом пурпурным сияют...

Вдруг видят люди: к ним идет
Красавец юноша, несет
В руке хоругвь, на ней читают:
Excelsior!

Идет он мимо — вверх — туда,
Где царство смерти, царство льда;
Не смотрит, есть иль нет дорога;
Лишь ввысь, восторженный, глядит,
И клик его в горах звучит,
Как звук серебряного рога:
Excelsior!

Предупреждают старики:
«Куда идешь? Там ледники!
Там не была нога людская!
Спокон веков там ходу нет!»
Но он не слушает, в ответ
Лишь кликом горы оглашая:
Excelsior!

Краса-девица говорит:
«Останься здесь, от бурь укрыт,
Любим и счастлив с нами вечно!»
Он перед ней замедлил шаг,
Но через миг опять в горах
Раздалось, вторясь бесконечно:
Excelsior!

И вот уж скрылся он из глаз...
Уж пурпур на горах погас,
Бледнеют снежные вершины,
И там, в безмолвьи ледяном,
Звучит, как отдаленный гром,
С высот несущийся в долины:
Excelsior!

Чуть свет, при меркнущих звездах,
На льды в обход пошел монах,
Неся запас вина и хлеба,—
И слышит голос над собой
Как бы от тверди голубой,

С высот яснеющего неба:
Excelsior!

И тут же лай собаки, вмиг
Он к ней — и видит: в снеговых
Сугробах юноша... О, боже!
Он бездыханен, смертный сон
Его сковал, и держит он
В руке хоругвь, где надпись тоже —
Excelsior!

Уж горы облило зарей:
Лежит он, бледный и немой,
Среди пустынь оледенелых...
Стоит и слышит вдруг монах —
Уже чуть внятно — в высотах —
В недосягаемых пределах:
Excelsior!

1881

* * *

Куда б ни шел шумящий мир,
Что б разум будничный ни строил,
На что б он хор послушных лир
На всех базарах ни настроил,—
Поэт, не слушай их. Пускай
Растет их гам, кипит работа,—
Они все в Книге Жизни — знай —
Пойдут не дальше переплета!
Святые тайны Книги сей
Раскрыты вещему лишь оку:
Бог открывался сам пророку,
Его ж, с премудростью своей,
Не видел гордый фарисей.
Им только видимость — потреба,
Тебе же — сущность, тайный смысл;
Им — только ряд бездушных числ,
Тебе же — бесконечность неба,
Задача смерти, жизни цель —
Неразрешимые досель,

Но уж и в чаемом решенье,
Уже в предчувствии его
Тебе дающие прозренье
В то, что для духа — вещество
Есть только форма и явленье.

1888

* * *

Белые лебеди, вестники светлой Весны, пролетели.
Сердце Земли встрепенулось, сверкнули ожившие
воды...
Миг — и проглянут цветы... Да, Весна это,
Радость-весна!
Как эти лебеди, мысли виденьем в душе пролетают,
Сердце трепещет в груди... пробиваются слезы
восторга:
Чувствую — близятся — их осязаю и вижу — стихи!

1891

* * *

Зачем предвечных тайн святыни
В наш бренный образ облекать,
И вымыслом небес пустыни,
Как бедный мир наш, населять?

Зачем давать цвета и звуки
Чертам духовной красоты?
Зачем картины вечной муки
И рая пышные цветы?

Затем, что смертный подымает
Тогда лишь взоры к небесам,
Когда там радуга сияет
Его восторженным очам...

1887

* * *

Вдохновенье — дуновенье
Духа божья!.. Пронеслось —
И бессмертного творенья
Семя бросило в хаос.

Вмиг поэт душой воспрянет
И подхватит на лету,
Отольет и отчеканит
В медном образе — мечту!

1889

ХУДОЖНИКУ

К тебе слетело вдохновенье —
Его исчерпай всё зараз,
Покуда творческий восторг твой не погас
И полон ты и сил, и дерзновенья!
Оно недолго светит с вышины
И в смысл вещей, и духа в глубины,
И твоего блаженства миг недолог!
Оно умчалося — и тотчас пред тобой
Своей холодною рукой
Обычной жизни ночь задернет темный полог.

1881

* * *

Есть мысли тайные в душевной глубине;
Поэт уж в первую минуту их рожденья
В них чует семена грядущего творенья.
Они как будто спят и зреют в тихом сне,
И ждут мгновения, чьего-то ждут лишь знака,
Удара молнии, чтоб вырваться из мрака...
И сходишь к ним порой украдкой и тайком,
Стоишь, любуешься таинственным их сном,
Как мать, стоящая с заботою безмолвной
Над спящими детьми, в светлице, тайны полной...

1868

* * *

Возвышенная мысль достойной хочет брони:
Богиня строгая — ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и кимвал,
И песни сладкие, и волны благовоний...

Малейшую черту обдумай строго в ней,
Чтоб выдержан был строй в наружном беспорядке,
Чтобы божественность сквозила в каждой складке
И образ весь сиял — огнем души твоей!..

Исполнен радости, иль гнева, иль печали,
Пусть вдруг он выступит из тьмы перед тобой —
И ту рассеет тьму, прекрасный сам собой
И бесконечностью за ним лежащей дали...

1869

* * *

Окончен труд — уж он мне труд постылый.
Как будто кто всё шепчет: погоди!
Твой главный труд — еще он впереди,
К нему еще ты только копишь силы!
Он облачком чуть светит заревым,
И всё затмит, все радости былые,—
Он впереди — святой Ерусалим,
То всё была — еще Антиохия!

1887

* * *

«Не отставай от века» — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет: выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растет,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мимобегущих вод!

Пусть их напор неровности в ней сгладит,
Порой волна счастливый даст толчок,—
А золота крупинку мчит поток —
Оно само в стихе твоем осядет.

1889

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы, влиясь в его бессмертный стих,
Земное всё — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

1887

* * *

Мы выросли в суровой школе,
В преданьях рыцарских веков,
И зрели разумом и волей
Среди лишений и трудов.
Поэт той школы и закала,
Во всеоружии всегда,
В сей век Астарты и Ваала
Порой смешон, быть может... Да!
Его коня равняют с клячей,
И с Дон-Кихотом самого,—
Но он в святой своей задаче
Уж не уступит ничего!
И пусть для всех погаснет небо,
И в тьме приволье все найдут,
И ради похоти и хлеба
На всё святое посягнут,—

Один он — с поднятым забралом —
На площади — пред всей толпой —
Швырнет Астартам и Ваалам
Перчатку с вызовом на бой.

1890

ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Стихов мне дайте, граф, стихов,
Нетленных образов и вечных,
В волшебстве звуков и цветов
И горизонтов бесконечных!
Чтоб, взволновав, мне дали мир,
Чтоб я и плакал, и смеялся,
И вместе — старый ювелир —
Их обработкой любовался...
Да! ювелир уж этот стар,
Рука дрожит,— но во мгновенье
Готов в нем вспыхнуть прежний жар
На молодое вдохновенье!

1887

Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Зачем смущать меня под старость!
Уж на покой я собрался —
Убрал поля, срубил леса,
И если новая где зарость
От старых тянется корней,
То это — бедные побеги,
В которых нет уж прежних дней
Ни величавости, ни неги...
Даль безграничная кругом,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
В безмолвном торжестве своем...

И вот — нежданно, к нелюдиму,
Ваш стих является ко мне
И дразнит старого, как в зиму
Воспоминанье о весне...

1887

ОТВЕТ

(К. А. Дворжицкому)

Во многолюдстве шумном света,
С его базарной суетой,
Уж чует вещею душой
Издалека поэт поэта.
Им любо, если довелось
Хоть перекинуться порою,
Над этой тесною толпою,
Букетом из душистых роз...
Ты перебросил мне нежданно
Свой дорогой, благоуханный
Дар поэтической любви —
Так вот и мой тебе — лови!

5 мая 1887

ОТВЕТ Л.

Нет, то не Муза, дщерь небес,
Что нас детьми уж дразнит славой!
То злобный гений, мрачный бес,
То сын погибели лукавый
К нам, улыбаясь, предстает,
Пленит нас лирою заемной,
И поведет, и понесет,
И пред тобой уж тартар темный,
Но ты летишь в него стремглав,
Без рассужденья, без сознанья,
В душе, увы! давно поправ
Любви и веры упованья,

Не признавая ничего
И, бесу в радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и мир, и божество!

Нет, Муза — строгая богиня:
Ей слава мира — тлен и прах!
Ей сердце чистое — святыня,
И ум, окрепнувший в трудах!
В жизнь проникая постепенно,
И в глубину, и в высоту,
Она поет отцу вселенной
С своею лирой умиленной
Его творений красоту!

1887

* * *

Мысль поэтическая — нет! —
В душе мелькнув, не угасает!
Ждет вдохновенья много лет
И, вспыхнув вдруг, как бы в ответ
Призыву свыше — воскресает...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце рана —
И не одна,— чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...

1887

* * *

Воплощенная, святая,
В обаяньи красоты,
Ты, земле почти чужая,
Мысль художника — что ты?
Посреди сплошного мрака,
В глубине пустынь нагих,

Ни пути где нет, ни злака,
Ни журчанья вод живых;
Под напором черной тучи,
Что из вечности несет
Адский вихрь, что пламя, жгучий,
От которого всё мрет,—
Ты — удар посланца божья
В мрак сей огненным мечом,
Ужас тьмы и бездорожья
Вмиг рассеявший кругом
И открывший для поэта
Солнце Истины над ним,
Мир кругом — в сияньи света,
И в душе его, поэта,
Образ, выстраданный им!

1888

* * *

Вчера — и в самый миг разлуки
Я вдруг обмолвился стихом —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечным лучом
И близь, и даль озолотило...
Но не кори меня, мой друг!
Венец свой творческая сила
Кует лишь из душевных мук!
Глубоким выхвачен он горем
Из недр души заповедных,
Как жемчуг, выброшенный морем
Под грохот бури,— этот стих!

1889

* * *

Из темных долов этих взор
Всё к ним стремится, к высям гор,
Всё чудится, что там идет
Какой-то звон и всё зовет:

«Сюда! Сюда!..» Ужели там
В льдяных пустынях — божий храм?

И я иду на чудный зов;
Достиг предела вечных льдов;
Но храма — нет!.. Всё пусто вкруг;
Последний замер жизни звук;
Туманом мир внизу сокрыт,—
Но надо мною всё гудит
Во весь широкий небосклон:
«Сюда! Сюда!» — всё тот же звон...

1883

В. и А.

Всё, чем когда-то сердце билось
В груди поэта, в чем, творя,
Его душа испепелилась,
Вся в бурях творчества сгоря,—
В толпе самодовольной света
Встречая чуть что не укор,
Всё — гаснет, тускнет без привета,
Как потухающий костер...
Пахнёт ли ветер на мгновенье
И вздует уголь здесь и там —
И своего уж он творенья
Не узнает почти и сам...
Восторг их первого созданья,
Их мощь, их блеск, их аромат —
Исчезло всё, и средь молчанья
Их даже самые названья
Могильной надписью звучат!
Безмолвный, робкий, полн сомнений,
Проходит он подобно тени
Средь века хладного вождей,
Почти стыдяся вдохновений
И откровений прежних дней.

Но поколенья уж иного
Приходит юноша-поэт:
Одно сочувственное слово —
Проснулся бог и хлынул свет!

Встают и образы, и лица,
Одушевляются слова,
Племен, народов вереница,
Их голоса, их торжества,
Дух, ими двигавший когда-то,
Всё — вечность самая встает,
И душу старшего собрата
По ним потомок узнает!
Да! крепкий выветрится камень,
Литой изржавеет металл,
Но влитый в стих сердечный пламень
В нем вечный образ восприял!
Твори, избранник муз, лишь вторя
Чудесным сердца голосам;
Твори, с кумиром дня не споря,
И строже всех к себе будь сам!
Пусть в испытаньях закалится
Свободный дух — и образ твой
В твоих созданьях отразится
Как общий облик родовой.

Октябрь 1887

* * *

Оставь, оставь! На вдохновенный,
На образ Музы неземной
Венок и вянущий, и тленный
Не возлагай! У ней есть свой!
Ей — полной горних дум и грезы,
Уж в вечность глянувшей — нейдут
Все эти праздничные розы,
Как прах разбитых ею пут!
Ее венок — неосязаем!
Что за цветы в нем — мы не знаем,
Но не цветы они земли,
А разве — долов лучезарных,
Что нам сквозят в ночах полярных
В недосягаемой дали!

1888

МОЕМУ ИЗДАТЕЛЮ

(А. Ф. Марксу)

Издатель добрый мой! Вот вам мои творенья!
Вы — друг испытанный, вам можно вверить их...
А всё в их авторе, в последний самый миг,
Такие ж всякий раз тревоги и сомненья...
Он — жил в самом себе; писал лишь для себя
Без всяких помыслов о славе в настоящем,
О славе в будущем... Лишь Красоту любя,
Искал лишь Вечное в явленье преходящем
Отшельник — что же он для света может дать!
К чему и выносить на рынок всенародный
Плод сокровенных дум, и настежь растворять
Святилище души очам толпы холодной...

23 мая 1893

АКВАРЕЛИ
(1885—1890)

АЙВАЗОВСКОМУ

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты — в безбрежность этой дали
И здесь, вкруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном,—
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим!

1877

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумит.
Волны, как рать, уходящая с боя, не могут утихнуть
И в беспорядке бегут, обгоняя друг друга,

Хвастаясь друг перед другом трофеями битвы:
Клочьями синего неба,
Золотом и серебром отступающих туч,
Алой зари лоскутами.

1887

* * *

Над необъятною пустыней Океана
С кошницею цветов проносится Весна,
Роняя их на грудь угрюмого титана...
Увы, не для него, веселия полна,
Любовь и счастие несет с собой она!
Иные есть края, где горы и долины,
Иное царство есть, где ждет ее привет...
Трезубец опустив, он смотрит ей вослед...
Разгладились чела глубокие морщины,—
Она ж летит — что сон — вся красота и свет —
Нетерпеливый взор куда-то вдаль вперяя,
И бога мрачного как будто и не зная...

1885

ДЕННИЦА

Луна — опальная с двором своим царица
Идет из терема прохладою дохнуть,
Но вот бежит Рассвет, царю готовя путь,—
Царица дрогнула... лишь светлая Денница,
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звезд бледнеющих, не меркнешь ты пред ним.
Что грозный царь тебе? Отринутая им,
Царица скорбная пусть ждет минуты сладкой
Супруга издали увидеть хоть украдкой,
И скрыться в терем свой, опять к слезам своим...
Царевна ж юная — тебе какое дело!
Светясь веселием беспечных юных лет,
Идешь за матерью опальною вослед,
На грозного царя оглядываясь смело.

1874

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Всё готово. Мусикийский
Дан сигнал... Сердца дрожат...
По арене олимпийской
Колесниц помчался ряд...
Трепеща, народ и боги
Смотрят, сдерживая крик...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный миг!
Главк... Евмолп... опережают...
Не смотри на отсталых!
Эти... близко... подъезжают...
Ну — который же из них?
«Главк!» — кричат... И вон он, гордый,
Шагом едет взять трофей,
И в пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887

ЖАННА Д'АРК

(Отрывок)

Бой кипел... Она скакала
На коне на вороном —
Гордо поднято забрало,
С орифламмой и копьем,
И везде, где чуть опасно,
Уж звенит на страх врагам
Этот звонкий, этот ясный
Женский голос по рядам.

1887

RENAISSANCE [1]

К ЮБИЛЕЮ РАФАЭЛЯ САНЦИО

В светлой греческой одежде,
В свежем розовом венке,

[1] Возрождение (франц.).— *Ред.*

Ходит юноша по свету
С звонкой лирою в руке.

Под одеждой кармелиток,
Преклонясь пред алтарем,
Дева тает в умиленьи
Пред небесным женихом.

Тот вступает в сумрак храма —
Очи встретилися их —
Миг — и кинулись друг к другу,
Как невеста и жених.

«Для него во мне спасенье»,—
Мыслит дева; он шептал:
«Я нашел его — так долго
Убегавший идеал!..»

Идут в мир — и, где ни ступят,
Всюду клики торжества,
Дух смягчающие слезы
И прозренье божества!

1887

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкою своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам,
Промчался вихрь — пять-шесть мгновений —
И, в встречу солнечным лучам,

Встают серебряным карнизом
Чрез все полнеба ворота.
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск, и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,

И тьма за ней в погоню злую,
И всё свирепей и быстрей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огнь, и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удальце
Ее честят! Как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

* * *

Уж побелели неба своды...
Промчался резвый ветерок...
Передрассветный сон природы
Уже стал чуток и легок.
Блеснуло солнце: гонит ночи
С нее последнюю дрему,—
Она, вздрогнув,— открыла очи
И улыбается ему.

1887

* * *

(Мотив Коппе)

Ты веришь ей, поэт! Ты думаешь, твой гений,
Парящий к небу дух и прелесть песнопений
Всего дороже ей, всего в тебе святей?
Безумец! По себе ты судишь!.. И Орфей —
Была и у него младенческая вера,
Что всюду вслед ему идущая пантера
Волшебной лирою навек укрощена...

Но на колючий терн он наступил пятою.
И кровь в его следе почуяла она —
Вздрогнула и, взрычав, ударилась стрелою
Лизать живую кровь... Проснулся мигом зверь!..
И та — не чудный дар твой нужен ей,— поверь! —
Ей сердца твоего горячей крови надо,
Чтоб небо из него в терзаниях изгнать,
Чтоб лиру у него отнять и разломать
И, тешася над ним, как пьяная менада
Над яростью богов,— в лицо им хохотать!

Август 1889

У МРАМОРНОГО МОРЯ

1

Всё — горы, острова — всё утреннего пара
Покрыто дымкою... Как будто сладкий сон,
Как будто светлая, серебряная чара
На мир наведена — и счастьем грезит он...
И, с небом слитое в одном сияньи, море
Чуть плещет жемчугом отяжелевших волн,—
И этой грезою упиться на просторе
С тоской зовет тебя нетерпеливый челн...

2

Румяный парус там стоит,
Что чайка на волнах ленивых,
И отблеск розовый бежит
На их лазурных переливах...

3

Заалел, горит восток...
Первый луч уж брызнул... Мчится
В встречу солнцу ветерок...
Пошатнулся и клубится
И летит туман, летит...
Что ж в волнах его метели
И алеет, и блестит?

Легионы ль полетели
На Царьград, на славный бой?
То их вождь — на колеснице
И с поднятою рукой,
И в венце, и в багрянице?..
Тени прошлого?.. Но нет!
Скрылся поезд триумфальный,
На поверхности ж зеркальной
Всё стоит зеленый след...

1887

НА ЧАМЛИДЖИ

Как дышится легко на этих высотах,
Какой-то радостью ты полон безотчетной —
Здесь — точно ближе ты к живущим в небесах,
И вдруг в тебе самом проснулся дух бесплотный,
И ты глядишь на мир не как уж сын земли!
Вон там — за полосой сверкающего моря
Белеют городки, чуть видные вдали...
И — точно голосам вселенской жизни вторя —
В душе одна лишь мысль, одна звучит струна:
«Когда б в сердцах людей, везде, во всем бы мире,
Такая ж красота, и свет, и тишина,
Как здесь — и на земле — и в море — и в эфире!..»

1890
В Малой Азии

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНФСКОГО ЗАЛИВА

Всё время — реки без воды,
Без зелени долины,
С хрустящим камешком сады
И тощие маслины;
Зато — лазурный пояс вод,
И розовые горы,
И беспредельный неба свод,
Где ищет взор и не найдет
Хоть в легком облачке опоры!..

Октябрь 1890

АЛЬБОМ АНТИНОЯ

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «АДРИАН И АНТИНОЙ»[1]

* * *

Высокая пальма
Над бедным селеньем;
Под вечер на пальму
Рой светлых голубок,
Слетаясь, гнездится —
На ветвях ее.

Но утро блеснуло —
Они встрепенулись
И мигом, что на пол
Рассыпанный жемчуг,
Кругом разлетелись
В безбрежную даль.

Душа моя — пальма,
Рой светлых голубок —
Мечты золотые,
Что на ночь отвсюду
Слетаются к ней.

* * *

Один, без сил, в пустыне знойной
В тоске предсмертной я лежал,

[1] В поэме Антиной предполагается родом из Сирии, через которую проходили всякие философские и религиозные учения древности, оставляя свой осадок в местном населении. То были учения Египта, Вавилона, Иудеи, Греции и Рима и пр. Все эти влияния отразились во впечатлительной душе красавца Антиноя, и в альбоме, куда он выписывал, что его поразило, и вносил также свои заметки.

И вдруг твой чудный, твой спокойный,
Твой ясный образ увидал —

И я вскочил: коня и броню!
Я снова силен, я боец!
Где враг? навстречу иль в погоню?
Где лавр! Где слава! Где венец?!!

* * *

Вдоль над рекой быстроводной
Быстро две бабочки мчатся, кружась друг над другом,
Только друг друга и видят они.
Ветку несет по реке: они сели,
Редкими взмахами крылышек держат кой-как равновесье,
Заняты только любовью своей.
Друг мой! река — это время;
Ветка плывущая — мир;
Бабочки — мы!

* * *

Смерти нет! Вчера Адонис
Мертв лежал; вчера над ним
Выли плакальщицы, мраком
Всё оделось гробовым: —
Нынче ж, светлый, мчится в небе
И земля ликует, вслед
Торжествующему богу,
Восклицая: смерти нет!

* * *

Вы разбрелися,
Овцы заблудшие;
Слышите — где-то
Стад колокольчики.
Рог пастуха!

Близко он слышится?
Вверьтесь зовущему!
Выведет вас он
К пастбищам тучным!
К светлым ключам!

* * *

Ты не в первый раз живешь,
Носишь образ человека;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просветляясь век от века.
Наконец достигнешь ты
Через эти переходы
До предела красоты
Человеческой природы;
Здесь уж зрелый плод — тогда
Высоко взойдешь над нами
Вдруг, как новая звезда
Между звезд в ряду с богами.

* * *

В пустыне знойной он лежал,
Я поделился с ним водой;
И речи чудные вещал
Он мне потом, идя со мной.
И это было уж давно.
Я был ребенок. Тех речей
Теперь не помню. Лишь одно
Звучит досель в душе моей,—
Что должно ближнего любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мне кажется, что он,
Тот чудный старец, людям нес
Разгадку жизни. Опален
Был зноем, в рубище и бос.

И шел с ним долго, долго я,
И не заметил, как вошел
В какой-то город — там меня
Ввели с ним в дом; накрыт был стол,
И много свеч — и полон дом
Народу был,— и лица их
Сияли тихим торжеством
И пели все — и был у них
Я точно дома...

* * *

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство ж вечное — лишь там.

1881

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

ВОПРОС

Мы все, блюстители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был; мы, соль земли, мы, свет,
Когда голодные толпы в годину бед
Из темных долов к нам о хлебе вопиют,—
О, мы прокормим их, весь этот темный люд!
Чтобы не умереть ему, не голодать —
Нам есть что дать!

Но... если б умер в нем живущий идеал,
И жгучим голодом духовным он взалкал,
И вдруг о помощи возопиял бы к нам,
Своим учителям, пророкам и вождям,—
Мы все, хранители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был и в ту светил бы тьму,—
Что дали б мы ему?

<1873>

МАНИ — ФАКЕЛ — ФАРЕС

В диадиме и порфире,
Прославляемый как бог,
И как бог единый в мире,
Весь собой, на пышном пире,
Наполняющий чертог —

Вавилона, Ниневии
Царь за брашной возлежит.

Что же смолкли вдруг витии?
Смолкли звуки мусикии?..
С ложа царь вскочил — глядит —

Словно светом просквозила
Наверху пред ним стена,
Кисть руки по ней ходила
И огнем на ней чертила
Странной формы письмена.

И при каждом начертанье
Блеск их ярче и сильней,
И, как в солнечном сиянье,
Тусклым кажется мерцанье
Пирных тысячи огней.

Поборов оцепененье,
Вопрошает царь волхвов,
Но волхвов бессильно рвенье,
Не дается им значенье
На стене горящих слов.

Вопрошает Даниила,—
И вещает Даниил:
«В боге — крепость царств и сила;
Длань его тебе вручила
Власть, и им ты силен был;

Над царями воцарился,
Страх и трепет был земли,—
Но собою ты надмился,
Сам себе ты поклонился,
И твой час пришел. Внемли:

Эти вещие три слова...»
Нет, о Муза, нет! постой!
Что ты снова их и снова
Так жестоко, так сурово
Выдвигаешь предо мной!

Что твердишь: «О горе! горе!
В суете погрязший век!

Без руля, на бурном море,
Сам с собою в вечном споре,
Чем гордишься, человек?

В буйстве мнящий быти богом,
Сам же сын его чудес —
Иль не зришь, в киченьи многом,
Над своим уж ты порогом
Слов: мани — факел — фарес!..»

1888

EX TENEBRIS LUX[1]

Скорбит душа твоя. Из дня —
Из солнечного дня — упал
Ты прямо в ночь и, всё кляня,
За смертный взялся уж фиал...

Нет! Погоди!.. В ту тьму вглядись:
Вон — огонек блеснул... звезда...
Другая... третья... Вон — зажглись
Уж мириады... Никогда

Ты не видал их?.. Но постой:
Они бледнеть начнут — и тень
Пойдет редеть — и над тобой
Внезапно развернется день,—

Им осиянный, разом ты,
Уже измерив бездну зол,
Рванешься в горни высоты,
Как солнца жаждавший орел!

1887

РАССКАЗ ДУХА

(Отрывок)

...И как же умирал ты? Как свершился
Ужасный этот переход из здешней
К загробной жизни?..
...И на вопрос мой начал дух:

[1] Из тьмы свет (лат.).— *Ред.*

...«Боль унялася, и я вдруг
Почувствовал, иль лучше — догадался,
Что умираю. Несказанный страх
Меня объял. Всё близкое, земное
Передо мной исчезло. Страх один —
И точно враг *извне* — меня борол.
А *изнутри* меня — я живо помню —
Живое нечто бросилося с ним
Бороться и отстаивать меня —
И этого б союзника я нáзвал
Надеждой: так, быть может, стала б мать
За своего ребенка биться...
Ум между тем — он бодрствовал и жадно
Среди борьбы их вглядывался, слушал.
И отстранял их, силясь проглянуть
Вперед, глубоко, в даль и бесконечность.

Но тьмы завеса перед ним лежала.
Я думал: миг еще — и тьма меня
Охватит и удушит... Но внезапно
Надежда, страх — всё смолкло. Впереди
Завеса дрогнула и расступилась.
И вкруг меня всё — люди и предметы
Каким-то чудным озарились светом,
Который им как бы прозрачность придал,—
И этот свет шел сверху — и ужасен
Мне в первый миг казался. «Это — Смерть? —
Я спрашивал себя.— Нет, быть не может!..»
И всё не верил, и глядел упорно
В ужасную зарю — и ждал, всё ждал,—
А между тем давно уж совершилось —
Всё кончено — я понял наконец,
И уж извне смотрел на труп свой — и
Был поражен загадочной улыбкой,
Застывшей на губах: как будто в ней
Навек отпечатлелся переход
От изумленья к радости... Рыданья
Раздались вкруг — о, милые мои!
Как мне хотелось их обнять, утешить,
Сказать им, что я пережил,— но тщетно —
И было мне их жаль...

1876

НАБРОСКИ

* * *

Опыт! скажи, чем гордишься ты? что ты такое?
Ты — плод ошибок и слез, силам потраченным счет.

———

Бродит вино молодое: не должно броженью мешать;
Но и разумный уход, крепкие нужны меха.

———

В этой толпе под волшебною силой искусства
Все в одну душу слились — чистую душу на миг;
Но разбредутся — и в каждом проснется опять своя совесть,
В каждом опять заскребет в сердце таящийся гад.

———

Всюду: «Что нового?» — слышишь. Да вдумайся в старое прежде!
В нем для себя ты найдешь нового много, поверь!

———

Формы, мой друг, совершенство — не всё еще в деле искусства.
Чистая пусть извнутри светится в ней мне душа.

———

Времени мстить предоставь за пороченье, ложь и обиды:
Тайных агентов оно в каждой имеет душе.

———

Друг мой! Ученые, верь, не такие, как кажутся, боги;
Наше невежество — вот в чем нередко их сила!

1882—1883

* * *

О трепещущая птичка,
Песнь, рожденная в слезах!
Что, неловко, знать, у этих
Умных критиков в руках?
Ты бы им про солнце пела,
А они тебя корят,
Отчего под их органчик
Не выводишь ты рулад!

1872

* * *

Ты говоришь, у тебя нет врагов — извини, не поверю:
Столько ты сделал добра! стольким помог!
стольких спас!
Знай: благодарность для низкой души — нестерпимое
бремя —,
Ну, а высоких-то душ — много ль ты знаешь?..
Сочти!

1891

Гр. О. А. Г. К — Й

Жизнь — достиганье совершенства,
И нам победа над собой
Едва ль не высшее блаженство
В борьбе с ветхозаветной тьмой.

1891

* * *

В чем счастье?..
В жизненном пути,
Куда твой долг велит — идти,
Врагов не знать, преград не мерить,
Любить, надеяться и — верить.

1889

ИЗ ПИСЬМА

Миг внезапных откровений,
Миг,— когда в душе твоей
Новых чувств пробил источник,
Новый свет явился в ней;
Миг,— когда восторжествует
Ангел твой над сатаной;
Миг — святого умиленья
Человеческой душой —
Всё — лишь миг!.. Но с ним зажглася
Над тобой еще звезда,
И лучом своим пронижет
Все грядущие года...
Дай господь таких мгновений
Вам что звезд на небесах,
Чтобы радовалось сердце
В перекрестных их лучах!

1889

* * *

Улыбки и слезы!.. И дождик и солнце!
И как хороша —
Как солнце сквозь этих сверкающих капель —
Твоя, освеженная горем, душа!

Май 1889

* * *

О море! Нечто есть слышней тебя, сильней
И глубже, может быть... Да, скорбь души моей
Желала и ждала тебя — и вот я ныне
Один — в наполненной тобой одним пустыне...
Ты — в гневе... Вся душа моя потрясена,
Хоть в тайном ужасе есть сладкое томленье,
Чего-то нового призыв и откровенье...
Вот — темной полосой лазурная волна,
Потряхивая там и сям жемчужным гребнем,
Идет — и на берег, блестя и грохоча,
Летит и — рушится, и с камнями и щебнем
Назад сливается, уж злобно рокоча,
Сверкая космами быстро бегущей пены...
И следом новая, и нет конца их смены,
И непрерывен блеск, и непрерывен шум...
Гляжу и слушаю, и оглушен мой ум,
Бессильный мысль связать, почти не сознавая,
Теряяся в шуму и в блеске замирая...

О, если бы и ты, о сердце! ты могло
Дать выбить грохоту тех волн свое-то горе,
Всё, что внутри тебя так стонет тяжело,
Пред чем, как ни ликуй на всем своем просторе,—
Бессильно и само грохочущее море!..

1887

* * *

Утрата давняя досель свежа в тебе...
Покорность тихая карающей судьбе
Горячих сердца ран в тебе не исцелила...
Везде перед тобой — та бедная могила
С чугунным крестиком, с невянущим венком...
Луч даже радости над пасмурным челом
Нежданно слезы лишь на очи вызывает...
Так хмурой осенью стоит недвижен лес,
И медленно туман на листья оседает;

Прорвется ль луч с яснеющих небес,—
Игривый ветерок вспорхнет, его встречая,—
Но с улыбнувшихся древес
Вдруг капли крупные посыплются, блистая...

1871

* * *

Гони их прочь, твои мучительные думы!
Насильно подыми поникший долу взгляд!
Дай солнцу проглянуть в туман души угрюмый,
И разорвется он, и клочья полетят,
Как привидения — а с ними мрак и горе,
И жизнь в глаза блеснет, под золотым лучом,
Как вдруг открывшееся море
Во всем своем просторе голубом!

15 октября 1890
Буюк-дере

* * *

Так!.. Добрым делом был отмечен
Твой день сегодня!.. О, блажен
Тот, чей приход враждой был встречен,
Потом — в слезах благословен!
Ты сам как будто в новом мире,
И новый свет тебе пахнул,
И в сердце — точно струнный гул
На только что умолкшей лире...

1883

* * *

Вне долга — жизни и не зная,
Она несет свой крест земной,
Для тяжкой ноши почерпая
Лишь в сердце силу и покой;
Мир, ею созданный, ревниво
От чуждых взоров сторожит,

И что в душе у ней — стыдливо
И от себя самой таит...
Лишь в миг удара громового,
Или когда подъем волны
На берег вынесет — и снова
Настанет радость тишины,—
Такое выскажет вдруг слово,
Такие вскроет глубины,
Что в новость ей и в изумленье,
Вдруг просиявший под грозой,
От уз земного принужденья
Освобожденный — образ свой...

1890

* * *

Туманом мимо звезд сребристых проплывая
И вдруг как дым на месяце сквозясь,
Прозрачных облаков разрозненная стая
Несется по небу в полночный тихий час...
В тот тихий час, когда стремлений и желаний
Уймется буйный пыл, и рой воспоминаний,
Разрозненных, как эти облака,—
Бог весть откудова, из тьмы, издалека,
Из бездн минувшего — виденье за виденьем
Плывут перед моей усталою душой.
Но из-за них одна, всё озаря собой,
Ты, непорочная, недремным провиденьем,
Усладою очей сияешь надо мной —
Одна — как месяц там на тверди голубой,
Недвижный лишь один над этой суетой,
Над этим облачным, бессмысленным движеньем.

1889

ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА

* * *

Дух века ваш кумир; а век ваш — краткий миг.
Кумиры валятся в забвенье, в бесконечность...
Безумные! ужель ваш разум не постиг,
Что выше всех веков — есть Вечность!..

<1877>

* * *

Милых, что умерли,
Образы светлые
В сердце своем схорони!

Там они — ангелы
Будут хранители
В жизненных бурях тебе!

<1883>

* * *

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе бог...

1878

* * *

Близится Вечная Ночь... В страхе дрогнуло сердце...
Пристальней стал я глядеть в тот ужасающий мрак...
Вдруг в нем звезда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконец засиял звездами весь небосклон.
Новая в каждой из них мне краса открывалась всечасно
Глубже мне в душу они, глубже я в них проникал...
В каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
С радостью чувствовал я, отклик в душе моей есть;
Все говорили, что где-то за ними есть Вечное Солнце,
Солнце, которого свет — блеск и красу им дает...

О, как ты бледно пред Ним, юных дней моих солнце!
Как он ничтожен и пуст, гимн, что мы пели тебе!

1882

ЭПИТАФИЯ

(Списано с гробницы)

Здесь почивающей жребий выпал не тот, что всем людям.
Да! умерла — и живет, и немеркнущий свет созерцает;
Вечно жива — для живых! кто же мертвой ее почитает —
Мертв тот, поистине, сам!.. О земля! что дивишься
Новой еще для тебя этой тени? Что значит твой страх?..

1882

* * *

Заката тихое сиянье,
Венец безоблачного дня,—
Не ты ли нам знаменованье
Иной ступени бытия?..

Взор очарованный трепещет
Пред угасанием твоим,
Но разгорается и блещет
Всё ярче звездный мир над ним...
Земного, бедного сознанья
Угаснут бледные лучи,—
Но в наступающей ночи
Лишь перерыв существованья:
От уз освобожденный дух
Первоначальный образ примет,
И с вечных тайн пред ним подымет
Завесу Смерть, как старый друг,
И возвратит ему прозренье,
Сквозь все преграды вещества,
Во всё духовное в творенье,
О чем в телесном заключенье
Он и мечтать дерзал едва...

1888

* * *

Выше, выше в поднебесной
Возлетай, о мой орел,
Чтобы мир земной и тесный
Весь из глаз твоих ушел!

Возносися в те селенья,
Где, как спящие мечты,
Первообразы творенья
В красоте их чистоты,—

В светлый мир, где пребыванье
Душ, как создал их господь,
Душ, не ведавших изгнанья
В человеческую плоть!..

1887

* * *

Катись, катися надо мной
Всё просвещающее Время!
Завесу тьмы влеки с собой,
Что нам скрывает Свет Святой
И на душе лежит как бремя,—
Чтобы мой дух, в земных путях
Свершив свое предназначенье,
Мог восприять в иных мирах
И высшей Тайны откровенье.

1892

* * *

Поэзия — венец познанья,
Над злом и страстью торжество;
Тебе в ней свет на всё созданье,
В ней — божество!

Ее сияние святое
Раз ощутив — навек забыть
Всё мимолетное, земное;
Лишь ею жить;

Одно лишь сознавать блаженство,
Что в дух твой глубже всё идет
И полнота, и совершенство
Ее красот...

И вот уж он — проникнут ею...
Остался миг — совсем прозреть:
Там — вновь родиться, слившись с нею,
Здесь — умереть!

1889

* * *

Пир у вас и ликованья:
Храм разбит... Но отчего,
В блеске лунного сиянья,
Не пройдешь без содроганья
Ты пред остовом его?

Отчего же ты, смущенный
Пред безмолвием небес,
Хоть из пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой
Ждешь явлений и чудес?..

1889

* * *

«Прочь идеалы!» Грозный клик!..
«Конец загробной лжи и страху!
Наш век тем славен и велик,
Что рубит в корень и со взмаху!
Мир лишь от нас спасенья ждет —
Так — без пощады! и вперед!..»
И вот, как пьяный, как спросонок,
Приняв за истину симво́л,
Ты рушить бросился... Ребенок!
Игрушку разломал и зол,
Что ничего в ней не нашел!..
Ты рушишь храмы, рвешь одежды,
Сквернишь алтарь, престол, потир,—
Но разве в них залог Надежды,
Любви и Веры видит мир?
Они — в душе у нас, как скрытый
Дух жизни в семени цветка,—
И что тут меч твой, ржой покрытый,
И детская твоя рука!..

4—10 октября 1889

* * *

Творца, как духа, постиженье,
О человек, душой твоей —
Что звезд и солнца отраженье
В великом зеркале морей!
Ты сам, пришелец в сей юдоли,
Ты — тоже дух, созданный Им,
И даром разума и воли
Стоишь как царь над всем земным.
Свободен ты — но над тобою
Есть судия. В дни ветхой тьмы
Он налетал огнем, войною,
Как гром, как трус, как дух чумы...
Его лица, ни даже тени,
Никто из смертных не видал,
И лишь костями поколений
В пустыне путь его сверкал...

Теперь — не то...

Неслышный входит. Весь — сиянье.
С крестом, поправшим Смерть и тлен;
В раскрытой книге — начертанье
Святых евангельских письмен;
Глубокий взор помалу светом
Охватит внутрь всего тебя,
И ты, прозрев во свете этом,
Осудишь сам уже себя,
И сам почуешь, что в паденье
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье —
Его: «Иди и не греши!»

1889

* * *

Из бездны Вечности, из глубины Творенья
На жгучие твои запросы и сомненья
Ты, смертный, требуешь ответа в тот же миг,

И плачешь, и клянешь ты Небо в озлобленье,
Что не ответствует на твой душевный крик...
А Небо на тебя с улыбкою взирает,
Как на капризного ребенка смотрит мать,
С улыбкой — потому, что всё, все тайны знает,
И знает, что тебе еще их рано знать!

1892

* * *

Аскет! ты некогда в пустыне,
Перед величьем божества,
Изрек, восторженный, и ныне
Еще не смолкшие слова:
«Жизнь эта — сон и сновиденье,
Мираж среди нагих песков;
Лишь в смерти — полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сон в лоне бога — и без снов».

Ты прав, мудрец: всё в мире тленье,
Всё в людях ложь... Но что-нибудь
Да есть же в нас, что жаждет света,
Чему вся ложь противна эта,
Что рвется в Вечность проглянуть...
На все моленья без ответа,
Я знаю, Время мимо нас
Несет событья, поколенья,
Подымет нас в своем стремленье
И в бездну бросит тот же час;

Я — жертва вплоть и до могилы
Всей этой бешеной игры,—
Ничто пред Разумом и Силой,
В пространство бросившей миры,—
Но говорит мне тайный голос,
Что не вотще душа моя
Здесь и любила, и боролась:
В ней есть свое живое я!

И жизнь — не сон, не сновиденье,
Нет! — это пламенник святой,
Мне озаривший на мгновенье
Мир и небесный, и земной,
И смерть — не миг уничтоженья
Во мне того живого я,
А новый шаг и восхожденье
Всё к высшим сферам бытия!

1893

КАРТИНЫ

ВЕКА И НАРОДЫ

САВОНАРОЛА

В столице Медичи счастливой
Справлялся странный карнавал.
Все в белом, с ветвию оливы,
Шли девы, юноши; бежал
Народ за ними; из собора,
Под звук торжественного хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свечами шли.
Усыпан путь их был цветами,
Ковры висели из окон,
И воздух был колоколами
До гор далеких потрясен.

Они на площадь направлялись,
Туда ж по улицам другим,
Пестрея, маски собирались
С обычным говором своим:
Паяц, и, с лавкой разных склянок,
На колеснице шарлатан,
И гранд, и дьявол, и султан,
И Вакх со свитою вакханок.
Но, будто волны в берегах,
Вдруг останавливались маски
И прекращались смех и пляски:
На площади, на трех кострах,
Монахи складывали в груды
Всё то, что тешит резвый свет
Приманкой неги и сует.
Тут были жемчуг, изумруды,
Великолепные сосуды,

И кучи бархатов, парчей,
И карт игральных, и костей,
И сладострастные картины,
И бюсты фавнов и сирен,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстных кантилен,
И кучи масок и корсетов,
Румяна, мыла и духи,
И эротических поэтов
Соблазна полные стихи...
Над этой грудою стояло,
Верхом на маленьком коньке,
Изображенье карнавала —
Паяц в дурацком колпаке.

Сюда процессия вступила.
На помост встал монах седой,
И чудно солнцем озарило
Его фигуру над толпой.
Он крест держал, главу склоняя
И указуя в небеса...
В глубоких впадинах сверкая,
Его светилися глаза;
Народ внимал ему угрюмо
И рвал бесовские костюмы,
И, маски сбросивши тайком,
Рыдали женщины кругом.
Монах учил, как древле жили
Общины первых христиан.
«А вы,— сказал,— вы воскресили
Разбитый ими истукан!
Забыли в шуме сатурналий
Молчанье строгое постов!
Святую Библию отцов
На мудрость века променяли;
Пустынной манне предпочли
Пиры египетской земли!
До знаний жадны, верой скупы,
Понять вы тщитесь бытие,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое?..
О матерь божия! тебя ли,

Мое прибежище в печали,
В чертах блудницы вижу я!
С блудниц художник маловерный
Чертит, исполнен всякой скверны,
И выдает вам за тебя!..
Разврат повсюду лицемерный!
Вас тешит пестрый маскарад —
Бес ходит возле каждой маски
И в сердце вам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети!..
Пора! Зову я вас на брань.
Из-за трапезы каждый встань,
Где бес пирует! Бросьте яству!
Спешите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здесь искупление грехам!
Проклятье играм и костям!
Проклятье льстивым чарам ада!
Проклятье мудрости людской,
В которой овцы божья стада
Теряют веру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
В сей день великий искупленья
Свои нам молнии пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь дом греха испепели!»

Умолк — и факелом зажженным
Взмахнул над праздничным костром;
Раздался пушек страшный гром;
Сливаясь с колокольным звоном,
Te Deum[1] грянул мрачный хор;
Столбом встал огненный костер.
Толпы народа оробели,
Молились, набожно глядели,
Святого ужаса полны,

[1] Тебя, бога <хвалим> (лат.).— *Ред.*

Как грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобретенья Сатаны
И как фигура карнавала —
Его колпак и детский конь —
Качалась, тлела, обгорала
И с шумом рухнула в огонь.

Прошли года. Монах крутой,
Как гений смерти, воцарился
В столице шумной и живой —
И город весь преобразился.
Облекся трауром народ,
Везде вериги, власяница,
Постом измученные лица,
Молебны, звон да крестный ход.
Монах как будто львиной лапой
Толпу угрюмую сжимал,
И дерзко ссорился он с папой,
В безверьи папу уличал...
Но с папой спорить было рано:
Неравен был строптивый спор,
И глав венчанных Ватикана
Еще могуч был приговор...
И вот опять костер багровый
На той же площади пылал;
Палач у виселицы новой
Спокойно жертвы новой ждал,
И грозный папский трибунал
Стоял на помосте высоком.
На казнь монахов привели.
Они, в молчании глубоком,
На смерть, как мученики, шли.
Один из них был тот же самый,
К кому народ стекался в храмы,
Кто отворял свои уста
Лишь с чистым именем Христа;
Христом был дух его напитан,
И за него на казнь он шел;
Христа же именем прочитан
Монаху смертный протокол,

И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всех сторон,
Как рухнул с виселицы он,
И пламя вмиг его объяло,
И, задыхаясь, произнес
Он в самом пламени: «Христос!»

Христос, Христос,— но, умирая
И по следам твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! он понял ли тебя?
О нет! Скорбящих утешая,
Ты чистых радостей не гнал
И, Магдалину возрождая,
Детей на жизнь благословлял!
И человек, в твоем ученье
Познав себя, в твоих словах
С любовью видит откровенье,
Чем может быть он свят и благ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятил,— и возросло
Оно могуче и светло;
Доминиканца ж лик суровый
Был чужд любви — и сам он пал
Бесплодной жертвою . . . . .
. . . .

1851

КЛЕРМОНТСКИЙ СОБОР

Не свадьбу праздновать, не пир,
Не на воинственный турнир
Блеснуть оружьем и конями
В Клермонт нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что луг, усеянный цветами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Как перекатными волнами.

Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.
Под златотканым балдахином,
Средь духовенства властелином
В тиаре папа восседал.
У трона — герцоги, бароны
И красных кардиналов ряд;
Вокруг их — сирых обороны —
Толпою рыцари стоят:
В узорных латах итальянцы,
Тяжелый шваб, и рыжий бритт,
И галл, отважный сибарит,
И в шлемах с перьями испанцы;
И, отдален от всех, старик,
Дерзавший свергнуть папства узы:
То обращенный еретик
Из фанатической Тулузы;
Здесь строй норманнов удалых,
Как в масках, в шлемах пудовых,
С своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народ
Всех поименно их зовет:
Всё это львы да леопарды,
Орлы, медведи, ястреба,—
Как будто грозные прозванья
Сама сковала им судьба,
Чтоб обессмертить их деянья!
Над ними стаей лебедей,
Слетевших на берег зеленый,
Из лож кругом сияют жены,
В шелку, в зубчатых кружевах,
В алмазах, в млечных жемчугах.
Лишь шепот слышится в собраньи.
Необычайная молва
Давно чудесные слова
И непонятные сказанья
Носила в мире. Виден крест
Был в небе. Несся стон с востока.
Заря кровавого потока
Имела вид. Меж бледных звезд

Как человеческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вкруг клубился дым и мгла...
Чего-то страшного ждала
Толпа, внимать готовясь богу,
И били грозную тревогу
Со всех церквей колокола.

Вдруг звон затих — и на ступени
Престола папы преклонил
Убогий пилигрим колени;
Его с любовью осенил
Святым крестом первосвященник;
И, помоляся небесам,
Пустынник говорил к толпам:

«Смиренный нищий, беглый пленник
Пред вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движет мной иная воля.
Не мне внимайте, короли:
Сам бог, державствующий нами,
К моей склонился нищете
И повелел мне стать пред вами,
И вам в сердечной простоте
Сказать про плен, про те мученья,
Что испытал и видел я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранит следы ремня,
И язвам нету исцеленья!
Взгляните: на руках моих
Оков кровавые запястья.
В темницах душных и сырых,
Без утешенья, без участья
Провел я юности лета;
Копал я рвы, бряцая цепью,
Влачил я камни знойной степью
За то, что веровал в Христа!
Вот эти руки... Но в молчанье
Вы потупляете глаза;
На грозных лицах состраданья,
Я вижу, катится слеза...

О, люди, люди! язвы эти
Смутили вас на краткий час!
О, впечатлительные дети!
Как слезы дешевы у вас!
Ужель, чтоб тронуть вас, страдальцам
К вам надо нищими предстать?
Чтоб вас уверить, надо дать
Ощупать язвы вашим пальцам!
Тогда лишь бедствиям земным,
Тогда неслыханным страданьям,
Бесчеловечным истязаньям
Вы сердцем внемлете своим!..
А тех страдальцев миллионы,
Которых вам не слышны стоны,
К которым мусульманин злой,
Что к агнцам трепетным, приходит
И беспрепятственно уводит
Из них рабов себе толпой,
В глазах у брата душит брата,
И неродившихся детей
Во чреве режет матерей,
И вырывает для разврата
Из их объятий дочерей...
Я видел: бледных, безоружных
Толпами гнали по пескам,
Отсталых старцев, жен недужных
Бичом стегали по ногам;
И турок рыскал по пустыне,
Как перед стадом гуртовщик,
Но миг — мне памятный доныне,
Благословенный жизни миг,
Когда, окованным, средь дыма
Прозрачных утренних паров,
Предстали нам Ерусалима
Святые храмы без крестов!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прах и тлен,
Восславословили мы бога
В виду сионских древних стен,
Где ждали нас позор и плен!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинец с греком обнялись;

Все, как сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грек нам дал пример великий:
Ерея, певшего псалом,
С коня спрыгнувши, турок дикий
Ударил взвизгнувшим бичом —
Тот пел и бровию не двинул!
Злодей страдальца опрокинул
И вырвал бороду его...
Рванули с воплем мы цепями,—
А он Евангелья словами
Господне славил торжество!
В куски изрубленное тело
Злодеи побросали в нас;
Мы сохранили их всецело,
И, о душе его молясь,
В темнице, где страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.

И он не встанет ведь пред вами
Вам язвы обнажить свои
И выпросить у вас слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзают гробы
Святые жертвы адской злобы!
Нет, и живое не придет
К вам одноверцев ваших племя —
Христу молящийся народ;
Один креста несет он бремя,
Один он терн Христов несет!
Как раб евангельский, израненный,
В степи лежит, больной, без сил...
Иль ждете вы, чтоб напоил
Его чужой самаритянин,
А вы, с кошницей яств, бойцы,
Пройдете мимо, как слепцы?
О нет, для вас еще священны
Любовь и правда на земле!
Я вижу ужас вдохновенный
На вашем доблестном челе!

Восстань, о воинство Христово,
На мусульман войной суровой!
Да с громом рушится во прах —
Созданье злобы и коварства —
Их тяготеющее царство
На христианских раменах!
Разбейте с чад Христа оковы,
Дохнуть им дайте жизнью новой,
Они вас ждут, чтоб вас обнять,
Край ваших риз облобызать!
Идите! Ангелами мщенья,
Из храма огненным мечом
Изгнав неверных поколенья,
Отдайте богу божий дом!
Там благодарственные псальмы
Для вас народы воспоют,
А падшим — мучеников пальмы
Венцами ангелы сплетут!..»

Умолк. В ответ как будто громы
Перекатилися в горах —
То клик один во всех устах:
«Идем, оставим жен и домы!»
И в умилении святом
Вокруг железные бароны
В восторге плакали, как жены;
Враг лобызался со врагом;
И руку жал герой герою,
Как лев косматый, алча бою;
На общий подвиг дамы с рук
Снимали злато и жемчуг;
Свой грош и нищие бросали;
И радость всех была светла —
Ее литавры возвещали
И в небесах распространяли
Со всех церквей колокола.

Вот так латинские народы,
Во имя братства и любви,
Шли в отдаленные походы.
Кипела доблесть в их крови.
Иуде чуждая и Крезам,
Лишь славолюбием дыша,

Под этой сталью и железом
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На нас колоссами глядят,
Которых каменные груди
Ни меч, ни гром не сокрушат.
Тогда в ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдельно, далеко от братий,
Вели мы свой крестовый бой.
Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся волкан,
К нам слали чад своих мильоны:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан,—
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...
Недолго рыцарей глубоко
Так трогал клик: «Иерусалим!»
Стон христианского Востока
Всё глуше становился им!
Россия гибла: к христианам
Взывала воплями она;
Но, как Иосиф агарянам,
Была от братьев продана!
Упала с громом Византия;
Семья славянских царств за ней;
Столпы сложились костяные
Из черепов богатырей;
За честь Евангелья Христова
Сыны Людовика Святого
Уж выручать не шли Царьград.
От брата отшатнулся брат...
Мы — крестоносцы от начала!
Орда рвала нас по клочкам,
Нас жгла,— но лучше смерть, чем срам;
Страдальцев кровью возрастала
И крепла Русь; как мститель встала
И, верная себе, идет
В обетованный свой поход.

За что же западные братья,
Забыв свой подвиг прежних лет,
Ей шлют безумные проклятья,
Как скрежет демонов во след?
За что ж с тоскою и заботой
На нас они, косясь, глядят?
За что ж на нас идут их флоты
И нам погибелью грозят?
За что ж?.. За то, что мы созрели,
Что вдруг в учениках своих
Они совместников узрели;
Что то не шутка: между них
Мы смело требуем гражданства!
Мы не пришельцы — зиждем храм,
Еще неведомый векам;
На необъятное пространство
Фундамент вывели; пред ним
Бледнеют древние державы,—
И новых сил, и новой славы
Младое солнце страшно им!
Докончить храм — в нас есть отвага,
В нас вера есть, в нас сила есть,
Все для него земные блага
Готовы в жертву мы принесть...
За то, что нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
Что нас отныне бог избрал
Творить его святую волю;
Что мы под знаменем креста
Не лицемерим, не торгуем,
И фарисейским поцелуем
Не лобызаем мы Христа...
И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в грозном образе *Петра*.

1853

ПЕВЕЦ

(Из Шамиссо)

Светел ликом, с смелой лирой,
Перед юностью цветущей
Пел старик худой и сирый.
«Я — в пустыне вопиющий! —
Возглашал он.— Всё придет!
Тише, ветреное племя!
Созидающее время
Всё с собою принесет!

Полно, дети, в тщетном гневе
Древо жизни потрясать!
Лишь цветы еще на древе!
Дайте плод им завязать!
Недозрев — он полн отравы,
А созреет — сам спадет
И довольства вам и славы
В ваши домы принесет».

Юность вкруг толкует важно,
На певца как зверь ярясь:
«Что он лирою продажной
Останавливает нас?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеймим!
Пусть народные проклятья
Всюду следуют за ним...»

Во дворец с своею лирой
Он пришел, к царю зовущий;
Громко пел, худой и сирый:
«Я — в пустыне вопиющий!
Царь! вперед иди, вперед!
Век зовет! Созрело семя!
Созидающее время
Не прощает и не ждет!

Гонит ветер, мчит теченье!
Смело парус расправляй!

Божьей мысли откровенье
В шуме бури угадай!
Просияй перед народом
Этой мысли торжеством —
И пойдет спокойным ходом
Он за царственным вождем!»

Внял владыко... Онемели
Царедворцы и с тоской
Шепчут: «Как недосмотрели!
Как он смел? Кто он такой?
Что за бредни он городит!
Соблазняет лишь людей
И царя в сомненье вводит...
На цепь дерзкого скорей!»

И в тюрьме, с спокойной лирой,
Тих пред силою гнетущей,
Пел старик худой и сирый:
«Я — в пустыне вопиющий!
Долг свершен. Пророк молчит.
Честно снес он жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершит».

1857

ИСПОВЕДЬ КОРОЛЕВЫ

(Легенда об испанской инквизиции)

Искони твердят испанки:
«В кастаньеты ловко брякать,
Под ножом вести интригу
Да на исповеди плакать —

Три блаженства только в жизни!»
Но в одной Севилье старой
Так искусно кастаньеты
Ладят с звонкою гитарой;

Но в одной Севилье старой
Так под звездной ризой ночи

Жены нежны, смел любовник
И ревнивца зорки очи;

Но в одной Севилье старой
Так на утро полны храмы
И так пламенно стремятся
Исповедоваться дамы...

И искусный исповедник
Был всегда их сердцу дорог,—
Может быть, дороже кружев,
Лент и перловых уборок!

И таков был у Сан-Пабло
Исповедник знаменитый
Дон Гуан ди Сан-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся им бредила Севилья,
Дамы голову теряли
И с любовниками даже
О монахе лишь шептали:

Как-то сладостно им было
Млеть в его духовной власти,
Особливо если грешен
По сердечной кто был части...

Раз вошла в Сан-Пабло дама...
Храм был пуст; одни немые,
В серебре, в шелку и лентах,
Изваянья расписные

По стенам стояли церкви,
Созерцая благосклонно
Мрамор, золото и солнце
В дыме мирры благовонной,

Только нищий у колонны
Отдыхал в дремоте сладкой
Да бродила собачонка,
Пол обнюхивая гладкой...

Незнакомка под вуалем
Кружевным лицо укрыла,
Но инкогнито с монахом
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она пред ним склонилась,
Как над нею внятно, смело
Раздалось: «Чего желает
Королева Изабелла?»

Дама вздрогнула и в страхе
Уронила на пол четки,
Но спокойно тот же голос
Говорил из-за решетки:

«Благо кающимся, благо,
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждет мира и покоя!

В чем грешна ты перед богом?
Кайся мне нелицемерно!»
И покаялася дама
Католичкою примерной!

«Утром нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола...
Было после так мне стыдно...

Мы поссорились с супругом...
Почему, сама не знаю,
Я его в опочивальню
Уж неделю не пускаю...

Я люблю его всем сердцем
И ревную... но со мною
Что-то странное творится...
Точно спорю я с собою...

«Надо думать лишь о муже»,—
Беспрестанно повторяю,

И — другого, чуть забудусь,
Через миг воображаю.

«Дон Фернандо, дон Фернандо!» —
Я твержу усильно, внятно,—
Из груди ж другое имя
Рвется с силой непонятной!

Так и крикнула б с балкона,
Ночью, в небо голубое,
И на всё бы королевство,
Это имя роковое!

Сердцу страшно с этой тайной
Притворяться и лукавить...
Помоги мне... ты умеешь
И утешить, и наставить...»

Мог утешить и наставить
Всех монах сердечным словом,
Но глядел на королеву
Взглядом грустным и суровым.

«Трудно дать совет,— сказал он,—
Этот грех — не как другие...
Он — предтеча божьей кары
За грехи твои иные!

Вслед за ним придет злодейство,
Скорбь и муки преисподней,—
И тебя спасти мне трудно:
Ты забыла страх господний!

Святотатцам и злодеям
В умерщвленьи плоти грешной
Есть спасенье; но убийце
Духа божья — ад кромешный!»

Изабелла содрогнулась,
Но скользить над адской бездной
Ей, как истой кастильянке,
Было жутко — но любезно!

«Научи ж, что делать, padre![1]
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пешком пойду в Сан-Яго».

«Если б храм ты не из злата
И порфира созидала,
А в сердцах твоих народов
Храм духовный устрояла,

И стояла бы у двери,
Яко страж с мечом горящим,
Возбраняя вход гиенам
И ехиднам злошипящим,—

Ты б избегла страшной кары!
Зла мятежные пучины
Тщетно б храм твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

Разлилось нечестья море
И волною досягнуло
Даже царственного трона,
И в лицо тебе плеснуло!

Омраченный дух твой принял
Смрадных волн его дыханье,
Как вечернюю прохладу,
Как цветов благоуханье...

Вот и казнь за то!..» — «За что же?»
— «Иль не видишь, королева,
Погляди — плоды несметны
Сатанинского посева:

Вся страна кишит жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду —
В кельи, в хижины, в чертоги!

---

[1] Святой отец! (исп.).— *Ред.*

Саламанхские студенты
Купно с мавром, с жидовином
Над одной толкуют книгой,
За столом сидят единым!

В оных псах смердящих юность
Братьев чтит, назло закону,
И разносит дух в народе,
Вере гибельный и трону.

Мудрость истинную презря,
Что толкует люд безбожный?
Будто шар — земля, который
Весь кругом объехать можно

И открыть такие земли,
О которых ни в Писаньи
Нет помину, ни в едином
Каноническом преданьи!

Говорят, резные буквы
Нынче как-то составляют
И одну и ту же книгу
В целых сотнях размножают,—

Что же, если эти бредни
В сотнях списков по вселенной
Вихорь дьявольский размечет?
Всё в хаос придет смятенный!

И... и кто же рукоплещет
Этой пляске вавилонской?
В ком покров ей и защита?
В королеве арагонской!..»

Так, борясь с врагом исконным,
Говорил он королеве
Об ее отчете богу
И о божьем близком гневе,

Но укорам громоносным
Не нашел монах ответа,

Было сердце королевы
Точно бронею одето.

Не испуганным ребенком
Перед ним она стояла;
Не того, молве поверя,
От монаха ожидала.

Ей уж стал казаться лучше
Духовник ее придворный,
Но искуснее обоих —
Приор в Бургосе соборный.

«Ну, а этот!.. мне пророчит
Ад и всяческие страхи
За жидов и за ученых!
Он такой, как все монахи!»

И, собою не владея,
Изабелла гордо встала
И, вуаль с чела откинув,
Так монаху отвечала:

«Я, как женщина, о padre,
Дел правленья не касаюсь.
Их король ведет. Сама же
В чем грешна я — в том и каюсь.

Мне самой жиды противны.
Но они народ торговый,
И — политик это ценит —
На налог всегда готовый.

С королем, моим супругом,
В Саламанхе мы бывали,
Нас нигде с таким восторгом,
Как студенты, не встречали.

Дон Фернандо был доволен,
Я ж скажу, что говорила:
В их сердцах — опора трона,
Наша слава, наша сила!..

А от тех ученых бедных,
С виду, может быть, забавных,
Уж давно у нас в бумагах
Много есть проектов славных.

Их труды и жажду знаний
Для чего стеснять — не знаю!
И возможно ль всех заставить
Думать так, как я желаю!

Пусть их мыслят, пусть их ищут!
Мысль мне даст бедняк ученый —
Из нее, быть может, выйдет
Лучший перл моей короны!

И что будет — воля божья!
Только всё нам предвещает:
Миру царствованье наше
Новых дней зарей сияет!»

И уйти она хотела
Без смущения, без страха,
Лишь сердясь на дам придворных,
Расхваливших ей монаха.

Но монаха, знать, недаром
Жены славили и девы:
Как глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Он как барс в железной клетке
Встрепенулся, со слезами
Упуская эту душу,
Отягченную грехами!

«Погоди! — он кликнул громко.—
И познай: не я, царица,
Говорил с тобой. Здесь явно
Всемогущего десница!

Я в лицо тебя не видел:
Ты его мне скрыть хотела.

Кто ж сказал, что предо мною
Королева Изабелла?

Всё, царица, всё я знаю...
Все дела твои, мечтанья,
Даже — имя, пред которым
Ты приходишь в содроганье...

Бал французского посольства...
Кавалер иноплеменный
В черной маске... На охоте
Разговор уединенный...

После в парке...» — «Здесь измена! —
Горьким вырвалося стоном
Из груди у королевы.—
Кто же был за мной шпионом?..

Кто? ответствуй!..» — всё забывши,
Восклицала королева,
Величава и прекрасна
В блеске царственного гнева...

Если б не был Сан-Мартино
Небом свыше вдохновенный,
Я б сказал: глаза горели
У него, как у гиены;

Но когда с негодованьем
На него она взглянула,
В этот миг в глаза гиены
Точно молния сверкнула!

Но... сверкнула — и угасла!
«Нет,— стонала Изабелла,—
Я одна лишь знала тайну!
Я владеть собой умела!

Даже он — не смел подумать!
Где ж предатель? Где Иуда?
Это имя только чудом
Мог ты знать...»
— «И было чудо,—

Произнес монах,— и ныне
Не случайно, не напрасно
В храм пришла ты... Это имя —
Вот оно!..»
О, миг ужасный!..

Вдруг лицо свое худое,
Сам робея без отчета,
К Изабелле он приблизил
И, дрожа, шепнул ей что-то...

Отшатнулась, онемела
Королева в лютом страхе!
Взор с тоской и изумленьем
Так и замер на монахе...

На нее ж его два глаза
С торжеством из тьмы глядели,
Точно всю ее опутать
И сковать они хотели...

И душа ее, как птичка
В тонкой сетке птицелова,
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...

В храме пусто, в храме тихо;
Неподвижны вкруг святые;
Страшны хладные их лица,
Страшны думы неземные...

Лишь звучал монаха шепот
И порывистый, и страстный:
«Признаю твой промысл, боже!
Перст твой, боже, вижу ясно!»

Светел ликом, к королеве
Он воззвал: «Жена, не сетуй!
Милосерд к тебе всевышний!
Вот что в ночь свершилось эту!

Для меня вся ночь — молитва!
Видит плач мой сокровенный,

И биенье в грудь, и муки
Он один, гвоздьми пронзенный!

В эту ночь — среди рыданий —
Вдруг объял меня чудесный
Сон, и вижу я: всю келью
Преисполнил свет небесный.

Муж в верблюжьей грубой рясе,
Оным светом окруженный,
Подошел ко мне и по́звал —
Я упал пред ним смущенный.

Он же рек тогда: «Предстанет
Ныне в храме пред тобою
Величайшая из грешниц
С покровенной головою.

Отврати ее от бездны,
От пути Иезавели,
Коей кровь на стогнах града
Псы лизали, мясо ели».

Усумнился я — помыслил:
«То не в грех ли новый вводит
Бес-прельститель, бес, который
Часто ночью в кельях бродит?

Моему ли окаянству
Вверит бог свое веленье?..»
Но прозрел угодник божий
В тот же миг мое сомненье:

«Се ли,— рек,— твоя есть вера?»
Я же: «О владыко! труден
Этот подвиг! Дьявол силен,
А мой разум слаб и скуден».

«Повинуйся,— рек он паки,—
Повинуйся, раб ленивый!
Се есть знаменье, которым
Победиши грех кичливый!»

И развил он длинный свиток:
В буквах огненных сияли
В нем дела твои и тайны,
Прегрешенья и печали...

И читал я перед каждым
Суд господень — и скорбела
Вся душа моя, и плакал
О тебе я, Изабелла!..»

У самой у Изабеллы
Сердце в ужасе застыло...
«Чудо — гнев небесный — чудо...—
Как во сне она твердила.—

Неужель... не ты, о боже!
Двигал волею моею!
Неужели весь мой разум
Не был мыслию твоею!

Лишь о подданных любезных,
Лишь о милостях без счета,
О смягченьи грубых нравов —
Вся была моя забота!..

Я лишь радовалась духом,
Лучшим людям в царстве вверясь,—
И ужели в этом — гибель!
Неужели в этом — ересь!..»

«О, заблудшееся сердце! —
Восклицал монах над нею.—
О, сосуд неоцененный
Для даров и для елею!

Влей в него святое миро!..
Гласа свыше удостоен,
Я земному неподкупен,
Средь житейских волн — спокоен!

Волю божью, яко солнце,
Вижу ясно! В чем спасенье —

Осязаю!.. Королева!
Здесь, в руках моих — прощенье!»

Говорил он, вдохновенный,
И в словах его звучали
Сила веры, стоны сердца,
Миру чуждые печали...

Изабелла, на коленях,
За слезой слезу роняла
И, закрыв лицо руками,
«Что ж мне делать?» — повторяла.

«Надо дел во славу божью!
Чтоб они, дела благие,
На весах предвечной правды
Перевешивали злые!

Ополчися на нечестье!
В царстве зло вели измерить,
Отличить худых от добрых,
Совесть каждого проверить...

Тотчас видно в человеке,
Чем он дышит, чем напитан,—
Из того уж, как он смотрит,
Из того уж, как молчит он!

Эти лица без улыбки,
Этот вид худой и бледный —
Явно — дьявольские клейма,
Дух сомнения зловредный!..»

Говорил он, вдохновенный,
Но недвижная, немая
Оставалась Изабелла,
Глаз к нему не подымая...

«Трибунал устрой духовный,—
Говорил он,— чрезвычайный,
Чтоб следил он в целом царстве
За движеньем мысли тайной;

Чтобы слух его был всюду,
Глаз насквозь бы видел души —
В городах, в домах и кельях,
В поле, на море, на суше;

Чтоб стоял он, невидимый,
В школах, в храмах, под землею,
И между отцом и сыном,
Между мужем и женою...

И тогда в твоих народах
Ум и сердце, труд и знанье —
Всё сольется в хор согласный
Восхвалять отца созданья!

Ни одним нестройным гласом
Слух его не оскорбится...
И тебе тогда, царица,
Всё простится! всё простится!..»

«Всё простится...» — повторила
Изабелла... Луч желанный,
Как маяк для морехода,
Ей блеснул в дали туманной...

Подняла к монаху очи:
Слезы всё на них дрожали,
Но уже сквозь слез надежда
И доверие сияли...

«Возвратись же в дом свой с миром!
И зови меня, худого,
Коль речей моих смиренных
Возжелаешь сердцем снова...

А в дому своем отныне
Тщися мудрыми речами,
Как Эсфирь, в супруге сердце
Преклонить — да будет с нами!

Говори ему в совете,
Средь забав, на брачном ложе,

За трапезой, с лаской, с гневом,
День и ночь одно и то же!

Так, как капля бьет о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о, всё простится!
Всем угодна будешь небу!..»

Он умолк. Уж Изабелла,
Как дитя, за ним следила,
И за ним опять невольно:
«Всё простится»,— повторила...

По устам у Сан-Мартино
Пробежал улыбки трепет...
Богомольных дам, быть может,
Вспомнил он невинный лепет,

Вспомнил тайну королевы —
И, как будто осиянный
Новой мыслью, «Всё простится»,—
Подтвердил с улыбкой странной.

Во дворце и перед храмом
Свита — доньи и дуэньи
Ожидали королеву
В несказанном нетерпеньи.

Как ей чудный исповедник
Показался, знать желали,
И, едва она к ним вышла,
С любопытством вопрошали:

«Ну, каков?» Собой владея,
Королева без смущенья,
Равнодушно отвечала:
«Производит впечатленье».

<1860>

ЖРЕЦ

(Отрывок)

Изидин жрец в Египте жил.
Святым в народе он прослыл,
За то, что грешную природу
Он победил в себе, как мог,
Ел только злаки, пил лишь воду,
И весь, как мумия, иссох.
«Учитесь,— он вещал народу,—
Я жил средь вас; я посещал
Вертепы роскоши порочной,
И яств и питий искушал
Себя я запахом нарочно;
Смотрел на пляски ваших дев,
Коварный слушал их напев;
С мешком, набитым туго златом,
Ходил по рынкам я богатым,—
Но вот — ни крови, ни очам
Своей души в соблазн я не дал:
Я ваших брашен не отведал,
И злато бросил нищим псам,
И чист, как дух, иду я ныне,
Чтоб с богом говорить в пустыне!»

И вышел он, свои стопы
В пустыни дальние направя.
Смотрели вслед ему толпы;
Гиерофант, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословил: «Иди, учися,—
Сказал,— и после к нам вернися,
И тайну жизни нам открой!»

Минули многие уж годы...
О нем пропал и самый слух;
Меж тем он в таинства природы
Пытливо погружал свой дух,
И изнуренный, исхудалый,
Как тень в пустыне он бродил,
И ероглифами браздил
Людьми нетронутые скалы.

Раз у ручья он между скал
В весенний вечер восседал.
Пустыня в сумраке синела;
Верхушка пальмы лишь алела
Над головой его, одна
Закатом дня озарена...
И без конца и без начала
Как будто музыка звучала,
Несясь неведомо куда
В степи, без цели, без следа...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобные муки?
Иль гул от дальних городов,
Где при огнях, среди пиров,
В садах, во храмах раздаются
Кипящей жизни голоса
И от земли на небеса
Могучим откликом несутся?..
И вспомнил жрец, как бы сквозь сон,
Как был к сатрапу приведен
Обманом он на искус страшный:
Чертог в цветах благоухал,
Лилось вино, дымились брашны,
Сатрап в подушках возлежал;
Пред ним лесбиянка плясала,
Кидая в воздух покрывало;
К сатрапу бросилась потом
И кубок подала с вином;
Ее обняв, отпив из кубка,
Поил он деву, и в уста
Ее лобзал, и, как голубка,
К нему ласкалась красота;
Вдруг он жрецу сказал, вставая:
«Она твоя! садись и пей!»
И их оставил... И, как змей,
К своей добыче подползая,
Чарует взглядом и мертвит,
Она впилась в него очами,
Идет к нему,— и вдруг руками
Он белоснежными обвит!
Уста с пылающим дыханьем
К нему протянуты с лобзаньем,

М. В. ЛОМОНОСОВ. *Работа неизвестного художника.*

А. Н. МАЙКОВ В ВОЗРАСТЕ 13 ЛЕТ.

Работа отца поэта Н. А. Майкова.

И жизнью, трепетом, теплом
Охвачен он... «Уйдем, уйдем! —
Она твердит.— Беги со мною!
Вон белый Нил! уйдем скорей,
Возьмем корабль! летим стрелою
К Афинам, в мраморный Пирей!
Там всё иное — люди, нравы!
Там покрывал на женах нет!
Мужам поют там гимны славы,
Там воля, игры, жизнь и свет!..»
О, злые чары женской речи!..
Благоухающие плечи
Пред ним открыты... ряд зубов
Белел, как нитка жемчугов...
Густые косы рассыпались
Из-под повязки — и, блестя,
Сережки длинные качались,
По ожерелью шелестя...
И этот блеск, и этот лепет,
И страстный пыл, и сладкий трепет
В жреце всю душу взволновал:
Окаменел он в изумленье —
Но вдруг очнулся от забвенья
И с диким криком убежал!

К чему ж опять она мелькнула,
Как по пустыне мотылек?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетав: «А ты бы мог...»
Смутился жрец, удвоил бденье,
Но дева всё стоит пред ним!
Уж, в неотступное виденье
Вперивши взор, он, недвижим,
Ей нежно шепчет, как подруге,
То страстно молит, то корит,
То, вдруг очнувшися, в испуге,
Как от врага в степи бежит...
Но нет забвенья! нет спасенья!
В его больном воображенье
Как будто выжжен ясный лик —
Везде лесбиянка младая!..

И кость в нем сохнет, изнывая,
Глаза в крови, горит язык;
Косматый рыщет он в пустыне,
Как зверь израненный ревет,
В песке катаясь, мир клянет,
И в ярости грозит богине...
А вкруг — без цели, без следа,
Несясь неведомо куда,
И без конца и без начала,
Как будто музыка звучала,
И, сыпля звезды без числа,
По небу тихо ночь плыла.

1848, 1858

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

Когда в челе своих дружин
Увидел крест животворящий
Из царской ставки Константин
И пал пред господом, молящий,—

Смутились старые вожди,
Столпы языческого мира...
Они, с отчаяньем в груди,
Встают с одра, встают от пира,

Бегут к царю, вопят: «О царь!
Ты губишь всё — свою державу,
И государство, и алтарь,
И вечный Рим, и предков славу!

Пред кем ты пал? Ведь то рабы!
И их ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царств судьбы
На их ты проповеди дикой!

Верь прозорливости отцов!
Их распинать и жечь их надо!
Не медли, царь, скорей оков!
Безумна милость и пощада!»

Но не внимал им Константин,
Виденьем свыше озаренный,
И поднял стяг своих дружин,
Крестом господним осененный.

В негодованьи цепь с орлом
Трибуны с плеч своих сорвали,
И шумно в груды пред царем
Свое оружье побросали —

И разошлися...
Победил
К Христу прибегший император!
И пред распятым преклонил
Свои колена триумфатор.

И повелел по городам
С сынов Христа снимать оковы,
И строить стал за храмом храм,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые в домах
Сидели, злобно ожидая,
Как, потрясенная, во прах
Падет империя родная.

Они сбирались в древний храм
Со всех концов на годовщину
Молиться дедовским богам,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Их круг редел,
И гасли старцы друг за другом...
А над вселенной крест горел,
Как солнца луч над вешним лугом.

Осталось двое только их.
Храня обет, друг другу данный,
Они во храм богов своих
Сошлися, розами венчанны.

Зарос и треснул старый храм;
Кумир поверженный валялся;

Из окон храма их очам
Константинополь открывался:

Синел Эвксин, блестел Босфор;
Вздымались куполы цветные;
Там — на вселенский шли собор
Ерархи, иноки святые;

Там — колесницы, корабли...
Под твердью неба голубою
Сливался благовест вдали
С победной воинской трубою...

Смотрели молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «Мы не правы».

Давно уж в мире без утех
Свой век они влачили оба;
Давно смешна была для всех
Тупая, старческая злоба...

Они глядят — и ждет их взор:
Эвксин на город не прорвется ль?
Из-за морей нейдет ли мор?
Кругом земля не пошатнется ль?

Глядят, не встанет ли кумир...
Но олимпиец, грудью в прахе,
Лежит недвижим, нем и сир,
Как труп пред палачом на плахе.

Проклятья самые мертвы
У них в устах... лишь льются слезы,
И старцы с дряхлой головы
Снимают молча плющ и розы...

Ушли... Распятие в пути
На перекрестке их встречает...
Но нет! не поняли они,
Что божий сын и их прощает.

1857

ПРИГОВОР

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложеньях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Bene, bene!» [1]—
Люди, опытные в споре,

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

---

[1] «Хорошо, хорошо!» (лат.).— *Ред.*

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам,
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам,

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел — развеселился,

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?

Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилося молчанье
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец,
Из пустыни вызван папой
И почтен за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой,—

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья,—

И, как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса»,— прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он и, объятья
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова.

«Пробудитесь,— возопил он,
Бледный, ужасом объятый,—
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый! —
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет бог» запело
Духовенство всем собором,—

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем,—

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви божьей во спасенье,

В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,
Возвращавшийся с пирушки.

1859

ПОЭТ И ЦВЕТОЧНИЦА

(Гётевская элегия)

Она

Высыпь цветы из корзины у ног моих, милый,
Сядь и уж мне не мешай!.. Скоро смеркаться начнет.

Он

Что за хаос вкруг тебя! И над ним, как Любовь, ты склонилась
Мыслью готова в него жизнь и гармонию влить!

Она

Розы не трогай: чудесные розы! Из них загляденье
Выйдет венок — и тебе этот венок я подам!

Он

Как мне забавно всегда! На пиру ты венок мне подносишь!
Я равнодушным кажусь — сам же весь занят тобой!

Она

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взгляд твой горячий...
Точно сребристую сеть я за собой волочу!

Он

Это влечет тебя сердце мое в уголок наш укромный,
Где ты — как Флора в цветах, и у колен твоих я.

Она

Да, а сойдемся мы здесь — от меня ты уж мыслью далеко!
Вот и теперь не глядишь... Что же ты вдруг замолчал?

Он

Вот что я вспомнил: был Павзий, художник; любил он Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера венки.

Она

Это — как будто бы мы! Только ты не художник, а лучше —
Фебом любимый поэт! гордость и слава Афин!

Он

Эту Гликеру прелестнейшей девушкой, милым ребенком
Он всю в цветах написал — и обессмертил себя!

Она

Что же? и ты обессмерть себя славной поэмой!..
Я часто
Думаю: что бы тебе нашу любовь описать?

Он

Павзий — счастливей! черты своей милой Гликеры он
кистью
Мог передать, а в стихах — как опишу я тебя?

Она

Вот ты как сделай: пусть в Индии будет, где звери
и птицы
Дружно с людьми говорят, много где всяких чудес!..

Он

Странно! с любовью в разлад вдохновенье идет
у поэта:
Кажется — как я люблю!.. и — хоть бы песнь! хоть
бы стих!

Она

Жил там волшебник; малюткой царевну похитил...
Малютка
Стала цветы продавать; только однажды был пир...

Он

Царский был сын на пиру; он влюбился, и кончилось
свадьбой!
В сказках всегда это так... только немного старо...

Она

Нет, не старо! Можно выдумать ряд приключений
чудесных...
Как он умом и мечом чары умел победить...

Он

Бился с гигантами! Конное, пешее войско с слонами,
Тьмы колесниц золотых в бегство один обратил!

Она

Ты только шутишь со мной!.. А молчанье твое мне ужасно!..
Помнишь ли ты на пиру первый венок мой тебе?

Он

Этот венок и теперь у меня над кроватью хранится...
Первый, который ты мне, пир обходя, подала?

Она

Помнишь, венчая твой кубок, я почку в вино уронила;
Выпив вино, ты сказал: «Дева! цветы — это яд!»

Он

Как же!.. И с маленьким женским лукавством, и детски краснея,
«Пчелки,— сказала ты,— в них мед достают, а не яд!»

Она

Если с тех пор твоя муза молчит, ты угрюм и несчастлив,
Значит, то правда, что жизнь я отравила тебе?

Он

Полно, мой друг, я молчу лишь от счастья!.. Как музыка, нежный
Голос твой мне прозвучал — там, средь мужских голосов!

Она

Лучше б молчать мне и пчелок не трогать! ведь к этому слову
Рыжий придрался Тимант, крикнул: «И шмель не дурак!»

Он

Гнусный Силен!.. и облапил тебя, как медведь! Покатилась
В угол корзина твоя... все разлетелись цветы!..

Она

Как он меня напугал!.. Только слышу: «Оставь ее, циник!»
Вижу — ты с места вскочил, светел, как сам Аполлон!

Он

Он не сробел, а держал тебя, белые зубы оскалив,
Легкое платье твое по пояс с плеч разорвал...

Она

Ужас! как бросишь в него ты серебряным кубком!.. Я помню,
Как он о череп его звякнул и прыгать пошел!..

Он

Гнев и вино ослепляли меня!.. Но успел разглядеть я,
Как ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо...

Она

Ах, что за шум поднялся! весь облитый вином, он затрясся,
С мокрых волос по лицу кровь заструилась ручьем...

Он

Только тебя я и видел!.. в слезах, на полу,
на коленях,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

Она

Блюдо, тарелки в тебя полетели, звеня и блистая!
Точно взбешенный Аякс, всё он ломал вкруг себя!

Он

Только тебя я и видел!.. как быстро другою рукою
Ты подбирала венки, взором за нами следя...

Она

Доброе сердце! ты думал, меня ушибут... а хозяин
Ярость обрушит на мне,— встал и меня заслонил!

Он

Пестрый ковер перекинул я на руку, точно готовясь
В битве с свирепым быком бросить ему на глаза!

Она

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки вас удержать, вместе стыдя и моля.

Он

К счастью, всё кончилось смехом — вскочил
и трагическим тоном:
«Что вы, ахейцы!» — нам речь стал говорить Диоген.

Она

Этот седой Диоген притворяется только сердитым;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!..

Он

Он успокоил всё шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искал! три дня на рынке бродил!

Она

Я со стыда не могла показаться... Ведь все меня знают,
Любят — и вдруг обо мне в городе говор пошел.

Он

Много я видел венков, много видел цветов и цветочниц,
Не было только одной — маленькой Лиды моей!

Она

Дома венки я сплетала... рядком их, бывало, развешу...
Вот и теперь они тут... все уж засохли давно!

Он

Где ты живешь, переспрашивал женщин, старух я на рынке,
Даже гуляк и повес — все становились в тупик!

Она

Вечер, бывало, сижу я, гляжу на веночки и плачу...
Ночь подвигалась... цвета гасли один за другим...

Он

В горе, усталый, к богам я взывал, к Аполлону взывал я:
«О сребролукий! да где ж? где же укрылась она?»

Она

Всё мне казалось, что вот ты войдешь... и что буду я делать?
С тайной надеждой пошла на́ площадь я наконец...

Он

Я уж давно там бродил... насмотрелся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, петухи! крики ослов и старух!..

Она

Что там за шум был, когда я тебя наконец увидала?

Он

Право, не знаю... Но вдруг ты мне мелькнула в толпе...

Она

Точно в челне сквозь высокий тростник, в тесноте ты пробился...

Он

И очутилися вдруг в шумной толпе мы одни!

Она

Помню, я слышала только, как сердце в груди моей билось...

Он

Рядом пошли мы с тобой... в очи друг другу глядя...

Она

Так, как теперь ты глядишь, и с такою же тихой
улыбкой...

Он

Как ты прекрасна была, солнцем облита живым!

Она

Вышли мы за город...

Он

Море блистало в дали
серебристой...

Она

Всё это, милый, теперь кажется сказкою мне!

Он

И без волшебника сказка! без царского сына,
царевны!

Она

Это — поэма, мой друг!

Он

Милая Муза моя!

Она

Тише! венки изомнешь... О, как скоро стемнело
сегодня!..
Как же хорош и как смел на этом пире ты был!

<1861>

АЛЕКСИС И ДОРА

(Пересказ гётевской элегии)

Ах, неудержно вперед, неудержно всё дале и дале
Мчится на всех парусах в синее море корабль!..
След его длинной темнеет струей, и, сверкая,
дельфины
Весело прыгают в ней, словно добычу ловя.
Кормчий на снасти глядит — точно музыку слушает:
лихо,
В добрую пору пошли! Ветер попутный как раз!
Очи пловцов и мечты их, как флаги и вымпел
летучий,
Весело смотрят вперед... Духом поник лишь один.
К борту склонясь корабля, он всё смотрит, как горы
бледнеют,
Берег уходит из глаз... вот уж из виду пропал...
«И у тебя, моя Дора,— он шепчет,— уж скрылся
из виду
В море корабль мой и я, милый твой, друг твой,
жених!
Тщетно и ты меня ищешь, с высокого берега
смотришь,
Вкруг безответна на всё, думой в себя погрузясь!..
Сердце, прижавшися раз к моему, всё не может
утихнуть!
Мысль твоя новую жизнь тщетно стремится обнять!

Миг это был, только миг, но он вдруг перевесил
все годы,
Мной прожитые во тьме, в сонном, тупом забытьи.
Словно удар громовой, словно молния в сердце
упала,
Спавшие силы в груди радостно вдруг пробудив.
Словно совсем я другой, и смотрю на себя
с любопытством.
Прежняя жизнь моя вдруг смысл получила
в глазах...
Так стихотворец в стихах на пиру предлагает
загадку,
Скрывши значенье ее в образах, звуках, цветах;

Каждым любуешься порознь, но вместе всё дико
и странно;
Если ж разгадку нашел, вдруг получает всё смысл.
Вот и разгадка моя! Всё, что в жизни за счастье
считал я,
Словно уходит во мрак. Всё заслоняя собой,
Образ ее, незаметный доселе, один выступает...
Девочкой вижу ее: черные кудри как смоль,
Бледная смуглость лица, только длинные те же
ресницы,
Черные те же глаза, тот же задумчивый взгляд...
Вот вырастает: с плодами на рынок приходит поутру,
Вот от фонтана идет с полным кувшином воды!..
Часто я думал: «А вот с головы ты кувшин свой
уронишь!»
Только, как лебедь, она словно не шла, а плыла...
К морю, бывало, мы, юноши, выйдем в вечернюю
пору;
Девушки тут же сидят, в тесный сомкнувшись
кружок,
Смотрят, как плоские камни плашмя по воде мы
кидаем;
Чей сделал больше прыжков, славу тому
прокричат...
Крикнут и мне,— я ж и знать не хотел, есть ли Дора
меж ними!
Все пропадают теперь, вижу одну лишь ее.
Вижу задумчивый взгляд, из толпы на меня
устремленный.
Так и следит он за мной, всюду он ищет меня...
Видел ее я, как месяц и звезды видаем мы ночью,—
Разве приходит на мысль ими когда обладать?
Сад — стена об стену с нашим; бывало, калитка
открыта,
Но заглянуть хоть бы раз — в мысль не пришло
никогда...
Подле! так близко! Теперь же меж нами широкое
море!
Ветру с неделю я жду. В скуке брожу как шальной.
Вдруг прибегает матрос, кличет: «Ветер попутный!
скорее!
Тотчас канат отдаем. Вздернем как раз паруса!»

Я собираюсь, бегу. Кое-как с стариками простился...
Даже всплакнуть-то хоть раз — знали, что некогда
им!
В руки мне суют припасы. Я на руку плащ, выбегаю;
Дора в калитке стоит, что-то мне хочет сказать.
«Дора, прощай!» — говорю и бегу, чуть кивнул
головою.
«Можно тебя попросить,— так ведь сказала она,—
Ты за товарами едешь... цепочку давно мне
хотелось...
Будь же так добр, привези, я заплачу по цене».
Спрашивать (нехотя даже!) я начал: какую, что
весу?
Самую малую мне цену сказала она...
Я поглядел на нее... Да ужель это Дора?..
та Дора —
Та, что я видел вчера?.. Слеп ли я был до сих пор?
Иль изменилась она?.. То подымет стремительно
очи,
То их опустит на грудь... щеки румянцем горят...
Вкруг нее, словно вкруг девственной дщери
Олимпа,— сиянье!
Боги!.. А с пристани там громче и громче кричат...
«Вот захвати ты с собой,— встрепенулась она,—
апельсинов,
На море негде достать, и не во всякой земле...»
Скрылась в калитку; и я вслед за ней; апельсины
срывает:
Пальцы на солнце сквозят... Тени скользят
по лицу...
Падает плод за плодом... Я за нею едва поспеваю...
«Будет!» — твержу, но она ищет всё лучших
вверху...
«Тотчас уложим в корзину»,— корзина в беседке
стояла,—
Свод виноградных листов принял под тень свою
нас...
Стала плоды она молча в корзину укладывать,
в листья...
Ах, я боялся дышать! Сердце ж стучало в груди!

Вот и корзина готова, а я — всё стою неподвижно...
Дора! тут очи и ты вдруг подняла на меня...
Как же тут было? и что мы сказали, что вдруг
очутилась
Грудь твоя подле моей?.. Вижу, твоя голова
Тут у меня на плече... по щеке пробирается
слезка...
«Дора! ты вечно моя?» — вырвалось вдруг у меня...
«Вечно!» — промолвила ты, и уста наши встретились
сами!..
С берега громче кричат. Вижу — в калитку матрос
Кличет и выставил, словно сердитый Тритон, свою
рожу...
Боги! вдруг счастье обнять — и потерять в тот же
миг!..
Друг против друга стоим мы, и слезы текут
у обоих...
Как подбежал тут матрос, побрал пожитки мои,
В зубы корзину с плодами схватил, и меня
за одежду,
С бранью, толкая, увел... Как я взошел
на корабль...
Всё это точно как сон!.. Помню — берег в глазах
вдруг поехал:
Домы, деревья, гора... Тут лишь опомнился я...
К борту припал: разбиваяся, с пеною волны
мелькают,
Крепкие снасти скрипят... Я чуть стою на ногах...
В сердце лишь «вечно твоя» и звучит... Весь дрожу
я, как лира,
Долго хранящая гул трудно стихающих струн...
«Да, ты взошло, мое солнце! Завеса с грядущего
спала,
Дора! отныне тебе — жизнь моя, слава, труды!..
Вей же, попутный Эол!.. Подтяните-ка парус
потуже!
Вправо возьмите руля!.. Ух, словно птица
летим!..»

1863

КОНЬ

(Из сербских песен)

Светлолица, черноброва,
Веселее бела дня,
Водит девица лихова
Опененного коня,

Гладит гриву воронова
И в глаза ему глядит:
«Я коня еще такова
Не видала! — говорит.—

Чай, коня и всадник стоит...
Только он тебя навряд
Вдоволь холит и покоит...
Что он — холост аль женат?»

Конь мотает головою,
Бьет ногою, говорит:
«Холост — только за душою
Думу крепкую таит.

Он со мною, стороною,
Заговаривал не раз —
Не послать ли за тобою
Добрых сватов в добрый час».

А она в ответ, краснея:
«Я для доброго коня
Стала б сыпать, не жалея,
Полны ясли ячменя;

Стала б розовые ленты
В гриву черную вплетать,
На попоны позументы
С бахромою нашивать;

В вечной холе, без печали
Мы бы зажили с тобой...
Только б сватов высылали
Поскорее вы за мной».

1860

ПАСТУХ

(Испанская легенда)

Был суров король дон Педро;
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,
Только усом поведет.

«Я люблю,— твердил он,— правду,
Вид открытый, смелый взор».
Только правды (вот ведь странность!)
Пуще лжи боялся двор.

Раз охотился дон Педро;
Утомясь, он дал сигнал,
Чтоб для завтрака у речки
Сделать маленький привал.

Тра-та-та — звучит в долине,
Меж покрытых лесом гор;
На призыв отвсюду скачут
Гранды, рыцари и двор.

Собрались. Дон Педро весел:
Сам двух вепрей застрелил
И своим весельем лица
Всех, как солнцем, озарил!

Он смеется — все хохочут...
Разговор пошел и смех...
Но о чем же смех и говор?
Речь о чем?.. Одна у всех:

Говорят, что чудо-мальчик
Тут же коз пасет в горах —
Купидон в широкой шляпе,
С козьим мехом на плечах!

Длиннокудрый! Черноглазый!
Но, хотя угрюм и дик,

А бедовый! Нет вопроса,
Перед чем бы стал в тупик.

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись пажи, что стрелы,
И чрез миг его ведут.

Посмотрел король. С минуту
Призадумался... Кругом
Словно туча набежала,
Словно ждут, что грянет гром.

«Вот,— сказал он,— три вопроса:
Разрешишь — возьму в пажи!
Много ль капель в синем море?
Посчитай-ка да скажи!»

«Я сочту,— ответил мальчик,—
Счет не долог, не тяжел,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтоб дождь не шел».

«Ну а много ль звезд на небе?»
И философ, не смутясь:
«Повели сойти им с неба,
Я тогда сочту как раз».

Понахмурился дон Педро,
Двор дыханье затаил.
«Ну а много ль дней у бога?» —
Помолчав, король спросил.

«Дни у бога крадет время.
Повели, чтобы оно
Хоть на миг остановилось,—
И уж счесть не мудрено».

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хохоча.— Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее!..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить,
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись.
«Что он — плут или мудрец?
Грубиян!» — единодушно
Порешили наконец.

Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь...
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.

Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица.

1866

МЕНЕСТРЕЛЬ

(Провансальский романс)

Жил-был менестрель в Провансальской земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»

Король был не ровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»

И дочь он, красавицу Берту, имел...
Смотрел лишь на Берту певец, когда пел...
«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она —
То вспыхнет огнем, то как мрамор бледна...
«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к ней...
Глядит менестрель всё угрюмей и злей...
«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда будет бал,
Чтоб в темной аллее у грота он ждал...
«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в слезах
И чей поцелуй у него на устах —
«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный отъезд,
Чей в склепе фамильном стоит новый крест —
«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел —
«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный вешний цветок!
Король даже лютню разбил сам и сжег...
«Молчите, проклятые струны!»

И лютню он сжег, но не греза, не сон —
Везде его лютни преследует звон...
«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны звучат
И страшные ясно слова говорят...
«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьет он и ночи не спит,
Молчит,— лишь порой, как безумный, кричит:
«Молчите, проклятые струны!»

1869

МАРИЭТТА

Я. П. Полонскому

Критик твой достопочтенный
Мне напомнил эпизод
В жизни Гёте: современный,
Право, скажешь, анекдот!

Видишь, в Риме, в дни былые,
На закате тех времен,
Где Рафаэль во святые
Был едва не возведен,—

В Риме Гёте, Винкельмана
Появилась в мастерских
Мариэтта из Альбано,
Как модель... да из каких!

Имя этой Мариэтты
Огласилось при дворах;
За мадонн ее портреты
Почиталися в церквах;

А в стихах ее равняли
И к богиням, и к святым,
Даже папе представляли...
Вдруг граф N приехал в Рим.

«Покажите Мариэтту!» —
Первым делом. Граф — знаток,
Автор сам, известный свету
Меценат, археолог...

Он на Гёте попадает...
И что дальше было там,
Пусть уж Гёте продолжает
И досказывает сам:

«Подмигнул я ветурину,
И помчались, граф и я

(То есть Гёте), к Авентину.
Это пассия моя —

Авентин!.. Когда печален
Иль рассержен чем — туда!
Почерпнуть в тиши развалин
Сил для мысли и труда...

А уж виды — вековечный
Чуть сквозит в тумане Рим
Панорамой бесконечной
К Апеннинам голубым!..

«Стой!.. ворота!..» Муж встречает:
«Здесь, signori,[1] здесь!..» Добряк!
Ласков ты — душа в нем тает,
Но — за нож, коль что не так!

Дом — в руине как-то слажен
Из заделанных аркад.
По стенам висит из скважин
Плющ; у входа — виноград.

Под навесом (день был жаркой) —
Вол у яслей и осел.
Входим в дверь: под смелой аркой,
Вполовину вросшей в пол,

И сама... Дитя качает...
Полусумрак... Тишина...
Всё заботы след являет...
Увидала нас она

И, привстав над колыбелью,
Пальчик к губкам — «не будить!» —
Знак нам делает... Моделью
Для Рафаэля б ей быть!..

Этот на пол луч упавший
Чрез открытое крыльцо,

---

[1] Господа (итал.).— *Ред.*

Отраженьем осиявший
Оживленное лицо...

Переход от беспокойства
В ней к уверенности в нас —
Лиц уже такого свойства,
Что далеки от проказ...

Я — чуть слышно: «Quel' signore [1] —
Только в Рим — и уж сюда!..»
Улыбнулась: «È pittore? [2]
И мадонну пишет?.. да?»

Боже мой! как просто! мило!
Красота... Да суть не в том!
Вифлеемское тут было,
Что-то райское кругом!

Может быть, недоставало
Только ангелов одних...
А, быть может, вкруг стояло,
Нам незримых, много их!..

Человек двора и света,
Граф приветлив очень был,
Но серьезен, и лорнета
От нее не отводил...

Распростились. С нетерпеньем
Жду — что он? — почти в тоске...
Он же вдруг — да с озлобленьем:
«Три веснушки на виске!»

Я — ну просто как в тумане
Очутился, оскорблен,
Павши духом...
В Ватикане
После, вижу, ходит он.

---

[1] Тот синьор (итал.).— *Ред.*
[2] И художник? (итал.) —*Ред.*

Поглядит — и в каталоге
Отмечает, мысля вслух:
«Торс короток! — Жидки ноги!»
(Аполлон-то!..) — «Профиль сух!..»

И, дивясь его сужденьям,
Почитателей кружок
Повторяет с умиленьем:
«Вот так критик! Вот знаток!»

„Мариэтта, спи спокойно! —
Я подумал про себя.—
Боги Греции достойно
Отомстят уж за тебя!

Иногда ведь шутку злую
Аполлон сшутить любил:
Он Мидасу-то какую
Неприятность учинил!"»

1886

СТАРЫЙ ДОЖ

«Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...» [1]

Занимает догарессу
Умной речью дож седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...

Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:

[1] Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина, как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же было дальше?

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!

Чтоб, укрывшийся в лагуне,
Лев святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал!

Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли!

Подал знак — гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плывет!..»

Кончил он, полусмеяся,
Ждет улыбки — но, глядит,
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..

«Всё дитя еще!» — с укором,
Полным ласки, молвил он,
Только слышит — вскинул взором —
Чье-то пенье... цитры звон...

И всё ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...

Дожу вспомнилось былое...
Море зыбилось едва...
Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!» —

Вздрогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь, плывет,

Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:

«С старым дожем плыть в гондоле...
Быть его — и не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...

Тот «другой» — о догаресса! —
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса,
Но он — любит и любим!..»

Дож рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,
Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она или не спит?!.»

1887, 1888

А. Н. МАЙКОВ С ДОЧЕРЬЮ ВЕРОЙ. *Начало 1860-х годов.*

ПОСЛЕ ПОБОИЩА ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА С ПОЛОВЦАМИ. (Фрагмент).

Худ. В. М. Васнецов. 1880.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

НИКОГДА!

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СЛАВЯН С РИМЛЯНАМИ

Гонит волны быстр Дунай,
    Разлился широко;
Над Дунаем светлый град
    На горе высокой.
Становился римский царь
    Станом перед градом;
Забелелися шатры,
    Ряд стоит за рядом.
На престоле царь сидит
    Под златой порфирой;
Вкруг престола, словно лес,
    Копья и секиры.
И с престола римский царь
    Говорит с послами,
Незнакомый люд стоит
    Пред его очами.
Молодец все к молодцу:
    Кудри золотые
Густо вьются по плечам,
    Очи — голубые;
Словно все в одно лицо,
    Та ж краса и сила,
Словно всех-то их одна
    Матерь породила.
Породила ж их одна
    Мать — земля родная,
Что от Татры подошла
    Вплоть до волн Дуная,

И за Татрою идет
На другое море,
На полночь и на восток,
Где в святом просторе
Уготовала поля,
Долы и дубравы
Как святую колыбель
Для великой славы!
Их послал славянский род,
Положив советом
Встретить римского царя
Дружбой и приветом.
Не лежат они челом
Перед ним во прахе,
Не целуют ног его
В раболепном страхе,
Но подносят божий дар —
Хлеб и соль родную
И к великому царю
Держат речь такую:
«Весь народ наш, старшины
И князья послали
Нас, чтоб мы тебе, о царь,
Добрый день сказали.
Ты наш гость, лишь доступил
Нашего порога;
Мы — славяне; край сей дан
Нам в удел от бога.
Щедро им он наделен
Благодатью с неба:
Не поленишься, так всем
Свой кусок есть хлеба.
Много ль, мало ль — с нас того
Будет, что имеем:
Благо сеем на своем,
Жнем, что сами сеем.
И придет ли странник к нам,
Кто, зачем, не спросим —
С богом, дверь отворена!
Милости к нам просим!
Будь он свой или чужой,
Человек прохожий,

Про него всегда у нас
    На столе дар божий.
Вольно всем здесь жить! Зарок
    Богом дан славянам:
Грех великий — быть рабом,
    Вящий грех — быть паном!
И грехов тех нет у нас,
    Нет во всем народе!
Всем у нас открытый путь
    К славе и свободе!

Правда, как весной снега
    С гор крушатся на дол,
Лютый враг на край наш вдруг,
    Словно с неба, падал;
Здесь засев, уж думал век
    Нас держать в неволе,
Нами сеять и пахать
    И на нашем поле
Кобылиц своих пасти,—
    Только блажь пустая!
Поднималась вся земля
    С края и до края!
И спроси ты: где же те,
    Что нам цепь ковали?
Где, спроси их? Мы стоим,
    А они — пропали!
Положен уж так зарок,
    Веки неизменный:
Кто, откуда б ни пришел,
    Враг иноплеменный,
Завладей хоть миром, здесь
    Бег свой остановишь,
Здесь, в земле славянской, гроб
    Сам себе сготовишь!

Ты теперь, о царь, стоишь
    Здесь у нашей грани.
Что ж несешь с собою к нам:
    Меч иль мир во длани?
Если меч, то ведь мечи
    И у нас есть тоже;

А востры ль они, узнать
И не дай ти боже!
Если ж к нам идешь как гость,
С миром, с доброй вестью,
Уж на славу угостим
И проводим с честью!
Вот тебе от нас хлеб-соль!
И принять их просим
Так же честно, как тебе,
Царь, мы их подносим».

Хлеба-соли не взял царь,
Ликом омрачился;
Ярый гнев в его очах
Гордо засветился;
И к послам славянским он
С трона золотого
Обратил, подняв главу,
Таковое слово:
«Солнце шествует в пути —
И к нему все очи;
От него — вся жизнь и свет,
Без него — мрак ночи;
С ним у твари спора нет,
Ни переговоров;
Для народов солнце — я,
И со мной нет споров!
Как судьба, для всех моя
Власть неотразима:
Повелитель мира — Рим,
Я ж — владыка Рима!
Меж народов хоть один
Есть ли во вселенной
Кто, противиться ему
Возмечтав, мгновенно
До последнего раба
Не исчез со света!
Все склоняются пред ним
И живут чрез это.
Преклонитесь же и вы!
Я ваш край устрою:

Поселю здесь римлян, вас
    Выведу с собою,
В Рим — старшин, а молодежь —
    Прямо в легионы;
Покоритесь — будет вам
    Мир, почет, законы;
Нет — вас с семьями к себе
    Погоню гуртами,
В плуги запрягу, пахать
    Землю буду вами!
На цепи, как псов, сидеть
    У ворот заставлю,
Буду тысячами вас
    Львам кидать на травлю —
Горе будет, говорю,
    Детям вашим, женам;
Бойтесь, если кликну я:
    «Горе побежденным!»
Бойтесь! Этот римский клик
    Пуще божья грома!..
Я сказал. Вот мой ответ
    Передайте дома!»

Речь окончил римский царь,
    Всё кругом молчало.
Как нежданный гром, она
    На славян упала.
На царя стремят они
    Взгляд оторопелый...
Вдруг как будто с их очей
    Заблистали стрелы,
И по лицам словно вдруг
    Молнии мелькнули,
Разом взвизгнувши, мечи
    Из ножон сверкнули,
И у всех единый клик
    Вырвался из груди:
«Никогда!»
                Вокруг царя
    Всполошились люди
И поднять щиты едва
    Вкруг него успели...

Сам он мигом с трона прочь...
Трубы загремели,
Разом лагерь поднялся:
Скачут нумидийцы,
Взвод бессмертных, взвод парфян,
Галлы, иберийцы,
И, копье наперевес,
Римская пехота,—
Окружили молодцов,
И пошла работа!

Что медведь лесной в кругу
Псов остервенелых,
Бьется горсть богатырей
Против полчищ целых;
С шумом рушатся вкруг них
Всадники и кони,
Копья ломятся, звенят
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей —
Но сама редеет...
Вот лишь трое их: кругом
Смерть над ними реет
В блеске копий и мечей...
Вот всего лишь двое —
Вот один... И этот пал...

И вкруг павших в бое
Победители стоят
В изумленьи сами;
В легионах недочет:
Целыми рядами
Мертвых, раненых кладут...
Сам, с разноплеменной
Свитой, кесарь подскакал,
Мрачный и смущенный;
Разглядеть желает он
Варваров, которым
Показалась речь его
Вдруг таким позором...
А той речи внемлет мир,
Все цари земные!

«Что ж за люди это там? —
Мыслит.— Кто ж такие?»

И задумчиво к горам
Обратил он взоры:
Грозно смотрят из-под туч
Сумрачные горы;
Стая темная орлов
Из-за них несется;
Словно гул какой оттоль
Смутно раздается...
Смотрит царь — и вдруг велит
Стан снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

<1870>

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛ

Лютый Хрудош и Стеглав, родные братья,
Завели жестокий спор из-за наследства;
Побежала их сестра к княжне Любуше
И молила рассудить их спор по правде.
И княжна послала повестить в народе,
Чтоб бояре собрались и старики на вече
И чтобы на суд явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вече
В золотом кремле, во светлом Вышеграде.
На златой престол, в одеждах белоснежных,
Поднялась княжна и вече открывала.
У престола стали вещие две девы:
У одной в руках доска была с законом,
У другой был меч, каратель кривды;
Против них зажжен был огнь, светильник правды,
И поставлен был сосуд с водою очищенья.

И княжна сказала со злата престола:
«Верные бояре! мудрые вы старцы!
Разрешите спор двух братьев о наследстве:

По закону, как поставлено богами,
Должно им: или сообща владеть землею,
Иль обоим разделить по равной части».

Кланялись княжне и старцы, и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили уж довольно,
То княжна велела вещим девам
Голоса сбирать в златую урну.
И собрали голоса, и, сосчитав, сказали
Приговор такой народу: чтобы братьям
Сообща владеть отцовским достояньем.

Услыхав решенье, поднялся во гневе
Лютый Хрудош и затрясся весь от злости;
Вскинул он рукою и, что тур свирепый, рявкнул:
«Горе для птенцов, когда змея в гнездо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владеет ими!
Подобает мужу володеть мужами!
Старший сын владеть добром отцовским должен,
Как у немцев заведен тому порядок!»

Ратибор, старик, уже согбенный и весь белый,
Поднялся и, головою покачав, промолвил:
«Непохвально в немцах нам искати правды!
Наша правда по закону святу,
Как ее с собою принесли и утвердили
Наши деды, через три реки прешедши, в эту
землю».

«Непохвально в немцах нам искати правды!» —
Повторили старцы и бояре,
И во всем народе раздалося:
«Непохвально в немцах нам искати правды!»

«Так и быть суду, как положило вече!» —
Порешила мудрая княжна Любуша,
И потом еще сказала: «Старцы и бояре!
Слышали мое вы ныне поруганье!
Непристойно больше разбирать мне ваши споры.
Изберите сильного вы мужа —
Пусть он вами по-железному владеет:
Девичьей руке — уж не под силу!»

И, сказав, сошла с престола золотого.
И молить ее усердно стали старцы и бояре,
Чтоб она в зазор не принимала
Грубияном сказанное слово;
Но княжны уже не умолили.
«Так сама нам укажи, по крайней мере,—
Заключили старцы и бояре,—
Кто ж достоин будет нами править?»

И на то Любуша отвечала:
«Уж богами решено, кому быть вашим князем!
Вот мой конь: куда пойдет, за ним ступайте!
Перед кем он остановится, тот князь ваш!»
И с коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила без узды на волю.

Едут с веча посланцы по князя,
Едут с ними вещие две девы;
Конь бежит где полем, где дорогой;
Добежал до речки, побежал вдоль быстрой,
Прибежал он к нови, к выжженному полю;
Подымал ее железным плугом
Человек в лаптях, большого роста,
Погонял волов жезлом остроконечным.
Конь пред ним как раз остановился.

Посланцы, взглянув на пахаря, на лапти,
Перед ним смутясь остановились,
Но, оправясь, поклонились низко:
«Здравствуй, добрый человек,— сказали,—
Облачайся княжеской одеждой,
Надевай венец: тебе княжна Любуша
И народ весь чешский повелели
Власть принять и княженье над нами!»

И на то ответствовал им пахарь:
«Вам добро пожаловать, драгие гости!
Прежде ж чем о деле заводить нам речи,
Угостить вас, чем могу, я должен,
Здесь есть хлеб и сыр со мною —
Отпущу волов, и кушайте во здравье!»

И, сказав, вонзил он острый жезл свой в землю,
И с волов ярмо сложил, и крикнул:
«Гой! идите, милые, до дому!»
Только вдруг волы — лишь крикнул он — исчезли,
Словно их и не было тут вовсе,
А который жезл воткнул он в землю,
Из него, глядят, растут три ветви —
Выше всё и выше — выступают
Из ветвей еще сучки — и много;
На сучках выходят почки,
Почки — смотрят — развернулись в листья,
А меж листьев выступают гнездами орехи.

Посланцы и пахарь изумились.
Только девы вещие в единый голос
«Радуйтесь,— воскликнули,— се явно
Боги нам свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,
На коня садись Любушина и с миром
К нам въезжай во светлый Вышград — чешским
князем!»

Облачился пахарь в княжии одежды,
На плеча накинул плащ Любушин,
Сапоги надел... однако лапти
Взял с собой на память — и хранятся
В Вышеграде эти лапти и доныне.

Так Премысл стал славным чешским князем,
А княжне Любуше — добрым мужем.

1871

САБЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА

(Из сербских народных песен)

Рано утром, на заре румяной,
Полоскала девица-туркиня
На реке на Марице полотна,
Их вальком проворным колотила,
На траве зеленой расстилала.

И река пустынная шумела,
И до солнца воды были светлы;
Но, как стало солнце подыматься,
Светлы воды словно помутились:
Всё желтее проносилась пена,
Всё темнее глубина казалась;
А к полудню вся река уж явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фес, то долман,
А потом помчало, друг за другом,
То коня с седлом, то человека;
И вертит на быстрине их трупы,
И что дальше, то плывет их больше,
И конца телам вверху не видно.
Опустив валек, стоит туркиня:
Страшно стало ей от тел плывущих;
Только слышит, кличут к ней оттуда...
Кличет витязь, бьется с быстриною,
Всё его от берега относит.
«Умоляю именем господним,
Будь сестрой мне милою, девица! —
Кличет витязь и рукою машет.—
Брось конец холста ко мне скорее,
За другой тащи меня на берег!»
И туркиня белый холст кидала,
На один конец ногой ступила,
А другой взвился и шлепнул в воду,
И поймал его поспешно витязь,
И счастливо до́ берега доплыл;
А взобрался на берег — и молвил:
«Ох, совсем я изнемог, сестрица!
Исхожу кругом я алой кровью...
Помоги мне: ран на мне числа нет!»
И упал бесчувственный на землю.
Побежала во свой двор туркиня,
Впопыхах зовет родного брата:
«Мустафа, иди, голубчик братец,
Помоги, снесем с тобою вместе,
Там лежит — водой его прибило —
Весь в крови и в тяжких ранах витязь.

Он господним именем молился,
Чтоб ему мы раны залечили.
Помоги, снесем его в постелю!»

Мустафа-ага пришел и смотрит:
Тотчас видит — не простой то витязь!
Он в богатом воинском доспехе,
У него с златым эфесом сабля,
На эфесе — три больших алмаза.
Мустафа-ага не думал долго,
Отстегнул у витязя он саблю,
Из ножон ее червленых вынул
Да как хватит витязя по горлу —
Голова аж в воду покатилась!

Девица руками лишь всплеснула!
«Зверь ты, зверь,— воскликнула,— косматый!
Ведь молил он нас во имя божье
И меня сестрою милой назвал!
Ты ж как раз позарился на саблю —
Через эту ж саблю, знать, и сгинешь!»

Мустафа травою вытер саблю,
И столкнул ногою тело в воду,
И пошел домой, ворча сквозь зубы:
«Вот тебя-то не спросил я, жалко!»

И немного времени минуло,
Как султан созвал к походу войско.
Собрались его аги и беи,
У реки, у Ситницы, стояли.
Мустафу все кругом обступают,
Все его дивятся чудной сабле;
Только, кто ни пробует, не может
Из ножон ее червленых вынуть.
Подошел попробовать и Марко,
Знаменитый Марко королевич!
Ухватил — да сразу так и вынул.
А как вынул, смотрит — а на сабле
Врезаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье ж имя — Марко королевич.

Приступил к турчину храбрый Марко:
«Где, турчин, ты добыл эту саблю?
За женой ли взял ее с приданым?
От отца ль в благословенье принял?
Аль на чисто выменял на злато?
Аль в бою кровавом добыл честно?»

И пошел турчина похваляться,
Рассказал, как сделалося дело,
Как сестра полотна полоскала,
Как рекой тела гяуров плыли,
Как один живой был между ними,
Как она поймать его успела,
И пришел он, и увидел саблю...
«Не дурак же я на свет родился,—
Говорит,— почуял, что за сабля,
Из ножон ее червленых вынул
Да хватил как витязя по горлу —
Голова аж в реку покатилась».

Марко даже речи не дал кончить,
Как в глазах у всех сверкнула сабля —
И у турка голова слетела —
Три прыжка — и шлепнулася в воду.

Побежали доложить султану,
Что беды творит кралевич Марко,
И султан по Марка посылает.
Тот один сидит в своей палатке,
Молча пьет вино, за чарой чару,
На султанских посланных не смотрит.
И в другой раз шлет султан, и в третий,
Наконец взяла докука Марка.
Он вскочил и, выворотив шубу
Мехом кверху, на́ плечи накинул,
Булаву с собою взял и саблю
И пошел в султанскую палатку.

На ковре султан сидит в палатке;
И приходит Марко, да и прямо,
В сапогах, как был, перед султаном
На ковре узорчатом садится.

Сам глядит темнее черной тучи,
Очи в очи устремив султану.
Увидал султан, каков есть Марко,
Потихоньку стал отодвигаться,—
А за ним и Марко, и всё смотрит,
Смотрит так, что дрожь берет султана.
Он еще отдвинется, а Марко —
Всё за ним, да так и припер к стенке;
И сидит султан, мигнуть боится.
«Ну, как вскочит,— думает,— да хватит
Булавой»,— и пробует, что тут ли
Ятаган его на всякий случай.
Уж насилу собрался он, молвит:
«Видно, Марко, кто тебя обидел?
Обижать тебя я не позволю!
Учиню, коль хочешь, суд немедля».
Всё от Марка нет как нет ответа.
Наконец обеими руками
За концы он взял и поднял саблю
И поднес ее к глазам султану.
«Об одном молись ты вечно богу,—
Он сказал, дрожа и задыхаясь,—
Что нашел не на тебе, владыко
Всех подлунных царств, я эту саблю:
Погляди, какая это надпись?
Прочитай — тут имя Вукашина!
Вукашин — царь сербский, мой родитель».

И, сказав, заплакал храбрый Марко.

<1869>

СОН КОРОЛЕВИЧА МАРКА

Вижу — поле, залитое кровью;
Грустно месяц на поле глядит...
Славный витязь Марко королевич
Между трупов раненый лежит.

Духи гор витают над телами,
Всё кого-то ищут — вот нашли —

И с собою осторожно Марка
С поля битвы в горы унесли.

В высотах заоблачных, в пещере,
Он узнал про плен страны родной,
И вскочил, и выхватил он саблю,
И, подняв ее над головой,

Острием, в упор, ударил в камень...
Он ударил, чтоб ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла в него по рукоять;

Сам же Марко, силою чудесной
В этот миг внезапно поражен,
Повалился на землю в пещере
И в глубокий погрузился сон.

Высоко пещера та в Балканах;
Духи гор все входы стерегут,
Вкруг играют с молнией и громом,
С ветром песни буйные поют.

Ту пещеру пастухи лишь знают.
И сказали духи пастухам:
«В срок свой сабля выпадет из камня,
Встанет Марко и отмстит врагам!»

И с тех пор к пещере по утесам
Пастухи взбираются тайком:
Триста лет не трогалася сабля,
Триста лет спал Марко крепким сном.

В крае сербском вознеслись мечети;
Янычар, в толпе, средь бела дня,
По базарам жен давил копытом
Своего арабского коня.

Царь и царство, пышный двор и баны,
И пиры, и битвы — отошли
В область снов, как светлое виденье,
В область царств, исчезнувших с земли...

Вдруг раздался словно гул подземный,
Вся гора под Марком сотряслась,

Спящий Марко вдруг зашевелился,
Сабля ж вдруг из камня подалась...

Этот гул — был гром полтавских пушек.
Марков сон с тех пор тревожен стал.
Вот летят орлы Екатерины,
По Балкану трепет пробежал —

Мир, лишь в песне живший, словно вышел
Из земли, как был по старине:
Те ж гайдуки, те же воеводы,
Те ж попы с мечом и на коне!

С древней славой новую свивая,
Гусляры по всей стране идут:
Бьет врага Георгий или Милош —
Тотчас песнь везде о них поют...

Вот уж снова колокольным звоном
Загудела сербская земля...
Вот — Белград позорившее знамя
Спущено навек с его кремля...

С каждым часом Марков сон всё тоньше,
И из камня сабля всё идет, —
Говорят, чуть держится, уж гнется...
Что же медлит? Что не упадет?..

<1870>

РАДОЙЦА

(Из сербских песен)

Что за чудо, господи мой боже!
Гром гремит или земля трясется?
Или море под скалой грохочет?
Или вилы на горах воюют?
Нет, не гром и не земля трясется,
И не вилы горные, не море,—
То паша на радости стреляет,
Сам Бекир-ага палит из пушек,

Ажно в Заре все дома трясутся!
Да еще б не радость, не веселье!
Удалось ему словить Радойцу,
Гайдука Радойцу удалого!

И Радойцу привели в темницу,
А уж там давно сидит их двадцать,
Целых двадцать гайдуков удалых.
Как Радойцу только увидали,
На него накинулись все двадцать:
«Эх, Радойца, чтоб те пусто было!
Что хвалился, мол, своих не выдам,
Отыщу, на дне морском достану!
Вот теперь сиди и хныкай с нами!»

Отвечал им удалой Радойца:
«Вы покуда знай молчите, братцы;
Уж сказал — вас выпущу на волю,
Не живой освобожу, так мертвый».

Как светало и взошло уж солнце,
Только слышат гвалт в тюрьме и крики:
«Чертов кус! Бекир-ага проклятый!
Что привел ты к нам еще Радойцу!
Околел он тут сегодня за ночь!
Убирай от нас его скорее».

Унесли Радойцу из темницы,
Приказал ага, чтоб схоронили.
На дворе народ толпится, смотрит,
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядела да и молвит мужу:
«Господин мой, как уж там ты знаешь,
Только мне сдается — жив Радойца!
Ну как что недоброе затеял?
Испытать его бы не мешало.
Ты вели-ко накалить железо,
Припеки ему бока крутые,
Коли жив — поморщится, разбойник!»

Накалили докрасна железо,
Припекать бока Радойце стали —
Он лежит, не шевельнет и бровью.

На своем таки стоит Бекирша:
«Хоть убей меня, а жив бездельник!
Ты возьми-ко вот гвоздей железных,
Вбей ему по гвоздику за ногти,—
Тут посмотрим: шевельнется, нет ли!»

Принесли гвоздей, за каждый ноготь
На руках и на ногах вбивают:
Он лежит — ни-ни, не шевельнется,
Ни одним суставчиком не дрогнет.

Мало всё еще ехидной бабе.
«Разрази господь меня на месте,—
Говорит,— а жив-таки, собака!
Вот что сделай,— научает мужа,—
Ты скажи-ко кликнуть клич девицам,
Чтобы шли во двор к паше на праздник;
Пусть вокруг Радойцы пляшут коло,
А заводит коло пусть Гайкуна:
Знаю я мужскую вашу совесть,—
Коли жив — не стерпит, шевельнется!»

Собрались девицы, пляшут коло,
Вкруг Радойцы прыгают и ходят,
Впереди — красавица Гайкуна...
А Гайкуна уж была такая —
Бог с ней, право! — красота, что чудо!
Всем взяла — и станом, что твой тополь,
И лицом — заря с него не сходит,
А идет — так словно ветер в листьях
Шелестят шелковые шальвары!
Стало виться, развиваться коло;
Голоса девичьи загудели;
Мерно-звонко звякают червонцы;
Что весна вокруг Радойцы веет,
На лицо что жар полдневный пышет...
Будь-ко жив он — как бы застучало,
Как бы сердце у него забилось,—
Хоть одним глазком, а уж бы глянул!
Тихо, ровно вкруг идет Гайкуна
И с лица Радойцы глаз не сводит,
Только вдруг — вздрогнула, улыбнулась

И платочек — будто ненароком —
На лицо ему с плеча сронила
И плясать не стала: «Как ты хочешь,—
Говорит,— родитель мой любезный,
А постыдно тешиться над мертвым!»
И Бекир уважил дочку, тотчас
Приказал похоронить Радойцу;
Но старуха всё не унялася:
«Брось его по крайности ты в море!
Пусть съедят его морские гады!»
— «Всё одно!» — Бекир сказал, не спорил,
И велел Радойцу бросить в море.

Весел в этот день он сел за ужин:
«В первый раз, мол, в девять лет сегодня
С легким сердцем ужинать сажуся.
Девять лет мне не давал покоя
Этот вот анафемский Радойца!
Да — аллаху слава! — с ним покончил!
Завтра тех двадцатерых повешу!»
Только это он успел промолвить,
Глядь — а перед ним стоит Радойца,
Жив и здрав и с поднятою саблей!
Не успел он ни вскочить, ни крикнуть,
Не успел — без головы свалился.
А Бекирша только увидала —
Как на месте ж померла со страху.
«Ты же, свет очей моих, Гайкуна,—
Молвил он ей, руку подавая,—
Отыщи ключи ты от темницы
Да сама в дорогу собирайся!
Выпустим товарищей удалых
И скорей в Шумадию уедем».

Не корили уж его гайдуки,
Разнесли об нем далеко славу,
Что уж слово скажет, так уж сдержит.
В ту же ночь ушли они с Гайкуной;
Покрестил ее он в первой церкви,
Во крещеньи назвал Ангеликой,
Да потом и повенчался с нею.

<1879>

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

<1860>

МАТЬ И ДЕТИ

«Что ты, мама, беспрестанно
О сестрице всё твердишь?
В лучшем мире наша Зоя,—
Ты сама нам говоришь».

«Ах, я знаю, в лучшем мире!
Но в том мире нет лугов,

Ни цветов, ни трав душистых,
Ни веселых мотыльков».

«Мама, мама! В божьем небе
Божьи ангелы поют,
Ходят розовые зори,
Ночи звездные плывут».

«Ах, у бедной нет там мамы,
Кто смотрел бы из окна,
Как с цветами, с мотыльками
В поле резвится она!..»

<1860>

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858

ДВУСТИШИЯ

1

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сеются разом, и вместе растут!

2

Тащит свой невод рыбак — рвется из невода рыбка.
Дева! на волю я рвусь — и за тобою иду!

3

Белая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Черного врана, что спит подле тебя,— прогони!

4

Горлинка лесная! Кто тебя изловит?
В клеточку посадит и голубить станет?

<1860>

* * *

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

<1860>

* * *

Тихо море голубое!
Если б вихрь не налетал.
Не шумело б, не кидало б
В берега за валом вал!

Тихо б грудь моя дышала,
Если б вдруг, в душе моей,

Образ твой не проносился
Вихря буйного быстрей!

<1862>

ПОЦЕЛУЙ

Между мраморных обломков,
Посреди сребристой пыли,
Однорукий клефтик тешет
Мрамор нежный, словно пена,
Прибиваемая морем.
Мимо девица проходит,
Златокудрая, что солнце,
Говорит: «Зачем одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда ж девал другую?»

«Полюбилась мне девица,
Роза первая Стамбула!
Поцелуй один горячий —
И мне руку отрубили!
В свете есть еще девица,
Златокудрая, что солнце...
Поцелуй один бы только —
И руби другую руку!»

<1860>

* * *

Светлый праздник будет скоро,
И христосоваться к вам
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будем там!
Будто в первый раз, краснея,
Поцелуемся при всех,
Ты — очей поднять не смея,
Я — удерживая смех!

<1860>

* * *

Словно ангел белый, у окна над морем
Пела песню дева, злым убита горем,
Ветру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны с ними посылала.
Пробегал кораблик мимо под скалою;
Слышат мореходы голос над собою,
Видят деву-чудо, парус оставляют,
Бросили работу, руль позабывают.
«Проходите мимо, мореходы, смело!
Ах! не белокрылым кораблям я пела!
Я молила ветер, волны заклинала,
Милому поклоны с ними посылала».

1858

* * *

Меж тремя морями башня,
В башне красная девица
Нижет звонкие червонцы
На серебряные нити.
Вышло всех двенадцать ниток.
Повязавши все двенадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы,—
Вызывает дева солнце:
«Солнце, выдь! — я тоже выйду!
Солнце, глянь! — я тоже гляну!
От тебя — луга повянут,
От меня — сердца посохнут!»

1858

СТАРЫЙ МУЖ

Запевают пташки на заре,
Золотятся снеги по горе;
Пробудилась молода жена,
Будит мужа старого она:

«Пробудись-проснись, голубчик мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли стан — что тонкий кипарис,
Что лимоны, груди поднялись...»
Старый муж прикинулся, что спит,
Сам не спит, а вполугляд глядит.
«Эх, когда бы прежние года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала б поздно ввечеру,
Просыпала б долго поутру;
По утрам бы я ее будил,
Золотые б речи говорил;
Притворялась бы она, что спит,
Крепко спит, не слышит, не глядит».

<1860>

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Наряжалась младая Елена,
Наряжалась на праздник к обедне.
Красный фес с жемчугом надевала
И червонцы на черные косы;
Из лица вся сияла, что солнце,
Бела грудь — что серебряный месяц.
Подымалася на гору в церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
«Что ты, сердце, болишь и вздыхаешь,
Словно камень ты на гору тащишь?..»
— «Легче б камни тащить мне, чем горе,
Злое горе от старого мужа.
Я б к другому пошла хоть в неволю,
Хоть в неволю б пошла к молодому!
Ненаглядно б я им любовалась,
Что высоким в саду кипарисом;
Любовался б он, тешился мною,
Что цветущею яблонькой нежной;
Я сама бы его наряжала,
Как меня наряжает мой старый;
Я ему бы всё в очи глядела,
Как глядит мой старик в мои очи;

И не звал бы меня он ворчуньей
И капризной, негодною плаксой,
Называл бы веселою пташкой,
Называл бы своею голубкой!..»

<1862>

ПЕВЕЦ

Некрасив я, знаю сам;
В битве бесполезен! —
Чем же женам и мужам
Мил я и любезен?
Песни, словно гул в струнах,
Грудь мне наполняют,
Улыбаются в устах
И в очах сияют.

<1860>

* * *

Птички-ласточки, летите
К прежней любушке моей:
Не ждала б она, скажите,
Мила друга из гостей.

Во чужой земле сгубила
Зла волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли оседлаю —
Расседлается он сам;
Без седла ли выезжаю —
Гром и буря ввстречу нам!

У нее слова такие:
Скажет — реки не текут!

С неба звезды золотые,
Словно яблочки, спадут!

Глянет в очи — словно хлынет
В сердце свет с ее лица;
Улыбнется — словно кинет
Алой розой в молодца!

<1862>

ОЛИМП И КИССАВ

Стал Киссав с Олимпом спорить:
«Ты угрюм стоишь, пустынный,
Я ж, смотри, цветущ и весел!»
Отвечал многовершинный,
Отвечал Олимп Киссаву:
«Не хвались, Киссав надменный,
Я — старик Олимп, и знают
Старика во всей вселенной!
У меня ль под синим небом
Шестьдесят вершин сияют;
У меня ли с лона шумно
Сто ключей живых сбегают;
Надо мной орлы кружатся,
Любит клефт меня воитель
И боится храбрый турок —
Твой высокий повелитель».

<1860>

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

Два дня у нас шел пир горой, два дня была попойка,
На третий, поздно к вечеру, вина в мехах не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошел я в незнакомый путь — дорогой заплутался,
Шел дикими тропинками, шел узкими путями;
И узкий путь привел меня к пустынной старой церкви.

Вкруг церкви было кладбище — всё плиты гробовые;
Одна плита пониже всех — от всех была в сторонке;
И я не разглядел ее, ногой прошел по камню.
И слышу будто стон глухой и голос из могилы.
«О чем,— спросил я,— ты вопишь, о чем, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебе иль давит черный камень?»
— «Нет, мне не тяжела земля, не давит черный камень,
А стыдно мне, и больно мне, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!..
Аль не был тоже молод я? аль не был паликаром?
При месяце не хаживал пустынными тропами?
И с зорями росистыми не радовался миру?..»

<1860>

ПЛЕННИК

Сторожат меня албанцы;
Я в цепях, но у окна
Зацветают померанцы:
Добрый знак — близка весна!

Дайте ей лишь укрепиться,
Обрасти густым ветвям,
И тропинкам позакрыться
Темной листвой по горам,—

Не сдержать меня железу!
Из темницы я уйду,
Через стену перелезу,
И в кустарник пропаду.

Пусть албанцы тут стреляют!
Посреди турецких сел
Скоро матери узнают,
Завопят, что Дим ушел!

<1860>

ГАДАНИЕ

Египтянка, как царица,
Вся в червонцах, в жемчугах,
Сыплет зелья на жаровню
С заклинаньем на устах.

Перед ней, бела как мрамор,
Дева юная стоит...
Египтянка побледнела,
Смотрит в тьму и говорит:

«Вижу дикое поморье;
Слышу стук мечей стальных:
Бьется юноша-красавец,
Бьется против семерых.

Он упал, они бежали...
К синю морю он ползет...
Мимо идут бригантины,
Он им машет, он зовет:

— «Передайте Казандони,
Что идет Вели-паша»,
Мимо идут бригантины,
Не внимая, не спеша...

Он исходит алой кровью,
Холодеет... лишь один
Томный взор следит за бегом
Уходящих бригантин...

А над ним уж реют чайки,
Всё-то ниже и смелей,
И не сводит взгляда ворон
С потухающих очей».

[<*1860*>

ЦАВЕЛИХА

С гор Али-паша на Сули
В нетерпеньи взоры мечет,
А над ним порхает птичка,
И кружится, и щебечет:

«Видно, это не Янина,
Где шумят твои фонтаны;
Не Превеза, где ты ставишь
Для своих албанцев станы.

Это Сули, город славный!
Нет ей равного на свете!
Здесь в рядах мужей воюют
Жены, девицы и дети!

И с ружьем в руке выводит
Всех Цавелиха их в поле —
На плечах с грудным младенцем
И с патронами в подоле!»

<1860>

* * *

Победу клефты празднуют, пируют капитаны;
Разносит вина, яства им кудрявый, статный мальчик.
Наелися, напилися, метать пошли каменья,
А мальчик — что в сражении, что в играх всюду первый.
Да раз, как размахнулся он,— еще не бросил камня,—
Ан пуговицы лопнули, и петли оборвались,
И белая грудь девичья широко распахнулась.
Остолбенели молодцы, и смотрят капитаны,—
Не месяц ли, не молния ль блеснула перед ними...
Зарделася красавица, от гнева чуть не плачет.
«Чего глядите? — крикнула.— Три года были слепы!»
Свой фес и нож им бросила и скрылася из виду.
С тех пор пропал и слух о ней, в горах, у паликаров.
Но во святой обители, между белиц смиренных,
Смиренней всех их новая беличка появилась.

1872

ПЛАЧ ПАРГИОТОВ

«Ты летишь к нам, птичка, из-за моря,
Расскажи мне, что в горах за грохот?
Точно стон весь день стоит над Паргой,
Приступили, что ли, турки снова?
Загорелся, что ли, бой смертельный?»

«Нет, не турки к Парге приступили,
И не бой смертельный загорелся;
Предана неверным наша Парга!
Паргу срыть велели христиане,
Христианских царств цари-владыки!
Паргиотов с родины погонят,
Как быков погонят, как баранов!
И пойдут они в чужую землю!
И отцов своих гроба покинут,
На позор покинут божьи храмы!..
Вьючат мулов, разоряют домы...
Жены косы рвут в печали лютой,
Старики рыдают злым рыданьем;
По церквам попы с великим плачем
Забирают утварь и иконы...
Видишь пламя: дым поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгут, святые кости храбрых,
Что когда-то сами жгли визирей!
Дети жгут отцов и дедов кости,
Чтоб рукам неверных не достались!
Слышишь — стон сильней пошел и выше?
Голоса подымутся и стихнут...
Расстаются, камни обнимают,
Уходя, едят родную землю!..»

<1860>

ДЕСПО

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флаг турецкий вьется...
Только Деспо в черной башне
Заперлась и не сдается.

«Положи оружье, Деспо!
Вам ли спорить, глупым женам?
Выходи к паше рабою,
Выходи к нему с поклоном!»

«Не была рабою Деспо
И не будет вам рабою!»
И, схватив зажженный факел,
«Дети,— крикнула,— за мною!»

Факел брошен в темный погреб...
Дрогнул дол, удар раздался —
И на месте черной башни
Дымный столб заколебался.

<1860>

ЗАВЕЩАНИЕ

Собирайтесь, паликары!
Умирает капитан!
Умирает он от честных,
От святых турецких ран!
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мне страшна...
Тёмно, тесно... Одинокий
В ней лежи и спи без сна!
Съест земля и фес, и долман,
Меч, не ржавевший в крови,
И усы мои, и брови,
Брови черные мои!..

Нет, меня не зарывайте,
Братцы, в землю! На горе
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицом к заре.
В гробе окна прорубите,
Чтоб мне веяло весной,
Чтобы ласточки, кружася,
Щебетали надо мной!

Чтоб из гроба я далеко
Мог бы турок различать,
Чтоб направо и налево
Мог им пулю посылать.

<1860>

* * *

Сорок клефтов на зимовки
Возвращалися домой,
Малый наняли кораблик,—
Да похвастали казной.

Корабельщик — плут-албанец!
К островку он пристает.
«Погуляйте-ка тут, братцы,
Переждем, гроза идет!»

И на остров вышли клефты
(Он был мал, и дик, и гол),
А меж тем поставил парус
Корабельщик — и ушел.

Через сорок дней приходит
За добычею своей:
Только двое шевелятся
Меж разбросанных костей;

Жив был Яни,— весь искусан,—
И Георгий чуть дышал;
У него ж голодный Яни
Ноги тощие глодал.

<1862>

ЧУЖБИНА

Умереть не дай бог на чужбине!
Видел я, как пришлых там хоронят!
Без попа, без свеч и без кадила,
Не помазав миром, не отпевши,
Где пришлось зароют, как собаку!

Как пахать потом приедут землю,
С гор пригонят двух волов рогатых,
В плуг впрягут, и молодец удалый
Понуждать в бока начнет их саблей,
И по первой борозде глубокой
Из земли да выкинет он ноги,
По другой — красавца паликара...
Завопит, завоет бедный пахарь:
«Будь такой да у меня товарищ,
Я бы съесть земле его так не дал!
Я пошел бы к морю, к синю морю,
На широкое б пошел поморье;
Я б нарезал тростнику морского,
Смастерил бы гроб ему просторный,
Я б в гробу постлал ему постелю,
Всю б цветами, ландышами выстлал,
Всю бы выстлал свежим амарантом!»

<1860>

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

Удалец с горы сбегал в долину,
Феска набок, волосы кудрями.
Смерть за ним с вершины примечала,
И в обход пустилась, и в ущелье
Вдруг ему дорогу заступила.
«Ты куда, красавец, и откуда?»
— «Я из стана, пробираюсь к дому».
— «За каким торопишься ты делом?»
— «Захватить хочу вина и хлеба
И тотчас назад вернуся в горы».
— «Не захватишь ни вина, ни хлеба
И назад ты в горы не вернешься.
Я тебя давненько поджидаю».
Усмехнулся молодец удалый,
Оглядел он Смерть, встряхнул кудрями.
«Я,— сказал,— отдамся только с бою.
Если хочешь, попытаем силы:
Сломишь ты — бери мою ты душу,
Я сломлю — сама ты мне послужишь».

— «По рукам»,— костлявая сказала.
По рукам ударили. Схватились.
Бились два дня, билися две ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колено гнули и с отмаху,
Смерть давно бока ему ссадила;
У нее самой трещали кости,
А как хватит он на третье утро,
На ногах насилу устояла.
Да за то уж вдруг рассвирепела
И как схватит молодца за кудри,
Как рванет — и грянулся он оземь,
Словно дуб, поваленный грозою.
Смерть тотчас на грудь к нему вскочила,
Принялась душить его под горло.
«Ты уж больно давишь,— простонал он.—
Кончим шутку, мне пора быть дома,
Стричь овец, сыры из кадей вынуть».
Смерть глядит в глаза ему и давит.
«Дай ты мне еще хоть двое суток
Погулять на вольном белом свете;
Попрощаюсь только со своими
И потом приду, куда укажешь».
Смерть глядит в глаза и пуще давит.
«У меня жена есть молодая!
Как одна останется, голубка!
Весела всегда была, как пташка...
У меня сынок есть — чуть лепечет,
Есть другой — чуть-чуть смеяться начал...
Отпусти хоть ради их, сироток!»
Налегает Смерть уж всею силой.
«Об душе хоть дай подумать грешной!» —
Прохрипел он и замолк навеки.
С тем она его и доконала.

<1860>

АД

Из подземного из ада
С шумом вылетела птичка;
И, как вылетела, села
На траву и еле дышит.

Видят матери и сестры,
Сладкий мускус ей приносят,
Амарант и белый сахар.
«Освежися, пей и кушай! —
Уговаривают птичку.—
Расскажи нам, что в подземном,
Темном царстве ты видала?»
— «Что сказать мне вам, бедняжки! —
Вздрогнув, вымолвила птичка.—
Смерть я видела, как скачет
На коне в подземном царстве;
Юных за волосы тащит,
Старых за руки волочит,
А младенцев нанизала
Вкруг, за горлышко, на пояс».

<1860>

* * *

Что горы потемнели?
Что тьма по ним ползет?
Не ветер ли их хлещет?
Не дождик ли сечет?

Не ветер горы хлещет,
Не дождик их сечет:
Их Смерть переезжает
И полк теней ведет.

Кончают поезд старцы,
А юноши в челе;
Рядком сидят младенцы
У Смерти на седле.

И юноши ей кличут,
И молят старики:
«Свернем с пути в деревню,
Вздохнем хоть у реки!

Испьют водицы старцы,
И юноши пускай
Поборются, а детям
Нарвать цветочков дай».

«В деревню не заеду,
Не стану над рекой!
К ней матери и жены
Приходят за водой:

Жена узнает мужа,
Узнает сына мать —
Уцепятся друг в друга,
И их уж не разнять!»

1858

* * *

«Приволье на горах родных — приволье в темных долах...
Белеют летом овцы там; зимой снега белеют,
Там светит солнце красное, там смерти не боятся!»
Так в тартаре три молодца о свете толковали,
Решились хоть на миг уйти — на свет взглянуть украдкой;
Один решил — к весне пойдем, другой — уж лучше к лету,
А третий — лучше к осени, к сбиранью винограда;
Услышала их девица, и дрогнуло в ней сердце;
Скрестила руки, просится она из ада с ними.
«Меня возьмите, молодцы, на белый свет с собою!»
— «Нельзя, нельзя, красавица, нам взять тебя с собою!
Ты ходишь — башмаки стучат, брякают ожерелья,
Ты платья легким шелестом, пожалуй, Смерть встревожишь!»
— «Я платье подвяжу себе, я сброшу ожерелье,
По лестнице тихохонько пойду босая с вами!
Еще раз, братцы, хочется взглянуть на свет мне белый,
Взглянуть, как плачет матушка, по дочке убиваясь!
Взглянуть, как братцы-сродники тоскуют по сестрице!»

— «Ах, девица-красавица! о милых не крушися!
Твои все братцы-сродники уж пляшут в хороводе,
А матушка на улице с соседками судачит!»

<1860>.

* * *

В темном аде, под землею,
Тени грешные томятся;
Стонут девы, плачут жены,
И тоскуют, и крушатся...
Всё о том, что не доходят
Вести в адские пределы —
Есть ли небо голубое?
Есть ли свет еще наш белый?
И на свете — церкви божьи,
И иконы золотые,
И как прежде, за станками,
Ткут ли девы молодые?

<1860>

* * *

Опустели наши села;
Не видать богатырей!
Не палят, не мечут камней,
Даже свадьбы — без гостей!

Все ушли, у всех забота —
Крепость вывели в горах;
Башни, стены — из порфира,
Медь литая — в воротах.

По стенам уж ставят пушки,
Подымают знамена...
И приходит Смерть под крепость,
Безоружна и одна.

И глядит: «Здорово, детки!»
— «Здравствуй, Смерть! куда бредешь?»

— «Да господь послал за вами».
— «Что ж, твои — коли возьмешь!»

И со стен на Смерть смеются:
«Есть ли лестница с тобой?»
Не полезла Смерть на стены,
Только топнула ногой:

Гул раздался под землею,
Туча гору облегла...
И чрез миг — одна стояла
Обожженная скала.

<1862>

* * *

Показалась звезда на востоке.
Золотая звезда показалась.
Не звезда то была золотая,
То был ангел с златыми крылами,
Возвещал он в услышанье людям:
«Щеголяйте, пока еще время!
В многоцветные платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красных дев ко груди прижимайте!
Наступает последнее время:
Похвалилася Смерть в преисподней,
Огород городить собралася;
Что в своем ли она огороде
Не дерев-кипарисов насадит,
А лихих молодцов-паликаров;
И не розанов вкруг их душистых,—
А румяных девиц, белогрудых;
Не гвоздик, не анютины глазки,
А малюток в куртинах посадит;
И натычет вокруг огорода —
Стариков и старух частоколом».

<1862>

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

ДУХ ВЕКА

Дух

Здорово, друг!.. Что ты так мрачен?
Меж тем ты юн и в цвете сил...
Ужели мир души утрачен?
А я давно тебя следил,
Тебя встречая, улыбался,
Умильно на тебя глядел,—
Но ты понять меня боялся
Или, быть может, не хотел...

Юноша

Да, мне лицо твое не чуждо.
Тебя я видел... но когда —
Не помню.

Дух

До того нет нужды!

Юноша

Я беса Фауста так всегда
Воображал.

Дух

Всё может статься.
И бесом я у Фауста был;

Другим иначе я служил;
С людьми в пустыню шел спасаться;
В Ерусалим Готфреда рать
Водил неверных поражать;
Еще же прежде...

Юноша

Кто ж ты ныне?

Дух

Я был и буду друг людей.
Я жил с отшельником в пустыне,
Ел желуди, не спал ночей,
Мы с ним пороки поражали
И вместе тело бичевали,
И, в избавленье от грехов,
Я жег живых еретиков.
С ученым жил я в бедной келье;
В Амальфи роясь, весь в пыли,
Едва не плакал от веселья,
Когда пандекты мы нашли;
Я комментировал всю древность,
Всё разрывал, всё изучал,
И до того я простирал
В душе классическую ревность,
Что не считал я за грехи
Свои латинские стихи...
Кто я таков — когда узнаешь,
Меня полюбишь, приласкаешь;
Меня как хочешь назови:
Я простодушен, изворотлив,
Мот, скряга, пышен и расчетлив.
В век романтической любви
Я пел романсы трубадуром,
Вздыхал... Потом пришла пора,
Среди версальского двора
Явившись сахарным амуром,
Я в будуарах герцогинь
Ловил их взор, улыбку, ласки,—
Там пародировал я сказки
Про гомерических богинь.

Вокруг меня всегда роились
Толпы поклонников моих,—
Они все вдоволь насладились,
И, верь, я не обидел их:
Мои отшельники — святые!
Мои ученые нашли
Закон движения земли,
Нашли у древних запятые;
Мои питомцы удалые
Колумб, де Гама, Кук, Ченслор
Миры за бездной отыскали;
Мои вздыхатели вздыхали
И были счастливы: любовь
Моих версальских пастушков
Маркизы щедро награждали...
Явился к Фаусту бесом я —
Но сам ведь кинулся он к бесу,
Он стал допытывать меня —
С загадок сдернул я завесу,
И от меня он всё узнал,
Что после горько проклинал.
Итак, ты видишь, человека
Всегда, везде был другом я.
Я назову тебе себя,
Когда угодно, духом века:
Я тот могучий чародей,
Который мыслью вашей правит,
Возносит вас, честит и славит
И служит целью в жизни сей.

Юноша

Дух века?.. Что ж ты мне предложишь?..
Давно я голову ломал,
Но всё тебя не угадал.

Дух

Я знаю, ты себя тревожишь
Несвоевременной мечтой!
Что было раз, того в другой
Ты возвратить никак не можешь.

На мир ты дельно погляди
И хладнокровно рассуди:
Всё, до чего дошли науки,
То всё теперь дано вам в руки;
Искусство нынче не ново —
Не подивишь уж никого!
Притом статуи и картины
Теперь выводятся в гостиной,
Зачем им праздно там висеть?
Теперь совсем иное чувство
В нас услаждать должно искусство —
Нам мягко надобно сидеть...

Юноша

О, не кощунствуй над святыней!
Не станет муза вам рабыней!
Немногих избранных синклит
Зародыш творчества растит,
Руководимый к высшим целям...
В вас нет души... Вы хладный труп,
Не Пантеон вам надо — клуб,
И Гамбс вам будет Рафаэлем!

Дух

Не горячись. Дай кончить мне.
Притом пойми: кто может в море
Идти наперекор волне?..
Итак, вам незачем гоняться;
Вам стоит только наслаждаться
Тем, что вам создали века.
Открытий жажда устремляла
К опасным странствиям, бывало.
Теперь опасность далека:
Прорыты на реках пороги,
Вас паровоз и пароход
Повсюду дешево везет;
В горах проведены дороги,
Висят над безднами мосты...
Хоть тем у ваших путешествий
И отняты все красоты

Внезапных, странных происшествий,
Но уж зато вернетесь вы
Не своротивши головы
И сыты: скверного трактира
Теперь почти нигде уж нет...

Юноша

Блажен, кто мог увидеть свет!
Тот не вполне знал прелесть мира,
Кто на Неаполь не глядел
С высот, в часы вечерней тени;
Не знает тот, что может гений,
Кто мрамор Фидия не зрел;
Тот жил еще полудушою,
Кто посреди твоих могил
С тобой, о Рим, не говорил!

Дух

Всё это правда, и ценою
Мы купим всё не дорогою.

Юноша

А как, скажи-ка?

Дух

Не спеши,
Мы всё уладим, обещаю.
Но ты не слушаешь... О, знаю,
Что в глубине твоей души...

Юноша

Так ты до дел чужих охотник?

Дух

Твоя Мария...

Юноша

Знает всё!

Дух

Как мне не знать: я первый сплётник
И ex officio.[1] Ее
Я видел... Как она прекрасна!
Как небо южное, темны
Ее глаза — и смотрят ясно,
А как они оттенены
Ресницей длинной!.. А ланиты?..
Лучистый блеск разлит вкруг них,
С румянцем нежным чудно слитый...
А косы?.. Перед кем-то их
Она, о пышная сирена,
Распустит, черные как смоль,
Чуть не по самые колена...

Юноша

О демон, замолчи!

Дух

Изволь —
А ты бы шелк их благовонный
Мог, вынув гребень, рассыпать
И то вакханкой, то мадонной
Свою красотку убирать...

Юноша

О, нет, не мучь меня напрасно...
Да, я ее боготворил,
Но обладания желаньем
В своих мечтах не оскорбил.
Любовь я мерил лишь страданьем
И безнадежною тоской!

---

[1] По обязанности, по должности (лат.).— *Ред.*

Дух

Да, тут тебе расчет плохой.
Отец ведь из моих клиентов —
Ее без выгод не продаст:
Как капитал, он для процентов
Жидовских в рост ее отдаст.
Ведь женщин этаких нет боле:
Какая гибкая душа,
То с слабой, то с могучей волей...
Нельзя отдать без барыша!

Юноша

Оставь, оставь мой сон чудесный!
Пусть тихо спит моя любовь,
Пусть явится она мне вновь
Как призрак чистый, гость небесный!

Дух

Но к цели можно бы прийти.
Мы в честь войдем, богатства скопим:
На то есть разные пути...

Юноша

А совесть?..

Дух

Что ж!.. в вине утопим!
И что за совесть у него!
И что за слово? Для чего
Употреблять всегда его?
Одно понятие пустое...
Понятье можно ль запятнать?
Да кто поруку может дать,
Что есть понятие такое!
Всем благам есть один итог:
Набитый туго кошелек,
Сей ключ под все подходит двери;

Вес, слава, честность, прямота,
Великодушье, красота,
Честь, ум — или, по крайней мере,
Названье «умный человек» —
Всё купишь золотом в наш век...
Когда б на острове Марию
Ты видел с берега, ты к ней
Поплыл ли бы среди зыбей
Через неверную стихию,
Рискуя — или досягнуть,
Иль, захлебнувшись, утонуть?

Юноша

В нас сердце часто то решает,
Что не решим мы головой.

Дух

Но если голова узнает,
Что, не кидаясь в омут...

Юноша

Стой!
Давай мне золота...

Дух

Вот дело!
Вот мужа речь! Умно и смело!
Но ведь ты знаешь, никогда
Его не будет без труда,
Так выслушать имей терпенье
Теперь мое нравоученье.
Всегда, во-первых, в людях ты
Кажись героем правоты:
Где горд, где низок; ум и глупость,
Иль даже от природы тупость,
Показывай; здесь — ни гугу!
А там дай волю языку —
Льсти дуракам. А если встретишь

(Рыбак ведь виден рыбаку),
В ком цель такую же заметишь,—
Спеши опутать, сбить, связать,
Нельзя — то тотчас приласкать:
В порядке, мной теперь открытом,
Всё общим держится кредитом.
Друзья уж вынесут. Дадут
Тебе творить народу суд —
Вот тут-то знай стезю лукавых:
Тогда умей своей рукой
Закон то усыпить порой,
То пробудить. Громя неправых,
Неправду в тишине твори;
Придет ли мор — толпе радея,
Свои амбары отвори:
Одной рукой златницы сея,
Другой сторицею бери...
Умей загадочным казаться,
Открыто общим злом терзаться,
С слезой в очах, нахмуря лоб,
Чтоб подозренья успокоить,
Толкуй, как пылкий филантроп,
Что бедных надобно пристроить!
Тогда всему ты властелин!
Я приведу мильон примеров
Счастливцев всяких величин,
Больших и маленьких размеров.

Юноша

И я — я слушаю тебя!
Сношу твое я хладнокровье!
Прочь, прочь!

Дух

Красавица — твоя
Могла бы быть!

Юноша

Прочь от меня!..

Дух

Не нравятся мои условья,
Но из контракта своего
Не уступлю я ничего!..
Мне душу надо молодую,
Чтоб под дыханием моим
В ней доблесть таяла, как дым...
За то я золото дарую —
А ты так чванишься, чудак!

Юноша

И ты зовешься духом века!..

Дух

Я прежде действовал не так:
Мной говорил Платон, Сенека,
Мной вдохновлен был Аристид...

Юноша

И он, дух века, мне твердит,
Чтоб всё, что в мире есть святого,
Всё — душу, совесть, мысль и слово,
Мой образ божий — я разбил
И, лишь корыстью распаленный,
Союз позорный заключил
С толпой мерзавцев развращенной!..
О том ли говорил мне ты,
О голос матери-природы,
Питая пыл моей мечты
Величьем славы и свободы?..
Я голос сердца своего
Чтил гласом бога самого;
Любовь, и гордость, и отвага,
И независимость ума —
Моей души прямые блага...
Прочь, ядовитая чума!

Дух

Меня ты гонишь, но не бойся,
Я не сержусь.

Юноша

Змея, сокройся!

Дух

С тебя я глаза не спущу
И скоро снова навещу.

Юноша

Прочь, адский дух!..

1844

БАРЫШНЕ

«Вам — быть оракулом!»
(Petits jeux)[1]

Вас, ангел, реющий в гостиных,
Краса и диво наших зал,
Вас, примадонна игр невинных,
Наш лучезарный идеал,
Дерзаю робкими струнами
Я славить... Сердцем и душой
Благоговею перед вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: ваш стан так строен,
Так очи светлы, взор спокоен...

---

[1] Салонные игры (франц.).—*Ред.*

Так широко из-под кольца
На грудь, на плечи восковые
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу творца
И вашей маменьки искусству:
Так много вашим красотам,
Движеньям, взглядам и словам
Придать и грации, и чувства!
Она взрастила вас в тиши,
Храня от страшных бурь души,
Вам ум и волю заменяя,
За вас прочувствовать желая
Всё, чем нас губит жизнь, томит,
Хотя мгновенно веселит...
Так цвет изнеженной лилеи
Хранят в тепле оранжереи.
Его мороз не прошибал
И бурный ветер не сгибал,
Хотя не пил головкой жадной
Он утра свежести прохладной,
Не красовался он, блестя
Весь в каплях вешнего дождя,
Сквозь солнце вспрыснувшего поле...
Вы, нежась в сладостной неволе,
Лелея тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая ум мечтой
И жизнь себе изобретая...
И эта жизнь не шумный пир —
Особый, светлый, чудный мир:
Как в фантастическом балете,
Из-за прозрачной кисеи
Встают пред вами в тихом свете
Картины счастья и любви;
Среди волшебных декораций,
Средь групп эфирных нимф и граций,
Над урной спящих стариков,
Под сенью лотосных листов,
Огромных раковин, кристаллов
И фантастических кораллов,

Ковром душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не одни: крылатый гений
Ведет вас... Там сияет храм...
И тихо мраморных ступеней
Уже коснулись вы... И там
Священный жертвенник с цветами
Перед богинею возжжен...
Кто ж этот гений?.. Да! он, он!
Его я видел... Ведь он с вами
Вчера мазурку танцевал,
Разочарованным казался,
Так ус крутил, так зло смеялся,
Так всю вас взором пожирал,
Так крепко шпорами стучал...
Его я знаю; с уваженьем
Всегда внимаю я сужденьям
Его о винах и конях...
Счастливец! Он один виденьем
Мелькает в ваших легких снах...
Понятно мне, зачем бледнели,
Краснели вы пред ним, зачем
Вчера с таким вы чувством пели:
«Si tu savais, combien je t'aime!» [1]
Но, боже мой!.. вот туча всходит,
Я вижу, меркнет небосклон,
Виденье милое проходит,
Как мимолетный легкий сон...
Я вижу...
Тихо в вашей спальне
Проснулись утром вы, лежат
Вкруг вас цветы, убор ваш бальный,
Венок, браслет, и ваш наряд
Разбросан в милом беспорядке;
Уж вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется, вам сладко
Ночные грезы продолжать,

[1] «Если бы ты знал, как я тебя люблю!» (франц.).— *Ред.*

К груди подушку прижимая,
Бог знает что воображая,
Уста сжимать и разжимать...
Внезапным маменьки приходом
Всё прервано: целуя вас,
С вас не спуская зорких глаз,
Она вас спросит мимоходом:
«Как нравится тебе NN?»
Вы отвечаете наивно:
«Он в парике и препротивный!»
— «Умен...» — «Мамаша! Старый хрен!»
— «И добр...» — «И пахнет так духами!»
— «Богат и мил...» — «Богатство... вздор!»
— «Не стар и уж богат чинами...»
Короче, этот разговор
Такое кончит заключенье,
Что брак по страсти — заблужденье,
Что страсть пройдет, как метеор...
И правда!.. Вам потом одетой
Велят к обеду быть; жених
Вам привезет уже браслеты.
Пред ним бледнея каждый миг,
Ему вы будете сбираться
Сказать, во всем ему признаться;
Но недостанет силы в вас
Ему изречь простой отказ...
И вы поплачете немного...
Дня через три пройдет печаль;
Все скажут хором: «Слава богу!»
Никто про вас не скажет: «Жаль!»
Вам осенят венком цветущим
Из белых роз, обвитых плющем,
Широкий узел черных кос;
Все ахнут: «Как она прекрасна!»
И не заметят робких слез —
Слез Ифигении несчастной
Перед Калхасовым ножом...
Но это миг один... Потом
И вы привыкнете к супругу,
Как в детстве к нянюшке своей,
К его значенью, чину, кругу
Тяжелых, будничных идей;

Приняв восточную небрежность,
Вы девок станете ругать
И мужу каждый раз являть
В очах особенную нежность,
Когда он в службе отличен
Иль высших ласкою почтен;
Он на звезду свою укажет,
Прочтет патент и нежно скажет:
«Всё для тебя я» — и солжет...
В кругу хозяйственных забот,
За самоваром иль в гостиной,
Пленяя милой болтовней,
Смеяся шуточке невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вечно будете казаться
(Что свет про вас ни говори)
Созданьем розовой зари
И легкокрылого зефира,
И выше праха, выше мира!
Что мир вам? Грязная нужда
И нищета в лохмотьях бедных,
Толпа страдальцев, грубых, бледных,
С безумным взором, без стыда,
С клеймом насильного разврата,
С клеймом проклятья от собрата,
Чужда вам будет и чудна,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «То их вина...
Зачем они не соблюдали
Долг добродетели святой!»
С какою гордостью прямой
Себя бы с ними вы сравнили —
Хотя без нужды, без борьбы
Быть добродетельной купили
Вы златом право у судьбы...
Зато другие твари мира
В вас сострадание найдут
И даже слезы извлекут:
И в клетке птичка, дочь эфира,
И заяц жареный... Увы!

Невольно вспомните тут вы,
Что он тот самый, что пугливо
Дорогу вам перебегал,
Пугал вас в роще, торопливо
Скакнув из листьев, и нырял
В златистом море пышной нивы.
И что ж! сгубил его тиран,
Убийца тварей беззаботных...
Так вы в страданиях животных
Прочтете истинный роман,
И в жизни, полной тихой лени,
В вас успокоится на миг
Потребность сильных ощущений,
Источник болей головных.

Но тут не всё. Неся условья,
Оковы среднего сословья,
Вы не сроднитесь с ним душой:
Читать вы будете порой
Романы из большого света,
И на себе их примерять,
И в новых формах этикета
Его свободу применять...
Средь жизни мирной, жизни чинной,
Благопристойной и невинной,
Желая душу отвести,
Следить вы будете упрямо
Траги-нервические драмы,
Симпатизируя вполне
(К досаде нежного супруга)
С печальной ролью jeune premier,[1]
Как он, обманывая друга,
Питает страсть к его жене.
И тайна их вас всю заманит,
И, их успехом дорожа,
Когда супруг их вдруг застанет,
Вы вскрикнете — за них дрожа...

Потом услышите случайно,
Что ваша милая Мими

[1] Первого любовника (франц.).— *Ред.*

Являлась в маскараде тайно
И с незнакомыми людьми,
Особенно с одним гусаром,
Ходила под руку и с жаром
С ним говорила; и потом
Он втерся кое-как в их дом;
И поутру, как мужа нету,
С визитом к ней являться стал,—
Вкруг вас, как будто по обету,
Восстанет целый трибунал:
В величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, как гром,
Вы страшным грянете судом
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократ,
Когда свет истины суровой
Не потревожит сна тупого,
Которым чувства ваши спят;
Когда, с пелен не знавши жизни,
Весь век лишь призраки ловя,
Во гроб сойдете не живя,
Без слез, без горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдруг,
Что были вы товаром торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясений жадный дух
И ваши девственные ласки
Служили красною ценой
За мужнин сан, балы, коляски
И ваш искусственный покой,
Всей вашей жизни машинальность,
Проделки ласки должностной,
Приличий вечных театральность
Вы вдруг постигнете душой...
Придут часы тяжелой муки,
Вы, сжав уста, ломая руки,
Воскликнете: «Я не жила!
Что богом мне дано на долю —
Всё — ум, подавленную волю —
Другим на жертву предала!

За то, чтоб светской черни лепет
Не очернил меня шутя,
Душила в сердце страсти лепет,
Как незаконное дитя...
Хотя б узнать любви томленье!
Хотя б изведать, хоть на миг,
Страданья страстного сомненья!..
Хотя бы слышать страсти крик
Хоть раз, в устах неподавленный...
Хоть миг один, чтобы узнать,
Зачем страдать, за что страдать!..»
И взор, мгновенно оживленный,
Вослед отчаянья сверкнет
Вдруг воли вспышкою — и вот
С престола долга и приличья,
Где вы сияли без пути
В своем бессмысленном величье,
Вы рады будете сойти...
Но это миг... И страшно станет...
И взор испуганный отпрянет,
Как бы от бездны под ногой...
И ночь в бесплодной агонии
Пройдет опять... И вот с зарей
Лучи рассвета голубые,
Сливаясь с вспышкой золотой
Ночной лампады, как статую,
Без жизни, скорбную, немую,
Сквозь окон озарят ваш лик...
Склоняся к креслам головою,
С упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сон ваш дик
И смутен, в сердце кровь вскипает,
По членам холод пробегает...
Открылась дверь; явился вдруг
Ваш возвратившийся супруг
С официальной ассамблеи,

. . . .

«Ах, душенька, ты не спала?»
И вы, открывши взор свой влажный,
Ему промолвите, протяжно
Зевая: «Всё тебя ждала...»

Потом?
Потом... какой развязки
Еще вам ждать от этой сказки?..
Потом, во славу небесам,
Войдет всё в путь обыкновенный:
Опять придется вечно вам
Смеяться шуточке почтенной,
Терпеть нарядного шута,
Карать порок судом гостиным,
Когда он деньгами иль чином
Не откупился от суда...
Потом?

Потом на ум, на чувство
Дремота ляжет, как дурман,
И даже нравиться искусство
Вам опостылит. На диван
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкруг вас усядутся рядком,
Как пред японским божеством,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевных бурь пройдет и след,
И страсти уж навек уймутся,—
И цепи снова вам придутся,
Как ловко скроенный корсет.

1846

ДУРОЧКА

Идиллия

Всем довольна я, старушка,
Бога нечего гневить!
Мир в семье; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня семья большая;
Детки вкруг нас, стариков,
Словно роща молодая
Вкруг дряхлеющих дубков...

Но, как в ясном небе тучка,
К нам одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здравого понятья
Не имела; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмиг всё в пятнах, хоть бросай!

Благородные девицы
К нам приедут. «Да поди! —
Говорю.— Там все сестрицы;
Только так хоть посиди!»

«Нет уж, бабушка, мне с ними
Делать нечего!» — «Как так?»
— «Что мне с этакими злыми...»
И забьется на чердак.

Только встала — полетела!
Всю деревню обежит!..
Это — первое ей дело,
Всё друзья ведь,— просто стыд!

Свадьба ль в доме — всё равно ей;
Посетит ли смерть кого —
С мертвецом в одном покое
Ляжет спать — и ничего!

Мать учить начнет, бывало,
Говорит, подчас и бьет —
Как к стене горох! Нимало
То есть ухом не ведет.

Ну, ее за то ж и гнали;
Вечно с нею воркотня;
На хлеб, на воду сажали...
Баловала только я —

И она как будто чует
И ко мне одной идет:

Обойму ее — целует,
Руки крепко, крепко жмет,

Надорвет мое сердечко...
«Ох ты, бедная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Как у вас хватает духу
Гнать бедняжку?» — говорю;
Да не слушают старуху,
Сколько я их ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Нянчить маленьких детей;
Всё им сказки говорила
Про русалок да князей.

Где слова тогда берутся!
И дрожит сама-то вся;
Дети так и разревутся,
И унять потом нельзя.

В снег — на улицу, и скачет!
А возьмут ее домой —
В угол спрячется и плачет...
Дом ей словно как чужой.

Всё бы в лес! Весною хлеба,
Круп с собою наберет,
Станет в поле, смотрит в небо,
Журавлей к себе зовет.

Мы видали, к ней станицей
Птица всякая летит,
И она ведь с каждой птицей
Особливо говорит...

Порча ль тут была от детства,
Или разум уж такой —
Все мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видим, нет уж в ней пути.
Что лечить тут? Против бога
Человеку не идти.

Докторов иных бы нужно —
Повести бы по мощам...
Ну, да летом недосужно —
Жатва, севы — знаешь сам!

Вот и вышло: летом стала
Пропадать она по дням.
Спросим: «Где ты пропадала?»
Вздор рассказывает нам —

Что была она далеко,
В неизвестных сторонах,
Где зимы нет, где высоко
Горы в самых небесах;

Что у моря там зеленый
Вечно лес растет; что там
Зреют желтые лимоны
По высоким деревам;

Что там город есть великий,
Где рабы со всяких стран;
Царь в том городе предикий
И гонитель христиан;

Что он травит их там львами,
Чтоб от веры отреклись;
Что их кровь течет ручьями —
А они всё не сдались;

Что там чудные чертоги,
Разноцветных храмов ряд,
Где всё мраморные боги
Лет две тысячи сидят;

Вавилонская царица
Там какая-то жила,

И языческая жрица
Сожжена огнем была;

Да безумная невеста...
Но всего не передать;
Есть ли где такое место,
Не могу тебе сказать...

Только видим — девка бредит!
Уверяет, что сама
В этот край совсем уедет,
Только вот придет зима.

Между тем прошла уж осень,
Дуня что-то всё молчит,
Целый день между двух сосен,
По дороге в лес, сидит.

Мать журила, запирали,
Да ничто неймется ей!
Раз ушла она; мы ждали —
Нет. Уж поздно. Мы за ней

Разослали по соседям —
Нет нигде! Дней пять прошло;
Как-то с сыном лесом едем:
Снег в лесу-то размело...

«Взглянь-ко,— говорю я,— Саша,—
А сама-то вся дрожу,—
Что там? Уж не Дуня ль наша?»
Так и есть, она!.. Гляжу —

К старой сосенке прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крепким сном она спала...

Я вот так тут и завыла!
Точно что оторвалось
От души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

После всё уж мы узнали:
К нам в соседство той весной
Граф с графиней приезжали
Из чужих краев домой.

У графини, видишь, деток
Был всего один сынок;
С нашей был он однолеток —
Так, пятнадцатый годок.

С ним-то наша и сошлася,
Да, как глупое дитя,
Всяких толков набралася
Про заморские края.

И когда графиня снова
Поднялася в свой вояж,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда ж!

Где же ей пройти лесами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снегами...
Так уж, видно, суждено.

Не жилось ей, знать, на свете...
Бог недолго жить дает
Юродивым: божьи дети —
Прямо в рай он их берет.

Без нее же запустенье
Стало вдруг в семье моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути в ней было мало
И вся жизнь ее был бред,
Без нее ж заметно стало,
Что души-то в доме нет...

1853

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

*Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову,
А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину,
А. И. Халанскому и всем понимающим дело*

Себя я помнить стал в деревне под Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом речь ведем...
С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще хранится...
В столицу приведен насильно точно я;
Как будто, всем чужой, сижу на чуждом пире,
И, кажется, опять я дома в божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я поднялся,—
Откинешься на луг и смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не сомкнет...
О, чудный сон! душа бог знает где, далеко,
А ты во сне живешь, как всё вокруг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горожане...
И странствовать в лесу, поднявшися с зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний зной —
Им дико кажется, и всякий раз я знаю,
Что, если с вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «Грешно, мол, для поэта
Позабывать Парнас и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон прогнать,
Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!

Лесистых берегов обрывы и изгибы,
Как зеркалом, водой повторены. Везде
Полоски светлые от плещущейся рыбы
Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
Смотрю — усач солдат сложил шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. «Пришли побаловать
Маленько»,— говорит. «Нет, клев-то как,
служивый?» —
«А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,
Что в час-от на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное: там скат
От самых камышей и мелкие каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи рыбаки уж тут давно: вон с челном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за́ другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, снетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и, трепеща,
Все смотрят на него в каком-то страхе чутком:
Он, в обе руки взяв, на удилище гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся
И вдруг взмахнул хвостом — испуганный, рванулся.
«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... Дрожь вчуже пробирает!..

А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Тащу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норов щук,
Другую удочку за тою же травою
Тихонько завожу и жду едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуяся от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не плачу,
Кляну себя, людей и мир за неудачу
И как на угольях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярки горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого всё злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался вёсел плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ, ни щука!
Вот если бы чем свет забраться в тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то почти к воде припавши... Тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького плота,

И громкий переклик несется на водах
О всех событьях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,
Меж тем как из лесу чуть слышным ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовию в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с вами!
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! Добрый сон!.. Уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Всё катится вода огнистыми струями
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно, сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной солью,
Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не вспорхнет,—
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал всё сильней,
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;

Но окунь — видно, стал бодрее с холодком —
Со дна и по верху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! И в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью ясной,
Две щуки на снурке, вхожу я с торжеством
И криком все меня встречают: «Ах, несчастный!..»

Непосвященные! Напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщил к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков:
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов,
Таинственностью дух питай в святой пустыне!
Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой осоке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись со мной;
Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей, и, усадив за ольхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как родится новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с богом говори!
Да просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К серебристой старости, был весел, как дитя!

1855

ТРИ ПРАВДЫ

Сказка

Именитый жил купец на свете.
Вышел раз он в сад после обеда,
А в саду для птиц стояли сети;
Видит он, что в сеть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти с наперсток.
Он из сети высвободил птичку,
В руки взял, и что же — птичка
Говорит ему по-человечьи:
«Отпусти-ка ты меня, хозяин,
Я тебе за то скажу три правды.
С этими ты правдами на свете
Наживешь и денег и почету,
И на зависть всем пойдешь всё в гору!»
«Чудеса господни, да и только! —
Думает купчина.— Эко диво!
Говорит по-человечьи птица!»
«Хорошо,— сказал он ей,— посмотрим,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дело — выпущу на волю».

«Ну, так слушай,— молвила пичуга: —
Плачь не плачь, что было — не воротишь;
Не тянись за тем, что не под силу;
И не верь чужим словам и толкам!
Вот тебе и все мои три правды».

«Ну,— сказал купец,— оно не много,
И в торговле — тертая монета!
Плачь не плачь, что было — не воротишь;
Где ты, значит, лишнее просадишь,
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за ум, за разум,
Да гляди уж в оба: знаем это!
Не тянись за тем, что не под силу:
Мало ль тут у нас ошмыг-то ходит!
Торговал лет двадцать, сбил копейку,
Да и ухнул, за рублем погнавшись —
Не учить нас стать и этой правде!

А — *не верь людским словам и толкам:*
Уж на что ж еще и поддевают
Дураков из нашенского брата!
Нет уж, не сули орлицу в небе,
А подай ты мне синицу в руки —
Мы на этом, тетка, зубы съели!..
Ну, так как же! что с тобой мне делать?
Ты сама-то проку небольшого —
Аль пустить уж уговора ради?
Ну, ступай себе, господь с тобою!»

И пустил купец на волю птичку;
Заложил сам за спину он руки
И пошел тихонько по дорожке.
Только птичка всё над ним летает,
Под носом шмыгнет, на ветку сядет
И звенит-гремит, что колокольчик,
И, выходит, словно как смеется.
«Ты никак,— купец спросил,— смеешься?»

«Ничего! — пичуга отвечала.—
Я смеюсь на вашу братью глядя.
Вот хоть ты: будь на волос умнее,
Ты бы первый был богач на свете;
Если б ты моих не слушал басен,
А пошел да распорол мне брюхо,
Ты во мне нашел бы бриллиантик —
Не соврать-сказать — величиною
Что яйцо куриное! не меньше!
А о том ведь только, чай, и мысли,
Чтоб весь свет в мошну к себе упрятать!
За умом, знать, только дело стало!»
У купца аж ноги подкосились.
Весь сомлел и руки растопырил.
Как же так дал маху! ах, мой боже!
Как-нибудь поправить надо дело;
Вот и стал он к птичке подступаться:
Речь повел сторонкой, осторожно,
Будто сам с собою рассуждает:
«Я дивлюсь и вашей братье, птице,—
Что за радость жить вам по-цыгански!

Ну, куда ни шло еще, как лето;
А как осень завернет, да стужа!
На дожде промокнешь и продрогнешь!
На морозе и совсем замерзнешь!
То ли дело у меня в хоромах!
И питье и корм — всё даровое!
По зиме натопим жарко печи —
И живи, что в царствии небесном!
Право, ты ведь умница, пичужка,
Рассудить могла бы не по-птичьи!»

А пичуга пуще заливалась:
«Ах, купец, купец ты именитый!
Брюхо нажил, да ума не нажил!
На словах, поди ты, что на гуслях,
А на деле — хуже балалайки!
Сам твердил сейчас мои три правды:
Плачь не плачь, что было — не воротишь —
Упустил меня и уж горюешь!
С горя все дела, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тем, что не под силу:
А ко мне как начал подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебе представить —
Капитал ему по капле спустишь!
Сам *людским смеялся толкам глупым* —
Моему же, птичьему, поверил:
Ну, какой во мне быть может камень —
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умник!
А ведь сам в руках держал и видел —
Вся-то я не более наперстка!»

Обругал купец пичугу, плюнул,—
Увидал, что в дураках остался!
Двадцать лет молчал про этот случай,
Рассказал почти что перед смертью,
Под хмельком, у внучки на крестинах.

1861

КАРТИНКА

(ПОСЛЕ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.)

Посмотри: в избе, мерцая,
Светит огонек;
Возле девочки-малютки
Собрался кружок;

И, с трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя.

Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат;
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят.

Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь.

Даже, с печи не слезавший
Много-много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.

Что ж так слушают малютку,—
Аль уж так умна?..
Нет! одна в семье умеет
Грамоте она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть.

Самой вести смысл покамест
Темен им и ей,
Но все чуют над собою
Зорю новых дней...

Вспыхнет, братья, эта зорька!
Тьма идет к концу!
Ваши детки уж увидят
Свет лицом к лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдет могуч!
Вещим оком я уж вижу
Первый светлый луч.

Он горит уж на головке,
Он горит в очах
Этой умницы малютки
С книжкою в руках!

Воля, братья,— это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день.

28 февраля 1861

ПОЛЯ

В телеге еду по холмам;
Порой для взора нет границ...
И всё поля по сторонам,
И над полями стаи птиц...

Я еду день, я еду два —
И всё поля кругом, поля!
Мелькнет жилье, мелькнет едва,
А там поля, опять поля...

Порой ручей, порой овраг,
А там поля, опять поля!
И в золотых опять волнах
С холма на холм взлетаю я...

Но где же люди? Ни души
Среди безмолвных деревень...

Не верится такой глуши!
Хотя бы встреча в целый день!

Лишь утром серый четверик
Передо мною пролетел...
В пыли лишь красный воротник
Да черный ус я разглядел...

Вот наконец бредет старик...
Остановился, шляпу снял,
Бормочет что-то... «Стой, ямщик!
Эй, дядя! С чем господь послал?»

«Осмелюсь, барин, попросить —
Не подвезете ль старика?»
— «Садись! Зачем не услужить!
Услуга ж так невелика!

Садись!» — «Я здесь, на облучок...»
— «Да место есть: садись рядком!»
Но тут уж взять никто б не мог:
Старик уперся на своем;

Твердил, что в людях он пожил
И к обращению привык,
И знает свет; иначе б был
«Необразованный мужик»!

У старика был хмурый вид,
Цветисто-вычурная речь;
Одет был бедно, но обрит,
И бакенбард висел до плеч.

«Я был дворовый человек,—
Он говорил, — у князя Б.!
Да вот, пришлось кончать свой век
На воле! Сам уж по себе!»

«И слава богу!» — «Как кому!
И как кто разумеет свет!
А по понятью моему,
От всей их воли — толку нет!

Еще я нонешних князей,
Выходит, дедушке служил...
Князь различать умел людей:
Я в доме, может, первый был!

Да вот, настали времена!
Теперь иди, хоть волком вой!
Стара собака, не годна,
Ест даром хлеб,— так с глаз долой!

Еще скажу: добры князья!
«С тебя оброку не хотим;
А хочешь землю, мол»,— так я:
«Покорно вас благодарим!»

Жаль их самих!» И тут старик
Повел рассказ, как врозь идет
Весь княжий двор: шалит мужик,
Заброшен сахарный завод,

Следа уж нет оранжерей,
Охота, птичник и пруды,
И все забавы для гостей,
И карусели, и сады —

Всё в запущеньи, всё гниет...
Усадьба — прежде городок
Была! Везде присмотр, народ!
И пей и ешь! Всё было впрок!

«Да, вспомянешь про старину! —
Он заключил.— Был склад да лад!
Э, ну их с волей! Право, ну!
Да что она — один разврат!

Один разврат!» — он повторял...
Отживший мир в его лице,
Казалось, силы напрягал,
Как пламя, вспыхнуть при конце...

«Вот парень вам из молодых,—
Сказал он, кинув грозный взгляд

На ямщика.— Спросите их,
Куда глядят? Чего хотят?»

Тот поглядел ему в лицо,
Но за ответом стал в тупик.
Никак желанное словцо
Не попадало на язык...

«Чего?..» — он начал было вслух...
Да вдруг как кудрями встряхнет,
Да вдруг как свистнет во весь дух,—
И тройка ринулась вперед!

Вперед — в пространство без конца!
Вперед — не внемля ничему!
То был ответ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

Но мы неслись, как от волков,
Как из-под тучи грозовой,
Как бы мучителей-бесов
Погоню слыша за собой...

Неслись... А вкруг по сторонам
Поля мелькали, и не раз
Овечье стадо здесь и там
Кидалось в сторону от нас...

Неслись... «Куда ж те дьявол мчит!» —
Вдруг сорвалось у старика.
А тот летит, лишь вдаль глядит,
А даль-то, даль — как широка!..

1861

БАБУШКА И ВНУЧЕК

В святцах у бабушки раз
Внучек цветок увидал;
«Тут сувенирчик у вас,—
Он, улыбаясь, сказал,—

Что, если б он говорил?
    Может быть, целый роман
Мне бы теперь он открыл...
    Был бы и муж там тиран,

Ночь, соловей и луна,
    Быстрый свидания час...
Было — и в те времена —
    Много, чай, всяких проказ?..»

«Грех над старухой шутить...—
    Бабушка внучку в ответ,—
Кто ж бы еще подарить
    Мог мне его, как не дед?»

«Дедушкин это цветок? —
    Внучек опять.— Признаюсь,
Вот угадать бы не мог!
    Дедушка! Этакой туз!»

«Молод покойничек был!..
    Ну, да и я-то тогда...
В мыслях-то ветер бродил!
    Тоже была молода...

Ездили раз мы весной,
    В ранний улов стерлядей,
К мельнице нашей лесной...
    Батюшка... Много гостей...

Я и стою на мосту;
    Вкруг молодежь мне поет
Всё про мою красоту.
    Что тут на ум не взбредет.

Мельница так и дрожит;
    Омут-то в пенных буграх
Ходенем ходит, кипит,
    Так что и вспомнить-то страх!

В воду и кинь я цветок!
    «Кто,— говорю я,— спрыгнёт

С мосту отсюда в поток
И мой цветок принесет,

Тот мне и есть кавалер!»
Все засмеялись вокруг,
Только один офицер
С мосту-то прямо и — бух!

Я обомлела. Народ
Бросился к лодкам, к реке...
Только глядим — он плывет,
Держит цветок мой в руке...

Мне подает: я готов
Жизнь, мол, за вас положить!..
Вот молодец был каков!
Да, не любил он шутить!

Дедушку я твоего
Тут и узнала тогда...
Так и пошла за него...
Был человек это!.. Да!..

Старого века кремень!
Барин он был матерой!
Сёл что имел, деревень!
Видный, красавец собой,

Соколом ясным ходил!
Первым везде был лицом!
Что он народу кормил,
Ну да и сам жил царем...

В гости ль меня вывозил —
В золото, жемчуг, атлас,
Словно царицу, рядил,
Словно как вез на показ!

Серый лихой шестерик
Держат едва под уздцы...
Кучер был сила мужик!
И гайдуки молодцы!

И, как жила я за ним,
    Тронуть меня уж не смей
Кто хоть бы словом худым:
    Со свету сгонит — ей-ей!

Да, это был человек!..
    Нынче и род уж не тот!
Нынче — не тот уж и век!
    Мелкий пошел всё народ!..»

«Бабушка! — внучек прервал.—
    Я от самих стариков
Часто про деда слыхал:
    Он не совсем был таков!

Был он — надменный богач!
    Жил — азиатским пашой;
Сам и судья, и палач,
    Ночью езжал на разбой;

И в душегубстве не раз
    Был по суду обвинен...
Правда, в то время у нас
    Знатному что́ был закон!

Пьянство и ночью и днем!
    В доме жил целый гарем!
Вы же — всю жизнь под замком
    В страхе дрожали меж тем.

Вас-то он будто любил!
    Боже мой! Он, как злодей,
Вашу всю жизнь загубил,
    Вас загубил и детей!

Месяц иль два присмирев,
    Первой-то страстной порой,
Ласков был с вами, как лев
    С львицей своей молодой!

Ну, а как душу отвел...
    Бабушка! сердце во мне

Рвется при мысли — что́ зол
    Вынесли вы-то одне!

Верьте, люблю я, как мать,
    Вас за страдальный ваш век...
Что ж от меня вам скрывать!
    Дед был — дурной человек!..»

Бабка трясет головой,
    Шепчет на речи его:
«Что говорить мне с тобой!
    Ты не поймешь ничего!»

Вяжет старушка чулок,
    Вяжет чулок и молчит,
И на засохший цветок
    Нежно порою глядит...

Смотрит на бабушку внук...
    Он изумлен, что у ней
Слезы закапали вдруг
    Тихо из тусклых очей...

В жизни дитя — не умел
    Сердце еще он понять!
Он испытать не успел,
    Как оно может прощать!

Как из-за прошлых скорбей,
    Их разгоняя, что тьму,
Сладкий лишь миг всё ясней
    Издали светит ему;

И, как святой идеал,
    Образ рисует того,
Кто это сердце терзал,
    Кто так измучил его!..

1857

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

Давно в тумане предо мной,
Блестящей точкою горя,
То над леском, то над горой
Светился крест монастыря.

И вдруг — обрыв! И вот — река
В тени высоких берегов
Бежит, подернута слегка
Отливом красных облаков.

И на откосе меловом
Открылась старая стена
С безглавой башней, как огнем,
Закатом дня озарена.

Прохлада веет над рекой,
Струясь за резвым ветерком,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паром.

Вот монастырь... Следы ль осад,
Пищалей, приступов к стенам,
В кирпичных грудах что лежат,
Поросши лесом, здесь и там?..

Лампада у ворот горит
Пред полинялым образком;
Монах, седой старик, сидит
У кружки под двойным замком,

Сидит и смотрит, как ползут
Мои лошадки по горе...
«Что, отче честный, есть ли тут
Что посмотреть в монастыре?»

«А посмотри! Запрету нет!
Что есть — увидишь,— молвил он,—
Да что смотреть-то! Сколько лет,
Как монастырь уж упразднен.

Святыню вывезли... Живем
Мы вот одни давненько тут
С отцом Паисием и ждем,
Аль нас куда переведут,

Аль здесь помрем... Я вот с ногой
Изныл. Ломота извела.
Лечился летось у одной
Старушки: нет, не помогла!

Войди в калитку-то, смотри!» —
Мне указал на дверь старик,
А сам спешил в лучах зари
Еще погреться хоть бы миг.

Бедняк! Едва ль не прав был он!
Смотреть не много было, нет!
Кой-где следы витых колонн,
Письма и позолоты след.

Все церкви в землю повросли,
Кругом забиты двери их...
Зато, что кудри, до земли
Висели ветви ив густых...

А дом, где кельи,— как скелет,
За бледной зеленью стоит,
И в острых окнах стекол нет,
И грустно мрак из них глядит...

Лишь бродит вкруг голодный кот,
Над ним, несясь стрелы быстрей,
Кружатся ласточки, вразброд
Гуляет стая голубей,—

Всё тихо валится кругом...
Еще пройдет немного лет,
И стены продадут на слом,
И старины пройдет и след...

Смотреть не много... Что ж из них,
Из этих камней говорит
Моей душе? И шаг мой тих,
И сердце так в груди стучит?

Святыню вывезли... Но нет,
Не всю!.. Нет, чувствую, живут
Мольбы и слезы, столько лет
От сердца лившиеся тут!

Я живо вижу, как сюда
Пришел спасаться муж святой
В те времена еще, когда
Кругом шумел здесь бор густой

И, вековым объята сном,
Вся эта дикая страна
Казалась людям — волшебством
И чародействами полна.

И келью сам в горе иссек,
И жил *пустынным житием*
В той келье божий человек,
На козни беса глух и нем.

И, что свеча в ночи горит,
Он в этом мраке просиял,
Учил народ, устроил скит,
И утешал, и просвещал...

И вот — вкруг валятся леса!
И монастырь здесь восстает...
Над гробом старца чудеса
Пошли твориться... И растет

За храмом храм, встает стена,
Встает гостиниц длинный ряд,
И в погреба течет казна,
И всюду труд, и всюду лад!

Идут обозы вдоль горы;
Хлопочет келарь, казначей...
Варят меды, творят пиры,
Всечасно братья ждет гостей...

А эти гости — то князья,
В Орду идущие с казной...

То их княгини, их семья,
В разлуке плачущие злой...

И черный люд, безвестный люд
Со всей Руси идет, бредет...
В грехах все каяться идут —
Да страшный гнев свой бог уймет...

Идут — с пожарищ, с поля битв,
Ища исходу хоть слезам
Под чтенье сладостных молитв,
Под пенье ангельское там...

И в темных маленьких церквах
Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах —
Сердец скорбящих чистый дар...

Вот едет новый караван...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдван...
С крестами клир идет встречать.

С потухшим оком, бледен, худ,
Выходит, думой обуян,
Здесь панихидой кончить суд,
Кровавый суд свой, царь Иван...

Ударил колокол большой —
И двери царские в алтарь
Пред ним раскрылись, и, больной,
Повергшись ниц, рыдает царь...

И, глядя, плачут все вокруг...
Но многолетье кончил клир,
И ждет царя и царских слуг
В большой трапезной светлый пир...

Но царь на светлый пир нейдет.
Один, он в келье заперся...
Он ест лишь хлеб, он воду пьет,
И весь он богу отдался...

Вот на обитель сходит сон;
Один лишь царь не знает сна...
Всё ходит он, всё пишет он
Им побиенных имена...

Всё кровь... А тут — покой кругом!
Главу обитель вознесла,
Что тихий остров на мирском
Многомятежном море зла...

Принять бы схиму здесь... Лежать
Живым в гробу, а над тобой
Монахи будут возглашать:
«Раба Ивана упокой...»

Всё суета!.. И как видна
Она из гроба-то!.. А тут
Что в царстве будет? Вся страна
Взликует! Скажут: царь был лют!

Измена встанет! Зашумят
Опять бояре, города...
Найдется царский брат иль сват,
Мой род зарежет... Что тогда?

И дух его, как ворон злой,
По всей Руси витать пошел
И ищет: где он, недруг мой?
Где смута? Где гнездо крамол?

Зовет на суд он города,
Живых и мертвых он зовет,
И, вновь для грозного суда
Готовый, мысль в душе кует,—

Кует он мысль, как бы сплотить
Всю Русь в одно, чтоб ничего
Не смело в ней дышать и жить
Без изволения его...

А ночь меж тем над Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что царь замыслил в этот час?..

И, чуть звонят, народ — во храм,
Вопит, как жаждущий в степи:
«Когда ж, господь, конец бедам!»
И клир в ответ ему: «Терпи!»

Терпи!.. И вытерпела ты,
Святая Русь, что посылал
Тебе господь — все тяготы
Насильств, и казней, и опал...

Тяжелый млат ковал тебя
В один народ, ковал века,—
Но веришь ты, что бог любя
Тебя карал,— и тем крепка!

И вот — теперь... «Что?» — опросил
Меня монашек у ворот.
«Нет, ничего!.. я говорил!..»
— «А знатный был, молва идет,

Наш монастырь-то в старину!..»
— «А упразднен-то он зачем?»
— «Да стало братьи мало... Ну...
И оскудели житием!

Уж против прежнего — где нам! —
И вдруг, как будто спохватясь:—
Да ты по службе тут аль сам?»
—«Сам, сам!»—«Ну, то-то, в добрый час!..»

1860

ПЕСНИ

У ворот монастыря
Пел слепец перед толпою,
Прямо в солнце взор вперя,
Взор, покрытый вечной тьмою.

Слеп рожден, весь век в нужде,
Пел он песнь одну и ту же,
Пел о Страшном он Суде,
Пел о Злом и Добром Муже.

Чужд живущему всему;
Только славя суд господний,
Населял свою он тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышал он во мгле
Вздохи, плач и скрежет зубный,
Огнь, текущий по земле,
И по небу голос трубный.

И напев его гудел
Далеко трубою медной,
И невольно вкруг робел
Стар и млад, богач и бедный.

Кончил старец; а народ
Всё вокруг стоит в молчанье;
Всех томит и всех гнетет
Мысль о страшном покаянье...

Только вдруг из кабака
Скоморох идет красивый,
Выбирая трепака
На гармонике визгливой;

Словно ожил вдруг народ,
Побежал за ним гурьбою...
Смех и пляски — в полный ход!
И слепец забыт толпою.

Возроптали старики:
«Эка дьявольская прелесть!
Сами лезут, дураки,
Змею огненному в челюсть!»

Слышит ропот их слепец:
— «Не судите,— молвит,— строго!
Благ — небесный наш отец:
Смех и слезы — всё от бога!

От него — и скорбный стих,
От него — и стих веселый!
Тот спасен, кто любит их
В светлый час и в час тяжелый!

А кто любит их — мягка
В том душа и незлобива,
И к добру она чутка,
И растит его, как нива».

1860

ДВА БЕСА

В скиту давно забытом, в чаще леса,
Укрылися от бури, в дождь, два беса,—

Продрогшие, промокши от дождя,
Они тряслись, зуб с зубом не сводя.

Один был толст, коротенькие ножки,
А головою — смесь вола и кошки;

Другой — высок, с собачьей головой,
И хвост крючком, сам тонкий и худой.

Тот, как вломился, и присел у печки,
И с виду был смиреннее овечки;

Другой зато метался и ворчал
И в бешенстве зубами скрежетал.

«Ну уж житье! — ворчал он.— Мокни, дрогни,
И всё одно, что завтра, что сегодни!

Ждать мочи нет! Уж так подведено,
Что, кажется, всё рухнуть бы должно,—

Ан — держится! — Он плюнул от досады.—
Работаешь, и нет тебе награды!»

Толстяк смотрел, прищуря левый глаз,
Над бешеным товарищем смеясь,

И молвил: «Эх, вы, бесы нетерпенья!
Такой ли век теперь и поколенье,

Чтоб нам роптать? Я каждый день тащу
Десяток душ — сам цел и не грущу!

То ль было прежде? Вспомни хоть, как секли
Святые нас! Здесь выпорют, а в пекле

Еще потом подбавят, как придешь!
И вспомнить-то — кидает в жар и дрожь!

На этом месте, помню я, спасался
Блаженный. Я ль над ним не постарался!

Топил в болотах, по лесам
Дней по пяти кружил; являлся сам,

То девицей являлся, то во звере —
Он аки столб неколебим был в вере!

Я наконец оставил. Заходить
Стал так к нему, чтобы поговорить,

Погреться. Он, бывало, тут читает,
А я в углу. И вот он начинает

Мне проповедь: не стыдно ли, о бес,
Ты мечешься весь век свой, аки пес,

Чтоб совратить людей с пути блаженства!..
Ах, говорю я, ваше, мол, степенство,

Чай знаете, я разве сам собой?
У каждого у нас начальник свой,

И видишь сам, хоть из моей же хари,
Какая жизнь для подначальной твари!

Да я б тебя не тронул и вовек,—
Ан спросят ведь: что, оный человек

Сияет всё еще, свече подобно?
Да на спине и выпишут подробно,

Зачем еще сияет!.. Вот и знай,
И нынешний народ ты не ругай!

Где к кабаку лишь покажи дорогу,
Где подтолкни, а где подставь лишь ногу —

И все твои!..» — «Эх, вы,— вскричал другой,—
Рутина! Ветошь!.. Век бы только свой

Вам преть вокруг купчих, чтоб их скоромить
Иль дочек их с гусарами знакомить!

Не то уж нынче принято у нас:
Мы действуем на убежденья масс,

Так их ведем, чтоб им ни пить, ни кушать,
А без разбору только б рушить, рушить!

В них разожги все страсти, раздразни,
Все заповеди им переверни:

Пусть вместо «не убий» — «убий» читают
(Седьмую уж и так не соблюдают!).

«Не пожелай» — десятая — пускай
Напишут на скрижалях: «пожелай»,—

Тут дело о принципах. Пусть их сами
Работают, подтолкнутые нами!

Об нас же пусть помину нет! Зачем!
Пусть думают, что нас и нет совсем,

Что мы — мечта, невежества созданье,
Что нам и места нет средь мирозданья!

Пусть убедятся в этом... И тогда,
Тогда, любезный друг, придет чреда,

Мы явимся в своем природном виде,
И скажем им: „Пожалуйте“»...

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку всё сказанное мной,—

Напрасно! Видел всё и слышал это
Один семинарист. Он шел на лето

Домой, к отцу,— но тут главнейше то —
Он, в сущности, не верил ни во что

И — сапоги на палке — шел, мечтая,
Что будет светом целого он края...

О братьях, сестрах — что и говорить!
Одна беда — со стариком как быть?

А старикашка у него чудесный,
Сердечный — но круг зренья очень тесный,

Понятия давно былых веков:
Он верил крепко — даже и в бесов.

Так шел он, шел — вдруг туча налетела,
И по лесу завыло, загудело;

Дождь хлынул,— как, по счастию, глядит:
Тут, в двух шагах, забытый, старый скит,—

Он в келийку и за́ печь, следом двое
Бесов, и вам известно остальное.

Что он их видел — он стоял на том!
И поплатился ж, бедненький, потом!

Товарищам за долг почел открыться.
А те — над ним смеяться и глумиться;

Проникла весть в учительский совет,
Составили особый комитет,

Вошли к начальству с форменным докладом —
Что делать, мол, с подобным ретроградом,

Что вообще опасный прецедент,—
И напоследок вышел документ,

Подписанный самим преосвященным:
«Считать его в рассудке поврежденным».

1876

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

ЕМШАН[1]

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отро́к и хан Сырчан,
Два брата, ба́тыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Всё врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился;
Сырчан в донских залег мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся.

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...

---

[1] Рассказ этот взят из Волынской летописи. *Емшан* — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно полыно́к.

Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом,—

Скажи ему, чтоб бросил всё,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой,—
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрок сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрок без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает,—
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких,—

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его, велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат,—
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул.— Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Всё ждет он — скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

1874

В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ[1]

Ночь на дворе и мороз.
Месяц — два радужных светлых венца вкруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби и слез...

Тихо лампада пред образом Спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам;

---

[1] Городец на Волге; там умер на возвратном пути из Орды в. к. Александр Ярославич Невский в 1263 году.

Тих и недвижим лежит, головой к образам,
Князь Александр, черной схимой покрыт...
Страшного часа все ждут: нет надежды, уж нет!
Слышится в келье порой лишь болящего бред.
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Сон ли проходит пред ним, иль видений таинственных цепь —
Видит он: степь, беспредельная бурая степь...
Войлок разостлан на выжженной солнцем земле.
Видит: отец! смертный пот на челе,
Весь изможден он, и бледен, и слаб...
Шел из Орды он, как данник, как раб...
В сердце, знать, сил не хватило обиду стерпеть...
И простонал Александр: «Так и мне умереть...»

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Видит: шатер, дорогой, златотканый шатер...
Трон золотой на пурпурный поставлен ковер...
Хан восседает средь тысячи мурз и князей...
Князь Михаил[1] перед ставкой стоит у дверей...
Подняты копья над княжеской светлой главой...
Молят бояре горячей мольбой...
«Не поклонюсь истуканам вовек»,— он твердит...
Миг — и повержен во прах он лежит...
Топчут ногами и копьями колют его...
Хан, изумленный, глядит из шатра своего...
Князь отвернулся со стоном и, очи закрыв,
«Я ж,— говорит,— поклонился болванам, чрез огнь я прошел,
Жизнь я святому венцу предпочел...
Но,— на Спасителя взор устремив,—
Боже! ты знаешь — не ради себя —
Многострадальный народ свой лишь паче души возлюбя!..»
Слышат бояре и шепчут, крестясь:
«Грех твой, кормилец, на нас!»

[1] Кн. Михаил Черниговский.

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Снится ему Ярославов в Новгóроде двор...
В шумной толпе и мятеж, и раздор...
Все собралися концы и шумят...
«Все постоим за святую Софию,— вопят,—
Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...
Немцам и шведам страшней нет грозы...
Сам ты водил нас, и Биргер твое
Помнит досель на лице, чай, копье!..
Рыцари,— памятен им пооттаявший лед!..
Конница словно как в море летит кровяном!..
Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельческий род!..
Нам ли баскаков пустить
Грабить казну, на правеж нас водить?
Злата и серебра горы у нас в погребах,—
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых, татар!..»
И разлилася река, взволновался пожар...
Князь приподнялся на ложе своем;
Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой души,—
Крикнул: «Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром нести!
Дружно, что бор вековой, подыматься, расти,
Веруя в чаянье лучших времен,—
Всё лишь вконец претерпевый — спасен!..»

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним...
Видит он: облитый словно лучом золотым,
Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... Народом кишат берега...
Флагами веют цветными кругом корабли...

Гром раздается; корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым высоким челом...
Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот перед гробом земные поклоны творит...
Следом — все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж,— князь видит,— он сам...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игумен к нему подошел и дрожащей рукой
Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце зашло!»

1875

У ГРОБА ГРОЗНОГО

Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольно ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во взоре...
Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда,
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенней души не появлялось...
Она — с алчбой добра — весь век во зле терзалась,
И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор,—
Но нечто высшее всё медлит утвержденьем,
Недоумения толпа еще полна,
И тайной облечен досель сей гроб безмолвный...
Вот он!.. Иконы вкруг. Из узкого окна
В собор, еще святых благоуханий полный,
Косой вечерний луч на темный гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся дыме...

О, если б он предстал — теперь — в загробной схиме,
И сам, как некогда, народу речь держал:
«Я царство создавал — и создал, и доныне,—
Сказал бы он,— оно стоит — четвертый век...
Судите *тут* меня. В паденьях и гордыне
Ответ мой — господу: пред ним — я человек,
Пред вами — *царь*! Кто ж мог мне помогать?..
Потомки
Развенчанных князей, которым резал глаз
Блеск царского венца, а старых прав обломки
Дороже были клятв и совести?.. Держась
За них, и Новгород: что он в князьях, мол, волен!
К Литве, когда Москвой стеснен иль недоволен!
А век тот был, когда венецианский яд,
Незримый как чума, прокрадывался всюду:
В письмо, в причастие, ко братине и к блюду...
Княгиня — мать моя — как умерла? Молчат
Княжата Шуйские... Где Бельский? Рать сбирает?
Орудует в Крыму и хана подымает!
Под Серпуховом кто безбожного навел
На своего царя и указал дорогу?
Мстиславский? Каешься?.. А Курбский? Он ушел!
«Не мыслю на удел»,— клянется мне и богу,
А пишется в Литве, с панами не таясь,
В облыжных грамотах как «Ярославский князь»!
Клевещет — на кого ж? На самоё царицу —
Ту чистую, как свет небесный, голубицу!..
Всё против!.. Что же я на царстве?.. Всем чужой?..
Идти ль мне с посохом скитаться в край из края?
Псарей ли возвести в боярство — и покой
Купить, им мерзости творить не возбраняя,
И ненавистью к ним всеобщей их связать
С своей особою?.. Ответ кто ж должен дать
За мерзость их, за кровь?.. Покинутый, болящий,
Аз — перед господом — аз — аки пес смердящий
В нечестьи и грехе!..

Но царь пребыл царем.
Навеки утвердил в народе он своем,
Что пред лицом царя, пред правдою державной
Потомок Рюрика, боярин, смерд — все ра́вны,

Все — сироты мои...
И царство создалось!
Но моря я хотел! Нам нужно насажденье
Наук, ремесл, искусств, всё с боя брать пришлось!
Весь Запад завопил; опасно просвещенье
Пустить в Московию! Сам кесарь взор возвел
Тревожно на небо: двуглавый наш орел
Уже там виден стал, и занавесь упала,
И царство новое пред их очами встало...

Оно не прихотью явилося на свет.
В нем не одной Руси спасения завет:
В нем церкви истинной хоругвь, и меч, и сила!
Единоверных скорбь, чтоб быть ему, молила —
И — бысть!.. Мой дед, отец трудилися над ним,
Я ж утвердил навек — хоть сам раздавлен им...
Вы всё не поняли?.. Кто ж понял? Только эти,
Что в ужасе, как жить без государства, шли
Во дни великих смут, с крестом, со всей земли
Освобождать Москву... Моих князей же дети
Вели постыдный торг с ворами и Литвой,
За лишние права им жертвуя Москвой!..
Да! Люди средние и меньшие, водимы
Лишь верою, что бог им учредил царя
В исход от тяжких бед, что царь, лишь Им судимый,
И зрит лишь на Него, народу суд творя,—
Ту веру дал им я, сам божья откровенья
О ней исполняся в дни слез и сокрушенья...
И сей священный огнь доныне не угас:
Навеки духом Русь с царем своим слилась!
Да! Царство ваше — труд, свершенный Иоанном,
Труд, выстраданный им в бореньи неустанном.
И памятуйте вы: всё то, что строил он,—
Он строил на века! Где — взвел до половины,
Где — указал пути... И труд был довершен
Уж подвигом Петра, умом Екатерины
И вашим веком...

Да! Мой день еще придет!
Услышится, как взвыл испуганный народ,

Когда возвещена царя была кончина,
И сей народный вой над гробом властелина —
Я верую — в веках вотще не пропадет,
И будет громче он, чем этот шип подземный
Боярской клеветы и злобы иноземной...»

1887

СТРЕЛЕЦКОЕ СКАЗАНИЕ О ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Как за чаркой, за блинами
Потешались молодцы,
Над потешными полками
Похвалялися стрельцы!

«Где уж вам, преображенцы
Да семеновцы, где вам,
Мелочь, божии младенцы,
Нам перечить, старикам!

«С слободой своей немецкой
Да с своим царем Петром
Мы, мол, весь приказ стрелецкий,
Всех в бараний рог согнем!

Всех — и самую царевну...»
Нет, уж тут, голубчик, врешь!
Нашу Софью Алексевну
Обойдешь, да не возьмешь!

Даром, что родилась девкой,—
Да иной раз так проймет
Молодецкою издевкой,
И как в духе, да взмахнет

Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умер, право б, заедино,
Если б молвила: «Умри!..»

Грех бывал и между нами,
Как о вере вышел спор,
И ходили с чернецами
В царский Кремль мы на собор,—

Бунтовское было дело!
Да ведь сладила! Как раз
Словом вышибить умела
Дурость всякую из нас!

Будем помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы,
Впереди несут иконы
Со свечами чернецы...

Не сказали б, так узнала б
Вся Москва их! Старики!
Не наотмашь, низко на лоб
Надевали клобуки;

Не развалисты в походке,
А согбенные идут;
Не дерут, разиня глотки,
Тихим голосом поют;

Лица постные, худые,
Веры точно что столпы!..
Уж не толстые, хмельные
Никоньянские попы!..

Умилился люд московский,
Повалил за ними, прет,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забил народ.

А уж там, во Грановитой,
Все нас ждут: царевны, двор,
Патриарх, митрополиты,
Освященный весь собор.

Старцы свечи возжигали,
И Евангелье с крестом

На амвоны полагали,
И царевне бьют челом:

«Благоверная царевна!
Солнце Русския земли!
Свет София Алексевна,
Государыня! Вели,

Чтоб у нас быть рассмотренью
С патриархом о делах
По церковному строенью
И о Никоновых лжах!

Процветала церковь наша,
Аки райский крин, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшего вина!

Утверждалася на книгах,
Их же имем от мужей,
Проводивших жизнь в веригах
И в умертвии страстей;

Их же чтением спасались
Благоверные цари,
И цвели, и украшались
По Руси монастыри;

Но реченный Никон волком
Вторгся в оный вертоград
И своим безумным толком
Ниспроверг церковный лад!

Аки римская блудница
На драконе восседя,
Рек: «Несть бога! — кровопийца.—
Аз есмь бог, и вся моя!»

И святые книги рушил...
Ну, и начал всё мутить...»
Патриарх их слушал, слушал,
Подымался говорить,

Да куда!.. Из-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятеж и крики!
На дворе ревут толпы,

Вкруг царевен — натерпелись
Уж бедняжки! — мужики,
Чернецы орут, зарделись,
Поскидали клобуки,

Все-то с взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькают над главами
Палки, книги и кресты!..

Ждет царевна не дождется,
Чтоб затихли; то вперед,
Словно лебедь, к ним рванется,
Образумливать учнет.

«Замутили царством бабы,—
Голосят кругом,— ахти!
Государыням пора бы
В монастырь давно идти!»

Слыша то, и глянув гневно,
И отдвинув трон златой,
Вся зардевшися, царевна
Удалилась в свой покой.

С барабанным вышли боем
Из Кремля мы — вдруг приказ:
Чтоб к царевниным покоям
Выслать выборных тотчас.

Ночью, с фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Так-то ласково-любовно
Обратила к нам лицо...

Видел тут ее я близко:
Белый с золотом покров,

А на лбу-то — низко-низко —
Вязь из крупных жемчугов...

«Если мы вам неугодны,—
Говорит,— весь царский дом,
Мы объявим всенародно,
Что из царства вон уйдем!

У волохов иль цесарцев —
Где-нибудь найдем приют...
Вы сменяли нас на старцев,
Давних сеятелей смут,—

Пусть на них падет и царство!
Но в вину не ставьте нам,
Коль соседи государство
Всё растащут по клочкам,

Коль поляки с ханом крымским
Русь поделят меж собой:
Поклоняйтесь папам римским,
Басурманьтесь с татарвой!

Мы в церквах положим вклады
И поклонимся мощам,
Да и с богом!..» Всей громадой
Пали мы к ее ногам:

«Что ты, матушка, какое
Слово молвишь,— говорим,—
Слово — самое пустое!
Нешто мы того хотим!

Знаем мы, без государей
Каковы дела пойдут!
Заедят народ бояре
Да в латинство поведут!..

Всё те старцы-лиходеи!
Чтобы пусто было им!
Нешто мы архиереи?
Что мы в книгах разглядим?

Ты уж смилуйся, пожалуй,
Хоть жалеючи земли!..
А за грубость — нас до малу
Жестокó казнить вели!»

Ждем: что скажет?.. И сказала:
«Встаньте! Верных россиян
Вижу в вас! Я так и знала!..
Бойся ж нас ты, крымский хан!..

Пир готовь, а в гости будем!..»
Мы — «ура!» на весь народ,
А она начальным людям
«Выйти,— крикнула,— вперед!»

И велит дьякам приказным
Награждать кого казной,
А кого именьем разным,
Соболями аль землей,

А кого боярским саном.
«А для прочих молодцов,—
Говорит,— три дня быть пьяным
С наших царских погребов!..»

И была ж гульба в столице!
Будет помнить царский град!..
Чернецы ж сидят в темнице
И сидят, стрельцов корят:

«Так-то веру отстояли
Вы, стрелецкие полки!
Прогуляли, променяли
На царевы кабаки!»

Ладно, братцы! Щи вам с кашей!
Что, брат, скажешь? Хороша?..
Лучше нет царевны нашей!
Вот, как есть, совсем душа!»

1867

КТО ОН?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй, дед!» —
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Всё ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди да у моря сиди.

Вам ведь всё ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретёна
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь грешно!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;

Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото,—
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! Эко слово
Молвил! — думает рыбак.—
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1841, <1857>

СКАЗАНИЕ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ[1]

В ПРЕДАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Когда нас еще на свете не было,
Да и деды дедов наших еще не жили,
И людей на свете была малость мальская,
Цари в ту пору земли себе делили;

---

[1] Рассказ этот представлен здесь почти без изменений, как он записан Е. В. Барсовым в Онежском крае и напечатан между многих других, в «Беседе», под общим названием «Петр Великий в преданиях Северного края». Он записан собирателем со слов рассказчика прозой; но и в этой прозе сами собой сквозят стихи, я пытался только восстановить их, почти нигде ничего не прибавляя от себя. Петр, повелевающий стихиями,— это такой колоссальный образ великого государя, а описание бури и потопление свейских лодок — такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если б эти красоты народного творчества прошли незаметно в истории нашей поэзии.

В ту ли пору было стародавнюю,
Наше место было не заведомо
Никаким царем, ни бояриной,
Ни лихим человеком удалыим;
А в лесу-то зверя разводилося:
Что ни куст — лисица со куницею,
Что ни пень — медведь со вóлчищем;
А и рыбы в реках наплодилося,
Хоть рукой имай аль корцом черпай.

Полюбилось наше место вольное,
Полюбилось оно царю свейскому;
Заприметил тоже Пётра, русский царь,
Что ручьи у нас глубокие,
Реки долгие, широкие,
А морям — и нет конца!
Снарядился сам на поиски
На своей ли лодке изукрашенной,
Серебром ли пораскладенной,
Золотым рулем приправленной,
Сам с бояры и вельможами.
Царь же свейский заспесивился,
Не поехал сам, послал начальников
Во полон забрать всю воду с рыбою
И леса со зверем всякиим,
Чтоб владети ему пóвеки.

Как по морю, морю Ладожску
Едет-катит Пётра-царь на поиски,
Сам сидит в корме на лодочке,
Золотым рулем поворачивает,—
Ан навстречу супостат ему,
В лодках писаных, узорочатых,
С шелковой покрышкой алою.

Не ясен сокол налетал на лебедь белую,
И не лебедь смутил воду синюю:
То летят, воду рябят лодки свейские
На цареву лодку крепкую,
С шумом, свистом прорываючись,
В мелкий черень искрошить хотят.

Не стерпел тут Пётра, понасупился,
Очи ясные порассветились,
И румянец стал во всю щеку —
Да как крикнет он вельможам-боярам:
«Поубавим спеси царю свейскому!
Силой, что ль, сгубить его начальников?
Аль пустить с белым вало́м пучинистым?»
И промолвили вельможи-бо́яры:
«Не по что нам, царь, греха брать на душу,
Души грешные их, некрещеные
Всё же души человеческие —
Пусть умрут от ветра-сивера,
От валов умрут рассыпчатых!»

Как промолвили вельможи-бо́яры,
От ремня, с груди, отвязывал,
Царь взял в руки золотой рожок,
Протрубил на все четыре стороны...
Разносился голос по темным водам —
Становилася вдруг темень божия,
Собирались ветры в тучу гу́стую,
Расходились воды ярые:
Вал вала́ встает-подталкивает,
Ветры гребни им подтягивают,
Налетел ветер на лодки свейские,
Посрывал покровы алые,
Побросал далеко по морю;
Нагнала тут их вода ярая:
Вал живой горой идет-тянется,
Белым гребнем отливается.
Подошел тут первый вал: он приподнял,
Стоймя приподнял он лодки свейские;
Налетел второй вал: принакренил их;
А и третий — он уж тут как тут:
Захлестнул навек начальников...
Расступилась вода надвое,
Ушли камнем в топь глубокую
Души грешные, некрещеные...

1874

ЛОМОНОСОВ

В печали невская столица;
В церквах унылый перезвон;
Все в черном: царский дом, царица,
Синод, сенат. Со всех сторон

Чины от армии и флота
Спешат в собор; войска, народ —
Во всех испуг, у всех забота:
Великий в мире недочет!

Иерей, смотря на лик безмолвный,
Но и во гробе, как живой,
Несокрушимой мысли полный,—
От слез не властен над собой.

«О чем мы плачем? Что мы стонем?
Что, россияне, мы творим?
Петра Великого хороним,
И что хороним в нем и с ним!..

Ведь в бытие он нас, великий,
Воздвиг из тьмы небытия!..»
И вопли без конца и клики:
«Теперь что ж будет — без тебя!»

В честь императора раздался
Последний пушечный салют,—
Свершилось,— но в сердцах остался
Вопрос: чему же быть?.. Все ждут...

Как будто после бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслию могучей,
Как молнией, избраждена.

Везде глубокие основы
И жизни новые пути —
И нет вождя! И мрак суровый,
И неизвестность впереди!

Один он — кормчий был, который,
Куда вести корабль свой, знал,
Один уверенные взоры
Вдаль, в беспредельность устремлял —

От Зундских вод до Гималая,
С Невы — на Тихий океан...
Иль это всё — мечта пустая
И честолюбия обман?

И всё, что насаждал он, сгинет?
Труды, ученье, кровь и пот —
Пройдут вотще, и слава минет,
И в прежний мрак всё отойдет?

А главари меж тем престолом
Уже играть пошли, служа
Своим лишь видам и крамолам
И царским делом небрежа!..

Лишь пришлецы, которых знанье
Царь покупал «на семена»,
Торжествовали в упованье,
Что их отныне вся страна!

И, пробираясь ловко к цели,
Они над Русскою землей
На ступенях престола сели,
Как над забранною страной;

И, средь смятения и страха,
Средь казней, пыток и опал,
Уж руку к бармам Мономаха
Курляндский конюх простирал.

Но не вотще от бога гений
Ниспосылается в народ.
Опять к нему своих велений
Истолкователя он шлет.

В стране угрюмой и суровой,
Где, отливаясь на снегах,

По долгим зимам блеск багровый
Колышется на небесах;

Где горы льдов вздымают волны,
Где всё — лесов и неба ширь —
Величьем дел господних полны,
Встает избранный богатырь:

Велик, могуч, как та природа,
Сам — как одно из тех чудес,
Встает для русского народа
Желанным посланцем с небес...

О дивный муж!.. С челом открытым,
С орлиным взглядом, как глядел
На оном море Ледовитом
На чудеса господних дел,

Наукой осиян и рвеньем
К величью родины горя,
Явился ты — осуществленьем
Мечты великого царя!

Твоею ревностью согретый,
Очнулся русский дух с тобой:
Ты лучших дел Елизаветы
Был животворною душой,

Ты дал певца Екатерине,
Всецело жил в ее орлах,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..

1865, 1882

МЕНУЭТ

(Рассказ старого бригадира)

Да-с, видал я менуэтец —
О-го-го!.. Посылан был
В Петербург я раз — пакетец
К государыне возил...

Ну, дворец — само собою
Уж Армидины сады!
И гирляндою цветною
Колыхаются ряды.

Только спросишь: «В этой паре
Кто, скажите?» — назовут —
И стоишь ты как в угаре!
Вместо музыки-то тут

Взрывы слышишь, бой трескучий,
Пушки залпами палят,
И от брандеров под тучи
Флоты целые летят!

Спросишь, например: «Кто это?»
— «Граф Орлов-Чесменский».— «Он?..
Ну-с, а там?» — «Суворов».— «Света
Преставленье! Чисто сон!

А с самой — позвольте — кто же?»
— «Князь Таврический»,— горит
В бриллиантах весь и — боже! —
Что за поступь! Что за вид!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающие мир,
Все в урочный час здесь дома
Собираются на пир.

И, вступая в дом к царице,
Волшебством каким-то тут
Вдруг изящной вереницей
Кавалеров предстают,

Перед ней склоняют выи,
А она лишь, как живой
Образ, так сказать, России,
И видна над всей толпой.

<1873>

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой,—
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...

Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел!.. Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали, и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Всё напрасно!..

И поник он, и, в дремоте,
Видит, как в приемном зале —
Незадолго до похода —
В Тюльери стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемлют
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, вспыливши, император:
«Князь, вы видите,— воскликнул,—
Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:
Император ваш — на что же
Он надеется, на что же?»

«Государь! — в ответ посланник,—
Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»

Он тогда расхохотался,
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...

Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. И днем и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их мильоны
Там в лесах... «Так вот что значит —
„Весь народ!..“»

И безнадежно
Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там, за синими лесами,
В необъятной этой дали...

1876

М. Н. КАТКОВУ

1

Мы — москвичи! Что делать, милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг —
У нас везде, со всей своею славой,
В душе — Москва и Кремль золотоглавый;
В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелася,
На коих древле создалась Москва
И чрез нее — Россия создалася.
Там у гробов иерархов и царей,
Наметивших великие ей цели,
Они видней, и ты поймешь ясней,
Куда идти, и как мы шли доселе,
И отчего во дни народных бед,
И внешних бурь, и всякого шатанья,
Для всей Руси как дедовский завет
Родной Москвы звучало увещанье.
Храни ж его, отцов завет святой,
Как Ермоген в цепях, в тюрьме сырой,—
И в жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всяк умысел лихой,
Всяк вражий ков и всяк соблазн лукавый.

1867

2

«Что может миру дать Восток?
Голыш,— а о насущном хлебе
С презреньем умствует пророк,
Душой витающий на небе!..» —
Так гордый римлянин судил
И — пал пред рубищем мессии...

Не то же ль искони твердил
И гордый Запад о России?
Она же верует, что несть
Спасенья в пурпуре и злате,
А в тех немногих, в коих есть
Еще остаток благодати...

Июль 1887

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Народы, племена, их гений, их судьбы
Стоят перед тобой, своей идеи полны,
Как вдруг застывшие в разбеге бурном волны,
Как в самый жаркий миг отчаянной борьбы
 Окаменевшие атлеты...
Ты видишь их насквозь, их тайну ты постиг,
И ясен для тебя и настоящий миг,
 И тайные грядущего обеты...
Но грустно зрячему бродить между слепых,
«*Поймите лишь*,— твердит,— и будет вам прозренье!
Поймите лишь, каких носители вы сил,—
И путь осветится, и все падут сомненья,
И дастся вам само, что жребий вам судил!»

<1873>

ЗАВЕТ СТАРИНЫ

Снилось мне: по всей России
Светлый праздник — древний храм,
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам,—

На амвоне ж, в фимиаме,
Точно в облаке, стоит
Старцев сонм и нам, во храме
Преклоненным, говорит:

«Труден в мире, Русь родная,
Был твой путь; но дни пришли —

И, в свой новый век вступая,
Ты у господа моли,

Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло;

Чтобы ты была готова —
Сердце чисто, дух велик —
Стать на судище Христово
Всем народом каждый миг;

Чтоб, в вождях своих сияя
Сил духовных полнотой,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой

В свет — к свободе бесконечной
Из-под рабства суеты,
На исканье правды вечной
И душевной красоты...»

<1878>

СУД ПРЕДКОВ

Посвящается К. К. Случевскому

«Pauvre feuille desséchée,
De ta tige détachée,
Où vas-tu?» — «Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène...»

Arnault [1]

«Попы увели народ в унию, попы и назад приведут... Так и наука...»

(Из одного разговора)

1

К кончине близок князь Андрей.
Он причастился. Слабый свет

[1] «Бедный высохший листок,// Оторванный от своей ветки, Куда ты летишь?» — «Я ничего об этом не знаю... // Я лечу, куда несет меня ветер...» *Арно* (франц.).— *Ред.*

Лишь тонких нескольких лучей
Прорвался в темный кабинет.

Пред умирающим сидит
На креслах сын. Примчался с вод,
Отцом был выписан. Глядит
И думает: «Ну, что же?.. Вот

Два века тут лицом к лицу!
Какая ж между ними связь?
Давно душой я чужд отцу,
Давно всем чужд мне старый князь!

Во Франции — легитимист,
Здесь — недовольный камергер,
Спирит, ханжа и пиетист
И bel'ésprit à la[1] Вольтер;

Как совмещалось это в нем —
Бог весть!.. Но он себя считал
Какой-то истины столпом,
Какой — и сам не понимал!»

В то ж время думал старый князь:
«Да, мы уходим!.. Да, огни
Все друг за другом гаснут!.. Грязь
Встает, идет... tout est fini...[2]

И тот изящный внешний блеск,
И грация, и ум, и вкус,
Et cet ésprit chevaleresque!..[3]
Вот с сыном даже расхожусь!

Он — фантазер! Стоял горой
За «эти меры» — дождался,
Да между небом и землей
Повис!.. И всё не унялся —

---

[1] Остроумец наподобие (франц.).— *Ред.*
[2] Всё кончено (франц.).— *Ред.*
[3] И этот рыцарский ум!.. (франц.).— *Ред.*

Опоры ищет — да их нет!..»
Но вдруг старик раскрыл глаза,
Какой-то новой мысли свет
Блеснул в лице — он поднялся

И «Serge,— промолвил,— обещай —
Положим, уж каприз такой,—
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты в церкви надо мной.

Как рассказать тебе! Хоть ночь!
Вот видишь, я ведь тоже был...»
Но стало старику невмочь,
И он в постель упал без сил —

Да и навеки замолчал!
И через миг в дому, крестясь,
В испуге каждый повторял
(Хоть ждали все): «Скончался князь!»

2

И вот в соседний монастырь
Свезен он с должным торжеством,
И сын идет читать псалтырь
В старинной церкви над отцом.

Он пренебрег бы, может быть,
Но поднялся кругом уж толк,
Да кто-то вздумал подтрунить,—
Выходит: тут уж чести долг!

В загробный мир, ни в мир чертей
Конечно уж не верил он...
Но — мрак, мерцание свечей,
И лики строгие икон,

И храм, весь полный старины,
Где всё о предках говорит,
Где все они схоронены,
Где пол из их надгробных плит,

Отец, вступающий в их круг
Теперь же, как пришлец домой,—
И в этом царстве мертвых вдруг
Один лишь он стоит живой...

И князь внимательней глядит
Во мрак по нишам и углам...
Вон от хоругвей тень дрожит
До самых сводов по стенам...

Вон место княжеское, где
Под балдахином, с их гербом,
От предка, павшего в Орде,
Преемственно, сын за отцом,

Стоял старейший в роде... Был
Когда-то княжеский престол
На этом месте... Князь открыл
Псалтырь, псалом иль два прочел,

А мысль идет сама собой:
«Всей этой древности — князей,
Когда-то споривших с Москвой,
Потом служивших верно ей,

Всех этих жизней — я итог!
Со всем народом, вся семья,
Все жили, как велел им бог,
Росли, как бор сплошной... А я?

Что я? Отпадший лист для них...
А мог ли не отпасть?.. Вопрос!
Теперь бы на земле таких
Отпадших листьев набралось

На добрый остров! Всех племен
И всех народов!.. Человек
Повсюду рвется из пелен,
Идем, куда ведет нас век...»

Читает князь, а мысль опять:
«Но были ж и у них умы...

Сумели ж из клочков создать
Они — империю!.. А мы?..

Что начинаем мы собой?..
Бедняжка, сорванный листок,
В разлуке с веткою родной
Куда летишь?..» — И князь не мог

Чтоб не вздохнуть... Невольно стал
Читать всё тише... Вот петух
Пропел в деревне... Князь устал,
Он опустился в кресла. Вдруг

Он слышит шорох, легкий шум,
Как бы пронесся ветерок,—
Князь, этот здравый, бодрый ум,
Взглянул — и уж дохнуть не мог...

Как будто на туман иль дым
Фонарь волшебный наведен —
Полупрозрачные — пред ним
Толпа людей — мужей и жен,

Детей и старцев... Впереди
В камзолах шитых, в париках,
Звезда и лента на груди,
А дамы с мушкой на щеках...

За стариками в париках
Другие были старики,
В боярских шапках, в бородах,
Виднелись шлемы, клобуки...

Был на одних наряд свежей,
На ком давно уж полинял,
Чем дальше — то тускней, темней,
И лишь металл один сверкал...

И вот, против амвона, вдруг
Все разодвинулись — сидит
Под балдахином витязь... Вкруг
Как будто судий сонм стоит...

Свет прямо падает на них...
На витязе — венец. Все ждут...
Торжественное что-то... Миг —
И двое. видит князь, ведут

Его отца!.. Знакомый фрак
И камергерский ключ... Да! он!
Что ж это?.. Судят?.. Судят?.. Так!
Отец поник, совсем смущен...

Суд предков — за душу свою
Ответишь богу, мол, а нам
Поведай, как служил царю,
Хулы не нажил ли отцам...

Никак читают приговор?..
Старик шатнулся и закрыл
Лицо руками... К сыну взор,
К нему, с мольбою обратил,

Зовет его. и князь спешит
На зов отца, вскочил... Но вмиг
Исчезло всё... В гробу лежит,
Сквозясь чрез кисею, старик...

Пылают свечи... Мрак кругом
В мерцаньи их как бы дрожит...
Вот Спас в окладе золотом
В возглавье гроба... Князь глядит —

И, как случилось, посейчас
Не помнит он: сама тогда
Рука невольно поднялась,
И он — перекрестился!.. Да,

Перекрестился в первый раз
По многих летах... «Это сон»,—
Он повторял, но мысль неслась
Туда, в ту глубину времен,

Что вдруг раскрылась перед ним
Уже не мертвой пустотой,

А чем-то целым и живым —
Какой-то силой роковой,

Которой всё уже давно,
Что нас волнует и крушит,
Разрешено, умирено...
«Ах, сон всё это!» — князь твердит...

3

Но сон иль нет — не в том вопрос;
А только после похорон
Уехать тотчас не пришлось
В чужие краи князю. Он

Занялся склепом. Много в нем
Затеял переделок. Крест
Велел позолотить. Потом
Опять замедлился отъезд:

Стал очищать он старый дом,
Открыл, что это ведь музей!
Сокровища нашлися в нем
Ведь от времен еще царей!

И кипы грамот в кладовых,
И писем целая гора!
Да ведь какие? Между них —
Екатерины и Петра!

Ну как же их не разобрать!
И принялся читать их князь,
Меж ними связь восстановлять,
С историей вводить их в связь...

Понадобилось книг — и год
За годом время в вечность мчит,—
Один, все ночи напролет,
Зарывшись в книги, он сидит

И пишет рода своего
Историю... И чудно всем:

Совсем нельзя узнать его!
Другой стал человек совсем!

Россия стала для него
Святыней, избранной страной;
Ее началам торжество
Пророчит в жизни мировой.

«Не могут-де ее понять;
Всё точку зрения берут
На мир из Рима! Надо взять
Из Византии — и поймут!..»

Такое свойство, впрочем, есть
В истории российской: тот,
Кто вздумал за нее засесть,—
Пиши пропал: с ума сойдет!

Один профессор — он в Москве
Средь наших умственных светил
Стоял едва ль не во главе —
Серьезно это говорил.

1880

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА

Преданья Севера изображают бога
Седящим высоко над областью громов:
Спокойный, видит он из светлого чертога
И землю, и моря, движенье облаков,
Полет воздушный птиц, могучий ход китов
И быстрый лани бег; он взглядом проникает,
Как накипает медь и золото в горах,
Как дуб растет, как травка прозябает,
Как в человеческих сердцах
Родится мысль, растет и созревает...
Таков и ты, Шекспир!

Как северный Один,
На человечество с заоблачных вершин
Взирал ты! Знал его — и у кормила власти,
В лохмотьях нищего, в пороках, во вражде;
Но, кистью смелою его рисуя страсти,
Давал угадывать везде
Высокий идеал, который пред тобою
В величьи божеском сиял,
И темный мир людей, с их злобой и враждою,
Как солнце бурную пучину, озарял...

И триста лет прошло — и этот идеал
Везде теперь родной для всех народов стал.
С запасом всех личин, костюмов, декораций,
С толпой царей, принцесс, шутов, и фей, и граций,
По шумным ярмонкам, средь городов и сел —
Ты триумфатором по всей земле прошел:

Везде к тебе толпа восторженно стремилась,
И за тобой, как за орлом,
Глубоко в небо уносилась,
И с этой высоты на мир глядеть училась
С боязни полным торжеством!

Счастлив, счастлив народ, которого ты сын,
Чья мощь, чей смелый дух твой воспитали гений!
Как горд он в этот день, под гул земных хвалений,
Несущихся к тебе, искусства исполин!
Но в дни, когда ты цвел, и смело и свободно
Британский флаг вступал уж в чуждые моря,
Ты смутно лишь слыхал о *Руссии* холодной,
Великолепии московского царя,
Боярах в золотой одежде, светозарных
Палатах, где стоит слоновой кости трон
И восседает сам владыка стран полярных,
Безмолвием и славой окружен...

Товарищ сильному быть может только сильный!
Изнеженных племен искусство чуждо нам!
Ты, строгий сердцевед, ты, истиной обильный,
Как свой ты на Руси пришелся по сердцам!
По русским городам, по сценам полудиким
Рукоплескания не попусту гремят
Твоим созданиям великим,
И музы русские под сень твою спешат!
Ты наш — по ширине могучего размаха,
Ты наш затем, что мы пред правдой не дрожим,
И смотрим в пропасти без страха,
И вдаль уверенно глядим.

1864

КРЫЛОВ

Когда стою в толпе средь городского сада
Пред этим образом, из бронзы отлитым,
И, к нам склонившися, и к малым, и к большим,
С улыбкой доброю, с приветливостью взгляда,

Он точно, с старческой неспешностью речей,
Рассказывает нам, с своих высоких кресел,
Про нравы странные и глупости зверей,
И все смеются вкруг, и сам он тихо-весел,—
Мне часто кажется, что вот — толпа уйдет,
И ласковый старик впадет сейчас же в думу,
Улыбка кроткая с лица его спорхнет
Вслед умолкающему шуму,
И лоб наморщится, и, покачав главой,
Проводит взглядом нас он строгим, и с тоской
Промолвит: «Все-то вы, как посмотрю я, дети!
Вот — побасенками старик потешил вас,
Вы посмеялися и прочь пошли смеясь,
Того не угадав, как побасенки эти
Достались старику, и как не раз пришлось
Ему, слагая их, смеяться — но сквозь слез,
Уж жало испытав ехидны ядовитой,
И когти всяческих, больших и малых, птиц,
И язвины на пальцах от лисиц,
И на спине своей ослиное копыто...
И то, что в басенке является моей
Как шутка,— от того во времена былые
Вся, может, плакала Россия,
Да плачет, может быть, еще и до сих дней!»

1868

КАРАМЗИН

Посв. Мих. Петр. Погодину

Вхожу ли в старый Кремль, откуда глаз привольно
Покоится на всей Москве первопрестольной,
В соборы ль древние с гробницами царей,
Первосвятителей; когда кругом читаю
На дсках их имена, и возле их внимаю
Молитвы шепоту притекших к ним людей,—
А там иконостас, и пресвятые лики,
И место царское, и патриарший трон;
А между тем гудит, гудит Иван Великий,
Как бы из глубины веков идущий звон,—

Благоговением душа моя объята,
И всё мне говорит: «Сие есть место свято!
Смотри: когда кругом лишь бор густой шумел,
А на горе сиял лишь храм святого Спаса
Да княжий теремок, где бедный князь сидел,—
Беседа вещая таинственно велася
Здесь меж святителем и князем. Здесь его,
Как древний Самуил, благословил владыка
На собирание народа своего...
Святителя завет исполнился великой!
Помалу собралась вкруг белого Кремля,
Как под надежный щит, вся Русская земля,
И каждый град ее свою здесь церковь ставил.
И высилась Москва! И Чингисханов род,
Кончаясь, Азию в наследье ей оставил,
А там от Балтики и до Эгейских вод
Славяне подняли с надеждою к ней очи,
И со священного Афона глас пророчий,
Призвав святую Русь для доблестной борьбы,
Востока древнего ей передал судьбы».

Так говорит нам Кремль. Но поколенья были,
Что здесь как пришлецы чужие проходили.
Вельможи русские являлися сюда
С иными вкусами. Ломали без следа
Святыни старины. Ни память Иоаннов
Не удержала их, ни прах святых гробов,—
Ломали здание, что строил Годунов,
Ломали здание, где избран был Романов.
Весь этот старый Кремль, с соборами, с дворцом,
С резными башнями, назначен был на слом.
И вместо их уже, питомец муз эллинских,
Художник созидал классическим умом
Ряд портиков, колонн и арок исполинских...
Скажи ему тогда: ужель, о вандал, нет
В тебе присущей здесь святыни пониманья —
Ведь что ни камень здесь, то крови отчей след,
Что столб — то памятник, что церковь —
то сказанье,—
Сердечный этот вопль в пустыне б прозвучал,
Художник злобился б, вельможа хохотал...
То были граждане совсем другого мира!

Давно уж Франция купалася в крови.
К нам отклики неслись неведомого пира,
Неслися возгласы свободы и любви...
То тронов падавших летели к нам обломки,
То дребезги трибун выкидывал волкан —
Всё поглощала Русь,— и вот пройдох всех стран
Явилися у нас питомцы и питомки.
Кто набожно вздыхал по чуждом короле,
Кто, новым Цезарем восхищенный, мечтами
Носился за его победными орлами,
Кто бредил равенством и братством на земле,
И при воззвании «всемирная свобода»
Вселенский гражданин отрекся от народа!
Об человечестве здесь каждый помышлял,
Но человечестве во образе француза...
Кто в демагогии судеб его искал,
Кто в темной мистике священного союза.
В России ж видели удобный матерьял,
В котором каждый мог кроить себе свободно —
На всякий образец и что кому угодно —
Парламент с лордами или республик ряд,
Аркадских пастухов иль пахотных солдат.

Один из этого ушел водоворота.
Один почувствовал, что нет под ним оплота,
Что эти странные адепты тайных лож,
Вся эта детская блистательная ложь,
Весь этот маскарад с своею пестротою
Стоит как облако над Русскою землею...
. . . .
То был великий муж... Один он видел ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшие умы, как бедные цветы,
Со стебля сбитые грозой, кружат в пустыне —
Чужие у себя, чужие на чужбине...
Но пусть свершаются над ними их судьбы!
Есть русской крепости незримые столбы,
Есть царства русского основы вековые...
Во всем величии судеб своих Россия
Ему являлася из сумрака времен...
Там исцеление! Там правда! — верил он,

И, этой веры полн, сошел во мрак архивов —
И там, как в сказочной стране чудес и дивов,
Увидел образы князей — бойцов лихих;
Князей — ходатаев за Русь у грозных ханов,
Там умирающих в пути среди буранов...
Явились образы подвижников святых,
Строителей в лесных пустынях общежитья,
И образ земского великого царя,
Пред коим все равны с вельможи до псаря
И к коему от всех доступны челобитья;
И образ целого народа, что пронес
Сквозь всяческих невзгод им созданное царство
И всем, всем жертвовал во имя государства,
Жива бо церковь в нем, а в ней господь Христос...

И, эти образы вместив в душе всецело,
Он словно отлил их из меди в речи смелой.
И вдруг свою скрыжаль воздвиг, как Моисей,
На поучение народов и царей...
Очнулся русский дух... Туман заколебался...

1865

ЖУКОВСКИЙ

В младенческих годах моих далеко
Мне видится его чудесный образ...
Как будто бы меня, еще ребенка,
При факелах, в готическом соборе,
Средь рыцарей, он, величавый старец,
В таинственный союз их посвящает...
И рыцарства высокие обеты
Я говорю за ним — и чую в страхе,
Что прозреваю в мир, тогда впервые
Открывшийся очам моим духовным...
Он говорит о Вере, о Надежде,
И о Любви, и о загробной жизни,
И сам как бы на рубеже земного
Стоит, вперяя взор открытый в Вечность...

И у меня в восторге бьется сердце,
И отдаюсь я весь святому старцу,
И странствовать иду за ним по свету...

По манию жезла его повсюду
Из глубины времен миры выходят...
Таинственный Восток разоблачился —
Та даль веков, когда между людьми,
Прияв их образ, странствовали боги,
Их посвящая в тайны искупленья,—
Та даль веков, когда богатыри,
Как первые избранники из смертных,
Вступали в бой со злобной силой мрака
И обществам в основу полагали
Служенье духу и предвечной правде...
От Индии и от пустынь Турана,
От вечного голгофского креста,
Сквозь темный мир Европы феодальной —
К горящему меня привел он граду...
Я увидал средь пламени и дыма,
Порою разрывавшихся от вихря,
Кремлевские белеющие стены:
«Вот,— он сказал,— вот жертва искупленья,
Пред коей выше — только крест голгофский!
Мы принесли ту жертву всем народом,
Да тленные сокровища искупят
Сокровища, которые прияли
С Евангельем в свой дух мы с дня крещенья
И множили веками бед великих,—
Сокровища, которыми в народах
Отличена и создалась Россия!
Пади ж пред ней, пылающей Москвой!
Ее святынь уразумей глаголы!
Пади пред ней, благодаря творца,
Что жребий дан тебе ее быть сыном!
Моли творца, чтоб и свою крупицу
Ты в общее принес бы достоянье,
Для высшего приготовляясь мира!
Здесь свято долг свой на земле исполни.—
Да общим всех трудом на благо ближних,
Проникновеньем сердца благодатью
И просветленьем разума любовью

Рассеется господство лжи — и будет
Мир на земле, благоволенье в людях
И прославленье здесь и в вышних бога!»

Великий старец! Он свою «крупицу»
Принес и, светлый, в мир переселился,
В который здесь, как бы сквозь тонкий за́вес,
Уж прозревал душою детски чистой...
И на Руси не даром прозвучали
Его слова... Нет!.. Падали, как зерна,
Они в сердца, уготовляя их
К великому... И между посвященных
Им отроков и тот был — кроткий сердцем,—
Кого господь благословил на деле
Осуществить во благо миллионов
Учителя высокие заветы...

1883

ПУШКИНУ

Русь сбирали и скрепляли
И ковали броню ей
Всех чинов и званий люди
Под рукой ее царей;

Люди божьи, проникая
В глушь и дикие места,
В дух народный насаждали
Образ чистого Христа...

Что ж взойдет на общей ниве?..
Русь уж многое дала,
В царство выросши под сенью
Византийского орла...

Что взойдет? Виссон и злато
Только мелких душ кумир!
Лишь созданья духа вечны,
Вечен в них живущий мир;

Не пройдут вовек победы
В светлом царстве красоты,
Звуки песен, полных правды
И сердечной чистоты...

Пушкин! ты в своих созданьях
Первый нам самим открыл,
Что таится в духе русском
Глубины и свежих сил!

Во всемирном Пантеоне
Твой уже воздвигся лик;
Уж тебя честит и славит
Всяк народ и всяк язык,—

Но, юнейшие в народах,
Мы, узнавшие себя
В первый раз в твоих твореньях,
Мы приветствуем тебя —

Нашу гордость — как задаток
Тех чудес, что, может быть,
Нам в расцвете нашем полном
Суждено еще явить!

1880

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

ЧИТАНО НА ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ
10 АПРЕЛЯ 1887 г.

Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах,
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предались невозвратимо...
Им рано старых мастеров,
Поэтов Греции и Рима,
Далось почуять красоты;
Бывало, нежный луч Авроры

Раскрытых книг осветит горы,
Румяня ветхие листы,—
Они сидят, ловя намеки,
И их восторг растет, растет
По мере той, как труд идет
И сквозь разобранные строки
Чудесный образ восстает...
И старики с своих высот
На них, казалося, взирали,
И улыбались меж собой,
И их улыбкой ободряли...
Те трое были... милый мой,
Ты понял?.. Фет и мы с тобой...

Так отблеск первых впечатлений,
И тот же стиль, и тот же вкус
В порывах первых вдохновений
Наш уготовили союз.
Друг друга мы тотчас признали
Почти на первых же шагах
И той же радостью в сердцах
Успех друг друга принимали.
В полустолетье ж наших муз
Провозгласим мы тост примерный
За поэтический, наш верный,
Наш добрый тройственный союз!

1887

А. А. ФЕТУ

В ДЕНЬ ЕГО 50-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ 28 ЯНВАРЯ 1889 г.

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла,
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, ухватит как трофей,—
О, как он тешится, один с самим собою,
Ее еще людьми не знаемой красою,
Дивяся, радостный, сам дерзости своей!

А ты, поэт, за ним в томительном волненье
Следивший в высотах и в безднах, в то мгновенье,
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?

Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраня и аромата сладость,
Играя радуги цветами,— и одним
Помечены клеймом и вензелем твоим!

Январь 1889

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

Вот он, рассеянный, как будто бы небрежно
Садится за рояль — вот гамма, трель, намек
На что-то — пропорхнул как будто ветерок —
Лелеющий мотив, и ласковый, и нежный...
Вот точно светлый луч прорезал небеса —
И радость на земле, и торжество в эфире!
Но вдруг удар!.. другой!.. Иной мотив взвился,
И дико прядает всё выше он и шире!
Он словно вылетел из самых недр земных,
Как будто вырвались и мчатся в шуме бури
Навстречу ангелам тьмы демонов и фурий.
Ветхозаветный спор, спор вечный из-за них
Решается ль теперь?.. Дрожат и стонут долы,
Мятется океан, в раскатах громовых
Архангельской трубы проносятся глаголы,
А тучи темных сил всё новые летят!..
Художник в ужасе: пред ним разверстый ад
Самим им вызванный, хохочущий, гремящий,
Осилить уж его и самого грозящий.
А человечество! О, жалкое дитя!
Ты чувствуешь, что бой, тот бой из-за тебя!
Ты чувствуешь свое бессилье и паденье,
Ты ловишь проблески небесного луча,
В молитве падаешь... Молитва горяча
Над бездной! То порыв, обет перерожденья!..

Но успокойся! Вот уж над тобой светло:
Архангел победил!.. Художника чело
Яснеет... Он к тебе нисходит и с тобою —
Сам человек уже и духом просветлен —
Сливает голос свой с молитвой мировою...
Он кончил... Вот он встал, разбит, изнеможен,
Уходит... Крики вслед!..
Чем крики те звучат!
Художник, слышишь ты?.. То гул благословений!
Да, да, благословен, благословен стократ
Твой, в царство света нас переносящий, гений!

1886

А. П. МИЛЮКОВУ

ПО ПОВОДУ МОЕГО 50-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ
1888 г. АПР. 30

Мне тем дороже твой привет,
Что брызнул он лучом нежданным
Уж по далеким, по туманным
Рядам прожитых нами лет...
Смотри: студентские мундиры...
И все вы, тесною толпой,
Бряцанью полудетской лиры
Открытой внемлете душой.
Вам — в звуках голоса нетвердых,
И в робком переборе струн,
И в недохваченных аккордах —
Могучий чудится перун...
Средь бледных образов, по смелым,
Быть может, профилям кой-где,
Меня уж мастером умелым,
Провозгласив, собором целым,
Всходящей плещете звезде...
И откровенен был и звонок
Ваш дружний клик и гром похвал,
Но как испуганный ребенок
Пред вами, помню, я стоял...
Куда уйти, куда бы скрыться,
С тоской глядел по сторонам.

По счастью (для чего таиться?),
Тогда я не поверил вам,
Да так не верю и поныне,
И только жду,— уж много лет! —
Пророк не слышится ль в пустыне?
Нейдет ли истинный поэт?..
Глашатай бога и природы,
Для тьмы непогасимый свет,
Кому он послан — те народы
И те века — им смерти нет!
Для всех грядущих — в нем наука,
И откровенье, и закон!
И в нем ни образа, ни звука
Не унесет поток времен;
Стоит спокойный, величавый,
Один, как солнце в небесах,—
И наши маленькие славы
Все гаснут при его лучах!

5 мая 1888

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях,—
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширял под облаками!
Как воспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь,—
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было —
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружину
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно угль горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать»,— говорят в дружине.
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или плененным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем плененну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!
«Преломить копье свое,— он кликнул,—
Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы,
Веют стяги красные в Путивле...

Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлёны!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,
Остры сабли крепко отточёны,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отвсюду
От телег их скрып пошел,— ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны́ щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловещим клектом
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было: спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аксамиту, па́волок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Всё дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!

Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далёко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят...
И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом,—
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...

Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод Великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич
За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломятся булатны
Середи неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное всё поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..
Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила,—
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на́ землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Руси!
Братья спорят: то́ мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю,—
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
«Уж ни мыслью милых нам не смыслить!

Уж ни думой лад своих не сдумать,
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, сребром нам уже не звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А всё храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья,—
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, греки, и венецияне,
И морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощея пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне,— он сказывал боярам,—
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;

Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят;
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносясь несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапу тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побрежью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не́ в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Те с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо соко́л и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помоги!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод Великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалёка поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по ре́зани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за́ земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремит ваш ум на подвиг!
Ты могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что соко́л ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатою сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!

По Роси, Суле враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил один, из храбра тела,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копия добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал.
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Всё ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей воспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копья петь пошли по рекам!»

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Славутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зорям на сине море!»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, тресветлое ты Солнце!
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи,
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки;
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тёктом путь к реке казуют,
Соловьин свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светлá веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побрежьи,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темнóй зеленою ракитой,
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережьи,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж младá соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,

Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без уда́ла Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели —
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Перво — старших, а за ними — младших.
Воспоем и мы: свет Игорь — слава!
Буй-тур свету Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.

1866—1870

ПРИМЕЧАНИЯ

А. Н. Майков прошел более чем полувековой творческий путь. Первый сборник его стихотворений вышел в 1842 году, а последнее прижизненное собрание сочинений в трех томах — в 1893 году. Книгу 1842 года поэт считал своим первым собранием сочинений. При жизни Майкова, помимо отдельных сборников (1854, 1864 и 1888), выходило шесть собраний (1842, 1858, 1872, 1884, 1888, 1893), которые автор называл «полными». Название это приходится считать условным. Сам Майков заметил в одном из писем: «...полное в смысле того, что автором выбрано и одобрено. Не вошло многое» (ГПБ).

После смерти поэта было издано еще три полных собрания (1901, 1911, 1914) уже в четырех томах: в последний, четвертый, том входили произведения, которые не включались самим Майковым в издание 1893 года.

Все собрания сочинений Майкова, начиная с 1842 года, открывались стихотворением «Посвящение», адресованным матери поэта Евгении Петровне Майковой (урожд. Гусятниковой, 1803—1880), поэтессе, переводчице, прозаику.

В советское время избранные поэтические произведения Майкова изданы в Малой серии «Библиотеки поэта» (1937, 1952, 1957), в серии «Библиотека драматурга», в книге: Л. Мей. Драмы. А. Майков. Драматические поэмы (1961) и в Большой серии «Библиотеки поэта» (1977).

В основу настоящего собрания положено издание Большой серии «Библиотеки поэта». Тексты произведений, не входивших в нее, для настоящего собрания сверены со всеми прижизненными изданиями и автографами, а в примечаниях указаны источники, по которым они публикуются. В настоящем издании сохранена структура, принятая самим автором в последнем прижизненном собрании сочинений, где произведения распределены по томам, названным поэтом «Лирика», «Картины», «Поэмы», а внутри томов — по жанровым и тематическим разделам, например: «Подражания древним», «Элегии», «Отзывы истории» и т. д. Не меняется и расположение текстов внутри разделов, большая часть которых печатается полностью (не включены произведения, утратившие эстетический или исторический интерес). Заключают настоящее издание стихотворения и поэмы, не вошедшие в последнее прижизненное собрание сочинений Майкова, они расположены внутри жанровой рубрикации в хронологическом порядке.

Публикуя свои произведения в периодике, а затем в собраниях сочинений, Майков, как правило, датировал их. При работе с его текстами выяснилось, что одни и те же произведения в раз-

ных прижизненных изданиях датированы по-разному, хотя произведения автором не перерабатывались. Поскольку многие сохранившиеся автографы имеют дату, часто подробную (число, месяц, год, место написания), и в письмах Майкова, как правило, сообщаются сведения о времени создания ряда произведений, многие даты удалось уточнить. Если точная дата неизвестна, но имеются косвенные свидетельства (выступления на литературных вечерах с чтением стихов, воспоминания современников и т. д.), то дается дата первой публикации или год, не позднее которого написано произведение, при этом дата заключается в угловые скобки; предположительные даты отмечены вопросительным знаком; двойные даты, отделенные запятой, указывают время написания и существенной (иногда коренной) переработки текста; двойные даты, отделенные тире, означают, что произведение создавалось в течение ряда лет. При датировке учитываются также сведения о времени цензурного разрешения периодического издания или авторского сборника; в ряде случаев это дает возможность датировать произведения ранее даты, поставленной самим автором.

Объяснение устаревших слов, географических названий, а также имен и названий, связанных с античной и библейской мифологией, историей и т. п. (в примечаниях они выделены разрядкой), вынесено в Словарь. При пояснениях в Словаре, так же как и в примечаниях, учитывается контекст, в котором встречается поясняемое слово.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

БП — «Библиотека поэта».
БС — Большая серия «Библиотеки поэта».
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Дневник — А. В. Никитенко, Дневник в 3-х т., М., 1955—1956.
Ежегодник, 1974 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год, Л., 1976.
Ежегодник, 1975 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год, Л., 1977.
Ежегодник, 1978 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год, Л., 1980.
МС — Малая серия «Библиотеки поэта».
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.
ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив.

При ссылках на материалы творческого архива Майкова указываются все архивохранилища, кроме ПД. Отсутствие ссылки означает, что использованные в примечаниях автографы или письма находятся в ПД.

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

Значительная часть стихотворений, составивших настоящий раздел, была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842[1]. Сохранился экземпляр сборника с пометами В. Г. Белинского (см. «Литературное наследство», т. 55, кн. I, с. 474—476, М., 1948). Одобрение критика вызвали стихотворения «Октава», «Раздумье», «Воспоминание», «Искусство», «Муза, богиня Олимпа, вручила две звучные флейты...», «Вакханка».

Сон. Впервые — «Одесский альманах на 1840 год», с. 571, подпись: М. «Вот лучшее стихотворение в «Одесском альманахе»,— писал В. Г. Белинский критику В. П. Боткину 1 марта 1840 г.,— стихотворение, достойное имени Пушкина...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., тт. I—XIII, М., 1953—1959, изд. АН СССР, т. XI, с. 476)[2]. Об этом стих. он отозвался одобрительно и в неподписанной статье «Римские элегии» («Отечественные записки», 1841, № 8, отд. V), посвященной анализу антологической поэзии. *Богиня мирная* — Диана.

«Вхожу с смущением в забытые палаты...». *Неведомые боги* — см. примеч. к стих. «Антики», с. 515.

Пустыннику. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 2, с. 96.

«Всё думу тайную в душе моей питает...». Строка 1 восходит к стих. А. С. Пушкина «Осень (Отрывок)». У Пушкина: «Иль думы долгие в душе моей питаю».

«Я был еще дитя — она уже прекрасна...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) не было указания на источник перевода. Перевод стих. французского поэта А. *Шенье* (1762—1794) «J'étais un faible enfant, qu'elle était grande et belle...»

Искусство. Впервые — «Отечественные записки», 1841, № 11, с. 2, подпись: А. М-в.

Вакханка. Впервые — «Отечественные записки», 1841, № 10, с. 310, подпись: А. М-в.

Мысль поэта. В стих. отразились некоторые мотивы поэзии А. С. Пушкина. Ср. его поэмы «Цыганы» («Взгляни: под отдаленным сводом...» и т. д.) и «Езерский» (строфа XIII).

Вакх. *Бог лесов* — Пан.

---

[1] В дальнейшем в тех разделах, где большинство стихотворений впервые публиковалось в одном и том же издании, их первая публикация оговаривается только в преамбуле к разделу.

[2] Подробная ссылка на издание дается только при первом упоминании. В дальнейшем — автор, том, стр.— *Ред.*

Дума. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842), без загл.

Сомнение. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 2, с. 108.

Плющ. Печатается по тексту первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842). Начиная с издания 1872 г. допущена опечатка в ст. 13 («Прекрасен»). Исправлено по автографу.

На памятнике. Впервые — «Отечественные записки», 1842, № 2, с. 237, под загл. «Памятник».

«Пусть полудикие скифы, с глазами, налитыми кровью...». Первые строки стих. ср. со стих. А. С. Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»: «Как дикий скиф хочу я пить...» Восходит к Горацию (кн. II, ода VII).

Поэзия. *Розы Пестума* — см. примеч. к стих. «Розы», с. 517.

Барельеф. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, № 10, с. 109. Не исключено, что стих. написано под впечатлением от рисунка с помпейской мозаики, хранящейся в Национальном музее Неаполя. На мозаике изображен Силен, сидящий на споткнувшемся осле. См. в кн.: Mauri B., Le Musée National. Naples, 1959, s. 123. «Г-н Майков как будто ошибкою родился не в Элладе и не в век Перикла... Что может быть, так сказать, *античнее*, например, этой пьески...» — писал в 1847 г. В. Г. Белинский о стих. «Барельеф» (В. Г. Белинский, т. X, с. 83). Ф. М. Достоевский процитировал две заключительные строки этого стих. в беседе Дмитрия и Алеши Карамазовых в знаменитой главе «Исповедь горячего сердца в стихах». Вл. Соловьев считал, что в ряду антологических стих. Майкова «Барельеф» «выше всяких похвал» (статья «А. Н. Майков» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

Большая часть стихотворений этого раздела была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Сафо

«Зачем венком из листьев лавра...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) в цикле под загл. «Подражания Сафо».

«Звезда божественной Киприды!..» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) в цикле «Подражания Сафо». *Звезда... Киприды* — Венера.

Анакреон

«Пусть гордится старый дед...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 113.

Проперций

Туллу. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) с подзаголовком «(Из Проперция)». Подражание XIV элегии первой книги Проперция. *Лесбийский сок* — вино с острова Лесбос.

Цинтии. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) с подзаголовком «(Из Проперция)». Подражание XI элегии первой книги Проперция.

Гораций

«Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?..». В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) под загл. «Из Горация. Ода V». Подражание V оде первой книги од Горация. *Ризы влажные*.—Восходит к стих. А. С. Пушкина «Арион».

«Легче лани юной ты...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) дано как оригинальное стих. Подражание XXIII оде первой книги од Горация.

Марциал

«Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1853, кн. 1, с. 122.

Овидий

Послание с Понта. Впервые — «Отечественные записки», 1843, № 7, с. 2 (др. ред.), как оригинальное стих. Стих, ближе всего к IX посланию, входящему в книгу Овидия «Письма с Понта», книга IV. В послании поэт обращается к Помпонию Грецину, назначенному в 16 г. н. э. консулом. Некоторые мотивы Майков заимствовал из VII элегии пятой книги «Скорбных элегий» Овидия.

Эпикурейские песни. 1. «Мирта Киприды мне дай!..»; 2. «Блестит чертог; горит елей...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) включены в раннюю поэму «Олинф и Эсфирь». *Бог гроздий* — Дионис. 3. «Остроумица плясунья...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 129.

ИЗ ВОСТОЧНОГО МИРА

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Единое благо», впервые напечатаны: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Еврейские песни. 1. «Торжествен, светел и румян...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) под заглавием «Еврейская песнь». 2. «Колыбель моя качалась...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) включено в поэму «Олинф и Эсфирь». *Введение во храм...*— согласно христианским легендам, дева Мария в детстве была приведена родителями в храм и посвящена богу.

Единое благо. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 8, с. 104, под загл. «Истинное благо». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 87. *Печальный кипарис* — у древних символ скорби, траура, печали.

ЭЛЕГИИ

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Исповеди», были впервые напечатаны: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Исповедь. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 12, с. 136, под загл. «Падение». *Локк* Д. (1632—1704) — английский философ-просветитель. *Кант* И. (1724—1804) — философ-идеалист, родоначальник немецкой классической философии.

Мраморный фавн. В автографе после ст. 47 следует восемь ст. (обозначенных в ранних публикациях восемью строками точек, а в поздних — одной строкой точек):

Скажи, перед собой видал ли ты царей —
Под бременем венца, и скиптра, и порфиры
Чело, изрытое печалями... Тогда,
Скажи мне, мученик державного труда
Вам не завидовал, насмешники-сатиры?
И сардонический ваш смех им не вещал,
Что их порфира — ткань, венец — пустой металл?
Их нет уже, а ты... доныне ты остался?

Призвание. *Изабелла* (1451—1504) — королева Арагона и Кастилии; при ней снаряжались экспедиции Колумба *(Генуэзца)*.

ОЧЕРКИ РИМА

Большая часть настоящего раздела впервые опубликована в «Отечественных записках», 1847, № 1. Одновременно с набора журнала «Очерки Рима» печатались отдельным изданием. В «Очерках» отразились римские впечатления Майкова, который в 1842—1844 гг. совершил заграничное путешествие. Творческая история «Очерков Рима» подробно рассмотрена И. Г. Ямпольским (Ежегодник, 1976, с. 39—56). «В Риме,— сообщал Майков в письме близким от 6 ноября (н. ст.) 1842 г., через неделю после приезда в Рим,— я хотел видеть две вещи — развалины древнего мира, покрытые плющом и диким злаком, и развалины католицизма, облеченного во всю роскошь прежнего его величия, обратившегося ныне в одни внешние формы. Я искал и нашел обе эти развалины, каждые носящие печать своего особенного, оригинального величия <...> Да, в Риме — два Рима, и между тем и другим или страшная разница, или ближайшее сходство...» (Ежегодник, 1976, с. 40—41).

Вспоминая в 1882 г. о пребывании в Италии, Майков заметил: «Тут, во-первых, Рим сам по себе, его топография, памятники, развалины. С особенным усердием занялся тут Тацитом, Светонием, Виргилием. <...> Это была одна сторона моей жизни в Риме, с

другой были — мир искусств, их история, итальянская литература, и рядом со всем этим — веселые кутежи русских художников в Риме» (Известия ОЛЯ, 1979, № 4, с. 383, публикация И. Г. Ямпольского)

Campagna di Roma. В первой публикации («Отечественные записки») — др. ред. Окончательный текст: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 173. *Италия святая.*— Ср. в стих. А. С. Пушкина «Герой»: «Тогда ль, как с Альпов он взирает // На дно Италии святой...».

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..». По воспоминаниям писателя Г. П. Данилевского, в 1851 г. Н. В. Гоголь, одобрительно отзываясь о Майкове, прочел наизусть две первые строки стих. и заметил при этом: «Не правда ли, как хорошо?» (Гоголь в воспоминаниях современников, М., 1952, с. 440).

После посещения Ватиканского музея. *Ватиканский музей* — собрание картин и скульптур, размещенное в различных строениях Ватикана. Майков имеет в виду скульптурную группу «Лаокоон» (ок. 50 г. до н. э.) и статую «*Аполлон* Бельведерский» (4 в. до н. э.). *Потемкинские палаты* — дворец кн. Г. А. Потемкина-Таврического (1739—1791) в Петербурге (ныне Таврический дворец).

«На дальнем Севере моем...» Впервые — «Метеор на 1845 год», СПб., 1845, с. 9, в цикле «Два отрывка из дневника в Риме». «Тот, кто так начал и так продолжал,— писал Н. А. Некрасов об этом стих. в 1856 г.,— конечно, не мог возбудить сомнения в своем таланте...» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. в 12 тт., М., 1948—1952, т. 9, с. 394).

Нищий. В первой публикации («Отечественные записки») — др. ред. Окончательный текст: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1884, т. 1, с. 195. *Мурильо* Б. (1618—1682) — испанский художник, ряд его картин написан на библейские и евангельские сюжеты.

Fortunata. А. А. Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году» назвал это стих. «превосходным» («Москвитянин», 1853, т. 1. № 1, отд. V, с. 60). *Без размышлений, // Без тоски, без думы роковой.*— Эти слова, процитированные точно или с отступлением от источника, нередко встречались на страницах демократической прессы 60-х годов XIX в. Иронически переосмысленные, они направлялись не только против идейных противников, но и целили в их автора. Цитата из данного стих. обнаружена в заметке В. И. Ленина «Среди газет и журналов» (1906): «Бросьте же торг, генерал, и «без тоски, без думы роковой, без напрасных и пустых сомнений» вручите вожжи новому кучеру» (см.: В. Н. Фойницкий. О поэтической цитате в заметке В. И. Ленина «Среди газет и журналов» — «Русская литература», 1964, № 3, с. 211). Майков был в числе тех писателей, чьи книги В. И. Ленин имел в своей библиотеке.

Тиволи. *Туллий* — вероятно, Цицерон. *Ратники новыя веры* — христиане.

«Всё утро в поисках, в пещерах, под землей...» *Винкельман* И. (1717—1768) — немецкий историк античного искусства, один из основоположников эстетики классицизма.

Антики. *Алтарям Неизвестного бога.*— В «Деяниях апостолов» (XVII, 23) сообщается, что в Афинах был жертвенник с надписью «Неведомому богу».

Игры. В первой публикации («Отечественные записки») есть цензурные купюры (точками заменены две последние строки), впоследствии («Стихотворения Аполлона Майкова», СПб, 1858, кн. 1, с. 239) автором восстановленные. Эпиграф — лозунг римской черни при Августе. Эти слова упоминает Ювенал в своих «Сатирах» (X, 81). Об этом стих. положительно отозвался Гончаров в письме к Майкову от 2 марта 1843 г. (И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8 тт., М., 1977—1980, т. 8, с. 188).

Древний Рим. В первой публикации («Отечественные записки») есть цензурные купюры. Впервые без цензурных изъятий — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1.

Palazzo. В первой публикации («Отечественные записки») — строка точек вместо ст. 53 (цензурная купюра). Без цензурного изъятия — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 245. В автографе после ст. 40 следует строфа (обозначенная в печатном тексте строкой точек):

О, душу тяготит язык былых веков,
Отвсюду слышатся проклятия и стоны,
И вопли пытками замученных рабов...
На трупах и костях воздвигнутые троны...
И лики праотцев, как будто из гробов,
Потомкам шлют урок, страданьем наученный,
Как смерти муками охваченный злодей,
Любви к добру своих учащий сыновей.

В том же автографе ст. 53 и 55 имеют разночтения с печатным текстом: «От прав, украденных насильно у народа» и «И движет вами клик: „Равенство и свобода!"» Характер этих разночтений, так же как и содержание выпущенной во всех публикациях строфы, безусловно, свидетельствует об автоцензуре или прямом цензурном вмешательстве. *Болонская хоругвь над вашей головой.*— Речь идет о преемственности революционного движения в Италии (в 1815 и 1846 гг. в Болонье произошли революционные выступления).

ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ

После бала. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 201. Стих. «После бала», «Утопист» и «Старый хлам» были включены в сб. «Гражданские мотивы...», СПб., 1863. В предисловии составителя этого сборника А. П. Пятковского указывалось, что в издании «собраны лучшие произведения новейших русских поэтов, носящие на себе печать истинной любви к родине и гражданского служения ее благу». М. Е. Салтыков-Щедрин в рецензии (1863) на сб. «Гражданские мотивы...» писал, что стих. «После бала» не может рассматриваться как «гражданское» и что для такого рода произведений скорее подо-

шел бы сборник «Эротическо-гражданских стихотворений» (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., М., 1965—1977, т. 5, с. 334).

Утопист. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 205.

«Перед твоей душой пугливой...» Впервые — «Современник», 1855, № 11, с. 50.

«Уйди от нас! Язык твой нас пугает!..» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 199.

«Над прахом гения свершать святую тризну...» Впервые — «Современник», 1855, № 12, отд. II, с. 284, под загл. «Отрывок из поэмы „Земная комедия"», с подзаг. «(Памяти Пушкина)». В «Современнике» стихотворение заключало статью Н. А. Некрасова «Заметки о журналах за ноябрь 1855 года», в которой говорилось о нападках реакционных журналистов К. А. Полевого и Ф. В. Булгарина на А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Стих. конкретно направлено против клеветнической статьи К. Полевого о Пушкине («Северная пчела», 1855, № 255). *«Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах!»* — Ср. в стих. А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: «...чувства добрые я лирой пробуждал...». *Вождь мой.* — В «Божественной комедии» Данте сопровождает в его странствиях Вергилий. По первоначальному замыслу Майкова это стих. являлось частью поэмы «Земная комедия» (подражание Данте), позднее названной им «Сны» (см. примеч., т. 2).

На смерть М. И. Глинки. Впервые — «Русский вестник» т. 8, кн. 2, 1857, с. 283. *Глинка Михаил Иванович* умер 3 (15) февраля 1857 г.

Эоловы арфы. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 3—4, с. 659.

«Как чудных странников сказанья...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 9—10, с. 3. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 259.

«Когда, гоним тоской неутолимой...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 155.

Филантропы. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 200. Не исключено, что некоторые материалы для этого стих., как и для некрасовского «Филантропа» (1853), дала Майкову деятельность петербургского благотворительного Общества посещения бедных (подробнее см.: Б. Я. Бухштаб. Некрасов и петербургские филантропы.— Уч. зап. Горьковского университета, вып. 72, сер. ист.-филолог., 1964, с. 297—344).

Мать и дочь. Впервые — «Русский вестник», 1857, № 9—10, с. 409.

Старый хлам. Впервые — «Русский вестник», 1856, № 5, с. 557. Печатается по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., СПб., 1884, т. 1, с. 173.

Он и она. Первая часть публиковалась как самостоятельное стих. под загл. «Первая любовь» — «Отечественные записки»,

1857, № 9—10, с. 1. Часть вторая публиковалась как самостоятельное стих. без загл.— «Библиотека для чтения», 1857, № 5, с. 167. Впервые полностью — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 214. Печатается по этой публикации.

Приданое. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 411.

ФАНТАЗИИ

Розы. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 5—6, с. 664. *О розы Пестума, классические розы!..*— Упоминаются в «Георгиках» Вергилия: «Пышные сады и розарии Пестума <...>, дважды в год цветущие...» (IV, 119—120).

Размен. Впервые — «Современник», 1853, № 1, с. 157 (др. ред.). Окончательный текст: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 166.

Пери. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 9—10, с. 4, с подзаг. «Восточное предание». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 178. Истоки образа *пери* — в поэме английского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) «Лалла Рук».

Допотопная кость. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 180.

Импровизация. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 182. По словам К. Д. Бальмонта, в этом стих. Майков «возвышается до современной нервности, достигает истинного художественного символизма» (К. Бальмонт. Горные вершины, М., 1904, с. 73).

Сон в летнюю ночь. Впервые — «Русский вестник», т. 12, 1857, с. 202, без посвящ., без даты. Автограф стих. в письме Майкова к Я. П. Полонскому от 14 октября 1857 г. *Григорьев Аполлон Александрович* (1822—1864) — русский поэт, прозаик, критик и переводчик (перевел, в частности, комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь»). Майков высоко ценил Григорьева-критика, считая его продолжателем лучших сторон критической деятельности В. Г. Белинского (см. его письмо к жене от октября 1864 г.— «Русская литература», 1962, № 1, с. 206). Знакомство их относится к первой половине 1850-х годов. Еще в 1846 г. Григорьев писал о стихах Майкова и поэме «Машенька» (см. примеч., т. 2) в статье «Материалы для истории театра...» («Репертуар и Пантеон», 1846, № 12, с. 407). В 1852 г. он сделал попытку оценки поэзии Майкова в целом, посвятив ей большой пассаж в статье «Русская изящная литература в 1852 г.» («Москвитянин», 1853, № 1, отд. V, с. 57—61), а в 1858 г. опубликовал с посвящением Майкову одну из своих важнейших статей — «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» («Библиотека для чтения», 1858, № 1, с. 1—42). В марте 1858 г. в письме к Я. П. Полонскому Майков заметил, что, «не говоря о блестящих страницах про Байрона и Ж. Занд», в работах Григорьева можно найти «чрезвычайно дельные заметки о таких сторонах искусства, о которых и не снится другим нашим кри-

тикам, ибо поэзию Григорьев понимает чувством» (Ежегодник, 1975, с. 104). В 1853—1855 гг. Григорьев стоял во главе «молодой редакции» журнала «Москвитянин», о которой позднее Майков вспоминал: «В одну из самых тяжелых для меня эпох, в Крымскую войну 1853—1855 годов, я бросился из Петербурга в Москву, чтобы почувствовать под собою почву... Я попал в молодую редакцию «Москвитянина» <...> У них я нашел не только оправдание и сочувствие, но и увидел в них совсем моих единомышленников...» («Исторический вестник», 1888, № 6, с. 694—695). На другой день после похорон Григорьева, 29 сентября 1864 г., Майков писал жене: «Теперь уж в литературе петербургской у меня нет друзей, т. е. душевно меня понимавших. Аполлон Григорьев все собирался разбирать мои стихи — да так и не успел; теперь уж никто не в состоянии написать мой литературный портрет» («Литературное наследство», т. 86, 1973, с. 397).

КАМЕИ

У храма. Впервые — «Современник», 1854, № 6, с. 219, под загл. «Подражание древним». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 104.

Анакреон. Впервые — «Современник», 1852, № 3, с. 109. *Гончаров Иван Александрович* — см. примеч. к стих. «И. А. Гончарову», с. 520. По мнению Н. А. Некрасова, это стих. «можно без преувеличения поставить рядом с удачнейшими антологиями Пушкина» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 239).

Юношам. Впервые — «Современник», 1854, № 1, с. 9.

Анакреон скульптору. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 100. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 329. *Толстой Федор Петрович* (1783—1873) — русский скульптор-медальер, график, живописец. Упоминая *Геру* и *Гебу*, Майков имеет в виду иллюстрации Толстого к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька».

Алкивиад. Впервые — «Современник», 1853, № 11, с. 5. По мнению Н. А. Некрасова, стих. входило в число «более или менее *заметных (если не замечательных)* стихотворений, появившихся в последние годы» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 240).

Аспазия; Претор. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 94, 109.

Аркадский селянин путешественнику. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 106, с цензурной купюрой в ст. 23 (выпущено слово «богомольный»). Впервые полностью: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 340.

ПОСЛАНИЯ

Значительная часть стихотворений настоящего раздела была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2.

П. М. Цейдлеру. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 283), под загл. «Ц......ру» (в ст. 1 — «г........му саду», в ст. 29 — «Ц......р»). Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 345. *Петр Михайлович Цейдлер* (1821—1873) — русский педагог, надзиратель и преподаватель Гатчинского сиротского института и других учебных заведений. Критик А. М. Скабичевский, сослуживец Цейдлера, считал, что Майков в своем стих. идеализировал университетского товарища, который, по мнению Скабичевского, представлял собой «заурядного школьного администратора» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, М., 1928, с. 175).

Я. П. Полонскому. Впервые как цикл — Стихотворения Аполлона Майкова, 1858, СПб., кн. 2, с. 285. Стих. 1. «Твой стих красой и ароматом...». Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, 1858, СПб., кн. 2, с. 285. Стих. 2. «Полонский! суждено опять судьбою злою...». Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, № 9, с. 1. Автограф стих. Майков послал Полонскому в письме от июня 1857 г. *Полонский Яков Петрович* (1819—1898) — русский поэт, цензор Комитета иностранной цензуры, председателем которого с 1882 г. был Майков. «Единственный человек в Петербурге из числа пишущих, с которым сошелся я,— писал Полонский А. Н. Островскому 10 ноября 1851 г.,— это А. Н. Майков» (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.-Л., 1932, с. 438). Литературная критика того времени объединяла А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и А. А. Фета в «триаде» поэтов «чистого искусства». Сам Майков, говоря о «тройственном союзе поэтов» (Фет, Полонский, Майков), по-видимому, также хотел подчеркнуть свою творческую близость к этим лирикам (см. стих. «Я. П. Полонскому. Читано на его пятидесятилетнем юбилее 10 апреля 1887 г.», с. 486). Стих. получено Полонским, бывшим в это время за границей, в августе 1857 г. Он откликнулся посланием «А. Н. Майкову. Ответ на стихи его: „Полонский! суждено опять судьбою злою..."» В архиве Майкова сохранилось несколько автографов стих. «Музе Полонского» (опубликовано И. Г. Ямпольским — Ежегодник, 1974, с. 134) и автограф стих. (без даты) «В альбом Полонскому». *Вазари Д.* (1511—1574) — итальянский архитектор, живописец, автор жизнеописаний итальянских художников. *Сладостный певец Тибура и Пестума* — Вергилий. *Где Штернберг? Где Иванов? // Ставассер милый мой?..* — С живописцем В. И. Штернбергом (1818—1845) и скульптором П. А. Ставассером (1816—1850) Майков встречался во время своего пребывания в Италии в 1842 г. Они оба умерли в Риме. О каком Иванове идет речь — не совсем ясно. Возможно, имеется в виду скульптор Антон Андреевич Иванов (1815—1848); в 1841—1846 гг. он находился в Риме как пансионер Академии художеств. *А брат мой, милый брат* и т. д.— Речь идет о трагической гибели В. Н. Майкова (1823—1847), критика и журналиста. См. о нем также примеч. к стих. «На могиле», т. 2.

П. А. Плетневу. *Плетнев Петр Александрович* (1792—1865) — критик и поэт, связанный с кругом А. С. Пушкина, ректор Петербургского университета; сыграл важную роль в судьбе

Майкова — начинающего поэта, представив его стихотворения высшим властям и популяризируя их в литературных кругах. Он рекомендовал их Жуковскому и Гоголю, с одобрением отзывался о них в письмах к Я. К. Гроту. Сохранились стихотворные послания, которыми обменялись Майков («Ваш светлый ум и верный вкус // Всегда отечественных муз // Нелицемерным был судьею...») и Плетнев (с эпиграфом из Жуковского «Не нам тебя благословлять») по случаю выхода в свет первого сборника стих. Майкова (1842). Тогда же в отчете о деятельности университета Плетнев дал этой книге высокую оценку. В рецензии на сборник Майкова 1842 г., написанной Плетневым, о молодом поэте говорилось: «...судя по верности умопредставлений, сочувствует он с антологическими поэтами Греции, как сочувствовал с ними Дельвиг, а судя по музыкальному, воздушно-прозрачному стиху, с Батюшковым, Жуковским, Пушкиным и А. Шенье» («Современник», т. 26, 1842, с. 50). Позднее Плетнев выступил с рецензией на стихи Майкова и поэму «Две судьбы». *За стаею орлов* и т. д.— Имеется в виду появление в России вслед за плеядой полководцев, выдвинутых Отечественной войной 1812 г., плеяды русских поэтов, к которой, несмотря на свой скромный дар, принадлежал и Плетнев. С другой стороны, сопоставление лебедя и орла как символов лирического и гражданского начал было широко распространено в литературе того времени. Наконец, в древнегреческих преданиях говорилось о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей.

М. Л. Михайлову. *Михайлов Михаил Ларионович* (1829—1865) — русский поэт, прозаик, переводчик и революционный деятель, родился на Урале; с Майковым познакомился в Петербурге в начале 1850-х годов. *Простые племена* и т. д.— Речь идет о собирании Михайловым башкирского фольклора во время литературно-этнографической экспедиции по командировке Морского министерства в Оренбургскую губернию и на Урал. *Далекая любовь* — вероятно, к Л. П. Шелгуновой, жене публициста и революционера Н. В. Шелгунова. Ей посвящен ряд «альбомных» стих. Майкова. *Пришел ты снова к нам.*— Михайлов вернулся в Петербург в мае 1857 г.

И. А. Гончарову. *Гончаров Иван Александрович* (1812—1891) был близким другом семьи Майковых. В 1835 г. Гончаров стал домашним учителем А. Майкова и его брата Валериана. По мнению И. И. Панаева, он «без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса» в своем ученике (И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 106). А. М. Скабичевский, напротив, считал, что «в качестве учителя поэта Аполлона Майкова он, конечно, озаботился привить достаточное количество бюрократического яда в голову своего ученика» (И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969, с. 70). В молодости Гончаров принимал участие в рукописных альманахах семьи Майковых «Подснежник» и «Лунные ночи». Стих. относится к тому времени, когда писатель, вернувшись из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», стал публиковать свои путевые очерки, часть которых впервые сформировалась в качестве писем к семье Майковых. Майков также посвятил Гончарову стих. «Анакреон» и

«Рыбная ловля»; Гончаров высоко отзывался о ряде произведений поэта (см. примеч. к переводу «Слова о полку Игореве», с. 563; к поэме «Сны», т. 2). Обращаясь к поэту в день его творческого юбилея, 30 апреля 1888 г., Гончаров писал, что его дружба с Майковым на протяжении пятидесяти лет «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и светла», как поэзия юбиляра (И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8 тт., М., 1952—1955, т. 8, с. 500).

«В наш город слух пришел, что Сафо будет к нам...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, 1872, ч. 2, с. 413. Печатается по первой публикации с исправлением первого ст. по двум автографам («пришел» вместо «прошел»). *Евдокия Петровна Ростопчина* (1811—1858) — русская поэтесса. Комплиментарная критика 1840-х годов называла ее «русской Сафо». Дата стих., несмотря на помету в беловом автографе: «Из старой тетради 1859 года», вызывает сомнение: скорее всего стих. было написано при жизни Ростопчиной.

Е. А. Шеншиной. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 415. Печатается по первой публикации.

НА ВОЛЕ

Весна. Впервые — «Русский вестник», т. 13, 1858, с. 396, без загл. «Помните у Майкова «Весну»? — писал М. Горький М. Г. Ярцевой.—...Восемь строчек — 16 слов и полная картина» (М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., М., 1949—1955, т. 28, с. 216).

«Весна! Выставляется первая рама...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 113, под загл. «Весна».

«Боже мой! Вчера — ненастье...» Впервые — «Современник», 1855, № 12, с. 203 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 5.

«Поле зыблется цветами...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 9, с. 1.

Под дождем. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 125, в цикле «Летний дождь», без загл.

Звуки ночи. Впервые — «Русский вестник», т. 5, 1856, с. 352 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 138. Стих. вызвало одобрительный отзыв И. С. Тургенева в письме к Д. Я. Колбасину от 2 (14) ноября 1856 г. (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт., М.-Л., 1960—1968, изд. АН СССР. Письма, т. 3, с. 34).

Утро. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 1—2, с. 486. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 9.

В лесу. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 130.

«Маститые, ветвистые дубы...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгновения».

Голос в лесу. Впервые — «Русский вестник», 1856, № 11, с. 305.

«Всё вокруг меня, как прежде...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 9—10, с. 2.

«Вот бедная чья-то могила...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 142.

Журавли. Впервые — «Библиотека для чтения», 1856, № 11, с. 1. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 16. Стих. пародировалось (вместе с другими) в синтетической пародии Н. А. Добролюбова «Жизнь мировую понять я старался...» (цикл «Мотивы современной русской поэзии»).

Облачка. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 132.

Болото. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 140. *А были дни, мое воображенье* и т. д.— автор говорит о своих итальянских впечатлениях 1842 г. (см. примеч. к «Очеркам Рима»).

Пан. Впервые — «Заря», 1869, № 12, с. 104, под загл. «Полдень» (др. ред.). С примеч. Майкова к загл.: «Пан (от греческого слова παν, что означает *всё)*. Греческий бог, олицетворявший собою жизнь природы; от того же слова происходит и название *пантеизма*, философской системы, обожествляющей природу». Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч 2, с. 21.

Пейзаж. Впервые — «Подснежник», 1858, № 2, с. 1. См. также стих. и примеч. «Н. А. Некрасову. По прочтеньи его стихотворения „Муза"», т. 2.

Ласточки. Впервые — «Библиотека для чтения», 1856, № 12, с. IV.

«Осенние листья по ветру кружат...» Впервые — «Эпоха», 1864, № 1—2, с. 496.

Осень. Впервые — «Отечественные записки», 1856, № 12, с. 259.

«И город вот опять! Опять сияет бал...» Впервые — «Современник», 1857, № 1, с. 165 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 150.

Мечтания. Впервые — «Современник», 1856, № 3, с. 84.

ИЗ ДНЕВНИКА

Большая часть стихотворений, составивших настоящий раздел, была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2.

«Еще я полн, о друг мой милый...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2), вошло в цикл «Из прошлого».

«Люблю, если, тихо к плечу моему головой прислонившись...» Впервые — «Отечественные записки», 1842, № 8, с. 160.

«Порывы нежности обуздывать умея...» Впервые — «Современник», 1853, № 2, с. 331.

«Точно голубь светлою весною...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 3—4, с. 658.

ДОЧЕРИ

Дочь Майкова Вера, родившаяся 21 февраля 1855 г., умерла 11 лет от роду. В письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 19 ноября 1892 г. Майков писал: «Это был бы такой ангел хранитель семьи, братьев и всех, с кем бы связала ее судьба. И у маленькой у ней была забота, чтобы всем было хорошо...».

«Новая, светлая звездочка...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 1, с. 419.

«Она еще едва умеет лепетать...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 162. Первая строка использована М. Е. Салтыковым-Щедриным в качестве загл. одной из глав «Помпадуров и помпадурш» (1864).

«Эти детские глазки...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгновения». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб, 1872, ч. 2, с. 52.

«Не может быть! не может быть!..» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 73, в цикле «Заметки и мгновения».

«Вот уж и гроб!.. и она...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 54. Печатается по первой публикации.

ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ

На берегах Нормандии. Впервые — «Отечественные записки», 1859, № 11, с. 243, без загл.

«О вечно ропщущий, угрюмый Океан!..» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 73, в цикле «Заметки и мгновения».

Альпийские ледники. Впервые — «Время», 1861, № 9, с. 242, под загл. «В горах». *На чей-то зов: «Туда! Туда!* — Ср. в стих. Гёте «Миньона» (пер. Майкова): «...Туда, туда! // Уйти бы нам, мой милый, навсегда!»

Альпийская дорога. Впервые — «Московский вестник», 1860, 22 апреля, с. 233, под загл. «На чужбине». *И о странных и чужих.*— В первой публикации — «странних», т. е. странниках, странствующих.

«Всё — серебряное небо!..» Впервые — «Модный магазин», 1864, № 3, с датой и пометой: Ницца, 1859. Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова. М., 1864, с. 84.

«Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо...» Впервые — «Отечественные записки», 1862, № 12, с. 350, в составе «Неаполитанского альбома».

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ
(МИСС МЕРИ)
1858—1859

Впервые в полном составе настоящий раздел был опубликован в «Отечественных записках», 1862, № 12, с 327, без подзаг. (начиная с Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, дается подзаголовок). Создание этого цикла связано с участием поэта в морской экспедиции корвета «Баян» на Архипелаг в 1858—1859 гг. «Но,— заметил Майков в автобиографии,— корвет в Грецию не попал, долго болтался в Ницце, Палермо и Неаполе: отсюда вышел Неаполитанский альбом». Первая публикация сопровождалась примеч. автора: «Все стихотворения этого альбома относятся к Неаполю 1859 года. С тех пор там многое изменилось, но я уверен, что общий фон картины и теперь тот же: море и воздух Неаполя не изменятся с переменою правительств и не перестанут производить веселое и светлое расположение духа в человеке, туземце или заезжем; Сан-Дженнаро еще долго будет делать свое чудо, а Везувий... вот, один только Везувий вдруг всему может положить конец». В «Искре» (1863, № 4, с. 58) была напечатана пародия В. Буренина на майковский «альбом» под загл. «Парижский альбом» и с посвящ. А. Н. Майкову. Примеч. Майкова к «Неаполитанскому альбому», в котором мимоходом говорится о политических событиях, потрясших Италию (освободительная война под предводительством Гарибальди), дало повод Буренину и свою пародию тоже снабдить примеч.: «Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда» (Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955, с. 715, БП, БС). Д. С. Мережковский находил в этом цикле «искусное подражание Гейне» (статья «А. Н. Майков» в сб. «Философские течения русской поэзии», СПб., 1896, с. 333), а Вл. Соловьев увидел в нем не более чем «альбомное остроумие весьма относительного достоинства» (статья «А. Н. Майков» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона). Сохранился автограф прозаического и стихотворного предисловия Майкова к «Неаполитанскому альбому», из которого следует, что поэт предвидел возмущение критики легковесностью «эскизов», «накиданных в стихах в этом альбоме», и пытался оправдаться, хотя и не без иронии:

Что ж с собой привезу? Ни полезных советов,
Ни идей для дальнейшего хода прогресса в России,
Ни правительству важных каких указаний...

Авторская датировка цикла — условная, приурочена ко времени пребывания за границей. Ряд произведений, вошедших в «Неаполитанский альбом», написан Майковым по возвращении в Россию, в 1860-х годах.

Дон-Пеппино. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1, с. 439.

«Боже мой, какая нега...» Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 88.

«Вот смотрите, о мисс Мери...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Возможно, в стих. речь идет о легендах, связанных с неаполитанской королевой *Иоанной I* (1326—1382).

К мисс Мери. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Стих. послано в письме Майкова к жене из Неаполя 16 мая 1859 г.

«Весь Неаполь залит газом...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *Залит газом.*— Речь идет об освещении улиц газовыми светильниками. *Times* — респектабельная английская газета.

«Я люблю в Café d'Europa...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 78. *Сеет мак* и т. д.— для изготовления опиума.

«Какое утро! Стихли громы...» Впервые — «Современник», 1859, № 1, с. 321, под загл. «Неаполитанское утро».

К мисс Мери. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *В пустыню с воплем говоришь!* — Иронически обыгрывается евангельское изречение «глас вопиющего в пустыне» (Марк, 1, 3; Матф., III, I; Иоанн, 1, 23).

«Князь NN и граф фон Дум-ен...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *Б-ин* — в Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1914, т. 1, с. 177 расшифровано как: Бурдин. Надо полагать, речь идет об артисте Александринского театра и литераторе Федоре Алексеевиче Бурдине (1827—1887), друге А. Н. Островского.

«В темный храм один прокрался...»; «Вот с резной кафедры грозно...» Печатаются по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Ах, меж тем, как вы стояли...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 86.

«Золотой архиепископ...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *Весь Неаполь— чуда ждет* и т. д.— Ожидаемое «чудо» — кипение «крови» святого Януария (итал.— Дженнаро), склянка с которой хранится в неаполитанском монастыре Сан-Дженнаро.

«Что за шум и крик? О боже!..» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Вы повсюду — о мисс Мери!..» *Красные каторжники.*— Возможно, намек на гарибальдийцев, носивших красные рубахи.

Два карлина. Впервые — «Светоч», 1861, кн. 1, с. 13. *Чудовище* — Везувий.

Тарантелла. *«Giá la luna è mezz'al mare...»* — широко известная тарантелла итальянского композитора Дж. Россини.

Lacrymae Christi. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Всё ты бредишь англичанкой...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 108.

«Фердинанд-король был рыцарь...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *Запер всех нагих Венер.— Фердинанд II* (1810—1859), король обеих Сицилий, отличался крайней жестокостью в борьбе с освободительным движением и одновременно ханжеством (велел вынести из музея статую Афродиты).

«Вне ограды Campo Santo...» *Шла народная волна.*— Ср. в стих. А. С. Хомякова, поэта и философа, впервые напечатанном в 1858 г.: «Широка, необозрима // Чудной радости полна, // Из ворот Ерусалима // Шла народная волна».

«Дон-Пеппино русской бредит...»; «Пульчинелль вскочил на бочку...»; «Мне Неаполь опротивел...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Душно! Иль опять сирокко?..» *И Сицилия горит.*— Имеется в виду освобождение острова Сицилия от власти австрийской династии Габсбургов в результате похода Гарибальди в мае 1860 г.

«Говорят, со всех соборов...»; «Блестит салон княгини Зины...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). *Княгиня Зина* — очевидно, Зинаида Александровна Волконская (1792—1862). В ее петербургском салоне бывали крупнейшие русские писатели: А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский и др. С 1829 г. до смерти постоянно жила в Италии, где встречалась с деятелями русской культуры. *Над мягкой красною фланелью* и т. д.— См. примеч. к стих. «Вы повсюду — о мисс Мери!..», с. 525.

«Народный вождь вступает в город...» *Народный вождь* — Гарибальди, войска которого вошли в Неаполь 7 сентября 1860 г.

ДОМА

Мать. Впервые — «Библиотека для чтения», 1862, № 1, с. 3, без загл.

Весна. Впервые — «Нива», 1880, № 19, 10 апреля, с. 373, с посвящ. Н. Трескину. *Коля Трескин* — вероятно, сын Н. А. Трескина (1838—1894), цензора Московского цензурного комитета, директора учительского института при Московском воспитательном доме. Н. А. Трескин в студенческие годы дружил с братом поэта Л. Н. Майковым, который в 1863 г. женился на сестре Н. А. Трескина, а впоследствии стал крестным отцом Коли Трескина. Сохранились стих. Н. Н. Трескина «Аполлону Николаевичу Майкову. В память 30 апреля 1888 года» и письмо его Л. Н. Майкову от 11 марта 1897 г. с соболезнованиями по поводу кончины поэта.

Летний дождь; Сенокос. Впервые — «Подснежник», 1858, № 1, с. 1, 2.

Ночь на жнитве. Впервые — «Модный магазин», 1863, № 1, с. 1, под загл. «Отрывок из поэмы „Поля"».

В степях. Впервые как цикл (без стих. 3) — «Заря», 1870, № 2, с. 83. Полностью — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 121. Стих. 3. «Мой взгляд теряется в торжественном просторе...» Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 428, под загл. «В степях», вне цикла, с датой: 1862.

Нива. Впервые — «Русский вестник», т. 7, кн. 2, 1857, с. 835. Включалось в многочисленные дореволюционные хрестоматии для народного чтения. Н. А. Добролюбов пародировал «Ниву» в стих. 1858 г. «Жизнь мировую понять я старался...» и отрицательно отозвался о ней в рецензии 1859 г. (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт., М.-Л., 1961—1964, т. 4, с. 355); другая пародия в стих. «Лето» (1858 или 1859).

«Дорог мне, перед иконой...» Впервые — «Заря», 1869, № 1, с. 1. Послано Ф. М. Достоевскому с письмом от 22 ноября 1868 г. 11(23) декабря 1868 г. Достоевский писал Майкову: «Ваша „У часовни" — бесподобно. И откуда Вы слов таких достали! Это одно из лучших стихотворений *Ваших*» (Ф. М. Достоевский. Письма, тт. 1—4, М.-Л., 1928—1959, т. 2, с. 439).

СТРАНЫ И НАРОДЫ

«Сидели старцы Илиона...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 75 в цикле «Заметки и мгновения». Переложение третьей песни поэмы Гомера «Илиада» (ст. 149—158).

Платона единственные два стиха, до нас дошедшие. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 381.

Из Сафо. Впервые — «Огонек», 1881, № 17, с. 324 (факсимиле).

Рыцарь. Впервые — «Книжки „Недели"», 1892, март, с. 51, с подзаг. «(Из провансальских романсов)». Вольный перевод стих. провансальского трубадура Бертрана де Борна (ок. 1140 — ок. 1216) «Eu m'escondisc, donna, que mal mon mier...».

Из Петрарки. Впервые — «Отечественные записки», 1863, № 1, с. 70, без ст. 13—14. Полностью — Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 74. Перевод сонета CCCXLVI из книги «На смерть мадонны Лауры» Франческо Петрарки (1304—1374).

Мадонна. Впервые — «Русский вестник», т. 24, кн. 1, 1859, с. 147. Автограф в письме Майкова к жене от 16 апреля 1859 г. И. А. Гончаров в письме к Е. В. Майковой от 8 мая 1859 г. из Мариенбада сообщал: «Дядя Аполлон читал нам немного правда, но зато прелестных три-четыре стихотворения. Давно я не слыхал таких, особенно «Мадонна» и „Неаполитанское утро"» (вероятно, «Какое утро! Стихли громы...»).

Миньона. Впервые — «Модный магазин», 1866, № 21, с. 321. Перевод стих. Гёте «Mignon» из его романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Из Гёте. Впервые — «Гражданин», 1874, № 4, 29 января в подборке «На севере и юге». Перевод стих. «An Lida».

Из Гёте. Лилли. Впервые как цикл — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 391. По-видимому, цикл представляет собой поэтическую переработку стихов и прозы Гёте, посвященных его роману с Лилли Шенеман. Второе стих. одновременно — свободное переложение гетевского «Selbstbetrug». 1. «Эта маленькая Лилли...» Впервые — «Книжки „Недели"», 1889, № 1, с. 72, вне цикла, без загл. и подзаг. 2. «„Надо кончить" — порешили...» Впервые — «Книжки „Недели"», 1889, № 10, с. 63, под загл. «Визави», вне цикла и без надзаг.

Из Гафиза. Впервые — «Гражданин», 1874, № 4, 29 января, с. 119, в подборке «На севере и юге». *Гафиз* (Шамседдин Хафиз, ок. 1325—1389 или 1390) — персидско-таджикский поэт. Майков переводил Гафиза, по-видимому, с немецких переводов.

Из испанской антологии. Впервые как цикл (без стих. 5) — «Русский вестник», 1879, № 1, с. 262. Без стих. 3, 6 — «Нива», 1892, № 4, 25 января, с. 85. Впервые полностью — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 149. 6 января 1879 г. Майков писал А. А. Майкову об этом цикле: «Скажу по секрету, что хоть они и названы из испанской антологии, но это только для проформы. Некоторые темы взяты в испанск<ом> репертуаре, но турнюра, пуанты, оправа и токарная работа — мои собственные» (ГПБ).

Из турецкой антологии. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 406. Печатается по первой публикации. Есть основания считать, что данный цикл, так же, как «Из испанской антологии», составлен из оригинальных произведений Майкова, стилизованных под Восток. Так, в черновых тетрадях, под загл. «Из восточной антологии», объединены, помимо вошедших в цикл «Из турецкой антологии», непечатавшиеся стих., имеющие явное отношение к личной судьбе Майкова.

Две белорусские песни. Впервые — «Заря», 1870, № 12, с. 3, с примеч. Майкова: «Песни эти изготовлены для сборника славянской поэзии, издаваемого Н. В. Гербелем. Основа первой очень древняя: видоизменялась она в разные эпохи». Переложение обеих песен сделано Майковым по «Сборнику памятников народного творчества в Северо-западном крае» (Вильно, 1866, с. 126, 19), составленному этнографом П. А. Гильдебрандтом (1840—1905), с которым поэт был лично знаком. Всего из этого сборника Майков перевел семь песен. 1. Петрусь. Перевод стих. «Далеко слыхаты». 2. «Ой, сынки мои, соколы мои...» Перевод стих. «Ой, сынкі мае...»

Сон негра. Впервые — «Подснежник», 1860, № 1, с. 11, без указания на источник перевода. Перевод стих. американского поэта-романтика Г. Лонгфелло (1807—1882) «The Slave's Dream».

Купальщицы. Впервые — «Модный магазин», 1863, № 6, с. 69, под загл. «На берегах Ганга», с подзаг. «Санскритский мотив».

Из «Крымских сонетов» Мицкевича. Впервые — «Беседы в Обществе любителей российской словесности», 1871, № 3, с. 141. Возможно, что работа Майкова над переводами из Мицкевича началась ранее проставленной им даты (в 1857 г. было задумано поэтом Л. А. Меем издание Мицкевича в русских переводах, где предполагалось и участие Майкова. Издание не состоялось). *«Крымские сонеты»* («Sonety Krymskie», 1825) — цикл стих. Мицкевича, неоднократно переводившийся многими русскими поэтами. 1. Аккерманские степи. Перевод стих. «Stepy Akermańskie». *Зов с Литвы б далекой.*— Мицкевич родился в Белоруссии, учился в Литве, в Вильне, интересовался историей, фольклором литовцев (см. его поэму «Конрад Валленрод»). 2. Байдарская долина. Перевод стих. «Baidary». 3. Алушта днем. Перевод стих. «Ałuszta w dzień».

Разрушение Иерусалима. Впервые — Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 72, под загл. «По прочтении Байронова „Падения Иерусалима"». Подражание стих. Байрона «On the Day of the Destruction of Jerusalem by Titus». Майкову принадлежит также точный перевод этого стих. под загл. «На разорение Иерусалима Титом» (Английские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель, СПб., 1875, с. 271).

Валкирии. Впервые — «Нива», 1883, № 13, 26 марта, с. 299.

ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ ГЕЙНЕ

Впервые значительная часть переводов настоящего раздела (17 стих.) была опубликована в «Библиотеке для чтения», 1857, № 4, с. 133—144 с посвящением переводчику, историку литературы А. Ф. фон Видерту и с предисловием, в котором Майков указывал, что «более старался передать тон и впечатление подлинника, нежели гонялся за буквальною верностью». Несмотря на двойственное отношение к немецкому поэту («У Гейне многому можно поучиться,— писал он в архивной заметке, относящейся к 1880-м годам,— но вместе с тем это опасное знакомство»),— к переводам его произведений Майков обращался в течение всей жизни, публикуя их в периодике и в составе своих сборников. В Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1 включены 42 перевода, собранные в специальном разделе; один перевод — («Принцесса Шабаш») — в разделе «Века и народы» (т. 2, с. 111). Успеха они не имели. Н. А. Добролюбов отметил лишь «Пролог», т. е. оригинальное стих. Майкова, назвав его «прекрасным» (Н. А. Добролюбов, т. 2, с. 488). Д. Минаев откликнулся насмешливым стих. «В могиле» (Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955, БП, БС, с. 136). Оценивая майковские переводы, А. Блок заметил: «Майков — слишком чужой Гейне...» (А. Блок. Собр. соч. в 8 тт., М.-Л., 1960—1963, т. 6, с. 121).

Гейне (*Пролог*). Впервые — «Современник», 1857, № 10, с. 309, без подзаг.

«Пора, пора за ум мне взяться!..» Перевод стих. «Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...»

«Сердце, сердце! что ты плачешь?..» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Herz, mein Herz, sei nicht beklommen...»

«Осеннего месяца облик...» Перевод стих. «Der bleiche, herbstliche Halbmond...»

«Не теряй, мой друг, терпенья...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Werdet nur nicht ungeduldig...»

«Много слышал добрых я советов...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Gaben mir Rat und gute Lehren...»

На море. Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Meeresstille».

«Осердившись, кастраты...» Перевод стих. «Doch die Kastraten klagten...»

«Ну, время! конца не дождешься!..» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Das ist ein schlechtes Wetter...»

«Плачу я, в лесу блуждая...» Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова. СПб., 1888, т. 2, с. 15. Перевод стих. «Im Walde wandl' ich und weine...»

«Сиял один мне в жизни...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «In mein gar zu dunkles Leben...»

«Я вглядываюсь жадно...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Ich stand in dunkeln Träumen...»

«Одинокая слезка...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 196. Перевод стих. «Was will die einsame Träne?..»

«В толпе опять я слышу песню...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 262. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 198. Перевод стих. «Hör ich das Liedchen klingen...»

«Что за милый это мальчик!..» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, 1872, ч. 2, с. 199. Перевод стих. «Diesen liebenswürd'gen Jüngling...»

«Мне снилось: на рынке, в народе...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 201. Перевод стих. «Im Traum sah ich die Geliebte...»

«Меня ты не смутила...» Перевод стих. «Der Brief, den du geschrieben...»

«Ее в грязи он подобрал...» В первой публикации («Библиотека для чтения») авторская сноска к первой строфе: «В подлиннике иначе и цитация первой строфы оригинала. Перевод стих. «Ein Weib».

Невольник. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 206. Перевод стих. «Der Asra».

«На мольбы мои упорно...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 208. Перевод стих. «Meinen schönsten Liebesantrag...»

Лилия. Впервые — «Современник», 1858, № 1, с. 129, без загл. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 254. Перевод стих. «Die Lotosblume ängstigt...»

Чайльд Гарольд. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 5—6, с. 666. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Childe Harold». Тело Байрона, умершего в Греции (Миссолунги, 19 апреля 1824 г.), было отправлено на родину *поэта*, в Англию, морем. Греция, в освободительной борьбе которой против Турции английский поэт принял горячее участие, почтила его память, объявив национальный траур. *«Чайльд Гарольд»* — поэма Байрона, носящая отпечаток его личной жизни.

«Ночи теплый мрак гвоздики...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 256. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Wie die Nelken duftig atmen!..»

«Он уж снился мне когда-то...» Впервые—«Отечественные записки», 1857, № 5—6, с. 666. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 31. Перевод стих. «Hab ich nicht dieselben Träume...»

«Чудным звуком даже ночи...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 259. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Wie die Tage, macht der Frühling...»

Король Гаральд. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 261. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 2, с. 34. Перевод стих. «König Harald Harfagar».

Али-бей. Впервые — «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти <...> Смирдина <...>», т. VI, СПб., 1859, с. 119, с подзаг. «(Из Гейне)» и датой: 1858. Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова. М., 1864, с. 75. Перевод стих. «Ali Bei».

«Ты вся в жемчугах и алмазах!..» Впервые — «Модный магазин», 1865, № 21, с. 322, под загл. «Из Гейне». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 220. Перевод стих. «Du hast Diamanten und Perlen...»

«Из моей великой скорби...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 264. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Aus meinen großen Schmerzen...»

«Посмотри: во всем доспехе...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 265. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Prolog» к циклу «Neuer Frühling».

«Ты быстро шла, но предо мною...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 267. Перевод стих. «Wie rasch du auch vorüberschrittest...»

Весною. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 5—6, с. 665. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 1, с. 42. Перевод стих. «Frühling».

На горах Гарца. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 227. Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в ст. 15 («И внизу») по автографу. Перевод стих. «Auf dem Hardenberge...».

Роман в пяти стихотворениях. Впервые — «Модный магазин», 1866, № 4, с. 49, под загл. «Роман в пяти стихотворениях Гейне». Перевод стих: 1. «Ein Fichtenbaum steht einsam...» 2. «Dein Angesicht so lieb und schön...» 3. «Mein Liebchen, wir saßen beisammen...» 4. «Es leuchtet meine Liebe...» 5. «Am Kreuzweg wird begraben...»

Старые знакомые. Впервые — «Русский вестник», 1889, № 5, с. 218, с подзаг. «(На тему Гейне)», с датой: 1889. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 465. Источник перевода не установлен.

«Они о любви говорили...» Впервые — «Модный магазин», 1866, № 13, с. 193. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 233. Перевод стих. «Sie saßen und tranken am Teetisch...»

«Сколько яду в этих песнях!..» Впервые—«Модный магазин», 1866, № 13, с. 193. Печатается по первой публикации. Во всех последующих — опечатка в ст. 3 («сколько»). Перевод стих. «Vergiftet sind meine Lieder...»

«Краса моя, рыбачка...» Впервые — «Модный магазин», 1866, № 23, с. 353, под загл. «(Из Гейне)». Перевод стих. «Du schönes Fischermädchen...»

Лорелея. Впервые — «Модный магазин», 1867, № 2, с. 22, с подзаг. «(Гейне)». Перевод стих. «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...».

Auf Flügeln des Gesanges. Впервые — «Модный магазин», 1867. № 5, с. 70. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 239. Перевод стих. «Auf Flügeln des Gesanges...» *Про войны людей и духов*, и т. д.— Эти строки в немецком тексте отсутствуют.

«Нежданной молнией, вполне...» Впервые — «Модный магазин», 1866, № 1, с. 1, под загл. «Из Гейне». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 241. Перевод стих. «Ein Wetterstrahl, beleuchtend plötzlich...»

«Конец! Опущена завеса!..» Перевод стих. «Sie erlischt...»

EXCELSIOR

Название раздела заимствовано у Лонгфелло (см. о нем примеч. к стих. «Сон негра», с. 528. В данном разделе помещен и перевод стих. Лонгфелло «Excelsior»).

«О царство вечной юности...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 148. *С бессмертными мадоннами // Счастливый Рафаэль.* Среди изображений богоматери, выполненных Рафаэлем Санти (1483—1520), особенной известностью пользуется «Сикстинская мадонна» (1515—1519). Возможно, что этим стих. Майков откликнулся на 400-летний юбилей Рафаэля, отмечавшийся и в России (см. Ежегодник, 1978, с. 195—196). См. также стих. «Renaissance», с. 246.

«Чужой для всех...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 111.

Пустынник. Впервые — «Гражданин», 1883, март, с. 61, лит. прилож., с подзаг. «Отрывок». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 123. Факсимиле этого стих. открывает Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1. См. также примеч. к стих. «А. П. Милюкову. По поводу моего пятидесятилетнего юбилея 1888 г., апр. 30», с. 562.

Excelsior. Впервые — «Огонек», 1881, № 16, с. 306, с подзаг. «По Лонгфелло» и сноской к загл.: «От excelsus, высокий, возвышенный, благородный, совершенный».

«Куда б ни шел шумящий мир...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883—1888)», СПб., 1888, с. 47. Печатается по первой публикации. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 г. *Они все в Книге Жизни...* — Восходит к Апокалипсису (III, 5). Данный образ использован в ряде выдающихся произведений русской классики, среди которых «Евгений Онегин» Пушкина, «Анна Каренина» Л. Толстого и др.

«Белые лебеди, вестники светлой Весны, пролетели...» Впервые — «Нива», 1891, № 1, 5 января, с. 2, в цикле «Из моей антологии» (др. ред.). Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 490.

«Зачем предвечных тайн святыни...» Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 369. Печатается по первой публикации.

«Вдохновенье — дуновенье...» Впервые — «Русский вестник», 1890, № 1, с. 33. Автограф в письме к сыну Владимиру от 27 октября 1889 г.

Художнику. Впервые — «Художественный журнал», 1882, № 2, с. 69, под загл. «К художнику», с датой 1881. В черновом автографе есть помета «Во время писания „Катакомб"», т. е. второй части трагедии «Два мира». Автограф в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову от 15 ноября 1882 г.

«Есть мысли тайные в душевной глубине...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгнове-

ния». *Есть мысли тайные в душевной глубине.*— Ср. в стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!»: «Молчи, скрывайся и таи // И чувства и мечты свои,— // Пускай в душевной глубине // Встают и заходят оне...»

«Возвышенная мысль достойной хочет брони...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 75, в цикле «Заметки и мгновения».

«Окончен труд — уж он мне труд постылый...» Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 369. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г.

«„Не отставай от века" — лозунг лживый...» Впервые — «Альманах Север на 1890 г.», СПб , 1889, с. 173.

Перечитывая Пушкина. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 1, с. 340.

«Мы выросли в суровой школе...» Впервые — «Русский вестник», 1890, № 3, с. 32. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 18 января 1890 г. (строки, «как они «вылились»») и поправки к тексту в письмах от 5, 8, 11 февраля 1890 г.

Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 365. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич* (1848—1913), граф — русский поэт и переводчик; с Майковым его связывали многолетние дружеские отношения. Ему принадлежит стих. «А. Н. Майкову», которое он прочел на юбилее поэта 30 апреля 1888 г., а также некролог на смерть поэта («Журнал министерства народного просвещения», 1897, ч. СССХ, № 4, с. 46—53). Он утверждал, что Майков является продолжателем пушкинской линии в русской поэзии и едва ли не преемником Пушкина. В архивной заметке Майков дал характеристику поэзии Голенищева-Кутузова: «Кутузов перешел в школу Пушкина. Но еще ему мешает тургеневский элемент, т. е. поэтическое Тургенева *в прозе*. Он эту поэтическую прозу ввел в стихи, оттого растянутость, мелочность, подробность и — прозаизм».

Е. и. в. великому князю Константину Константиновичу. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 365. *Романов Константин Константинович* (1858—1915) — русский поэт; подписывал свои стих. «К. Р.»; считал Майкова (наряду с А. А. Фетом и Я. П. Полонским) своим учителем, состоял с ним в переписке, посвятил ему два стих. (см. К. Р., Новые стихотворения, СПб., 1889, с. 117—118, 128—129). В архиве Майкова сохранился ряд неопубликованных стих., посвященных К. Р. Первая публикация данного стих. предварялась стих. К. Р., адресованным Майкову.

Ответ *(К. А. Дворжицкому)*. Впервые — «Всемирная иллюстрация», 1888, № 1006, 30 апреля, с. 347 (факсимиле с датой: 5 мая 1887). Печатается по тексту: «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883—1888)», СПб., 1888, с. 33. *Дворжицкий Корнелий Адрианович* — поэт, судебный деятель. В архиве Майкова сохранилось стих. Дворжицкого «Аполлону Николаевичу Май-

кову на стихотворение, посвященное „Е. и. в. великому князю Константину Константиновичу"» с датой: 2 мая 1887. Ответом на это стих. и является, вероятно, стих. Майкова.

Ответ Л. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 2, под загл. «Л — у». Автограф (др. ред.) при письме Майкова сыновьям Владимиру и Аполлону от 6 июня 1887 г. Сохранились также: черновой автограф под загл. «Лебедеву — юноше, ответ на стихи» и беловой автограф (др. ред.) под загл. «Юному поэту». В письме сыновьям, посылая стих. Лебедева, Майков сообщает: «Стихи эти я получил недавно. Видно, юноша, но как будто что-то есть...» О своем стих. он замечает: «Главный порок в них, кажется, тот, что начал игриво, а кончил-то высоко». Стих. Лебедева, сохранившееся в архиве Майкова, начинается обращением: «К тебе, поэт, я прибегаю...». «Ответ» Майкова навеян следующими строками из стих. Лебедева:

Скажи, поэзия ль святая
В желанный час тиши ночной
Овладевает всей душой,
И ум и сердце увлекая;
Когда как будто свет встает
В душе неопытной поэта
И мысли дерзостной полет
Несется за пределы света.

«Мысль поэтическая — нет!..» Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 366. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г.

«Воплощенная, святая...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883—1888)», СПб., 1888, с. 52 и «Русский вестник», 1888, № 4, с. 50. Автограф с заметкой: «А вот вам — с одного маха вчера поздно вечером написанное стихотворение» — при письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 28 января 1888 г. *Адский вихрь* — образ, восходящий к «Божественной комедии» Данте (Ад, V).

«Вчера — и в самый миг разлуки...» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 10, с. 41. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 сентября 1889 г. Об истории создания стих. см.: И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова (Ежегодник, 1974, с. 27).

«Из темных долов этих взор...» Впервые — «Русский вестник», 1883, № 1, с. 138 в подборке «Стихотворения», посвященной Вс. С. Соловьеву.

В. и А. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 1, с. 253, под загл. «В<ладимир>у и А<поллош>е» с датой: Кадыкиой, 1887, окт<ябрь>. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 2 мая 1888 г. См. примеч. к стих. «У Мраморного моря», с. 537.

«Оставь, оставь! На вдохновенный...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883—1888)», СПб., 1888, с. 54. Из письма Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 17 февраля 1888 г. и текста первоначальной редак-

ции стих., включенного в письмо, следует, что оно было задумано как вариация на тему «Как хороши и свежи были розы» стих. И. П. Мятлева «Розы» <1834>, послужившую темой стих. в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». В письме от 7 марта 1888 г. Майков посылал поправки к ранней редакции, а в письме от 10 марта — окончательный текст — со словами, его предваряющими: «Эврика! друзья мои, эврика!», и последующим замечанием: «Н. Н. Страх<ов> мне сказал: «„Да это вы что ж? в ответ на юбилей написали?" А пожалуй и так».

Моему издателю. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1893, т. 1, с. 516. Печатается по первой публикации. Автограф в письме Майкова к сыновьям от 27 мая 1893 г. Там же сообщается, что стих. написано 23 мая, в день рождения Майкова, в связи с подготовкой Собрания 1893 г. *Маркс Адольф Федорович* (1838—1904) — издатель, владелец иллюстрированного журнала «Нива» (1870—1918), где неоднократно печатался Майков. При жизни поэта Маркс издал три собрания его сочинений (1882, 1884, 1893 гг.); после смерти поэта — еще три (1901, 1904, 1914 гг.; последнее — издание т-ва Маркс).

АКВАРЕЛИ
1885—1890

Айвазовскому. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 140. *Айвазовский Иван Константинович* (1817—1900) — русский художник-маринист, с которым у Майкова были дружеские отношения. Майков рецензировал выставку картин Айвазовского («Отечественные записки», 1847, № 4, с. 166—176, без подписи). В стих. говорится о картине Айвазовского «Закат на море», которая находилась у Майкова (см.: А. М. Федоров. «А. Н. Майков».— «Пробуждение», 1917, № 3, с. 154).

Мертвая зыбь. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 368.

«Над необъятною пустыней Океана...» Впервые — «Русский вестник», 1885, № 5, с. 257. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 3, с. 396.

Денница. Впервые — «Нива», 1879, № 11, 12 марта, с. 198 Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 124.

Олимпийские игры. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 367. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. На самом стих. помета: «(первый набросок найден мною в бумагах еще сороковых годов — переделано заново теперь)».

Жанна д'Арк (*Отрывок*). Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 368. Об истории создания стих. см.: И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова (Ежегодник, 1974, с. 27). Один из многочисленных автографов под загл. «Иоанна Дарк» завершается четырьмя строками, обращенными к героине «Неаполитанского альбома» мисс Мери, что позволяет отнести начало работы над этим стих. ко времени создания «Неаполитанского альбома»,

т. е. к 1860-м годам. *Жанна д'Арк* (ок. 1412—1431) — народная героиня Франции, во время Столетней войны возглавила освободительную борьбу французского народа против англичан.

Renaissance *(К юбилею Рафаэля Санцио).* Впервые — «Север», 1888, № 17, с. 1. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. *Ренессанс* — в истории культуры Западной и Центральной Европы—переходная эпоха (XIV—XVI вв.) от средневековья к новому времени. Ее характеризует расцвет науки и искусства, развитие гуманистического мировоззрения, обращение к культурному наследию античности. Юбилей *Рафаэля* Санти (400-летие со дня рождения) отмечался в 1883 г. и в России.

Гроза. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 2, с. 130.

«Уж побелели неба своды...» Впервые — «Русский вестник», 1888, № 7, с. 50.

«Ты веришь ей, поэт!.. Ты думаешь, твой гений...» Впервые — «Гусляр», 1889, № 39, с. 609 без загл. *Коппе Франсуа* (1842—1908) — французский поэт, примыкавший к группе «Парнас». О близости Майкова к «парнасцам» впервые писал В. В. Чуйко в статье «Современная французская поэзия» («Искра», 1873, № 31, с. 2). В письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 19 апреля 1893 г. упомянуто под загл. «Пантера».

У Мраморного моря. Впервые — «Нива», 1888, № 11, 12 марта, с. 276 с датой: 1887, Кадыкиой. Лето и осень 1887 г. Майков провел в Константинополе и его окрестностях. В то время там находились его сыновья: Владимир, служивший в русском посольстве, и Аполлон, художник.

На Чамлиджи. Впервые — «Русский вестник», 1891, № 4, с. 3. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 537. См. предыдущее примеч.

На пути по берегу Коринфского залива. Впервые — «Русский вестник», 1893, № 6, с. 2.

АЛЬБОМ АНТИНОЯ
ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «АДРИАН И АНТИНОЙ»

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Высокая пальма...» и «Вдоль над рекой быстроводной...», были впервые напечатаны в Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3.

В конце 70-х — начале 80-х годов Майков работал над «драматической поэмой» «Адриан и Антиной». В его черновых тетрадях сохранились многочисленные наброски отдельных сцен. Замысел поэмы связан с его постоянным интересом к переходным эпохам, к истории и философии древности. Сохранился набросок стих., объясняющего обращение поэта к эпохе Адриана, который, по словам Майкова, «постигнуть тщился существо души и мира»:

[Из цезарей, которых лики
Сберег потомству Ватикан,
Один мне близок — Адриан;
При жизни славимый, великий]

Законодатель, сердцевед,
Художник, мыслитель, поэт,
Военачальник, триумфатор,—
Недоставало лишь ему —
Покоя сердцу и уму —
Покоя — бедный император!

Поэма не была завершена. В печати появилось лишь несколько отрывков, объединенных впоследствии в «Альбом Антиноя».

«Высокая пальма...» Впервые — «Полярная звезда», 1881, № 4, с. 1, под загл. «Из Альбома Антиноя», с подзаг. «Из поэмы „Антиной"». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 152.

«Вдоль над рекой быстроводной...» Впервые — «Полярная звезда», 1881, № 4, с. 2, под загл. «Из Альбома Антиноя», с подзаг. «Из поэмы „Антиной"». Автограф в письме к жене от 30 мая 1880 г.

«Смерти нет! Вчера Адонис...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3).

«Вы разбрелися...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3).

«Ты не в первый раз живешь...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3). *Ты не в первый раз живешь* и т. д.— Речь идет о метампсихозе, то есть о перевоплощении или переселении душ, представление о котором характерно для ряда философских учений древности.

«В пустыне знойной он лежал...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3). *Что должно ближнего любить* и т. д.— Речь идет об основах христианского вероучения (Матф., XXII, 39).

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос. Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 429. Стих. доставлено в редакцию не позднее 29 января 1874 г. В автографе, предназначавшемся, судя по пометам, для «Складчины», запись Майкова. «Имел в виду не одних писателей, а всю интеллигенцию, т. е. весь образованный класс. Ясно это или нет?» *Мы все блюстители огня на алтаре*, и т. д.— Восходит к евангельскому тексту (Матф., V, 13—14). Откликаясь на стих. Майкова, критик народнического направления Н. К. Михайловский писал: «Мне кажется, его так и следует понимать исключительно как вопрос...», но вопрос, по мнению критика, важный, ибо, «что, в случае надобности, дадим мы народу из запаса своей духовной пищи? Многого он не возьмет ни за что <...> или по крайней мере будет отбиваться изо всех сил. Многое мы, пожалуй, и посовестимся дать. Многое он знает не хуже нашего...» («Отечественные записки», 1874, № 4, с. 402).

Мани — факел — фарес. Впервые — «Русский вестник», 1889, № 1, с. 95. Автограф в письме к сыновьям от 30 октября

1888 г. с датой: $\frac{\text{Окт. 12—27}}{1888}$, поправки — в письме от 14 ноября 1888 г. *Мани — факел — фарес* (халдейское mane, thekel, fares) — исчислено, взвешено, разделено. По преданию, эти слова, внезапно появившиеся на стенах чертога, в котором пировал царь Валтасар, предвещали гибель его царства (Библия, кн. Даниила, V). Посылая стих. сыновьям, Майков заметил: «Неожиданность и новость поворота производит на всех сильное впечатление — а, так вот оно к чему идет... и от заключения вырастает грациозность пьесы. <...> Правду сказать без этой заключительной мысли, т. е. о нашем веке — что ж бы и писать о Вальтасаре?»

Ex tenebris lux. Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 367, без загл. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. *Ex tenebris lux.*— Ср. в стих. Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром ..» (1892): «Свет из тьмы. Над черной глыбой...» — Восходит к Библии (Бытие, 1, 4, 18).

Рассказ духа. Впервые — «Нива», 1877, № 5, 31 января, с. 72, под загл. «Отрывок». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 128.

НАБРОСКИ

«Опыт! скажи, чем гордишься ты? что ты такое?»; «О трепещущая птичка...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 109, 110.

«Ты говоришь, у тебя нет врагов — извини, не поверю...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 564. Печатается по первой публикации.

Гр. О. А. Г. К-й. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 565. Обращено к жене поэта А. А. Голенищева-Кутузова (см. о нем примеч. к стих. «Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову», с. 534).

«В чем счастье?.. В жизненном пути...». Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 566.

О ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!

Эпиграф раздела — цитата из стих. К. Н. Батюшкова «Мой гений», ошибочно приписанного Майковым Пушкину. «...Я помню, что в юношестве моем, когда я начал писать стихи,— писал Майков П. Н. Батюшкову 12 апреля 1887 г.,— его произведения, а именно: «Умирающий Тасс», «На развалинах замка в Швеции», «Я берег покидал туманный Альбиона», «Есть наслаждение», которые я все наизусть знаю от начала до конца, и потом «Антология греческая» — имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» («Русская старина», 1887, № 11, с. 561—562).

Из письма. Впервые — «Русский вестник», 1890, № 2, с. 138. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 569. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 30 октября 1889 г.

«Улыбки и слезы!.. И дождик и солнце!..» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 6, с. 285.

«О море! Нечто есть слышней тебя, сильней...» Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 366.

«Утрата давняя доселе свежа в тебе...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 131. Печатается по первой публикации.

«Гони их прочь, твои мучительные думы!..» Впервые—«Сборник Московской иллюстрированной газеты», 1891, вып. 1, с. 117, под загл. «Отрывок из письма . . . . . ву», с датой: 1890. Буюк-Дере. Печатается по тексту: Полн. собр. соч., А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 574.

«Так!.. Добрым делом был отмечен...» Впервые — «Русский вестник», 1883, № 1, с. 138 в подборке из двух стихотворений под загл. «Посвящается В. С. Соловьеву». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 114. Адресат посвящения — Всеволод Сергеевич Соловьев (1849—1903) — писатель, издавал журнал «Север», где печатался Майков.

«Вне долга — жизни и не зная...» Впервые — «Русский вестник», 1890, № 12, с. 47. Печатается по первой публикации.

«Туманом мимо звезд серебристых проплывая...» Впервые — «Русский вестник», 1890, № 1, с. 33 в подборке под загл. «- - - - й». Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 10 октября 1889 г.

ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА

Стих. Аполлодора Гностика — литературная мистификация Майкова. «Вы знаете, что это за Аполлодор Гностик? — спрашивал Майков М. И. Сухомлинова в письме от 28 сентября 1889 г.— Это моя выдумка: не люблю обнаруживать моих интимнейших мыслей и представлений, вот и прибег к такой уловке. Но секрет обнаруживаю не многим, а многих оставляю в заблуждении (даже филологов), что будто есть такой поэт II века; некоторые отвечали мне: „Знаю, знаю!"» («Русская старина», 1899, № 3, с. 494).

«Дух века ваш кумир; а век ваш — краткий миг...» Впервые — «Нива», 1877, № 16, с. 247 в цикле «Стихотворения (Два отрывка из записной книжки)» (др. ред.). Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 117.

«Милых, что умерли...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1884, т. 3, с. 118. Печатается по первой публикации.

«Не говори, что нет спасенья...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 118. В автографе строка начиналась иначе: «Чем гуще ночь...» Ср. в «Сонете» (1835) П. А. Катенина: «Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды...» Возможен общий источник, установить который не удалось.

«Близится Вечная Ночь... В страхе дрогнула сердце...» Впервые — «Гражданин», 1883, апрель, с. 87, «Литературное приложение», в подборке «Из гностиков».

Эпитафия *(Списано с гробницы)*. Впервые — «Гражданин», 1883, апрель, с. 87, «Литературное приложение», в подборке «Из гностиков». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 118.

«Заката тихое сиянье...» Впервые — «Русский вестник», 1891, № 2, с. 57. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 28 сентября 1889 г. вместе со стих. «Поэзия — венец познанья...» под общим загл. «Из Аполлодора Гностика».

«Выше, выше в поднебесной...» Впервые — «Русский вестник», 1887, № 3, с. 369 под загл. «Из Аполлодора Гностика». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 589.

«Катись, катися надо мной...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 590. Печатается по первой публикации.

«Поэзия — венец познанья...» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 12, с. 44, в подборке «Из Аполлодора Гностика», с общей датой: 1889. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 16 ноября 1890 г. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 28 сентября 1889 г. вместе со стих. «Заката тихое сиянье...» под общим загл. «Из Аполлодора Гностика» (в редакции, совпадающей с первой публикацией).

«Пир у вас и ликованья...» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 12, с. 44, в подборке «Из гностиков». Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 30 октября 1889 г.

«„Прочь идеалы!" Грозный клик!..» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 12, с. 45, в подборке «Из Аполлодора Гностика» с общей датой: 1889.

«Творца, как духа, постиженье...» Впервые — «Русский вестник», 1889, № 12, с. 45, в подборке «Из Аполлодора Гностика», с общей датой: 1889. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 596. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 5 октября 1889 г. *Иди и не греши* — цитата из Евангелия (Иоанн, VIII, 11) — обращение к раскаявшейся грешнице.

«Из бездны Вечности, из глубины Творенья...» Впервые — «Русский вестник», 1893, № 1, с. 1. Автограф с датой: Янв<аря> 23 <без года>. По всей вероятности, относится к 1892 г., поскольку другой автограф находится при письме Майкова к поэту К. К. Романову от 31 марта 1892 г. Майков пишет: «Его прилично было бы, кажется, прочесть на академическом обеде: как бы отнеслись к нему представители современного

знания? Впрочем, это шутка, которая мне сейчас только пришла в голову, да, слава богу, и до академического обеда еще далеко...» Автор, по-видимому, осуществил свое намерение, поскольку еще один автограф включен в набросок речи Майкова «На академическом обеде. 29 дек<абря>». Текст стих. предваряется следующими словами: «Мм. гг. Я имею счастье в настоящую минуту находиться посреди, т<ак> ск<азать>, последних слов науки, на пределах человеческого знания во всех его сферах и направлениях. Я выбрал прочесть нижеслед<ующее> стихотворение и — был бы счастлив, если бы кто-нибудь из сотни мужей науки <...> сказал бы мне с убеждением, что сказанная в стихах мысль — неверна, что чувство, ее вызвавшее, он никогда не испытывал и никакой представитель истинной науки не должен его испытывать». Автографы также в письмах к сыну Владимиру от 9 января и 13 февраля 1892 г.

«Аскет! ты некогда в пустыне...» Впервые — «Русский вестник», 1883, № 3, с. 1, в содержании названо: «В пустыне». Автограф ранней редакции в письме Майкова к поэту К. К. Романову от 17 января 1893 г. как «написанное мною на днях стихотворение» с датой: 7—15 янв<аря> 1893 г. В письме тому же адресату от 19 января 1893 г. в ответ на критические замечания Майков сообщает: «<...> сам чувствовал, что аскета надобно растушевать, он и взят-то был для рамки, после написания главной мысли — образного выражения этой Нирваны, о которой философы пишут и все-таки не могут дать нам хоть мало-мальски вообразительное представление; затем противупоставить ей жизнь как «пламенник». И вот, подстегнутый Вами как перед преградой ленивый конь бичом, я сделал отчаянный прыжок изо всех сил, и льщу себя надеждой, что удачный. Несомненно удачный, что ни говорите!» Здесь же другая редакция стих. с датой: 18 января и припиской: «Все-таки кажется это еще не окончательный вид пьесы. Надо дать ей полежать в тени». В письме ему же от 17 февраля говорится, что в стих. дана «характеристика буддизма и его опровержение». Стих. и поправки к нему в письме Майкова к сыновьям от 7—16 января 1893 г. с датой: 7—16 янв.<аря> / 1893 и припиской: «Но это еще не конец». *Время... Подымет нас в своем стремленье.* — Ср. стих. Г. Р. Державина «Река времен в своем стремленьи...».

КАРТИНЫ

ВЕКА И НАРОДЫ

Савонарола. Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, № 1, с. 4, где сопровождается указанием Майкова, что стих. составляет эпизод из поэмы «Вечный Жид». Работа Майкова над стих. была сложной и длительной. Некоторое представление о ее характере дает статья Ф. Д. Батюшкова «„Два мира", трагедия А. Н. Майкова, ее происхождение и ее критики» в его кн.: Критические очерки и заметки, СПб., <1900>, с. 75—76. Там же приведена одна из ранних редакций стих. По воспоминаниям писателя

Г. П. Данилевского, стих. «Савонарола» было горячо одобрено Н. В. Гоголем, которому автор мемуаров читал в 1851 г. отрывки из этого стих., а также из «лирической драмы» «Три смерти» (оба произведения ходили в списках). (См.: Гоголь в воспоминаниях современников, М., 1952, с. 439—440). 6 октября 1851 г. П. А. Плетнев писал М. П. Погодину, имея в виду, по-видимому, стих. «Савонарола» и «Три смерти»: «На днях Майков читал мне новые свои два стихотворения (исторического содержания)... Если бы жив был Пушкин, о! как бы крепко обнял он Аполлона по имени и по ремеслу!» (ГБЛ). *Савонарола* Д. (1452—1498) — религиозно-политический реформатор, глава Флорентийской республики, был низложен папой римским, повешен, а труп — сожжен. *Медичи* — флорентийский род, игравший важную роль в политической жизни средневековой Италии, из него вышли правители Флоренции. Te Deum <laudamus> — начальные слова католического благодарственного гимна.

Клермонтский собор. Впервые — «Отечественные записки», 1854, № 4, с. 175 (др. ред.). Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1, с. 276. *Клермонтский собор* — церковный собор, созванный в 1095 г. во французском городе Клермон. На нем был провозглашен крестовый поход против мусульманских стран. В 1853 г. «христианские» Англия, Франция и Сардиния в союзе с «мусульманской» Турцией выступили против «христианской» же России. О настроении Майкова в годы Крымской войны до некоторой степени дает представление его недатированное письмо к С. П. Шевыреву (к письму приложен автограф «Клермонтского собора»): «Чем бы ни кончилась настоящая война, но она долго будет памятна по тому одушевлению, которым сплотила весь русский народ,— вот вам истинно демократическая минута в нашей жизни, которая, по необъяснимой странности, не чувствуется только нашими <...> демократами. Вообще <...> не люблю никаких партий, и всегда жил себе особняком». Сходные мысли и чувства нашли выражение в письме Майкова к А. Ф. Писемскому от 5 августа 1854 г. («Санктпетербургские ведомости», 1854, 11 августа), в котором он особо упомянул написанное в 1854 г. стих. К. Павловой «Разговор в Кремле» (Полное собрание стихотворений, М.-Л., 1964, с. 158, БП, БС), близкое по духу и смыслу его «Клермонтскому собору». Сложная и неоднозначная реакция русского общества на события Крымской войны нашла отражение в отзывах о стих. «Клермонтский собор». Так, историк и археограф академик Я. И. Бередников готов был приветствовать в Майкове «нового Тиртея» (письмо от 1854 г.— «Русский архив», 1910, № 4, с. 567) (Тиртей — древнегреческий поэт, своими песнями вдохновлявший соотечественников на воинские подвиги). «Как хорошо окончание, последние строки в вашем Клермонтском соборе! — писал Ф. М. Достоевский Майкову 18 января 1856 г.— Да! разделяю с вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1, с. 165). Н. А. Добролюбов, прочитавший стих. Майкова в списке, писал А. И. и З. В. Добролюбовым 1 марта 1854 г.: «...маленькая поэмка Майкова под названием «Клермонтский собор» — прекрасная вещь и имеющая тоже современный интерес» (Н. А. Добролюбов, т. 9,

с. 115). С осторожной (очевидно, по цензурным соображениям) критикой «Клермонтского собора» выступил А. В. Дружинин («Современник», 1854, № 4, с. 101—102, под псевдонимом «Иногородний подписчик»). В частности, «не совсем согласными с поэзиею» он считал следующие строки стих. Майкова: «За то, что мы матерьялизмом // Не расснастили разум свой, // Не наглумилися с цинизмом // Мы над бессмертною душой». Майков счел необходимым не только разъяснить свою позицию в письме в редакцию «Отечественных записок» (1854, № 5, отд. IV, с. 76—78), но и исправить первоначальный текст, исключив из него упомянутые Дружининым строки. Н. Г. Чернышевский в рецензии на сборник Майкова «1854-й год» с одобрением упомянул «Клермонтский собор» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 тт. М., 1939—1953, т. II, с. 645). Однако несколько позже он пересмотрел свое отношение к этому стих. «Майков,— писал он Н. А. Некрасову 24 сентября 1856 г.,— одинаково несвободен, о чем ни пишет,— у него все по заказу: и антологические стихотворения, и „Две судьбы", и „Клермонтский собор"» (Н. Г. Чернышевский, т. XIV, с. 314). *Людовик IX Святой* (1214—1270) — французский король, участник крестового похода. *Лучше смерть, чем срам.*— Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Лучше быть убиту, чем плененну!» (пер. Майкова). Ср. также известное обращение князя Святослава к русским воинам в 970 г.: «Мертвые сраму не имут». *С ненасытной жаждой // Бессмертья, славы и добра.*— Ср. в «Стансах» А. С. Пушкина: «В надежде славы и добра...»

Певец *(Из Шамиссо)*. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 80. Переложение стих. немецкого поэта-романтика Адельберта Шамиссо (1781—1838) «Der alte Sänger». *Я — в пустыне вопиющий.*— См. примеч. к стих. «К мисс Мери», с. 525.

Исповедь королевы (*Легенда об испанской инквизиции)*. Впервые— «Время», 1861, № 1, с. 185, с надзаг. «Легенда об испанской инквизиции», с подзаг. «Поэма, часть первая», без трех последних строф. Впервые окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 269. Героиня легенды, по-видимому, королева Кастилии и Арагона *Изабелла* (1451—1504). Она покровительствовала наукам, при ее содействии снаряжались экспедиции Колумба. В то же время под влиянием своего духовника Торквемады (ок. 1420—1498) Изабелла восстановила в Испании инквизицию. *Дон Фернандо* — Фердинанд (1452—1516), король Арагона и Кастилии, муж Изабеллы. *Резные буквы* и т. д.— Речь идет о книгопечатании, которое в Европе возникло в 40-х годах XV в. *От пути Иезавели* и т. д.— В стих. игра слов: библейскому имени Иезавель соответствует испанское «Изабелла». 30 декабря 1860 г. А. В. Никитенко сделал запись в дневнике: «Вечером читал у меня А. Н. Майков свое новое произведение: «Испанская инквизиция». Это, бесспорно, одно из лучших его стихотворений» (Дневник, т. 2, с. 168). Н. Г. Чернышевский об «Исповеди королевы» отозвался иронически (Н. Г. Чернышевский, т. VII, с. 950—951).

Ж р е ц. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 74. Печатается по первой публикации. Две авторские даты свидетельствуют, по-видимому, о существовании ранней редакции данного стих. Это подтверждается наличием чернового (под загл. «Жрец») и белового (без загл.) недатированных автографов, лишь в немногих стихах совпадающих с окончательной редакцией.

П о с л е д н и е я з ы ч н и к и. Впервые — «Русский вестник», т. 13, кн. 1, 1858, с. 207.

П р и г о в о р *(Легенда о Констанцском соборе).* Впервые — «Русское слово», 1860, № 1, с. 79, с подзаг. «Легенда об Иоанне Гусе» и датой: 1859. И. С. Тургенев назвал это стих. «прелестным» (И. С. Т у р г е н е в. Письма, т. 4, с. 7). В. Г. Короленко процитировал «Приговор» в статье «Приносятся ли вотяками человеческие жертвы?» (В. Г. К о р о л е н к о. Собр. соч. в 10 тт., М., 1953—1956, т. 9, с. 376), которая была направлена в защиту жертв судебного произвола. *Констанцский собор* — вселенский собор католической церкви (1414—1418), проходивший в городе Констанц. *Гус Иоганн* (Ян, 1371—1415) — чешский национальный герой, возглавивший борьбу народа против католической церкви, феодалов, иноземного засилья; был осужден Констанцским собором и сожжен 6 июля 1415 г. *«Да воскреснет бог»* — из псалма LXVII, ст. 2.

П о э т и ц в е т о ч н и ц а *(Гётевская элегия).* Впервые — «Русское слово», 1861, № 2, с. 100, без подзаг., с примеч. Майкова: «Форма этой пьесы и некоторые стихи и черты заимствованы из Гёте: „Der neue Pausias und sein Blumenmädchen"».

А л е к с и с и Д о р а *(Пересказ гётевской элегии).* Впервые — «Русский вестник», 1870, № 1, с. 166. Перевод стих. Гёте «Alexis und Dora».

К о н ь *(Из сербских песен).* Впервые — «Русский вестник», 1860, № 3—4, с. 393, под загл. «Сербская песня». Перевод песни «Дјевојка и коњ момачки» или песни «Будљанка дјевојка и коњ» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

П а с т у х *(Испанская легенда).* Впервые — «Будильник», 1866, № 85—86, 11 ноября, с. 338, подпись: М. *Дон Педро* — имя нескольких королей Леона и Кастилии. Один из них был прозван Жестоким (1334—1369). Возможно, в легенде к образу испанского короля присоединились черты характера короля португальского Педро Правосудного (1320—1367).

М е н е с т р е л ь *(Провансальский романс).* Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 553. Стих. представляет собой романтическую стилизацию, не связанную с поэзией трубадуров. *«Молчите, проклятые струны!»* — использовано как эпиграф к стих. А. Блока «Друзьям» (1908).

М а р и э т т а. Впервые — «Нива», 1886, № 12, 22 марта, с. 308. В стих. пересказан эпизод из жизни Гёте, отраженный в его поэзии («Kenner und Enthusiast»). Сохранился автограф майковского перевода этого стих. *Яков Петрович Полонский* — см. примеч. к циклу «Я. П. Полонскому», с. 519. *Критик твой достопочтенный.* — Имеется в виду К. К. Арсеньев (1837—1919) и его статья

«Поэты двух поколений» («Вестник Европы», 1885, № 10, с. 758), где наряду с общей положительной оценкой Полонского делаются критические замечания. *Винкельман* — см. примеч. к стих. «Всё утро в поисках, в пещерах, под землей...», с. 514).

Старый дож. Впервые — «Нива», 1888, № 17, 20 апреля, с. 426. Автограф при письме к поэту К. К. Романову от 14 января 1888 г., ранняя редакция, с датой: 1887. Дек<абря> 31). Автограф более поздней редакции с датой: 1888, 27 янв<аря> при письме к тому же адресату от 27 января 1888 г., где Майков замечает: «Мне обидно, досадно, больно и совестно, что я послал к Вам — почти в черновом виде моего Старого Дожа. Он только что теперь убрался как следует и только в этом виде может иметь счастье Вам представиться». Автограф (с разночтениями) при письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 28 января 1888 г., другой автограф в письме к ним же от 1 февраля 1888 г., поправки к тексту данного стих. в письме к сыновьям от 15 февраля 1888 г. В приведенной цитате из Пушкина Майковым допущена неточность; у Пушкина: «Ночь тиха, в небесном поле...» *Лев святого Марка* — бронзовая статуя в Венеции, герб города.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Никогда! *(Первая встреча славян с римлянами.)* Впервые — «Заря», 1870, № 3, с. 104 под загл. «Бей его!», с подзаг. «Первая встреча славян с римлянами» и с примеч. Майкова: «Пьеса эта (по-словацки «Mor'ho», т. е. «убивай его»), взятая из словацкого поэта Халупки и переданная по-русски для изготовляемого Н. В. Гербелем «Сборника славянской поэзии», была читана в торжественном заседании Славянского благотворительного комитета в С.-Петербурге 14 февраля 1870 года. Эпизод, взятый г. Халупкой за основание его рассказа, находится у Аммиана Марцелина и относится к IV веку по Р. X.» При переводе Майков исключил четыре первых, а также пятьдесят шесть завершающих стихов, тем самым значительно смягчив актуальный в то время политический радикализм подлинника. *Халупка* Само (1812—1883)— словацкий поэт-романтик. *Римский царь* — очевидно, император Юлиан (331—363 н. э.). *Меч иль мир во длани* — перефразировка евангельского текста (Матф., X, 34). *Горе побежденным* — слова, с которыми галльский вождь Бренн обратился к побежденным им римлянам (Тацит, История, V, 48, 9).

Любуша и Премысл. Впервые — «Беседа», 1871, № 4, с. 74, с подзаг. «Чешское предание» и примеч. Майкова: «Стихотворение это заимствовано из Краледворской рукописи и хроник Далемила и Козьмы Пражского». Перевод эпической песни «Любушин суд» («Libušin soud») из «Краледворской рукописи», сборника подделок под старочешскую поэзию, созданного чешским поэтом, филологом и общественным деятелем В. Ганкой. В 1843 г. рукопись была полностью издана в Праге, и Майков, живший в этом же году в Праге, завязавший знакомство с Ганкой, мог видеть не только печатное издание, но и самую рукопись, подложность которой была доказана лишь в 1880-х годах.

Сабля царя Вукашина *(Из сербских народных песен).* Впервые — «Заря», 1869, № 2, с. 1. Перевод песни «Марко краљевић познаје очину сабљу» из сборника сербских народных песен Вука Караджича. *Вукашин* — сербский король (с 1367 г.). *Марко* королевич — герой сербского эпоса, борец с турками, сын Вукашина.

Сон королевича Марка. Впервые — «Заря», 1870, № 5, с. 5. В сб. «Славянство» (1877) это стих. печаталось с двумя примеч. от редакции: 1) «Королевич Марко — любимый богатырь сербских народных былин; он имеет в сербских былинах такое значение, как в русских — Илья Муромец». 2) к строкам «Вот — Белград позорившее знамя // Спущено навек с его кремля»: «До 1870 г. в Белградской крепости (кремле) находился отряд турецкого войска; в этом году сербы настояли на том, чтобы турки были удалены из Белграда». Здесь же после ст. 64 как финал следовали строки, создание которых вызвано было, по-видимому, надеждами Майкова на освобождение части славянства от турецкого гнета в связи с начавшейся в 1877 г. русско-турецкой войной. Из примеч. редакции в первой публикации следует, что впервые стих. было прочитано на вечере в пользу Славянского благотворительного комитета 1 апреля 1870 г. Источник перевода не установлен. Следует предположить, что это оригинальное стих. Майкова. *Марко* — см. выше примеч. к стих. «Сабля царя Вукашина». *Орлы Екатерины* — государственные деятели и полководцы периода царствования Екатерины II: П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов, А. Г. Орлов-Чесменский и др. Восходит к стих. Г. Р. Державина «На кончину графа Орлова». *Бьет врага Георгий или Милош.*— Георгий (Карагеоргий, 1768—1817) — руководитель Первого сербского восстания 1804—1813 гг. против Турции. Милош Обренович (1780—1860) — сербский князь, участник Первого и руководитель Второго сербского восстания 1815 г. против Турции.

Радойца *(Из сербских песен).* Впервые — «Огонек», 1879, № 7, с. 147, под загл. «О славном гайдуке Радойце», с подзаг. «(Далматинское сказание)». Перевод песни «Мали Радојица» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Большая часть стихотворений настоящего раздела была впервые напечатана в «Русском вестнике», 1861, № 1, под общим заглавием «Мотивы из народной поэзии нынешних греков» с примеч. Майкова: «„Мотивами из народной поэзии нынешних греков" я назвал предлагаемое собрание стихотворений потому, что было бы не совсем верно назвать их переводами, по крайней мере некоторые из них <...> Для избежания всяких нареканий я откровенно сознаюсь, что более старался передать поэтический характер новогреческих песен, общее впечатление, жертвуя буквальною точностью; в выборе своем руководствовался какою-нибудь поэтическою чертою, имеющею общее значение, напр<имер>, старался сохранить эту любовь к жизни и чувство красоты природы, и

именно природы Греции. <...>, к созданию некоторых пиес мне подали повод рассеянные там и здесь черты, часто два стиха или даже один стих какой-нибудь песни...»

В архивном предисловии Майков, выражая благодарность Г. С. Дестунису, которому «обязан знакомством с языком и миром Новой Греции», ссылается на его свидетельство о том, что «местный колорит и общий поэтический строй новогреческой народной поэзии сохранен в этом сборнике».

Двадцать шесть песен были опубликованы в Новых стихотворениях (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864. Несколько других печатались в периодике («Подснежник», «Современник», «Модный магазин» и др.).

Создание цикла новогреческих песен связано с участием Майкова в морской экспедиции корвета «Баян» на Архипелаг в 1858—1859 гг., участвовать в которой он, как и другие писатели (Гончаров, Григорович, Максимов, Писемский), был приглашен, «дабы интересные экспедиции Морск. Мин. не проходили даром для литературы» (Майков, автобиография). Готовясь к предстоящему путешествию, поэт брал уроки новогреческого языка, тщательно изучал новогреческую историю и культуру. Но корвет в Грецию не попал; «результатом <...> обучения новогреч<ескому> языку <...> был перевод и подражания Новогреческих песен» (Там же).

Мать и дети. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Этой песни нет ни в одном сборнике. Я слышал ее в 1858 году на острове Милосе; к сожалению, не записал, и по памяти передаю теперь ее содержание».

«Ласточка примчалась...» Впервые — «Подснежник», 1858, № 2, с. 6 под загл. «Ласточка», подзаг. «(Народная новогреческая песня)», с примеч. Майкова: *«Белым морем* нынешние греки называют Архипелаг».

Двустишия. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Тихо море голубое!..». Впервые — «Модный магазин», 1862, № 9, с. 197, под загл. «Из новогреческой антологии». Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 135.

Поцелуй. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Все собиратели полагают, что эта песня сложена где-нибудь на островах Архипелага; Марцеллус прямо указывал на Парос, Мустоксиди — на Корфу».

«Светлый праздник будет скоро...» Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»). *Светлый праздник.*— Речь идет о Пасхе и о христианском обычае трехкратного целования.

«Словно ангел белый, у окна над морем...» Впервые — «Современник», 1858, № 3, с. 253 в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 134.

«Меж тремя морями башня...» Впервые — «Современник», 1858, № 3, с. 254 в подборке «Новогреческие песни».

Старый муж. *Что лимоны, груди поднялись.*— «Обыкновенно встречаемое в новогреческих песнях сравнение» (примеч. Майкова в первой публикации («Русский вестник»). Там же приводится греческий текст).

Молодая жена. Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 247, 29 ноября, с. 367, без загл., в подборке «Новогреческие песни».

Певец. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Птички-ласточки, летите...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни».

Олимп и Киссав. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Это одна из самых известных новогреческих песен. Киссав — это древняя Осса. Олимп собственно турки никогда не могли покорить; это было единственное прибежище свободы греков; в его ущельях гнездились клефты и вели вечную войну с турками. Во всех сборниках, однако, она приводится в другом виде, как и перевели ее по-немецки Гёте и по-русски Берг. Но в сборнике Томазео <...> изложена она в этой редакции, которая показалась мне гораздо целостнее и выдержаннее, что и соблазнило меня передать ее по-русски».

Голос из могилы. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Размер большей части новогреческих песен. Последний стих этой песни находится только у Томазео». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 144.

Пленник. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 146.

Гадание. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 148. *Египтянка* — здесь цыганка.

Цавелиха. *Али-паша* (ок. 1744—1822) — турецкий наместник в Албании, в 1803 г. покорил сулиотов.

«Победу клефты празднуют, пируют капитаны...». Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 416, под загл. «Новогреческая песня». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 513.

Плач паргиотов. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Сорок клефтов на зимовки...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 133.

Чужбина. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Образчик мириологов, то есть причитаний, которых так много в новогреческих песнях. В приведенном здесь веет как будто античный дух, несмотря на всю странность первой половины пиесы».

Борьба со Смертью. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Понятия греков о смерти представляют странную смесь древних и средневековых понятий. Смерть называется Хароном, но она — скелет средневековый; ад — древний тартар и элизиум, где заключенные тени мечтают о живом мире; там скачет смерть на коне; туда залетают птицы,— древность и средние века. Духовнохристианское начало, очевидно, не восторжествовало над пластическими представлениями греков». *«У меня жена есть молодая!»* и т. д.— В первой публикации примеч. Майкова: «В подлиннике о жене он выражается так: «У меня жена есть молодая! // Как она останется вдовою? // Засмеют ее, засудят люди: // Скоро ль выйдет — скажут, мужа хочет. // Тихо ль выйдет — скажут, мужа ищет». То есть на людей не угодишь, идешь ли тихо, идешь ли скоро, все истолкуют как-нибудь обидно».

Ад. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Что горы потемнели?..» Впервые — «Современник», 1858, № 3, с. 253, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 277.

«Приволье на горах родных — приволье в темных долах...» Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 2, с. 221.

«В темном аде, под землею...» Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Опустели наши села...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по первой публикации.

«Показалась звезда на востоке...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 247, 29 ноября, с. 367, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 134.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

Дух века. Впервые — «Финский вестник», 1845, т. 1, с. 1. Стих. представляет собой одну из многочисленных в европейских литературах вариаций, порожденных средневековой немецкой легендой о *Фаусте* — ученом, вступившем в сношение с дьяволом Мефистофелем ради знаний, богатства и мирских наслаждений, и трагедией Гёте «Фауст». В. Г. Белинский назвал «Дух века» в числе весьма немногих «счастливых вдохновений таланта», появившихся в 1845 г. (В. Г. Белинский, т. IX, с. 392). *Готфрид* Бульонский (ок. 1060—1100) — французский герцог, один из предводителей Первого крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства. Васко *де Гама* (1469—1524) — португальский мореплаватель, проложивший морской путь из Европы в Южную Азию. *Кук* Д. (1728—1779) — английский мореплаватель. *Ченслор* Р. (Ченслер, ум. 1556) — английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России и Англии, оставил описание сво-

его пребывания в России. *Гамбс* — фамилия известных петербургских мебельных мастеров (XVIII—XIX вв.).

Барышне. Впервые — «Современник», 1847, № 4, с. 467. В беловом автографе полного текста и в черновых набросках после ст. 284 следует ст., замененный во всех публикациях строкой точек: «В чулках, при шпаге и в ливрее». Его отсутствие в печатном тексте объясняется, вероятно, или прямым цензурным вмешательством, или автоцензурой. В середине 1850-х годов, отрицательно отзываясь о многих своих произведениях, написанных десятилетием ранее, Майков заметил: «Но посреди всего, что тогда я писал, и что, увы! тогда нравилось (а теперь меня бесит), прошла незамеченная одна пьеса, которая верна правде,— «Барышне». Ее не заметили, а напрасно. А лучше она других, потому что и написана была в огорчении. Был я влюблен тогда не в барышню; когда она находилась с барышнями, сии последние оказывали ей пренебрежение, тогда как я построил ей в воображении моем великую будущность примадонны. Я, взбесившись, и написал барышням — «барышню», чтоб показать, что́ они. Той же девице, в которую я был влюблен, предсто́яла жизнь, исполненная лишений и борьбы, такая жизнь, которая должна была или ее погубить, или вывести победительницей из борьбы, с развитым сердцем, знанием тягости жизни. Вышло последнее — и слава богу» (Ежегодник, 1975, с. 85). Речь идет, по-видимому, об А. И. Штеммер, ставшей в 1853 г. женой Майкова.

Дурочка *(Идиллия)*. Впервые — «Отечественные записки», 1854, № 1, с. 6, под загл. «Дурочка Дуня», без подзаг. Настроение и в какой-то степени тема данного стих. напоминают стих П. А. Катенина «Дура. Идиллия», впервые опубликованное в изд.: «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 232. Возможен общий источник, установить который не удалось. «...Майков написал небольшую поэму «Дуня-дурочка»,— сообщал Н. А. Некрасов И. С. Тургеневу 17 ноября 1853 г.,— это решительно лучше всего, что он писал» (Н. А. Некрасов, т. 10, с. 199). В 1860 г. в рецензии Н. А. Добролюбова это стих. оценивается уже по-иному — как дань моде изображать сцены «простого быта» (Н. А. Добролюбов, т. 6, с. 50).

Рыбная ловля. Впервые — «Отечественные записки», 1856, № 3, с. 287, с подзаг. «Поэма», в посвящ. отсутствует имя А. И. Халанского. Посвящено лицам, для которых рыбная ловля, как и для самого Майкова, была «благородной страстью» и даже предметом переписки. *Сергею Тимофеевичу Аксакову* (1791—1859) принадлежат «Записки об уженье рыбы» (1847); он посвятил Майкову стих. «17 октября» (1857) — о рыбной ловле. Н. Ф. Щербина свое стих. «Уженье» (1854) после появления «Рыбной ловли» печатал с посвящ. Майкову. Ему посвящено и стих. Я. П. Полонского «Рыбак» (вольный перевод из Гёте). М. Н. Островский, брат драматурга, на юбилейном обеде в честь А. Н. Майкова 30 апреля 1888 г. вспоминал об А. Н. Островском: «Я никогда не забуду, с каким восторгом он читал ваше стихотворение «Рыбная ловля», посвященное и ему в числе многих других любителей рыбной ловли, помню, с каким умилением он повторял те места вашей поэмы, где вашею художественною, но трезвою

кистью рисуются картины нашей природы» («Русский вестник», 1888, № 6, с. 302). Майков писал о своем увлечении не только в частной переписке (см. его письмо к А. Ф. Писемскому от 5 августа 1854 г. в «Санктпетербургских ведомостях», 1854, 11 августа). Н. А. Некрасов в 1856 г. отозвался о «Рыбной ловле» как о стих. «превосходном» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 393). Д. С. Мережковский, считавший, что современная тема в целом Майкову не дается, писал: «Несомненно лучшая из современных поэм Майкова „Рыбная ловля"» (в его сб. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, СПб., 1893, с. 128).

Три правды. Впервые — «Народная беседа», 1862, № 1, с. 69. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 265, с исправлением опечатки в ст. 28 (было: «посадишь») по всем последующим изданиям. По словам В. Н. Перетца (1870—1935), сказка восходит к повести о Варлааме и Иосафе, известной в Древней Руси. Известны также списки повести, относящиеся к XVII — XVIII вв., в частности, такой список («Притча о славии») находился в собрании историка Н. И. Костомарова (1817—1885). В. Н. Перетц предполагал, что Майков мог узнать об этой рукописи от своего брата историка литературы Л. Н. Майкова (см.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и засл. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, ч. 2, М., 1908, с. 823—827). Следует добавить, что сам Майков был знаком с Костомаровым. В мае 1862 г. они совершили совместную поездку в Новгород, во время которой осматривали старинные храмы, знакомились со старопечатными книгами и т. п. (Н. Барсуков. Воспоминания о Н. И. Костомарове и А. Н. Майкове, СПб., 1898, с. 8 и далее).

Картинка (*После манифеста 19 февраля 1861 г.*). Впервые — «Русский вестник», 1861, № 9, с. 299. Стих. Майкова, отражающее либерально-дворянскую реакцию на отмену крепостного права, неоднократно перепечатывалось в сборниках и хрестоматиях, выходивших в дореволюционной России. Вместе с тем оно было встречено единодушно отрицательной оценкой демократической прессы (см. пародию П. Шумахера «Кто она? (В pendant к «Картинке» Майкова)» — Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955, с. 883, БП, БС; рецензию М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1864 (М. Е. Салтыков-Щедрин, т. 5, с. 434—435).

Поля. Впервые — «Время», 1862, № 1, с. 103, с подзаг. «Отрывок из неоконченной поэмы». В начале 1860-х годов стих. пользовалось успехом. Майков «декламировал превосходно... Без «Полей» не обходилось ни одно литературное чтение, и стоило Майкову появиться на эстраде и прочесть что-либо другое, как из публики начинали раздаваться требования: «Поля! Поля»! — что подало повод одному из сатирических журналов изобразить Майкова пред многочисленной аудиторией, с ужасом повторяющего вместе с нею свой стих.: „А там поля, опять поля!"» (А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях, Л., 1965, с. 136—137). Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что даже это стих., скромный либерализм которого вызывал насмешки демократической печати, подвергалось цензурным преследованиям. Сохранился бело-

вой автограф стих. под загл. «Отрывок из стихотворения „Поля"» — с цензурной правкой: ст. 59—102 вычеркнуты красным карандашом цензора. Ст. 13—24 в автографе отсутствуют. После ст. 12— зачеркнута никогда не публиковавшаяся строфа:

И знаю я: им нет конца!
И тот, кто, дни свои губя,
В натуге сил, в поту лица —
Трудился здесь не для себя.

Наброски этих ст. в разных редакциях (одна из них: «Кто ж в мире выше был тебя, // Народ, что здесь, в поту лица, // Прожил, трудясь не для себя?») записаны в нескольких черновых тетрадях Майкова. О прохождении данного стих. через цензуру и авторской трактовке его Майков сообщал в письме к Е. П. Ковалевскому от 6 декабря 1861 г. (Ежегодник, 1975, с. 111—112). Агент III отделения, присутствовавший на чтении «Полей» (в искаженном цензурной правкой виде) на вечере в пользу Литературного фонда 29 декабря 1861 г., докладывал: «Стихотворение это произвело фурор и глубокое впечатление и служит предметом всеобщего разговора. Все видят в этой картине изображение России и впадают в какую-то невыразимую тоску. Неизвестно, было ли оно процензуровано» (Ежегодник, 1975, с. 112).

Бабушка и внучек. Впервые — «Время», 1861, № 5, с. 235. Поскольку в черновой тетради — автограф среди стих. 1857 г., не исключено, что стих. косвенно связано со смертью Николая I, к которому Майков относился весьма противоречиво и в разные годы по-разному (см. примеч. к стих. <«Коляска»>, т. 2).

Упраздненный монастырь. Впервые — Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 8, с подзаг. «Глава из поэмы „Поля"». Упоминается в письме Майкова к соредактору «Русского вестника» П. М. Любимову от 9 января 1864 г. под загл. «Монастырь» (ЦГАЛИ). *И жил пустынным житием* — т. е. в отшельничестве. *Царь Иван* — Иван Грозный (1530—1584). *Тяжелый млат ковал тебя.*— Ср. в поэме А. С. Пушкина «Полтава»: «Так тяжкий млат, // Дробя стекло, кует булат». Позднее Майков иначе характеризовал деятельность Ивана Грозного (см. стих. «У гроба Грозного» и примеч., с. 554).

Песни. Впервые — «Искусства», 1860, № 1, с. 12. Печатается по тексту первой публикации. *Пел о Страшном он Суде, // Пел о Злом и Добром Муже.*— Имеются в виду «духовные стихи» — нравоучительный жанр древнерусской народной поэзии. Распевались каликами перехожими, бродячими сказителями.

Два беса. Впервые — «Русский вестник», 1877, № 5, с. 256 с подзаг. «Баллада». В первой публикации ст. 109, по-видимому, в автоцензурной редакции: «Подписанный начальством просвещенным». *Все заповеди* и т. д.— Имеются в виду этические нормы, которые, согласно библейской легенде, бог заповедал еврейскому народу через Моисея: не убий (шестая), не прелюбодействуй (седьмая), не пожелай дома ближнего твоего (десятая) и др. Все десять заповедей были высечены на *скрижалях* (Исход, XX, 1—

17). Я. К. Грот писал П. А. Плетневу 13 декабря 1865 г.: «...он читал мне новую, очень оригинальную поэму свою „Два беса"». (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, Пб., 1896, с. 716.)

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

Емшан. Впервые — «Гражданин», 1875, № 1, с. 16, с посв. В. А. Чембулатовой. *Волынская летопись* (точнее: галицко-волынская) содержит описание событий с начала XIII в. до 1292 г., отличается светскостью, поэтическим колоритом.

В Городце в 1263 году. Впервые — «Семейные вечера», 1878, № 12, с. 141. *Князь Александр* — Александр Невский (1220—1263), умер как и его *отец* Ярослав Всеволодович (1191—1246), возвращаясь на родину после переговоров в Золотой Орде. *Князь Михаил* — Михаил Всеволодович, князь Черниговский, в 1246 г. убит в Орде за отказ соблюдать местные обычаи. *Чрез огнь я прошел.* — Речь идет о монгольском обычае очищения от злых умыслов, для чего надо пройти горящий костер. *Биргер Я.* (ум. 1266)—шведский воевода, был ранен Александром Невским копьем в лицо во время Невской битвы. *Памятен им пооттаявший лед!..* — Имеется в виду Ледовое побоище (1242). *Всё лишь вконец претерпевый — спасен!..* — Восходит к тексту Евангелия (Матф., X, 22). *Видит он: облитый словно лучом золотым* и т. д.— При Петре I (*кормчий*) в 1724 г. мощи Александра Невского были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург (в Александро-Невскую лавру). *«Наше солнце зашло!»* — слова митрополита Кирилла, возвестившего о смерти князя (приводятся Майковым близко к тексту, по-видимому, по псковской второй летописи).

У гроба Грозного. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 5, с. 116, с эпиграфами: «Как тогда (в Ветхом Завете) вместо креста потребно было обрезание, так и вам вместо царского владения потребно самовольство. Тщуся с усердием людей на истину и свет наставить, да познают единого истинного бога, в Троице славимого, и от бога им данного государя, а от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, которыми царство растлевается» (Письмо Иоанна к кн. Курбскому); «На христианский же род (свой народ) никаких мучительных сосудов (орудий) не умышляем; но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати» (Там же); «Сей Государь (Иоанн IV) мой предшественник и образец, но я с ним еще не мог сравняться» (Слова Петра В. см. Штелина 1801. Москва, ч. II, с. 93—95)». *Грозный* — Иван IV Васильевич (1530—1584), первый русский царь (с 1547). Апология Грозного в стих. Майкова встретила неодобрительное отношение поэта и философа Вл. Соловьева. См.: Письма В. С. Соловьева, т. 3, СПб., 1911, с. 9 и пародию на стих. (В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, Л., 1974, с. 171, БП, БС). В своей статье о Майкове, напечатанной еще при жизни поэта, Соловьев, специально останавливаясь на стих. «У гроба Грозного», писал: «Нельзя, конечно, заподозрить гуманного поэта в сочувствии злодеяниям Ивана IV, но они вовсе не останавливают его прославле-

ния, и в конце он готов даже считать их только за „шип подземной боярской клеветы и злобы иноземной"» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). *Княгиня-мать* — Елена Глинская (ум. 1538), по некоторым свидетельствам, была отравлена. *Шуйские* — русский княжеский род, представители которого играли видную роль в Московском государстве в XV—XVI вв. Во время малолетства Ивана IV заняли руководящее положение, но в дальнейшем были отстранены от власти. *Бельский* Б. Я. (ум. 1610) — князь, приближенный Ивана IV, противник Годунова, участник авантюры Лжедмитрия. *Мстиславский* И. Ф. (ум. 1586) — князь, полководец. Был обвинен царем в измене после того, как ему не удалось защитить Москву от вторжения войск крымского хана. *Курбский* А. М. (1528—1583) — князь, близкий сподвижник Ивана IV. Опасаясь опалы, бежал в Литву, откуда писал царю письма, обвиняя его в неоправданной жестокости. Иван Грозный, в свою очередь, обвинял Курбского в сепаратистских устремлениях и в ненависти к царице Анастасии.

Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне. Впервые — «Русский вестник», 1868, № 2, с. 554. В черновом автографе трех последних строф вместо зачеркнутой последней строфы:

Ладно, братцы! щи вам с кашей!..
Ну-ко, птенчик, наливай!
Поживи сперва ты с наше —
Да тогда и рассуждай.

Стих. было прочитано Майковым 3 февраля 1868 г. на литературном вечере в память столетия со дня рождения И. А. Крылова. Ф. М. Достоевский советовал Майкову сделать стих. «эпизодом в *целой поэме* из того времени» (Достоевский. Письма, т. 2, с. 80). *Софья Алексеевна* (1657—1704) — дочь царя Алексея Михайловича, правительница государства при малолетних Иване V и Петре I. В 1689 г. была низложена Петром I, заключена в монастырь, затем пострижена в монахини. Раскола она не поддержала. *Никоньянские попы.* — Никон (1605—1681) — патриарх русской православной церкви. Его церковные реформы привели к религиозному расколу. Раскольники не признавали Никона, его вероучение объявляли «ложью». *Аки римская блудница // На драконе восседя* — из сочинения А. Денисова (см. примеч. к поэме «Странник», т. 2). Майков, по-видимому, цитирует по книге С. Максимова «Рассказы из истории старообрядства» (СПб., 1861, с. 55).

Кто он? Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 138 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 139. Входило в дореволюционные хрестоматии для народного чтения и неоднократно исполнялось на публичных чтениях для народа. *Всадник* — царь Петр I (1672—1725). Майков высоко оценивал его деятельность. Так, 7 марта 1868 г. он писал Ф. М. Достоевскому: «Мы все будем гордиться Петром, простив ему кое-что...» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 2, с. 416). Позднее, в 1880 г., о том же он писал жене: «...признаю гений Петра и необходимость его реформ...» («Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 508).

См. также стих. «Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края», эпиграмму «Петру Великому».

Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края. Впервые — «Гражданин», 1874, № 43, с. 1078, без загл., в статье «Сказание о Петре Великом». Поэтическое переложение «рассказа» VII из опубликованных известным фольклористом Е. В. Барсовым записей «Петр Великий в народных преданиях Северного края» («Беседа», 1872, № 5, с. 306—307). В журнальной публикации сопровождалось обширной вступительной заметкой и примеч. Майкова. Другой вариант предисловия сохранился в архиве поэта.

Ломоносов. Впервые — «Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова...», СПб., 1865, и «Русский инвалид», 1865, № 75 (др. ред.). Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 84. Стих. было прочтено 7 апреля 1865 г. на обеде в память 100-летия со дня смерти *Михаила Васильевича Ломоносова* (1711—1765). Майков был одним из инициаторов и организаторов Ломоносовского юбилея 1865 г. и принадлежал к тем общественным кругам, которым удалось придать юбилею Ломоносова официозный характер. В этом духе Майков высказался в заметке «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова» («Сын отечества», 1865, 31 марта, № 77, с. 607—610) и в комментируемом стих. (в особенности в первой редакции, прочтенной на юбилейном обеде). «Стихи хороши,— писал А. В. Никитенко,— только сильно направлены против немцев» (Дневник, т. 2, с. 503). «Немцефобный» характер стих. Майкова был отмечен министром внутренних дел П. А. Валуевым (Дневник П. А. Валуева, т. 2, М., 1961, с. 34). Демократический лагерь отмежевался от юбилейных торжеств и к юбилейным выступлениям Майкова отнесся отрицательно. Текст стих., прочитанный на юбилейном обеде, был опубликован в искаженном цензурой виде. Впервые доцензурную редакцию обнародовал проф. И. А. Шляпкин в журн. «Русский библиофил», 1911, № 7, с. 109. В недатированном письме к М. Н. Каткову (ГБЛ), говоря о предполагаемой публикации стих. в «Русском вестнике» (публикация не обнаружена), Майков писал: «Стихотворение переделано во многих местах, почему прошу печатать с этого последнего оригинала, а прежний порвать <текст стих. отсутствует — *сост.*>. Желательно бы мне было, чтобы пьеса была напечатана и в «М<осковских> ведомостях» и в „<Русском> вестнике"». В набросках статьи, посвященной откликам на ломоносовский юбилей, Майков писал, что торжества имели целью «сознательно почтить память великого праотца самостоятельности русской мысли, первого, который дал русскому уму веру в себя». *«О чем мы плачем? Что мы стонем?* и т. д.— Переложение начальных фраз сказанного Феофаном Прокоповичем (1681—1736) «Слова на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого <...> 1725, марта 8 дня»: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» (Феофан Прокопович. Сочинения, М.-Л., 1961, с. 126). *Он—кормчий был* и т. д.—Ср. в стих. А. С. Пушкина «Моя родословная»: «Сей шкипер был тот шкипер

славный». *Мономах* — великий князь Киевский Владимир Всеволодович (1053—1125), по преданию, получил от императора Византии знаки царского достоинства: венец и б а р м ы. *Курляндский конюх.*— Имеется в виду Э.-И. Бирон (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, которая дала ему титул герцога. Недоброжелатели Бирона утверждали, что его дед был конюхом Курляндского герцога. *Елизавета Петровна* (1709—1761) — российская императрица, дочь Петра I. *Екатерина* II (1729—1796)— российская императрица, которую Ломоносов воспел в ряде своих од. *Орлы Екатерины* — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка», с. 547. В письме к О. Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 г. Майков особо подчеркнул значение Ломоносова для «века Екатерины»: «...первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания. Независимо от писаний своих стал сам для своих питомцев <...> чем-то столь великим, таким явным воплощением могущества русского духа, что им самим они гордились, и гордились тем, что и сами его плоть и кровь» (Ежегодник, 1978, с. 180).

М е н у э т (*Рассказ старого бригадира*). Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 427, без подзаг. *Армидины сады.*— Армида, героиня эпической поэмы итальянского поэта Т. Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», восточная волшебница, очаровавшая героя поэмы рыцаря Ринальда. *Государыня* — Екатерина II. *Граф Орлов-Чесменский, Суворов, Князь Таврический* — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка», с. 547.

С к а з а н и е о 1812 г о д е. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 20.

М. Н. К а т к о в у. 1. «М ы — м о с к в и ч и! Ч т о д е л а т ь, м и л ы й д р у г!..» Впервые — «Нива», 1870, № 1, с. 1, вне цикла, под загл. «В альбом...», с подзаг. «(Экспромт)» и датой: 1867 2. «Ч т о м о ж е т м и р у д а т ь В о с т о к?..». Впервые — «Русский вестник», 1887, № 7, с. 364 (том посвящен памяти М. Н. Каткова), под загл. «In oriente lux», с посвящ. М. Н. Каткову. Беловой автограф под загл. «Oriente lux», вне цикла, ст. I имеет вариант: «Что может Риму дать восток?..» *Михаил Никифорович Катков* (1818—1887) — русский журналист и публицист, редактор газеты «Московские ведомости», владелец и редактор «Русского вестника» (с 1856 г.). В 1850-е годы придерживался умеренно либеральных взглядов, в 1860-х годах перешел на реакционные позиции. Майков сотрудничал в журнале Каткова и, хотя и с некоторыми оговорками, выражал согласие с его позицией (см. письмо Майкова к жене от 19 июня 1880 г.— «Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 508). *Ермоген* (Гермоген, ок. 1530—1612) — патриарх, церковный и политический деятель, во время нашествия поляков был ими заточен в монастырь, а затем уморен голодом в тюрьме. «*Что может миру дать Восток*» и т. д.— Ср. программное стих. Вл. Соловьева «Ex oriente lux» (1890). Ср. также стих. Я. П. Полонского «Откуда?»: «Мне как поэту дела нет, // Откуда будет свет, лишь был бы это свет...», 1871. Ср. в трагедии «Два мира» (ст. 209—214) и четверостишие Майкова, записанное там же, где и черновой автограф данного стих.:

С востока, о смертный, жди чуда,
С востока спасение нам,
И звезды восходят оттуда,
И солнце рождается там.

См. также примеч. к стих. «Ex tenebris lux», с. 539.

Ф. И. Тютчеву. Впервые — «В память Ф. М. Достоевского», СПб., 1881, с. 12. Стих. было прочитано Майковым на торжественном общем собрании С.-Петербургского благотворительного общества 14 февраля 1881 г. Беловой правленый автограф с подзаг. «(В 1865 году в альбом)». Другой автограф — в тексте одной из допечатных редакций «трагедии в октавах» «Княжна ***», посвященной памяти Ф. И. Тютчева, под загл. «Вместо Пролога», с подзаг. «Стихи, ему написанные в 1869 г.». Во всех печатных изданиях имеет дату: 1874. Однако стих., по-видимому, написано при жизни Тютчева, то есть не позднее 15 июля 1873 г. «...Знакомство с Ф. И. Тютчевым,— писал Майков в 1887 г. своему сослуживцу и биографу М. Л. Златковскому,— окончательно поставило меня на ноги, дало высокие точки зрения на жизнь и мир, Россию и ее судьбы в прошлом, настоящем и будущем...» (М. Л. Златковский. Аполлон Николаевич Майков, СПб., 1888, с. 41). В архиве Майкова сохранилось недатированное стих. «Ф. И. Тютчев»:

Есть чудный старец между нас:
Всегда — хотя на миг вас встретит —
Он что-нибудь в душе у вас
Своею мыслию осветит.

Майков редактировал собрание стихов поэта в издании 1886 года. *Поймите лишь* и т. д. — По воспоминаниям Майкова, Ф. М. Достоевский по поводу этих строк «воскликнул: „Да, да, поймите лишь! именно, именно, только бы поняли! Да нет, не поймут!..“» («В память Ф. М. Достоевского», с. 13).

Завет старины. Впервые — «Русский вестник», 1878, № 11, с. 430, под загл., «Молитва». 6 января 1879 г. Майков спрашивал А. А. Майкова: «По сердцу ли тебе пришлась моя «Молитва» в «Русском вестнике»? Я счастлив от двух последних стихов <...> Ведь это то, что искала Русь православная, в особенности наша, великороссийская» (ГПБ). Получив ответ А. А. Майкова, он писал: «Удивился я твоим словам, что в моих стихах «Молитва» нашел ты или предполагал во мне нечто политическое. Политики в поэзии я не терплю. Поэзия партий для меня не существует» (ГПБ).

Суд предков. Впервые — «Русский вестник», 1880, № 8, с. 885, без посвящ., под загл. «Пора». В черновом автографе текст русского эпиграфа более распространенный: «Попы увели народ в Унию, попы и назад приведут. <*далее зачеркнуто:* Наука увела интеллигенцию на запад, наука и возвратит ее на русскую почву>. (Наука <у> нас обезличила интеллигенцию, она же ее и обрусит.) Из одной диссертации». *Константин Кон-*

стантинович Случевский (1837—1904) — русский поэт и прозаик; посвятил памяти Майкова поэму «Ларчик». Ему принадлежит также стих. «А. Н. Майкову». В архиве Майкова сохранилось стих. «Случевскому» (6 декабря 1878). Стих. «Суд предков» соотносится с поэмой Случевского «Призрак». Первый эпиграф — неточная цитата из стих. французского поэта Антуана-Венсана Арно (1766—1834) «La feuille» («Листок»).

ЮБИЛЕИ

Юбилей Шекспира. Впервые — «Эпоха», 1864, № 3, с. 494, под загл. «Шекспир», с подзаг. «Читано на его трехсотлетнем юбилее 23 апреля». Инициатива проведения юбилея, принадлежавшая русской художественной интеллигенции, натолкнулась на сопротивление властей, и юбилейные торжества приобрели, таким образом, неофициальный характер (см.: Шекспир и русская культура, М.-Л., 1965, с. 410—413).

Крылов. Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 429, под загл. «У памятника Крылова» (др. ред.). Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 89. Стих. впервые прочитано Майковым 3 февраля 1868 г. на литературном вечере в память столетия со дня рождения И. А. Крылова. Памятник Крылову работы скульптора П. К. Клодта в 1855 г. был установлен в Петербурге в Летнем саду. Цоколь памятника украшен горельефными изображениями различных животных, персонажей басен Крылова. *Вот — побасенками старик потешил вас* и т. д.— Ср. рассуждение о «побасенках» в «Театральном разъезде» Н. В. Гоголя (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1937—1952, т. 5, с. 170—171).

Карамзин. Впервые — «Русский вестник», 1867, № 2, с. 501, с подзаг. «(Неоконченное стихотворение)». Подзаголовок свидетельствует о достоверности дневниковой записи Я. К. Грота (7 декабря 1866 г.) о том, что Майков, «приготовивший стихи по поводу юбилея» Карамзина, состоявшегося 1 декабря 1866 г., решил их не читать, поскольку они «не совсем нравились не только посторонним, но и ему самому» (Ежегодник, 1978, с. 172). *Николай Михайлович Карамзин* (1766—1826) — русский писатель-сентименталист, публицист, историк, автор многотомной «Истории государства Российского» (1816 — закончена печатанием 1829). Историческая концепция Карамзина стала официальной концепцией русского дворянского государства. *Михаил Петрович Погодин* (1800—1875) — русский писатель, публицист, историк официального направления; ему принадлежит биографический свод «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников» (ч. 1—2, М., 1866). На юбилейных торжествах 1866 г. Погодин произнес речь «О Карамзине как о человеке и гражданине». В недатированном наброске статьи о Погодине Майков писал: «Россия — в ее прошедшем, настоящем и будущем, со всеми людьми, в ней живущими, без исключения какого-либо сословия, какого-либо проявления в ней человеческого духа, Россия как она создалась веками в силу своих исторических судеб — вот тот бог, на служение которому он с юности посвятил

свои силы». *В соборы ль древние с гробницами царей, Первосвятителей.*— Русские цари и патриархи погребались в Архангельском и Успенском соборах, в церквах Рождества и Благовещенья. *Иван Великий* — колокольня, построенная на территории Кремля в 1505—1508 гг. *Храм святого Спаса* — древнейший собор Кремля, был заложен в 1330 г. на месте обветшалой деревянной церкви. *Князь* — Иван I Калита (ум. 1340). *Святитель* — митрополит Петр (ум. 1326); он перевел из Владимира в Москву престол митрополита «всея Руси». *Ломали без следа // Святыни старины.*— Речь идет о реконструкции Кремля, сделанной в середине XVIII в. по проекту архитектора В. Растрелли. *Здание, что строил Годунов* — Кремлевские царские палаты. *Романов* Михаил Федорович (1596—1645) — основатель царской династии в России. 21 февраля 1613 г. всероссийским собором из представителей дворян, духовенства, купцов и служилого казачества был избран на престол в Успенском соборе. Здание Успенского собора, вопреки утверждению Майкова, серьезным переделкам не подвергалось. См.: Книга об избрании на царство Великого государя, царя и вел. князя Михаила Федоровича, М., 1856, с. III—IV. *Сердечный этот вопль в пустыне б прозвучал.*— См. примеч. к стих. «К мисс Мери», с. 525. *Давно уж Франция купалася в крови.*— Речь идет о французской буржуазно-демократической революции XVIII в. *Кто набожно вздыхал по чуждом короле...*— то есть Людовике XVI (1754—1793), казненном во время революции. *Кто бредил равенством и братством на земле.*— Свобода, равенство, братство — официальный девиз революции XVIII в. *Новый Цезарь.*— Имеется в виду Наполеон I (1769—1821). *Священный союз* — союз европейских монархов, заключенный после крушения империи Наполеона I для борьбы с национально-освободительным и революционным движением в Европе. Акт Священного союза, подписанный в 1815 г., был облечен в религиозно-мистическую форму. *Иль пахотных солдат.*— Имеются в виду военные поселения, созданные по инициативе А. А. Аракчеева (1769—1834), в которых военная служба совмещалась с сельскохозяйственными работами и где царила палочная дисциплина.

Жуковский. Впервые — «Русский вестник», 1883, № 1, с. 384, под загл. «К юбилею Жуковского 29 января 1883», с редакционным примеч. под строкой: «Ко дню 29 января, сотой годовщины рождения Жуковского, мы получили это стихотворение А. Н. Майкова для напечатания в „Моск<овских> вед<омостях>". Спешим поместить его одновременно и в „Русском вестнике"». Стих. было прочтено Майковым 30 января 1883 г. на торжественном собрании Второго отделения Академии наук. Незадолго до смерти Жуковский через посредство П. А. Плетнева (см. примеч. к стих. «П. А. Плетневу», с. 519) познакомился с ранними поэтическими опытами Майкова. «Благодарю вас за доставление стихов Майкова,— писал Жуковский Плетневу,— я прочитал их с величайшим удовольствием. Майков имеет истинный поэтический талант; я не читал его других произведений; слышу, что он еще молод; следовательно, перед ним может лежать еще долгий путь. Дай бог ему понять свое назначение, дай бог ему приобресть взгляд на жизнь с высокой точки, то есть быть тем

поэтом, о котором я говорю в моем письме к Гоголю, и избежать того эпикуреизма, который заразил поэтов и осквернил поэзию нашего времени» (П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. 3, СПб., 1885, с. 716—717). *По манию жезла его повсюду...*— Речь идет о переводческой деятельности Жуковского, в частности поэмах «Наль и Дамаянти» (из «Махабхараты», индийского эпоса, начало формирования которого относится ко 2-й пол. 2 тыс. до н. э.) и «Рустем и Зораб» (переложение основанной на сказаниях Древней Персии поэмы Фирдоуси). *К горящему меня привел он граду...*— т. е. Москве. Имеются в виду строки из стих. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812). *Тот был — кроткий сердцем...*— Имеется в виду Александр II, в правление которого произошла отмена крепостного права. Жуковский был воспитателем будущего царя.

Пушкину. Впервые — «Нива», 1880, № 25, 21 июня, с. 503, под загл. «Стихи, прочтенные на Пушкинском обеде в Москве, 6 июня». Написано ко дню открытия в Москве памятника А. С. Пушкину и прочитано Майковым 6 июня 1880 г. в Москве и в тот же день — на «литературном утре» в Петербурге «за отсутствием поэта — проф. Незеленовым» («Венок на памятник Пушкину...», СПб., 1880, с. 69). «Это широкая река светлых вод,— писал Майков о Пушкине,— текущих по возвышенной стране и вдруг разбившихся в низменности на множество ручьев и речек — один из этих ручейков и во мне — и вся забота в том, чтоб сохранить чистоту доставшейся струи» (набросок благодарственного письма по случаю приглашения на Пушкинский праздник, без даты, адресат не указан). На обороте листа, на котором записано данное стих.,— стих. «Люблю его — не баловнем Лицея...». В наброске речи, предназначавшейся, по-видимому, для произнесения на своем юбилее, Майков писал: «У нас <...> величайший поэт и писатель — Пушкин. Я думаю, что я его верно характеризую, если скажу: он строго служил искусству и твердо знал, «что чувства добрые он лирой пробуждал», лирой — т. е. этим строгим жречеством своей музе». *Уж тебя честит и славит // Всяк народ и всяк язык.*— Ср. стих. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Я. П. Полонскому (*Читано на его пятидесятилетнем юбилее 10 апреля 1887 г.*). Впервые — «Новое время», 12 (24) апреля 1887, с. 2. *Яков Петрович Полонский* — см. примеч. к циклу «Я. П. Полонскому», с. 519. *Три мальчика* — Полонский, Фет (см. следующее примеч.), Майков. *Полустолетье ж наших муз.*— Пятидесятилетие литературной деятельности Полонского отмечалось в 1887 г., Фета — в 1889 г., Майкова — в 1888 г. *...Поэтический, наш верный, // Наш добрый тройственный союз!* — Ср. в стих. В. К. Кюхельбекера «Царское Село»: «...Наш тройственный союз, // Союз младых певцов и чистый и священный...»

А. А. Фету (*В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.*). Впервые — «Русский вестник», 1889, № 2, с. 233. *Афанасий Афанасьевич Фет* (1820—1892) — русский поэт; литературная критика того времени объединяла его с Майковым и Я. П. Полонским (см. примеч. к циклу «Я. П. Полонскому», с. 519)

в «триаде 40-х годов». В письме к А. А. Фету (конец января — начало февраля 1889 г.) Майков подчеркнул: «Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Но вот ты и бросался, и это-то меня всегда пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю» (Ежегодник, 1978, с. 204). «29 января 1889 г. Фет сообщил Майкову, что его и Я. П. Полонского послания, обращенные к Фету, похвалил Л. Н. Толстой» (Там же, с. 205). Фет обратился к Майкову с двумя поздравительными посланиями («На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года», 11 марта 1888, и «На юбилей А. Н. Майкова», 7 марта 1888).

А. Г. Рубинштейну. Впервые — «Газета Гатцука», М., 1886, 22 февраля, с. 110, без загл. При первой публикации сопровождалось примеч. редакции: «Стихотворение А. Майкова об игре Рубинштейна, вошедшее в альбом, поднесенный последнему 14 февр. в Петербурге». В сезоне 1885—1886 гг. Рубинштейн дал в Западной Европе и в России цикл исторических концертов, доставивших ему триумфальную славу. Нередко после выступления публика вручала пианисту подарки, альбомы, поэты читали посвященные ему стихи. Альбом, поднесенный Рубинштейну 14 февраля 1886 г., хранится в ГПБ.

А. П. Милюкову *(По поводу моего 50-летнего юбилея 1888 г. апр. 30.)* Впервые — «Нива», 1890, 14 апреля, № 15, с. 394, под загл. «А. П. М.....ву», без подзаг., с датой: 1888, 5 мая Дата эта условная. из письма Майкова к сыновьям от 10 декабря 1888 г. известно, что стих. написано после стих. «Мани — факел — фарес» (см. примеч., с. 539), т. е. после октября 1888 г. Отправив в данном письме «проект послания» к Милюкову, Майков в письме от 15 декабря сообщает поправки к нему, а в письме от 18 декабря говорит, что отдал стих. А. Ф. Марксу, т. е. для «Нивы». В письме к сыновьям от 6 мая 1893 г. по поводу подготовки своего. Полн. собр. соч. 1893 г. Майков заметил: «Я знаю себе цену: я — переходная эпоха. Что сказано в «Пустыннике» <см. это стих., с. 246.— *Л. Г.*> — это мое самоопределение, а то, что сказано в конце послания к Милюкову, именно, что жду с развитием силы всякой силы — России <...> появится поэт с *новым* действительно словом, может быть с новым метром, новым стихом <...> — то это моя глубокая искренняя вера». *Александр Петрович Милюков* (1817—1897) — писатель, критик, историк литературы, товарищ Майкова по университету, автор критических работ о нем. *Не унесет поток времен.*— Восходит к стих. Г. Р. Державина «Река времен в своем стремленьи...»

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Впервые полностью — «Заря», 1870, № 1, с. 82. В одном из многочисленных автографов запись: «Еще с 1844 года, когда я принялся за изучение русской старины и за «Слово о полку Иго-

реве» <...> запала во мне и первая мысль о переводе Слова». В журнальной публикации и собраниях сочинений Майкова перевод «Слова» сопровождался обширными вступительными замечаниями и подробным комментарием, которые в настоящем издании опущены. В одном из вариантов предисловия Майков так охарактеризовал переведенный им памятник: «Несмотря на семь веков, отделяющих нас от его певца,— он чрезвычайно близок к нынешней нашей литературе. Его поэма точно зародыш, таящий в себе все лучшие качества последней. В этих образах князей Остромысла Галицкого, от престола которого грозы текут по землям, Всеволода Суздальского, что «мог бы Волгу веслами раскропити, а Дон шеломами вылити», Романа, что в замыслах возносится широко, что Сокол ширяяся на ветрах, высматривая добычу,— слышится что-то родственное державинским изображениям Екатерининских орлов. В описании битв тоже. Во всем же здоровом тоне поэмы, в этом кованом языке, на который древность наложила какую-то свою особую, вековую печать, в этой поэзии действительности — как бы чувствуется пушкинская стройность, определенность, сдержанность и меткость выражений. Далее эти описания природы, эта жизнь степи, в ее мрачном виде, вся эта прелестная идиллия бегства Игоря, эти «дятлы тёктом путь к реке казуют», вся речь Игоря к Донцу — как он лелеял князя на серебряных берегах своих,— во всем этом таится как бы зародыш лучших страниц Тургенева <...> [а этот сарказм, полный любви, не ожил ли в Гоголе?] Чувствуется, несмотря на перерыв многих веков, один и тот же гений в творчестве русских людей тогда и ныне...»

3 ноября 1867 г., задолго до окончания своего переводческого труда, Майков писал Ф. М. Достоевскому: «Я все перечитываю бездну книг для Сл<ова> о полку Игореве, пишу введение к нему, хочется, чтобы было хорошо, т. е. не срамно со стороны научной... Вообще мне хочется, чтоб это был мой маленький monumentum, приношение мое на „алтарь отечества"» («Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», сб. 2, Л.-М., 1924, с. 343). Возможно, что тогда же в одном из черновых автографов предисловия, написанного в форме письма к сыну, появился эпиграф: «„Отцы и братие! не позазрите худоумию моему и грубости. Да не будет в посмеяние написание сие" (Из старинной рукописи)». Майков не только изучал научную литературу, посвященную «Слову», а также другим произведениям древнего эпоса, русского и иноземного, но и пользовался советами ученых: И. И. Срезневского, М. А. Максимовича, А. Ф. Гильфердинга, М. С. Прахова и др. (Подробнее о работе Майкова над переводом «Слова о полку Игореве» см. статью И. Г. Ямпольского в кн.: Труды отдела древнерусской литературы, XXXI. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы, Л., 1976, с. 334—340). Посылая свой перевод Максимовичу, Майков писал 20 февраля 1870 г.: «Четыре года посвятил я этому труду, и наконец явился он в печати... Мне все казалося, что я исполняю как будто какой-то долг, и потому обязан исполнить его строго и свято, сил не жалеючи» («Русский филологический вестник», 1908, № 3, с. 188—189). Первые чтения переведенных отрывков

«Слова» состоялись, по-видимому, в 1867 г. 13 октября этого года А. В. Никитенко записал: «А. Н. Майков читал у меня свой перевод «Слова о полку Игоря». Это прекрасный труд» (Дневник, т. 3, с. 101). 22 января 1868 г. И. А. Гончаров заметил в письме к И. С. Тургеневу: «Перевод талантливый, поэтичный, так что поэма сделается популярной книгой, а не археологической загадкой. Он отлично воспользовался старым языком: как-то сумел в этот старый мех влить нового вина, что и мог сделать только талант, художник, а не ученый» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома, Пб., 1923, с. 60). Высокая оценка переводческой работы Майкова характерна для подавляющего большинства отзывов о ней. Вместе с тем И. И. Срезневский ставил Майкову в упрек то, что некоторые места подлинника переведены слишком свободно (см.: Памяти И. И. Срезневского, кн. 1, Пг., 1916, с. 249). Д. С. Мережковский расценивал майковский перевод как «искусное, иногда художественное *переодевание* его классической музы, а не *перевоплощение...*» (в его кн: О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, СПб., 1893, с. 126). «...Поэт слишком сгладил в «Слове» его лиризм,— писал И. Ф. Анненский,— черта, характерная для самого Майкова» («Русская школа», 1898, № 2, с. 51). В предисловии к современному авторитетному изданию древнерусского текста «Слова» и его переводов работа Майкова рассматривается как «последний действительно значительный перевод, сделанный большим поэтом в дореволюционное время» (Слово о полку Игореве, Л., 1967, с. 84, БП, БС).

Л. Гейро

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

ОЧЕРКИ РИМА

ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ

ФАНТАЗИИ

КАМЕИ

ПОСЛАНИЯ

НА ВОЛЕ

ИЗ ДНЕВНИКА

ДОЧЕРИ

ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ
(МИСС МЕРИ)

1858—1859

EXCELSIOR

АКВАРЕЛИ
(1885—1890)

АЛЬБОМ АНТИНОЯ

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «АДРИАН и АНТИНОЙ»

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

НАБРОСКИ

О ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!

ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА

КАРТИНЫ

ВЕКА И НАРОДЫ

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

ЮБИЛЕИ

Аполлон Николаевич МАЙКОВ

Сочинения
в двух томах

Том I

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 801

Сдано в набор 1.04.—26.09.84. Подписано к печати 10.11.84. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,77. Уч.-изд. л. 29,34. Усл. кр.-отт. 31,61. Тираж 700 000 экз. Изд. № 2673. Заказ № 2888.
Цена 2 р. 60 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 70688